

Михаил БЕЙЛИН

МОИ ВСТРЕЧИ В ШАХМАТНОМ КОРОЛЕВСТВЕ

*Ботвинник, Эйве, Керес, Смыслов,
Таль, Петросян, Спасский, Фишер,
Карпов, Каспаров, Майзелис,
Верлинский, Левенфиш,
Романовский, Панов,
Флор, Толуш, Котов,
Кобленц, Чукаев,
Болеславский,*

*Симагин,
Фурман,
Авербах,
Бронштейн, Геллер,
Тайманов, Корчной,
Штейн, Гуфельд,
Эстрин.*

Т Е Р Р А - С П О Р Т
Олимпия **PRESS**

Михаил Абрамович
БЕЙЛИН

МОИ ВСТРЕЧИ
В ШАХМАТНОМ
КОРОЛЕВСТВЕ

Т Е Р Р А С П О Р Т

Олимпия **PRESS**

Москва 2003

ББК 75.581

Бейлин М.А.

Мои встречи в шахматном королевстве. — М.: Terra-Спорт, 2003. — 356с., портр., с илл.

ISBN 5-931-27-233-X

Новая книга известного шахматного журналиста, мастера, международного арбитра и заслуженного тренера России — это прежде всего воспоминания человека, много лет проработавшего в Отделе шахмат Спорткомитета СССР и Федерации шахмат СССР. На его глазах проходила шахматная жизнь страны и он был непосредственным участником этой жизни.

Для широкого круга любителей шахмат и истории этой игры.

ББК 75.581

ISBN 5-931-27-233-X

© М.А.Бейлин, 2003
© Terra-Спорт, 2003

М. Бейлин, 1971 г.

*Посвящаю Елене, моей половине,
с благодарностью за дорогу
длиною более полувека,
что дружно прошли вместе.*

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Эти строчки я пишу в последнем году столетия. В XX веке население планеты стремительно росло, возрастала роль образования, множились ряды шахматистов. Увеличивалась скорость поездов, автомобилей. Авиация сблизила страны и континенты. Шахматные соревнования, в том числе международные, стали проводиться непрерывно. Газеты, радио, телевидение сделали шахматы популярными. Тысячи людей овладели шахматным мастерством.

В расцвете шахмат советская шахматная школа сыграла выдающуюся роль. Во второй половине века она была «впереди планеты всей», как поется в песне.

СССР ушел с исторической сцены, и объявились интеллектуалы, возгласившие, что советской школы вовсе не было. Спорить на тему «что есть школа?» — пустая трата времени. Просто им противно стало слово «советская».

Я родился в 1921 году, в детстве познакомился с шахматами и позднее смог наблюдать активных участников истории шахмат XX века и, в некотором роде, сам в ней участвовать.

Шахматные контакты длятся десятилетиями. Мне посчастливилось познакомиться со многими талантливыми шахматистами, в основном советскими. Играл с ними в турнирах, общался по шахматной работе. О некоторых иногда публиковал статьи, заметки. И решил написать эту книгу.

В книге три части. Первая — «Гиганты и спутники». Три с лишним десятка портретов гигантов и их спутников. Вторая — заметки о моих коллегам, приятелях, друзьях. В основном мастерах. Они жили, играли и ушли из жизни в XX веке. Третья — «Приятные воспоминания». Две дюжины моих партий. Быть может, это нескромно, зато дает преимущество перед некоторыми коллегами, теми, что пишут хорошо, но печатных партий не сыграли. Герои моих заметок — талантливые люди. Они творили красоту в шахматном искусстве. Некоторые и продолжают. За это заслуживают благодарности. Ведь в красоте сверканье истины, как сказал в прошлом один мыслитель.

Из-за «мозаичного» плана книги я не избежал повторов. Надеюсь, что не буду строго судим.

I. Гиганты и спутники

*«Талант — природный дар,
дарования человека
и способность к чему.»*

В. Даль «Толковый словарь»

Шахматы появились в незапамятную старину и распространились по всему миру. Более пяти веков существует шахматная литература. Многие интеллектуальные лидеры высоко ценили шахматы. В XX веке шахматы расцвели благодаря ускоряющемуся техническому прогрессу. Спортивные и творческие достижения сильнейших шахматистов привлекли внимание широких кругов. Долгое время существовала уверенность, что найти верный путь в безбрежном океане шахматных вариантов способен лишь человеческий мозг, притом незаурядный. Ныне компьютеры играют в человеческую игру. Пока они хорошо помогают шахматистам анализировать, экономят время для подготовки к соревнованиям и т.д.

Что будет в XXI веке? Как говорят шахматные комментаторы, возможны варианты.

Так или иначе, XX век, без сомнения, золотой в истории шахмат.

Завершив свои заметки о героях книги, я должен был решить, в каком порядке их представлять. Ясно, что впереди чемпионы мира. Однако включил в этот ряд Пауля Кереса. Надеюсь, что за вольность не буду строго судим. Как располагать гроссмейстеров и их спутников далее? Если по силе, по успехам, то хлопот не оберешься. По алфавиту? Как-то несерьезно. Расположил по старшинству. Впереди те, кто раньше родился.

Каждую заметку (если хотите, портрет, силуэт), заключает партия героя. У одного это красивейшая комбинация, у другого — последняя партия в жизни и т.п. Просто штрих к портрету.

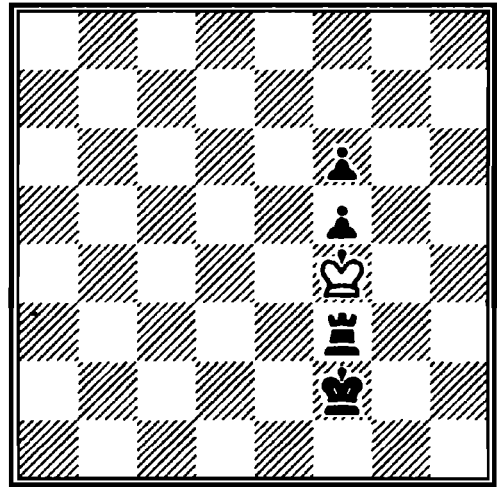
Перед некоторыми заметками, написанными давно, — «прелюдии». Они родились сейчас.

БОТВИННИК

Прелюдия

За долгие годы обитания в шахматном королевстве я, естественно, познакомился со многими его подданными. Судьба преподнесла драгоценный подарок — знакомство с удивительным человеком, Михаилом Моисеевичем Ботвинником.

Однажды, когда я был рядовым юным шахматистом, Михаил Моисеевич не отказался посмотреть мою отложенную позицию. Я не видел плана выигрыша. Михаил Моисеевич сразу показал маршрут для моего черного короля в тыл противника. Там в варианте решала занятая угроза мата.

Случилось это в Москве, в Доме журналистов.

В годы моей работы в издательстве «Физкультура и спорт» и в Спорткомитете СССР, в основном по шахматной линии, мы общались довольно часто. Обычно контакты бывали приятными, но случались и напряженные моменты. У меня сложилось представление, что если Михаил Моисеевич убежден в правоте своей позиции, то он не склонен искать компромисс, конфликтность ситуации его не смущает.

В 1987 году мы познакомились основательнее. Михаил Моисеевич пригласил меня сопровождать его в поездке по Германии, тогда еще ФРГ. Выбор пал на меня, пожалуй, случайно. Михаил Моисеевич хотел, чтобы его сопровождал мастер, способный объясняться по-немецки.

Еще до школы я стал ходить в так называемую группу. Эту самую группу, а их было даже две — старшая и младшая — вели сестры Варвара Николаевна и Мария Николаевна. Вели у себя дома, в Скатертном переулке. Учить они умели. Ученики еще до школы усваивали таблицу умножения, склонения и спряжения, начатки естествознания и немецкого языка.

Они были достойными женщинами — Варвара Николаевна, Мария Николаевна и третья сестра, Елена Николаевна, которая вела домашнее хозяйство, чтобы старшие сестры имели время сеять разумное, доброе и так далее. Так сестры боролись за существование в условиях исторического, как говорил Остап Бендер, материализма. Пойдя в школу, я еще некоторое время брал уроки немецкого у Варвары Николаевны. Жаль, что рано прекратил. В этом нехстати меня поддержал отец. Он в свое время отслужил в царской армии, достиг высокого для еврея звания ефрейтора, а позднее участвовал в мировой войне и к немецкому языку относился весьма прохладно.

Ботвинник ошибку моей юности не судил строго, и позже я сопровождал его в поездках во Францию, Югославию и дважды в Бельгию. Встречаться мы стали чаще, по телефону общались регулярно. Темы бесед расширялись. Я получил от Михаила Моисеевича немало добрых советов.

Позволю себе привести один эпизод. В перестроечный период попал я в больницу для весьма серьезной хирургической операции. В это время реформировалась Шахматная федерация. Михаил Моисеевич принял участие в разработке нового Устава. Как-то он пообщался со мной по этой теме. И только.

И вот лежу я на больничной койке, ко мне подходит врач и спрашивает, тот ли я самый Бейлин, о котором в газете «Советский спорт» напечатано, что он вместе с Ботвинником и академиком Абалкиным подготовили проект нового Устава Федерации.

Я по телефону спросил Михаила Моисеевича, зачем он меня упомянул. Он ответил, чтобы врачи были повнимательнее.

Во время наших совместных путешествий Михаил Моисеевич давал сеансы, читал лекции, общался с прессой и неизменно заботился об оснащении своей лаборатории, разрабатывавшей шахматную программу.

Приятно вспомнить, как тепло принимали Ботвинника его друзья: гроссмейстер Лотар Шмид в Германии, обладатель привлекательного атакующего стиля, внешности и манер и великолепной шахматной библиотеки, гроссмейстер Александр Матанович в Югославии, создатель «Информатора», профессор Бессел Кок в Бельгии, блестящий организатор и искренний любитель шахмат. А также много других добрых и искренних друзей.

Есть у Ботвинника, разумеется, кое-какие критики. Особенно в последние годы, и чаще смелые молодые люди. Говорят, что он дитя тоталитарной эпохи, «сталинист» и т.п. Интересно, кто из этих критиков в достопамятные суровые годы отказался бы, как Ботвинник, подписать модные тогда письма, разоблачающие «врагов» и в поддержку «друзей»? А Ботвинник отработал железную формулу: коллективных писем не подписываю. И точка. Факт общеизвестный.

Также общеизвестно, что компетентные товарищи завели на него толстое дело. С воспитательной, конечно, целью.

Хочу привести один факт, коему оказался свидетелем.

В 1969 году Ботвинника пригласили на турнир в Голландию. Власть выезд не разрешила, хотя Ботвинник много лет был председателем Общества дружбы СССР — Нидерланды. Тогда Ботвинник пишет письмо в Голландию и передает его через меня Максу Эйве, который был в это время в Москве. Письмо было открытым, и я оставил себе копию на память. Вот текст письма:

«Г-н Маккай, в связи с тем фактом, что Советская шахматная федерация не разрешает мне выбирать соревнования, в которых я

хотел бы принять участие, я решил полностью оставить шахматную деятельность. Я выражаю Вам мою благодарность за Ваше очень любезное приглашение принять участие в юбилейном турнире Вашего общества, но сейчас, естественно, не могу воспользоваться Вашим приглашением. С наилучшими пожеланиями, бывший шахматист М. Ботвинник.»

Я передал письмо. Доктор Эйве, как мне показалось, был растерян. Все, однако, скоро утряслось, и доктор с явным удовольствием вернул мне письмо для передачи автору.

Мне довелось написать два материала о М.М. Ботвиннике. Один к его восьмидесятилетию, напечатанный в «64», другой после его кончины, напечатанный в журнале «Шахматы в России».

Вокруг солнца 80 раз*

Интервью по случаю восьмидесятилетия М.М. Ботвинника кажется совершенно необходимым на страницах «64». Для интервью существует классический план: сели за стол, вопрос — ответ, вопрос — ответ. Четко, как дебют четырех коней, где сперва выводят коней, затем слонов и так далее. Однако есть на свете и так называемые «кривые» дебюты. Например, орангутанга. Так что если не слишком перспективна классическая схема, то не надо огорчаться. Выход из затруднительного положения подсказывает анекдот. (К слову, я делю анекдоты на простые и инструктивные, которые могут подсказать решение разных житейских проблем.)

Итак, один ковбой удивительно быстро считал количество голов в любом стаде. Его спросили, как он это делает.

— Очень просто, — ответил ковбой. — Считаю все ноги и делю на четыре.

Этой комбинационной идеей я решил воспользоваться. А почему — скажу, но в конце.

Я задавал вопросы не только Михаилу Моисеевичу Ботвиннику, но и себе самому. Такая форма уходит корнями в глубину веков.

Все чемпионы мира наделены чертами яркими, индивидуальными. Что же делает роль М.М. Ботвинника в истории шахмат уникальной?

* «64-ШО», 8/91.

Прежде всего рекордно продолжительный период действия М.М. Ботвинника в мире шахмат. Он стал мастером в 1927 году, 64 года назад! Между прочим, шахматное число.

Второе — исключительная продуктивность. В области шахмат это множество турниров, матчей, статей, анализов, комментариев, книг, наконец. Он создал комплексную систему подготовки к шахматным соревнованиям, включающую подготовку теоретическую, практическую, физическую, психологическую, а также отработал режим, обеспечивающий выполнение этой системы. Огромную продуктивность в области шахмат М.М. Ботвинник сочетает с большой научной работой и делает это успешно с юных лет.

Каким выглядит режим Ботвинника? Как он его соблюдает?

На первый взгляд режим крайне прост. Все делается в отведенное время, но строго, без отступлений. Для обыкновенного человека такая строгость вскоре начинает казаться жестокой.

Один талантливый и остроумный гроссмейстер как-то сказал: «Не нужны мне его успехи, и не нужен мне его режим». А Михаила Моисеевича такая безвариантность не гнетет. За любую работу, задачу он берется без раскачки (можно фигурально сказать, что стартер работает идеально), сохраняет завидную трудоспособность и, как правило, прекрасное настроение.

В режим входит обязательная физзарядка, не такая уж напряженная, но непременно, достаточный сон (глубокий, между прочим), нормальное рациональное питание (с аппетитом, но без излишеств), общение с друзьями и работа, работа и еще раз работа. Все очень просто, похоже на метод упомянутого ковбоя.

В чем же секрет такого режима?

Секрета нет. Дело в регулярности на протяжении десятков лет и в полном отсутствии поблажек самому себе (отметим, кстати, что он не видит оснований для поблажек и другим, если на них лежат обязательства). Отсюда высокая степень надежности М.М. Ботвинника.

Один ответственный сотрудник Госкомспорта СССР довольно давно, когда вдруг увеличилось число аварий в гражданской авиации (об этом много говорили и писали), сказал, что если бы во главе Аэрофлота стоял Ботвинник, то аварий бы не было. Не допустил бы, и все тут. И по сей день утверждает, что не шутил.

Известно, что Михаил Моисеевич имел много учеников, вел школу, занимался с А. Карповым, Г. Каспаровым и другими. Почему при

большой нагрузке он уделяет немало времени тренерско-педагогической работе?

Вероятно, потому, что, несмотря на строгость своего характера, он от природы человек незамкнутый, открытый. К тому же обладает чутьем на талант и владеет искусством зажечь у одаренного ученика интерес к исследованию. Он не склонен делать тайну из своих идей. Конечно, речь не идет о подготовленных «боевых» дебютных новинках (такие в прошлом таились в его арсенале) или записанных при откладывании партии ходах. Тут уж все было совершенно секретно. Что же касается анализа своих сыгранных партий, то М.М. Ботвинник всегда убедительно утверждал, что публикация анализов, вызывающая огонь критики, — необходимое условие для совершенствования. Его идеал не шахматист-игрок, а шахматист-исследователь.

Может создаться впечатление, что М.М. Ботвинник наделен железной нервной системой, абсолютным хладнокровием?

Кажется, это не так. Нервы у него человеческие, а не железные. Он не флегматичен и остро реагирует, может вспыхнуть, повысить голос, вступить в конфликт. Наблюдательные коллеги заметили, что во время игры, если ход ее Михаилу Моисеевичу не нравился, это можно было понять по отдельным штрихам. К примеру, он начинал поправлять галстук.

Однажды молодой мастер во время партии с М.М. Ботвинником сказал опытнейшему И.Л. Рабиновичу, что он будто бы достиг преимущества. Илья Леонтьевич ответил, что это видно. Молодой мастер попытался было что-то сообщить о позиции, но Илья Леонтьевич перебил его, сказав, что на позицию он и не смотрел, а вот уши у Ботвинника покраснели. Молодой мастер растерянно спросил, что же надо делать, чтобы выиграть. «Вот это очень трудно! — ответил Илья Леонтьевич. — Для этого надо заставить Ботвинника хрустеть ушами».

М.М. Ботвинник всегда был общественно активным. Его неутомимая деятельность во многом способствовала авторитету советской шахматной школы в стране и мире. Почему он не претендовал на роли президента в ФИДЕ, в Шахматной федерации страны?

Действительно, по характеру и практической деятельности Михаил Моисеевич лидер. Юношей он стал сильнейшим мастером в Ленинграде, в двадцать лет — во всем Союзе и затем неуклонно пробивался к заветной цели — лаврам чемпиона мира. А вот занять

председательское место или играть почетную роль не стремился никогда, более того, часто избегал. За дело, которое он считал правым, Михаил Моисеевич всегда готов был идти на бой. Он вступал в конфликты с президентами ФИДЕ Ф. Рогардом и М. Эйве (который, кстати, был его другом), если речь шла о правилах борьбы за титул чемпиона мира — и не только в своих интересах, с руководством Спорткомитета страны или руководителями любого ранга, если считал, что ущемляются интересы шахмат и шахматистов. Немало энергии он потратил на то, чтобы правительство страны дало шахматистам прекрасное здание клуба на Гоголевском бульваре в Москве. Вступал в конфликты и с коллегами, но интересы шахмат всегда ставил выше личных отношений.

Правда, цели удавалось достичь не всегда. Однажды встал вопрос о необходимости пристроить к шахматному клубу турнирный зал. После устной разведки ситуация созрела для составления бумаги. А какой документ может вызвать больший интерес, чем подписанный сразу четырьмя чемпионами мира? Мне, тогда сравнительно молодому начальнику отдела шахмат, сказали, что чемпионы вместе не подпишут. У них какие-то сложности. Но ведь можно расположить подписи не колонкой, сверху вниз, а одной строкой, по алфавиту, под ними титулы. Сделали так — и без проблем. Бумага имела успех, но... быстро сказка сказывается, да долго дело делается. Ныне в ЦШК уже построили ресторан, в соседнем флигеле сооружают помещение для знаменитого еженедельника, а турнирного зала нет. Проект, правда, есть. Для истории. Что поделаешь, как любит говорить гроссмейстер М. Тайманов, «не каждый день суп с клецками».

В 1970 году, когда высокое и осторожное начальство порекомендовало Спорткомитету не ввязываться в матч сборной СССР против сборной остального мира, незванный визит М. Ботвинника, Т. Петросяна, В. Смыслова и Б. Спасского, тогдашнего чемпиона мира, к председателю комитета С.П. Павлову решил дело. Председатель спросил: «А как вы сыграете?» Чемпионы ответили лаконично и уверенно: «Выиграем!»

Действительно, выиграли, но в трудной борьбе и с перевесом в одно очко. Шахматные федерации и официальные лица разных стран поздравляли, а в своем Отечестве победу оценили более чем скромно, как само собой разумеющуюся. Не исключено, что в какой-то мере из-за строптивного характера старейшего чемпиона

и его молодых преемников. Решительные и активные демарши Михаила Моисеевича частенько встречали отпор. Однако он не уклонялся от роли центрального нападающего. В трудные минуты он иногда давал мне такой совет: «Валите все на меня. Скажите, что Ботвинник... (такой-сякой. — М.Б.)». Вероятно, М.М. Ботвинника больше устраивает роль лидера неформального. Когда-то популярный спортивный радиокomentатор Вадим Синявский, знаток спорта и искренний любитель шахмат, друживший со многими известными шахматистами, полусуто сказал о Ботвиннике: «Патриарх». И никто Синявского не опровергал, приняли всерьез. Между прочим, неформальному лидеру проще конфликтовать даже со своими товарищами, а президенту это как-то не с руки.

Какие бывали «схватки боевые» с коллегами?

Перед Олимпиадой 1952 года в Хельсинки в команде СССР разразился конфликт. От М.М. Ботвинника потребовали гарантий, что он на первой доске займет первое место: дескать, он не в форме, важен престиж и т.д. Гарантий Михаил Моисеевич, естественно, не дал. Соорудили «референдум», и в команду Ботвинника не включили. После Олимпиады, в конце того же года, игрался чемпионат СССР. Тут уж «голосование» устроил М.М. Ботвинник. Трое проголосовавших «против» проиграли, один с трудом сделал ничью. Также сыграл вничью и воздержавшийся И. Болеславский. Михаил Моисеевич разделил первое-второе места и выиграл матч за золотую медаль.

Михаил Моисеевич! А тогда, в чемпионате, Вы помнили результаты голосования? Не мешало ли Вам состояние конфликта играть?

М.М. Ботвинник: А что было делать? Мне немало в жизни «пакостили», а играть все равно было надо. Не бросать же шахматы из-за этого.

С сильными мира шахмат и за его пределами Михаил Моисеевич довольно строг, а как он строит взаимоотношения с людьми незнакомыми?

Быть может, от природы или же от воспитания, а скорее благодаря комбинации того и другого Михаил Моисеевич к людям внимателен, демократичен. Это проявляется в мелочах, но когда наблюдаешь не год и не два и видишь, что он неизменно приветлив, не забывает имени собеседника, когда уместно — скажет комплимент, пошутит, подбодрит, если более молодой товарищ норовит

подсобить ему — поднести чемодан либо сделать что-то в этом духе, — он непременно сопротивляется, то понимаешь, что это вошло в его натуру. Так же как и желание обслужить себя самому, оказать внимание гостю, неожиданно угостить кого-нибудь вне дома конфеткой.

Восточная мудрость гласит, что человек познается в путешествии, в дороге. Мне посчастливилось немало путешествовать с Михаилом Моисеевичем и могу засвидетельствовать, что дорожные неудобства он переносит без раздражения, с юмором. Хорошее настроение поддержит и удовольствие получит от случайного незамысловатого «ужина туриста» — чая с медом и куска черного бородинского хлеба с сыром.

Однажды я немножко пострадал из-за воспитанности Михаила Моисеевича. Дело было в Москве, мы собирались на дачу. Сидим в машине и разговариваем. Из-за угла появляется моя дражайшая половина. Она с работы, из своего института, мы ее ждали. В одной руке у нее, как у научного сотрудника, портфель, в другой, как у нормальной москвички, авоська с продуктами. Запомнились два кочана капусты. Михаил Моисеевич немедленно вышел из машины, открыл дверцу, помог. А я, хотя и был всегда большим любителем молниеносной игры, как-то замешкался. После того как мы расстались с Михаилом Моисеевичем, моя супруга прочитала мне коротенькую, но содержательную лекцию на тему, кто я и кто он и как мне надо себя вести. Я неуверенно защищался, ссылаясь на петербургское воспитание Михаила Моисеевича.

Михаил Моисеевич однажды рассказал, что он у себя на даче что-то чинил в водопроводном колодце. Одет был, разумеется, соответственно занятию. Подошел сосед, который его не знал в лицо, и попросил потом зайти починить его водопровод. Михаил Моисеевич не пообещал. Вскоре «заказчик» встретил его и другого соседа, который знал Ботвинника и потому представил Михаила Моисеевича «заказчику», ошибочно принявшему гротесктера за слесаря. Известный, надо сказать, политик несколько смутился.

Не раз писали о подчеркнутой аккуратности, даже педантичности Ботвинника. Помогает ли ему эта черта?

Вероятно, помогает. Действительно, он аккуратен, это относится и к почерку, и к правилам гигиены. Ко всему. Мало того, он стремится к порядку, к системе, борется против хаотичности.

Это проявляется и в том, что в житейских вопросах он руководствуется осознанным опытом, полученными знаниями и стереотипными на этой основе решениями. Знания его в практических вопросах тверды и на удивление обширны. Будь то в медицине, в строительстве, в бытовой технике. Я как-то заметил, что за доской у Михаила Моисеевича тоже нередко проявляются твердые пристрастия — он недолго раздумывал и брал сразу пешку, если противник, играющий белыми, двигал ее в варианте дракона на h5. Между прочим, это экономия шахматного времени.

М.М. Ботвинник обладает интеллектом, знаниями, воспитал волю, боевой дух, трудолюбие, создал систему подготовки и режим. Все это в пределах возможностей способного человека, почему же его высот не достигают многие?

Вероятно, не хватает пустячка. Когда-то мастер Я.Г. Рохлин вспоминал, что он писал статью о мастерстве Ботвинника (Михаил Моисеевич моложе его на шесть лет). Автор упоминал все перечисленные положительные моменты, однако Михаил Моисеевич, улыбаясь, добавил, что не надо забывать и про талант.

Внешний облик Ботвинника полярен «кудеснику комбинаций, гипнотизеру...» Скромные манеры, одежда, аккуратность во всем подсказывают вывод шаблонный и ошибочный: трудяга, дескать, исполнитель. А то, что Михаил Моисеевич поразительно анализирует позицию не глядя на доску, не для эффекта, а по-настоящему глубоко, осталось в тени даже для журналистов. И получается, что талант его отлично замаскирован. Это иногда уменьшало осторожность его противников. Хотя чаще соперники Ботвинника бывали предельно бдительны.

Вспоминается такой эпизод из XII чемпионата СССР (Москва, 1940). На доигрывании неоконченных партий предстояло окончание встречи Дубинина с Ботвинником. Дубинин стоял несколько предпочтительнее. Демонстраторы на турнире были молоды, но среди них было немало будущих мастеров и даже два будущих гроссмейстера. Они заблаговременно расставляли позиции на игровых столиках. Петр Васильевич Дубинин был сильным мастером, общительным и очень симпатичным человеком. Большого роста, мощный, белокурый. Настоящий волжский богатырь из Нижнего Новгорода. Он пришел заранее, и демонстраторы, конечно, заинтересовались, как можно оценить отложенную позицию. Дубинин ответил, что стоит заметно лучше и будет играть на

выигрыш. Подбадривая себя, он риторически вопрошал: «А что Ботвинник? А что Ботвинник?»

Началось доигрывание. Через считанные минуты М.М. Ботвинник корректно предлагает ничью. Без всяких колебаний Петр Васильевич, могучий и храбрый человек, протягивает руку. И с облегчением широко улыбается.

Как несет Михаил Моисеевич бремя широчайшей известности, ведь его имя на слуху у людей так много лет?

Несет совершенно невозмутимо, хотя, разумеется, знает, что его узнают и помнят. Сочетание «Ботвинник — шахматы» неизменно в нашем быстроменяющемся мире от начала века до его последнего десятилетия. Я, конечно, понимал, что его знают почти все, но позволю себе вспомнить один эпизод, показавшийся мне эталонным.

В конце дня и рабочей недели, в пятницу, ко мне в Шахматную федерацию как-то зашел М.М. Ботвинник и сказал, что ему, вероятно, нужно срочно делать укол. Оказалось, что на даче его собака погрызлась с собакой соседа (крупные звери, между прочим). Михаил Моисеевич выступил в роли арбитра и поединок прекратил физически, но несколько пострадал.

Я позвонил одному врачу, другому (шахматистам, конечно), но — конец недели, жарко и телефоны молчат. Узнав, набрали телефон нужной санэпидемстанции. Михаил Моисеевич лаконично, несмотря на то что впервые в жизни обратился в эту службу, сказал: «Здравствуйте, говорит Ботвинник», — и комментариев не потребовалось.

Михаил Моисеевич! Я как-то заметил, что в большой серии матчей на первенство мира, которые игрались по формуле 24 партии на большинство (М.М. Ботвинник сыграл по этой формуле целых семь матчей: с Бронштейном, три со Смысловым, два с Талем и завершил серию встречей с Петросяном), результат не изменился бы, если бы любой из них закончился после семнадцатой партии, и даже опубликовал об этом статью с соответствующим графиком в «64». Не думаете ли Вы, что оптимальное число партий в матче порядка двух десятков, а далее уже случайности не уменьшаются, а увеличиваются (из-за утомления, неожиданной болезни и т.д.)?

М.М. Ботвинник: Когда решался вопрос о соревновании на звание чемпиона мира в 1948 году, я считал и настаивал, что оптимально в матч-турнире при шести участниках надо играть четыре

круга, то есть по двадцать партий на каждого. Позднее, когда Р. Файн отказался играть, решили провести пять кругов, что означало в итоге те же двадцать туров.

А почему же добавили еще четыре партии в матчах на первенство мира?

М.М. Ботвинник: А это на всякий случай.

Михаил Моисеевич, с конца тридцатых годов и до 1963 года Вы сражались за титул чемпиона мира, завоевывали его, возвращали, обороняли. Как бы в нескольких словах Вы охарактеризовали этот большой период?

М.М. Ботвинник: Потребовалось очень высокое нервное напряжение. Между прочим, в те годы у меня немного кровоточили десны. Думаю, что именно от напряжения. Но после того как я принял решение прекратить борьбу за титул, процесс немедленно прекратился.

Затем Михаил Моисеевич немного подумал и, добродушно улынувшись, добавил: «Но это были хорошие годы!»

Мне кажется, что интервью для шахматистов, особенно «неклассическое», должно включать и примерные партии.

Я поразмыслил над возможностями. Одиннадцатиходовая победа над Р. Шпильманом из международного турнира в Москве, 1935 год, свидетельствует о мощи дебютной подготовки молодого Ботвинника. Однако все эту партию знают, и она даже приведена в шахматном энциклопедическом словаре, в статье о Ботвиннике. Интересна его партия с А. Котовым из XI чемпионата СССР, 1939 год, когда Котов неожиданно для всех пришел к последнему туру наравне с Ботвинником. Тогда Ботвинник показал концентрацию воли и победил. В итоге я решил, что следует ограничиться тремя партиями, потому что и «неклассическое» интервью должно иметь свой предел.

Михаил Моисеевич! Я решил привести три партии, мне кажется, характерные. Первая: Ботвинник — Рюмин из Международного турнира в Москве, 1935 год. Тогда многие считали Вас позиционным шахматистом, а в талантливом комбинационном мастере видели Вашего конкурента. В партии Вы одержали победу в комбинационных осложнениях. Ваше мнение?

М.М. Ботвинник: Можно, если хотите, привести эту партию, но я не нахожу ее особо интересной. Какие Вы хотите дать еще?

Еще Керес — Ботвинник из матч-турнира на звание абсолютного чемпиона СССР, 1941 год. (Там Керес повторил в защите Нимцови-

ча вариант, который незадолго до этого принес успех Микенасу, да не учел, что партнер не склонен повторять ошибки.) И, наконец, хрестоматийную партию с Капабланкой из АВРО-турнира 1938 года. Ее все знают, но из песни слова не выкинешь.

М.М. Ботвинник: Эти две можно, но почему Вы не даете ни одной позиционной партии?

А какую бы Вы посоветовали?

М.М. Ботвинник: Например, партию с И. Рабиновичем из XI чемпионата СССР 1939 года. Она небезошибочна, но интересна.

Здесь, я взял, так сказать, тайм-аут.

Михаил Моисеевич! Не лести ради, а для справедливости скажу, что на меня особое впечатление произвели именно комментарии, Ваша беспощадная к себе объективность.

М.М. Ботвинник: Не вы первый. Недавно я слышал, будто Вася Иванчук сказал, что он учится на комментариях Ботвинника.

Теперь пора выполнить обещание и рассказать, как получилось «неклассическое интервью».

Затеял я дело в понедельник. День, как известно, тяжелый. По понедельникам с утра Михаил Моисеевич работает в своей второй лаборатории, в ЦШК на Гоголевском. Как-то в Бельфоре в свободный час мы обсуждали с ним идею создания второй лаборатории для работы над шахматной программой для компьютера. Постепенно, но методично план был претворен в жизнь, лаборатория отлично оснащена, привлечены новые молодые математики.

Придя в лабораторию, я сказал, что хочу, дескать, взять интервью по случаю юбилея. Отказа не ожидал, но получил. Я, правда, знал, что двадцать лет тому назад в газете было опубликовано письмо М.М. Ботвинника: «Уважаемый тов. редактор! Разрешите через газету «Советский спорт» поблагодарить всех, кто вспомнил меня в день юбилея, хотя я не чувствую никаких заслуг в том, что шестьдесят раз вместе с земным шаром обернулся вокруг солнца». Я допускал, что отношение у Михаила Моисеевича к юбилеям едва ли изменилось, но к интервью он всегда был терпим. В жизни я задавал ему немало вопросов, присутствовал при многих его интервью, во время совместных путешествий даже несколько раз участвовал в роли переводчика, а тут такой афронт!

Михаил Моисеевич пояснил, что его уже просили об интервью трое и он всем отказал. Я прибег к софистике и попытался убе-

дить собеседника, что это должно повысить шансы четвертого, но успеха не имел.

— Не надо обижать хороших людей, — сказал Михаил Моисеевич. — Помните, как говорил Болеславский? — спросил он и сам продолжил: — «Пустое...»

(Молчаливый гроссмейстер Болеславский, внимательно выслушав речь, иногда бывало резюмировал:

— Пустое!

С его легкой руки это словечко вошло в лексикон друзей.)

Правда, у Михаила Моисеевича есть и более твердая, «фирменная» форма отказа:

— Ни в коем случае!

Этого он не сказал, а разрешил написать, скажем, статью, одним словом, что угодно. А угодно мне стало пойти неклассическим путем, когда задаешь вопросы и себе, и собеседнику. Этот путь несложен, если готовишься к нему несколько десятков лет, успел уже задать немало вопросов и запомнил ответы. Остается сущий пустяк: поступить подобно тому самому ковбою.

После своего письма в «Советский спорт» Михаил Моисеевич еще двадцать раз вместе с земным шаром обернулся вокруг солнца. Все эти годы много и плодотворно трудился и продолжает свою исследовательскую творческую работу по сей день. Это большая заслуга, за которую шахматисты ему глубоко благодарны.

Примечания к трем партиям
М. М. БОТВИННИКА

Голландская защита А91
И. Рабинович — М. Ботвинник
 V чемпионат СССР
 Москва 1927

1.d4 e6 2.c4 f5.

Прочное появление голландской защиты в моем дебютном репертуаре не было случайным. Мы жили во время чемпионата вместе с Моделем, и он учил меня играть это сложное начало.

3.g3 ♗f6 4.♗g2 ♗e7 5.♗c3.

И сейчас часто играют так, хотя считается, что лучше 5.♗f3, оставляя возможность развития ферзевого коня на d2.

5... 0-0 6.♗f3 d5.

Уже в то время применялся ход 6...d6, что впоследствии было разработано во всех тонкостях Ильиным-Женевским. Но я разыгрывал голландскую защиту «по Моделю».

7.0-0 c6 8.♖c2.

И тогда это считалось последним словом теории, и сейчас рекомендуется в первую очередь, но я считаю, что проще и лучше 8.♗g5, как я продолжал в 22-й партии матч-реванша со Смысловым (1958). Либо после ♗f6-e4 произойдет выгодный для белых размен чернополевых слонов, либо черные сыграют h7-h6,

а это ослабление пешечного прикрытия короля.

8... ♜e8 9.♗f4.

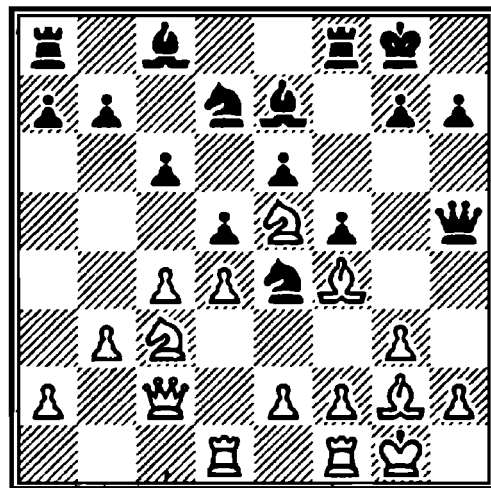
В случае 9.♗g5, как сыграл Чеховер против Рюмина (Ленинград 1936), 9...♖h5 и преждевременно 10.♗:f6, ибо после 10...♗:f6 11.cd cd черные могли уравнять партию.

9... ♖h5 10.♜ad1 ♗bd7 11.b3 ♗e4.

Заслуживало предпочтения 11...♗h8.

12.♗e5!

Пока конь стоял на f6, этот выпад был невыгоден: после размена на e5 следовало ♗f6-g4. Теперь инициатива переходит к белым, и черные должны быть внимательны.

12... ♗g5.

Меня не устраивали продолжения 12... ♗:c3 13.♖:c3 ♗:e5 14.♗:e5 ♖:e2 15.♗f3 ♗b4 (15...♖:a2 16.♜a1) 16.♖:b4 ♖:f3 17.♖d6 или 12...g5 13.♗:d7 ♗:d7 14.♗e5 ♗d6 15.cd cd 16.♗:d5 ed 17.♖c7, но, пожалуй, следовало

предпочсть 12... ♖f6. Впрочем, зная, что мой противник не любит, когда атакуют его короля, я решил, что не помешает угрожать белым шахом, да еще с разменом одного из слонов.

13.h4.

Надежды оправдались: белые отказываются от сильнейшего 13.f3 ♖h3+ 14. ♖:h3 ♗:h3 15.e4. Избегая размена слона, они ослабляют королевскую крепость.

13... ♖e4 14. ♖f3.

Лучше было 14. ♖:e4 fe 15.f3, не опасаясь жертвы ладьи за слона f4. В партии у черных теперь не может быть никаких затруднений.

14... ♗e8 15. ♖:d7 ♖:d7 16. ♗g2 ♖b4 17. ♖:e4.

У белых дрогнули нервы — и напрасно. После 17. ♖b1 равновесие никак не нарушалось. Без белопольного слона положение короля белых может стать опасным.

17... fe 18. ♗h1 ♗h5.

Первый результат: черный ферзь смог вернуться на королевский фланг и никакими силами его оттуда не изгнать.

19.f3 ♗g6.

После 19...e5 20.de ♗g6 получалась позиция, как в партии. Но там мой противник мог ее избежать, и поэтому мне не следовало упускать этого форсированного продолжения. Сейчас создана угроза 20...ef+, но она легко парируется.

20. ♗f1.

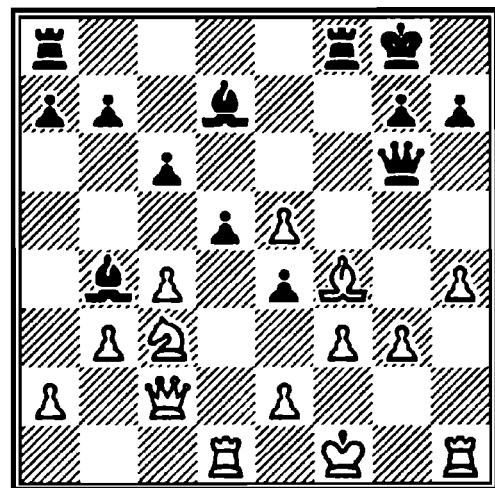
Заслуживало внимания 20. ♗h2, не разобщая ладьи, да и король был бы в большей безопасности.

20...e5.

В случае 20...ef 21. ♗:g6 hg 22. ♗c1 fe+ черные выигрывали пешку, но исход борьбы еще не был бы очевиден.

21.de.

Ликвидируя упущение черных на 19-м ходу. Изменить ход событий можно лишь путем 21.h5 ♗f5 22.de (22.fe ♗g4) 22...ef 23. ♗:f5 ♖:f5 24. ♗c1 d4 25. ♖d1 ♖e4, хотя радости в этой позиции для белых немного.

21... ♗:f4! 22.gf ♗g3!!

Грозит 23...e3, а, например, после 23.cd — 23... ♖c5 24. ♖:e4 ♖h3+ 25. ♗:h3 ♗glx.

23. ♖:e4 de.

Так у черных будет больше приобретений, чем после 23... ♖h3+.

24. ♗:d7.

В случае 24. ♖:e4 ♘c5 25.e3 эффектно заканчивает борьбу 25... ♘f5!

24... ♘c5.

Казалось бы, решающий ход 24...e3 вел даже к поражению ввиду 25. ♖:g7+!

25.e3 ♖:f3+ 26. ♖f2 ♖:h1+.

Слишней фигурой трудностей не должно быть, но у белых все же опасная проходная пешка и ладья на седьмой горизонтали, что требует известной точности.

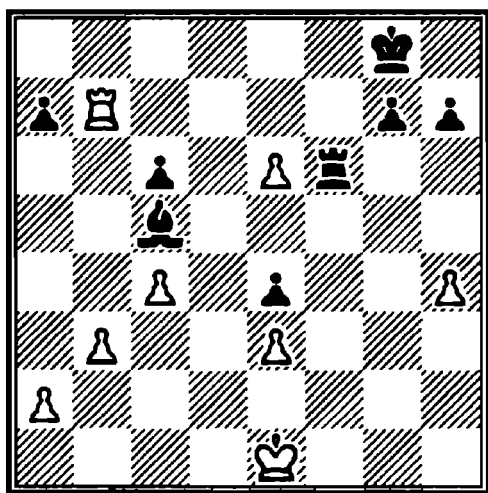
27. ♔e2 ♖h3 28.f5.

Уступать вертикаль «d» (28. ♖:b7) белые, конечно, не могут.

28... ♖g4+ 29. ♔d2 ♖f8 30.e6 ♖:f5.

Еще можно было упустить все завоевания, сыграв 30... ♖:f5 (31. ♖d8+ ♘f8 32. ♖:f5! ♖:f5 33.e7).

31. ♖:f5 ♖:f5 32. ♖:b7 ♖f2+ 33. ♔e1 ♖f6.

34.b4 ♘:e3 35. ♔e2 ♘g1 36.e7.

За эту пешку белые уничтожат пару неприятельских, но черным для победы достаточно проходной пешки e.

36... ♔f7 37.e8 ♖+ ♔:e8 38. ♖:g7 ♖g6 39. ♖:h7 ♘d4.

Уж очень не хотелось Илье Леонтьевичу позволить новичку одержать свою первую победу над одним из сильнейших мастеров страны. Иначе он, конечно, уже признал бы поражение.

40.c5 ♖g2+ 41. ♔f1 ♖f2+ 42. ♔e1 e3. Белые сдались.

Защита Нимцовича E53

М.Ботвинник — Х.-Р. Капабланка

АВРО-турнир

Голландия 1938

1.d4 ♘f6 2.c4 e6 3. ♘c3 ♘b4 4.e3.

Таким способом нельзя опровергнуть защиту Нимцовича, но практика показала, что опровержения этой защиты, видимо, не существует. Ходом 4.e3 белые стремятся укрепить центр, надеясь на то, что сильный центр пригодится в миттельшпиле.

4...d5.

Это продолжение тогда было популярным, но данная партия показывает, что оно имеет известные минусы. В случае 4...0-0 (или 4...c5) белым может быть невыгоден вариант 5.a3 ♘:c3+ 6.bc из-за слабости пешки c4; теперь же им годится это продолжение, ибо пешку c4 всегда удастся разменять.

5.a3 ♘:c3+!

Если 5... ♗e7, то 6. ♘f3, после чего получается одна из систем ферзевого гамбита с лишним ходом (a2-a3) у белых.

6.bc c5.

Наиболее естественный ответ. Основной план белых — сыграть в дальнейшем f2-f3 и e3-e4, чтобы захватить центральные поля. Его осуществить нелегко, если черные, в свою очередь, организуют давление на пешку d4, чему и способствует ход 6...c5.

7.cd ed.

Спорный вопрос: чем брать на d5? Черные решили взять пешкой, чтобы воспрепятствовать неприятному для них продвижению e3-e4.

8. ♗d3 0-0 9. ♗e2.

До сих пор наша встреча напоминала партию Лилиенталь — Рагозин (Москва 1935), однако там пешка f2 была уже в дебюте продвинута на f3. При системе, примененной белыми в данной партии, они не вынуждены делать этот обязывающий ход. Сэкономленный темп белые используют для развития. Наиболее неприятная для черных фигура — белый слон d3; поэтому они и стремятся к его размену.

8...b6 10.0-0 ♗a6 11. ♗:a6.

Может быть, следовало сохранить слона и отступить на c2 (так, например, играл Шталь-

берг против Кереса в Наугейме 1936)? Однако тогда черный слон ab также стоит неплохо. Если же менять слонов, то лучше всего делать это именно так, ибо коню с поля ab в этом случае трудно пробраться на хорошее для него поле c4.

Отметим, кстати, что весь этот вариант после партии (с переменным успехом!) неоднократно проверялся на практике. В частности, ход 11.f3 испробовал Рагозин во встрече с Таймановым (Москва 1948), а потом и я играл так против Курайцы (Гастингс 1966/67).

11... ♗:a6 12. ♗b2.

Пассивно сыграно. Правильно было, конечно, 12. ♖d3!, вынуждая черных к ответу 12... ♖c8 или 12... ♗c7 (слабее 12...c4).

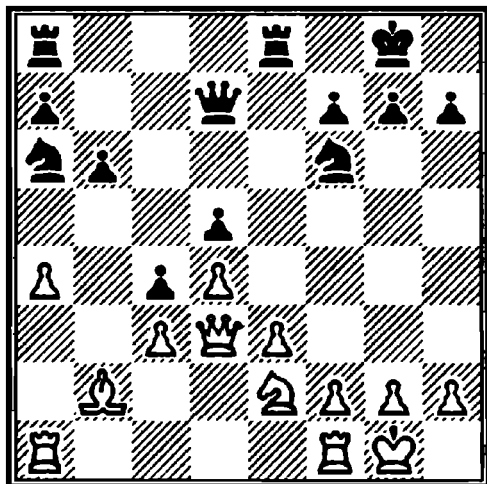
12... ♖d7! 13.a4.

Белым трудно исправить неточность, допущенную предыдущим ходом. На 3. ♖d3 следовало бы 3... ♗a4!, поэтому необходимо воспрепятствовать этому маневру черного ферзя.

13... ♗fe8.

Удивительная для Капабланки ошибка! Совсем нетрудно было найти продолжение 13...cd, и после 14.cd ♗fc8 у белых появлялись затруднения по линии «с». Впрочем, белые тем не менее располагали бы достаточными ресурсами защиты.

14. ♖d3 c4.

Это уже серьезный позиционный промах. Черные, очевидно, полагали, что белые не смогут в дальнейшем продвинуть пешку е, а на ферзевом фланге перевес черных скажется; Капабланка имел в виду маневр ♖а6-♗b8-♘с6-♙а5-♚b3. После чего пешку а4 трудно защитить. Однако перевес черных на ферзевом фланге не имеет большого значения, в то время как прорыв е3-е4 оказывается весьма действенным. Необходимо было довольствоваться скромной, но, по-видимому, достаточной защитой 14... ♛b7.

15. ♛с2 ♖b8 16. ♗ae1.

Психологически понятно: белые стремятся показать, что вообще не собираются защищать пешку а4. Справедливости ради надо указать, что эту пешку можно было легко спасти — 16. ♖а3 ♘с6 17. ♖b4, и шансы сторон равны. Все же точнее 16. ♖g3, препятствуя 16... ♖h5.

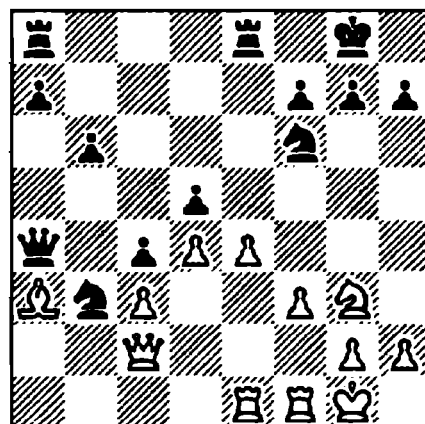
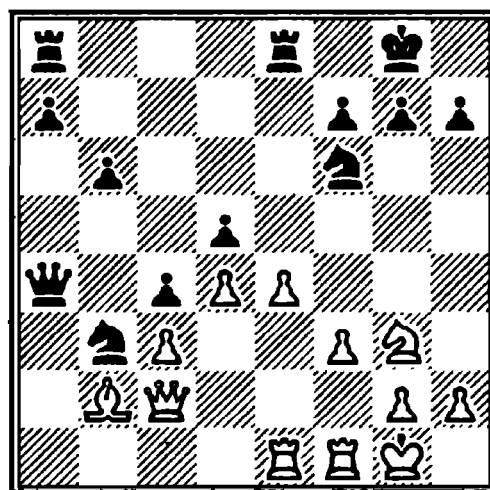
16... ♖с6.

Черные ошибочно полагают, что выигрыш пешки а4 даст им перевес. Иначе они обязательно сыграли бы 16... ♖h5!, препятствуя ходу 17. ♖g3 (размен коней невыгоден белым); в этом случае игра приняла бы более сложный характер, например, 17. h3 f5 18. ♖c1 ♘с6 19. f3 ♖а5 20. g4 fg 21. hg, и позиция черных на королевском фланге внушает опасения.

17. ♖g3 ♖а5.

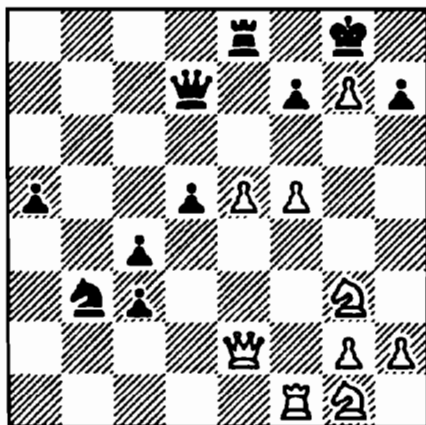
Любопытный момент: черные никак не могут предотвратить прорыв е3-е4. На 17... ♖e4 белые увели бы коня на h1(!) 19. h3.

18. f3 ♖b3 19. e4 ♛:a4.

На верхней диаграмме — наша позиция с Капабланкой; на нижней — идентичная позиция из партии Ботвинник — Александер (радио-матч СССР — Великобритания, 1946). Разница лишь в том, что на нижней диаграмме слон белых расположен на а3. С одной стороны, это выгодно белым, так как слон стоит активнее. Но, с другой стороны, белые должны теперь потерять темп на защиту этого слона.

Вот как продолжалась партия Ботвинник — Александер: 20. ♖b2 a5 21.e5 b5 22. ♕d6 (сильнее 22.e! b4 23. ♖f2) 22... ♜e6 23. e! ♜:d6 24.fg b4 25. ♜e5! ♜ae8 26.f4! ♖d7 27. ♖e2 ♜de6 28.f5 ♜:e5 29.de bc.

И теперь вместо 30.f6, на что могло последовать 30... ♕d4!, белые путем 30.e6 или 30. ♕h5 добивались ясного преимущества.

Теперь возвратимся к партии Ботвинник — Капабланка.

20.e5 ♕d7.

Продолжение 20... ♕c5? 21. ♜e2! вело к потере фигуры.

21. ♖f2.

Вынужденно ввиду 21... ♕bc5, после чего позиция ферзевого коня черных улучшалась. Однако перевод ферзя на королевский фланг входит в план белых. Сейчас черные должны защищаться как от ♕g3-f5-d6, так и от продвижения пешки f. Фигуры черных не могут быстро прийти на помощь своему королю; до использования же их лишней пешки пока еще очень далеко. Следующим маневром Капабланка добивается вскрытия линии «е» в надежде, что упрощение игры будет на руку черным.

21...g6 22.f4 f5 23.ef.

Единственный путь к продолжению атаки.

23... ♕:f6 24.f5 ♜:e1 25. ♜:e1 ♜e8.

Дальнейшее уже будет вынужденно. Черные косвенно защитили коня f6 (26.fg hg 27. ♜:e8+ ♕:e8), но этого оказалось недостаточно. Могли ли они после 25... ♜f8 26. ♖f4! спасти партию? Думается, что нет. Вот возможные варианты:

1) 26... ♖a2 27.fg! ♖:b2 (27...hg 28. ♖g5) 28.g7 ♖:g7 29. ♕f5+ ♖h8 30. ♖d6 (указано А. Федоровым, «Шахматы в СССР», № 12, 1953), и если 30... ♜f7, то 31. ♖:f6+, на 30... ♖g8 следует 31. ♖g3+;

2) 26... ♖d7 27. ♜e6 ♕a5 (или 27... ♕e4 28. ♖e5 ♕:g3 29. ♜e7) 28. ♕a3 ♜f7 29. ♖g5!

26. ♖e6! ♖:e6.

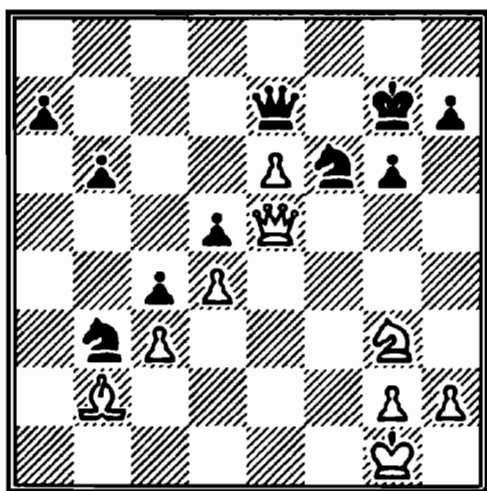
Единственное. Продолжение 26... ♗f7 27. ♖:f6+ ♗:f6 28. fg+ ♗:g6 (28... ♗e7 29. ♖f7+ ♗d8 30. g7) 29. ♖f5+ ♗g7 30. ♔h5+ ♗h6 31. h4 ♖g8 32. g4 ♖c6 33. ♕a3! вело к немедленному мату. Теперь же белые получают грозную пешку e6.

27. fe ♗g7 28. ♖f4 ♖e8.

Не проходило 28... ♖a2 ввиду 29. ♔f5+ gf 30. ♖g5+ ♗f8 31. ♖:f6+, мат в 2 хода.

29. ♖e5 ♖e7.

Черные идут навстречу стремлениям белых, однако ход ♖e7 все равно был неизбежен. Например, после 29... ♔a5 30. ♕c1! с угрозой 31. ♕h6+ (или 31. ♖c7+ с последующим 32. ♕h6) черные вынуждены играть 30... ♖e7, и белые могли бы провести ту же комбинацию, что и в партии.

30. ♕a3! ♖:a3.

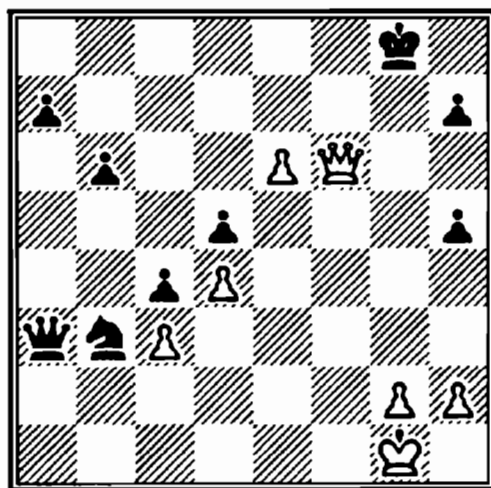
Разумеется, 30... ♖e8 31. ♖c7+ ♗g8 32. ♕e7 ♔g4 33. ♖d7 немногим лучше.

31. ♔h5+! gh.

Плохо и 31... ♗h6 32. ♔:f6 ♖c1+ 33. ♗f2 ♖d2+ 34. ♗g3 ♖:c3+ 35. ♗h4 ♖:d4+ 36. ♔g4+.

32. ♖g5+ ♗f8 33. ♖:f6+ ♗g8.

На 33... ♗e8 белые дали бы мат в 2 хода.

34. e7.

Длительное время считалось, что выигрывало также 34. ♖f7+ ♗h8 35. e7 ♖c1+ 36. ♗f2 ♖d2+ 37. ♗g3 ♖:c3+ 38. ♗h4 ♖:d4+ 39. ♗:h5 ♖e5+ 40. ♗g4 ♖e4+ 41. ♗h3 ♖e3+ 42. g3 ♖h6+ 43. ♗g2 ♖d2+ 44. ♖f2, и пешка e7 проходит в ферзи (указано Э.Баумом).

Однако на 37. ♗g3 у черных есть продолжение 37... ♖g5+ 38. ♗f3 ♔:d4+ 39. cd ♖g4+, и ничья вечным шахом. К победе же ведет 35.g3, так как король уходит из-под шахов на поле h3 (указано Е. Сергеевым и М. Шатыловичем).

34... ♖c1+ 35. ♗f2 ♖c2+ 36. ♗g3 ♖d3+ 37. ♗h4 ♖e4+ 38. ♗:h5 ♖e2+.

Не спасало и 38... ♖g6+ из-за 39. ♖:g6+ hg+ 40. ♗:g6 и 41. e8 ♖x.

Многие годы после партии я не понимал, почему кубинец, когда давал шахи белому королю, предпочитал держаться ферзем на полях с2, d3 и e4. Гениальный практик надеялся, что в цейтноте белые будут избегать размена ферзей и согласятся на вечный шах.

39. ♖h4 ♜e4+ 40. g4.

Проще всего. Но достаточно для выигрыша было 40. ♖h3 h5 41. ♜f8+ ♖h7 42. ♜f7+ ♖h6 43. ♜f6+ ♖h7 44. ♜g5, и если 44... ♜e2 45. ♖h4 ♜f2+, то 46. ♖:h5 ♜e2+ 47. ♖h4 ♜f2+ 48. ♖g4 ♜:g2+ 49. ♖f5 ♜e4+ 50. ♖f6, и черные беззащитны.

40... ♜e1+ 41. ♖h5. Черные сдались.

Защита Нимцовича E35

П. Керес — М. Ботвинник

Матч-турнир на звание абсолютного чемпиона СССР Ленинград 1941

1. d4 ♗f6 2. c4 e6 3. ♗c3 ♗b4 4. ♜c2 d5.

Оба мы шли на один и тот же вариант, который был применен в турнирной практике незадолго до нашей встречи.

5. cd ed 6. ♗g5 h6 7. ♗h4.

Интересно отметить, что после настоящей партии этот ход получил в теории дебютов прочный вопросительный знак и почти полностью оказался

изъятым из обращения. Белые стали играть только 7. ♗:f6 и далее после 7... ♜:f6, как правило, 8. a3 ♗:c3+ 9. ♜:c3, сохраняя небольшой, но стойкий дебютный перевес.

7...c5.

Так я играл на последнем чемпионате 1940 года в Москве против Котова и Микенаса, так что Керес был, конечно, подготовлен к этому варианту.

8. 0-0-0.

Котов продолжал 8. e3, и после 8... cd 9. ed ♗c6 10. ♗b5 0-0 11. ♗e2 ♜b6 12. ♜d3 ♗:c3+ 13. bc ♗e4 14. 0-0 ♗f5 у черных явный перевес.

8... ♗:c3.

Существенное усиление по сравнению с ходом 8... 0-0, который я сделал против Микенаса и попал в трудное положение. Так сыграл Симагин против Белавенца (первенство Москвы 1941), и их партия была опубликована в газете «64». Черные уничтожают неприятельского коня, чтобы захватить контроль над центральными полями.

9. ♜:c3 g5.

Коня f6 черные обязаны сохранить. В борьбе за центральные поля он играет более значительную роль, чем оттесненный слон белых.

10. ♗g3 cd.

Этот ход, конечно, оказался неожиданным для моего партне-

ра. Со всей тщательностью я проанализировал данное положение в кабинетной тиши. Черные вскрывают линию «с» и выигрывают время для мобилизации своих сил. Симагин в упомянутой партии продолжал 10... ♖e4, после чего белые получили хорошую игру.

11. ♗:d4 ♜c6 12. ♗a4.

Связывая коня с6, белые по возможности препятствуют операциям противника по открытой линии «с».

12... ♗f5 13. e3.

Уже в дебюте сказываются недостатки характера Кереса. Он не смог стоически перенести неприятную неожиданность и упускает обязательную возможность обострить игру: 13. f3 ♗b6 14. e4 de 15. ♗b1, уводя короля из-под ударов неприятельских фигур.

13... ♝c8 14. ♗d3.

Это приводит к роковым последствиям, но и после 14. ♗e2 a6 15. ♗c3 b5 16. ♗:a6 b4 17. ♗b5 ♗d7 черные добивались материального перевеса.

14... ♗d7 (угрожая вскрытым шахом выиграть ферзя) 15. ♗b1 ♗:d3+ 16. ♝:d3 ♗f5 17. e4.

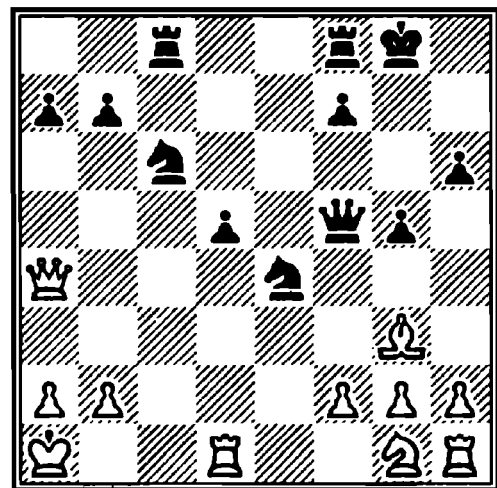
Здесь уже эта жертва пешки запаздывает, и блокада диагонали b1-h7 оказывается лишь временной.

17... ♗:e4 18. ♗a1 0-0.

Только сейчас черные рокируют, и лишь с той целью, чтобы

избавить коня с6 от связки. Вскрытие линии «с» неизбежно. В случае 18... ♗c5 следовало 19. ♝e3+. Когда я стал зрелым мастером, то нередко использовал позднюю рокировку, чтобы выиграть время для активных действий.

19. ♝d1.

19... b5.

Обеспечивая для коня с6 поле d4, после чего матовая атака завершает партию.

20. ♗:b5 ♗d4 21. ♗d3 ♗c2+.

Редкий случай: партия заканчивается, а белые фигуры королевского фланга все еще заморожены.

22. ♗b1 ♗b4. Белые сдались.

Меня всегда недооценивали как мастера атаки. Керес, очевидно, и находился под влиянием этого распространённого мнения, считая, что в острых ситуациях должны проявиться мои шахматные недостатки...

Эпоха*

*В истории шахмат Ботвинник — эпоха,
Но время напрасно над ним ворожит:
Считаться «эпохой», конечно, неплохо,
Однако в историю он не спешит.*

Евг. Ильин

Человек смертен, и никто с этим не спорит. Но пока живут и активно действуют на девятом десятке лет люди, подобные Михаилу Моисеевичу Ботвиннику, у многих где-то в глубине сознания тлеет в кромешной тьме искорка надежды: а вдруг и из этого безжалостного правила есть исключение? Увы... Невольно вспоминаешь слова поэта — «устои рушатся в провалы».

В энциклопедическом словаре «Шахматы» в статье о Ботвиннике сказано: «Довел искусство подготовки к шахматным соревнованиям до совершенства. Его исследовательский подход к шахматам лег в основу советской шахматной школы». Вероятно, это максимальная оценка, возможная при жизни, но теперь мы можем сказать, что она скромна и неполна.

Я уже упоминал, Вадим Синявский, сам шахматист-любитель, друживший со многими известными мастерами, назвал Ботвинника патриархом. Тогда это повторяли полушутя-полувсерьез. Прошла жизнь — долгая, наполненная трудом, борьбой, победами и конфликтами. Какие уж теперь шутки. Просто вклад Михаила Моисеевича Ботвинника в здание советской шахматной школы был основополагающим.

Правда, не так давно мне довелось прочесть об «открытии» одного начинающего корифея-историка, что никакой советской шахматной школы не было.

А что же тогда было? А было то, что в 20-е годы в стране существовал небольшой, хотя и достойный отряд шахматных мастеров, занимавший в мировой табели о рангах довольно скромные позиции, а после войны Советский Союз превратился в ведущую шахматную державу мира, когда блистательные победы в командных и личных состязаниях стали правилом, а второе место на

*«Шахматы в России» №1/95

Всемирной Олимпиаде — досадным исключением, когда проигрыш звания чемпиона мира феноменальному Роберту Фишеру выглядел как трагедия, когда популярность шахмат в стране, а за ней и в мире неуклонно росла, когда многие иностранные шахматисты ринулись изучать русский язык, чтобы читать нашу шахматную литературу... Да о чем говорить, если в десятках команд, собравшихся в 1994 году на Московской Олимпиаде, мы увидели лица бывших земляков, оказывающих, так сказать, гуманитарную помощь развивающимся в шахматном отношении странам.

Советская шахматная школа — это феномен, который еще ждет своих серьезных исследователей и который не по зубам писакам из нынешнего «антиагитпропа».

Победив в чемпионате СССР 1931 года, 20-летний Ботвинник становится знаменосцем нарождающейся школы. Его дальнейший спортивный путь поистине триумфален.

В 1936 году после турнира в Ноттингеме, где Ботвинник разделил победу с Капабланкой, чемпион мира Александр Алехин сказал: «Ботвинник имеет все шансы, чтобы стать чемпионом мира в ближайшие годы. Помимо огромного таланта он обладает всеми спортивными качествами, которые имеют решающее значение для успеха, — бесстрашием, выдержкой, точным чутьем для оценки положения...»

Судьбе неугодно было, чтобы состоялся матч Алехин — Ботвинник. Чемпион умер в 1946 году непобежденным. А в 1948-м победа Ботвинника в матч-турнире на первенство мира была столь убедительна, что шахматный мир безоговорочно признал нового чемпиона.

Наступил сложный для него период, когда приходилось сочетать интенсивную научную деятельность с отстаиванием титула первого шахматиста мира, период сверхнапряжения, наполненный трудом и борьбой. Остается загадкой, как человек мог выносить подобные перегрузки!

Матч с Давидом Бронштейном, когда Ботвиннику лишь ценой огромных усилий удалось отстоять титул, показал, что на арену вышла молодая смена, преодолевшая былой разрыв между чемпионом мира и остальными гроссмейстерами.

В великом противоборстве с Василием Смысловым (целых три матча на высшем уровне!) он впервые в шахматной истории показал, как можно успешно учесть уроки поражения, как надо брать реванш.

В начале 60-х шахматный мир был изумлен сначала полновесной победой Михаила Таля, а затем разгромным реваншем Михаила Ботвинника.

Таль поражал всех своим рискованным стилем, умением поставить перед соперником, казалось, неразрешимые задачи. Но позднее, в своей книге «К достижению цели» Михаил Моисеевич напишет, что загадка Таля, как ее подавали многие, не содержит никаких чудес. Просто у него, по сравнению с соперниками, более высокое быстроедействие и более мощная память. Поэтому, чем сложнее позиция, чем больше вариантов, чем больше свобода передвижения фигур, тем явственнее преимущество Таля.

В матче-реванше Ботвинник не дал фигурам Таля желанной свободы. Он заранее досконально изучил стиль соперника. А вот Таль, не вняв уроку матча-реванша Ботвинник — Смыслов, был наказан за свой безоблачный оптимизм.

Период чемпионства Ботвинника окончился в 1963 году проигрышем матча Тиграну Петросяну. К этому времени ФИДЕ уже отменила матчи-реванши. Михаилу Ботвиннику пятьдесят два, он полон сил, но — принимает решение больше не бороться за лавры чемпиона.

Как-то я спросил его, каково было так долго отстаивать титул чемпиона мира? Он ответил так: «Потребовалось высокое нервное напряжение. Между прочим, в те годы у меня немного кровоточили десны. Думаю, что от напряжения. Я, конечно, принимал меры. Но после того как я решил прекратить борьбу за титул, этот процесс прекратился». Затем Михаил Моисеевич немного подумал и, добродушно улыбнувшись, добавил: «Но это были хорошие годы!»

В 1970 году он сыграл свою последнюю турнирную партию — на гроссмейстерском турнире в Лейдене. Сила игры Ботвинника была в ту пору велика, но, максималист по характеру, он не хотел видеть снижения своих результатов и принял решение поставить точку в спортивной биографии. Сыграло свою роль и то, что ему было чем заняться. Отныне он целиком посвятил себя науке и шахматной деятельности — литературной, педагогической, общественной.

Сейчас, когда шахматами интересуются миллионы людей, когда шахматы и шахматистов все чаще можно видеть на телеэкранах, вопрос о том, может ли быть такая профессия — шахматист,

ушел в прошлое. Но в годы, когда начиналась шахматная карьера Ботвинника, такой вопрос возникал, хотя были и мастера, которые полностью отдавали себя только шахматам. Их нетрудно понять, ибо по-настоящему трудиться на шахматных полях уже и тогда было делом нелегким.

Ботвинник стал мастером в 16 лет, причем сразу очень перспективным. А мастера тогда были наперечет. Но юноша считал, что надо учиться (престиж образования был в те годы очень высок), надо получить профессию, чтобы зарабатывать на хлеб насущный общественно полезным трудом. И он поступает в институт, хочет стать инженером, хотя это и было затруднительно для него, выходца из пресловутой «прослойки».

«Вопрос — учиться или играть в шахматы — передо мной не возникал, — пишет Михаил Моисеевич в книге «К достижению цели», — я хотел учиться, хотя шахматы были для меня не менее существенны, чем ученье. Интуитивно я понимал, что ученье полезно и для игры в шахматы; с другой стороны — я считал себя обязанным заниматься и другим делом — как все, выделяться нечего...» В этом весь Ботвинник — выделяться он не любил. Одевался всегда аккуратно, но без намека на пижонство, быт любил устроенный, но без, Боже упаси, каких-либо излишеств, аппетит имел отменный, но за деликатесами не гонялся, мог получить удовольствие от бокала вина или рюмки водки по торжественному случаю, но в целом соблюдал сухой закон...

Однажды «став на лыжню», Ботвинник уже не сворачивал. Он вообще сворачивать в сторону не любил. Не та в нем была программа. Он стал инженером, аспирантом, научным сотрудником, затем доктором технических наук — и все это не для проформы, не для анкеты примерного советского спортсмена. Ботвинник был и всю свою жизнь оставался исследователем. И поэтому наука не могла не увлечь его. Сначала электротехника, а позднее, когда наука пересеклась с шахматами и на смену карандашу и собственной памяти пришел компьютер, — кибернетика. В науке нет абсолютных критериев — в отличие от шахмат, где всегда есть конечная оценка: очко, ноль, половинка. Однако мир науки тоже преисполнен борьбы и конфликтов — их на долю Ботвинника выпало предостаточно. Но ничто не могло отвлечь его от страсти исследования. А борьба была его стихией, потому что по натуре он — боец.

Талант Ботвинника очевиден, но — удивительное дело — внешне он совершенно не походил на кудесника комбинаций, вдохновенного творца... Скромные манеры, аккуратность во всем. Заметное желание быть как все подсказывало вывод шаблонный и ошибочный — дескать, трудяга, исполнитель. Порой такой облик притуплял бдительность его противников, хотя уж они-то лучше всех остальных должны были знать цену этой внешней скромности. И манера поведения Ботвинника, и его скромность шли скорее от воспитания. Вторую половину жизни он прожил в Москве, но что-то выдавало в нем петербуржца. А цену себе он, несомненно, знал и однажды напомнил мне об этом.

Он отказался участвовать в одном зарубежном турнире, а я, как начальник отдела шахмат Спорткомитета, был заинтересован, чтобы он в нем играл. У нас состоялся телефонный разговор. Я что-то сказал о необходимости играть, Ботвинник ответил, что его как следует в турнир и не пригласили. Я возразил, что переслал ему приглашение, так же как и всем другим гроссмейстерам. На это последовал короткий и убедительный ответ: «Я не все. Я — Ботвинник».

Чувство собственного достоинства было у него в крови, готовность постоять за себя — постоянная, что нередко приводило к острым ситуациям. Недавно вот опубликовали материалы из архива ЦК КПСС, и оказалось, что на Ботвинника там было заведено целое дело! В воспитательных, разумеется, целях.

Приведу два эпизода, когда, зная, как мне казалось, почти всё о природном таланте Ботвинника, я тем не менее удивлялся.

Во время матчей на мировое первенство «послеботвинниковского» периода он всегда следил за течением партий (по телефону; он не любил ходить смотреть на игру других) и, чтобы узнать ходы, нередко звонил мне на работу. Как-то, помню, я сказал ему, что сейчас придвину к телефону шахматный столик и продиктую ему позицию, а он пока пусть расставит шахматы. Он ответил, что шахматы ему не нужны, а если у меня есть запись, то можно диктовать. Я удивился, а он сказал: «Вот и Саша Котов всегда удивлялся».

Другой случай был в Брюсселе, на турнире, организованном Бесселом Коком. Там в специальной комнате стояли мониторы, на которых демонстрировались партии. Михаил Моисеевич уже

тогда плохо видел, и я, глядя на экран, говорил ему, что где стоит. Его окружили несколько гроссмейстеров, они вместе обсуждали позиции. И я убедился, что даже не глядя на доску он видит больше!

Другим его огромным талантом было органическое трудолюбие. Он просто не ведал лени. Если принимал решение что-то сделать, то брался за дело не откладывая — не спеша, но размеренно и четко.

О его режиме ходили легенды. Неизменная зарядка с детства, разумные физические упражнения (лыжи, гребля, прогулки), работа на даче — чистка дорожек от снега, к примеру. Я однажды сказал ему, что для этого есть особые машинки, на что он весело возразил, что тогда он останется без работы. Уик-энд на даче в последние десятилетия четко входил в его режим. В свое время, когда он считал дачу необходимым звеном в подготовке, за нее пришлось посражаться, вплоть до ультиматума перестать играть на первенство мира — так как играть он обязан в полную силу, а без дачи не подготовиться. Посражался и победил.

Твердый и требовательный к себе, Михаил Моисеевич был, вопреки расхожему мнению, человеком открытым. Его тянуло к тому, чтобы делиться своими знаниями. В течение многих лет он вел шахматную школу, где постигали секреты мастерства Анатолий Карпов и Гарри Каспаров, Юрий Балашов и Артур Юсупов, Андрей Соколов и Елена Ахмыловская, Нана Иоселиани и Владимир Крамник (его талант он отметил с первых шагов юного шахматиста).

Василий Иванчук в 1990 году признался в одном из интервью: «Вспоминаю, как в свое время мне особую пользу в поднятии позиционной техники принесло изучение партий Михаила Моисеевича Ботвинника. Молодым это нужно обязательно, потому что он в комментариях здорово объясняет всё. Другие корифеи играют тоже хорошо, но так объяснить, по-моему, не могут. У Ботвинника редкое сочетание игры и педагогики».

А Тигран Петросян в свое время заметил: «Все мы считаем себя учениками Ботвинника». Коротко и ясно.

Неполным был бы портрет Михаила Моисеевича, если не сказать о нем как о семьянине. Он женился на Гаянэ Давидовне в 1935 году. Женился раз и навсегда. Она была красави-

цей, артисткой балета. Она лучилась воспитанностью, добротой и приветливостью. Даже простой ее ответ по телефону, что сейчас Михаила Моисеевича нет дома, а будет он, вероятно, тогда-то, мог улучшить настроение. Дочь, внук, внучка, правнуки... Казалось бы, чего еще желать. Увы, у Гаянэ Давидовны были проблемы со здоровьем, а последние годы перед смертью она, по словам Ботвинника, просто была страдальницей. Михаил Моисеевич говорил, что даже если бы наперед знал, что ждет их, он все равно без колебаний женился бы на своей избраннице.

С огорчением приходится слышать теперь, что Ботвинник, дескать, человек прошлого, что взгляды у него не те... А он просто отличался постоянством и с детских лет поверил, что общественное благополучие может быть достигнуто путем переустройства общества. И считал так не потому, что социализм был ему выгоден. Он полагал, что экономика может быть регулируема при помощи высокой науки кибернетики (а не «товар — деньги — товар»). Аргументы типа того, что одному дадут ваучер, а другому алюминиевый комбинат и потом всем станет хорошо, — не казались ему убедительными.

Он жил, трудился и боролся до конца. Я говорил с Михаилом Моисеевичем по телефону незадолго до его кончины. Он сказал, что хотел бы прожить несколько месяцев, чтобы успеть завершить свою научную работу. Я возразил, что он выкарабкается, как было в прошлом году, когда разладилось давление и т.д., а потом все восстановилось в лучшем виде. Ботвинник строго осадил меня, сказал, что он-то знает... К прискорбию, оказался прав.

Слушая сообщение о смерти по телевидению, я огорчился тем, что было сказано о вкладе Ботвинника в теорию дебютов, эндшпиля, еще чего-то... Боже мой, подумал я, свои вклады делали многие мастера, но ведь это же другой масштаб.

Поделился я этой мыслью в телефонном разговоре с одним бывшим сослуживцем, ответственным работником Спорткомитета, верным почитателем Ботвинника: «Какие дебюты, какие эндшпили? Он создал эпоху! Он был великим шахматистом!» А в ответ услышал: «Он был великим человеком».

ЭЙВЕ

Гармоничный человек

Когда Максу Эйве было лет шестьдесят пять и он гостил в Москве, мой товарищ Яша Эстрин задал вопрос, глядя на прекрасно и молодо выглядевшего экс-чемпиона мира:

— Как это ему удастся так выглядеть в таком возрасте?

Я ответил, что для этого надо просто шестьдесят пять лет прожить в Голландии. Яшу ответ по форме полностью удовлетворил. Он был человеком жизнерадостным, любителем повеселиться. В те дни обвинения в низкопоклонстве перед буржуазным Западом были не в моде. Так что шутка выглядела безобидной.

Позднее мне доводилось бывать в Голландии, прекрасной стране, и видеть там много людей, выглядящих ничуть не моложе своих лет. Стало быть, дело не в месте жительства.

Вскорости, в том же году, мне посчастливилось познакомиться с экс-чемпионом мира лично. Это случилось в Улан-Баторе. Я находился там несколько недель в качестве тренера, а Эйве в это время совершал одно из многих своих шахматных путешествий. Из Иркутска мне позвонил Боря Равкин, мой друг с юношеской шахматной поры. Он сопровождал Эйве в качестве переводчика. Это было его профессией. Хочется отметить, что Борис обладал уникальным характером. Благодаря этому все, кто с ним соприкасался, относились к нему с большой симпатией. Во всяком случае я не знаю исключений. Так что Эйве повезло с сопровождающим в долгом путешествии. А Боря потом мне говорил, что у Эйве легкий характер, что его не могут огорчить или смутить неизбежные дорожные неудобства.

Боря сообщил, что Эйве вот-вот вылетит в Улан-Батор, и просил меня встретить его и, если понадобится, оказать помощь. Сам он оставался ждать Эйве в Иркутске, в пределах родины.

В день накануне прилета Эйве я ждал приглашения на его встречу, но не дождался. Я рассудил, что, вероятно, по протоколу надо встречать именитого гостя без какого-то приезжего тре-

нера. Это немного, но все-таки умаляло мое достоинство, и я предпринял ответный ход: договорился пойти на экскурсию вместе с моим соседом по гостинице — тренером по легкой атлетике Виктором Мигунько, благо Эйве прилетал в выходной день, в воскресенье.

Позднее выяснилось, что, как только доктор Эйве прилетел, он спросил у встречающих, где Бейлин. Не знаю, что ответили, но через некоторое время меня отыскали и доставили. Тут мы и познакомились.

Потом Эйве давал два сеанса одновременной игры. Первый с часами, против членов сборной. Трудный, конечно, сеанс, потому что Уйтумен, Мягмарсурен, вскоре ставшие международными мастерами, и другие играли здорово. Второй сеанс был в Университете, на 25 досках. Здесь уж результат меня не беспокоил, я просто находился среди зрителей. И тут мне запомнился один разговор с заведующим кафедрой физкультуры. Он был в военной форме, с генеральской звездой на погонах. А петлицы украшали две скрещенные сабельки. «Стало быть, кавалерист, все правильно», — подумал я. Кавалерист задал мне нешахматный вопрос:

— Скажите, а Эйве эпрей?

Я не сразу понял, генерал повторил, и я ответил: «Да нет, по моему, голландец».

Мои друзья, монгольские шахматисты, мне подобных вопросов не задавали. Они были очень хорошими ребятами, вежливыми, дисциплинированными. Мне показалось, что они уважительнее относятся к старшим, чем это принято у нас. И я отнес эти черточки к историческим причинам.

Во второй раз я уже в качестве лица официального встречал Эйве в Москве. Он прилетел с востока, завершая путешествие вместе с супругой и четой Мюрингов. П. Мюринг был международным мастером, другом доктора.

Когда мы из аэропорта ехали в центр и проехали здание Центрального телеграфа, по правую руку открылся высоченный стеклянный «кирпич» нового здания гостиницы.

— Хилтон? — спросил доктор.

Я ответил отрицательно, на что Эйве заключил, что ничего, дескать, будет вам Хилтон. Чемпион видел варианты довольно далеко.

А за ужином Эйве после дальнего перелета выглядел менее утомленным, чем его спутники.

Своим примером и деятельностью Эйве сделал очень много, чтобы его родина Голландия стала классической шахматной страной. Конечно, когда он выиграл матч у Алехина в 1935 году, это вызвало огромный подъем в стране, радость всех шахматистов, и не только шахматистов. Но Эйве многого достиг и своей деятельностью в области шахматной литературы. Преподаватель, профессор математики, он уделил большой труд созданию учебных пособий. Его отличные учебники, кстати, изданные и на русском языке («Самоучитель шахматной игры», «Уроки шахматной игры», «Курс шахматных лекций»), расширили круг любителей шахмат и неоднократно переиздавались. Он был знатоком дебютной теории и внес огромный вклад в эту область шахматной литературы.

Мне довелось познакомиться с Эйве и как с автором, когда я работал в «64». Он безотказно откликнулся на просьбу редакции, хотя, естественно, наш скромный гонорар в «деревянных» интересовал его в последнюю, а может быть, и ни в какую очередь. Мы вовремя получили статью, написанную убористым и очень четким почерком.

Гражданские качества Эйве тоже широко известны. В период немецкой оккупации Голландии он отказался от участия в международных турнирах, организуемых «новым порядком».

Свое мнение о происходящих шахматных событиях Эйве мог высказывать, игнорируя конъюнктуру. В Москве, выступая в Доме журналистов перед матчем Спасский — Фишер, он без обиняков сказал, что шансы Фишера предпочтительней, хотя аудитория жаждала другого ответа. Однако когда Роберт Фишер, чемпион мира, завел в тупик переговоры о матче с претендентом Анатолием Карповым, президент ФИДЕ Эйве не пошел на поводу у чемпиона, и Фишер утратил корону.

Президентом ФИДЕ доктора Эйве выбрали на конгрессе в Зигене, в 1970 году. Фольке Рогард уходил в отставку, он был на два года старше Эйве, а Эйве было всего-то 69 лет. По голландским законам он должен был кончать служить профессором и уходить на пенсию. Вот и освободилось время для президентства. А выглядел Эйве так же, как и тогда, когда мы обсуждали эту тему с Эстриным.

Выборам предшествовала присущая этой категории деятельности некоторая закулисная работа. Делегация Шахматной федерации СССР имела свои интересы. Вопрос о поддержке кандидатуры Эйве обсуждался в разных кругах, причем довольно медленно. Наконец Эйве выбрали, Фольке Рогард ушел в почетную отставку, а Эйве немедленно уехал из Зигена в Голландию по своим неотложным делам. У нашей делегации остались еще кое-какие проблемы, и мы рассчитывали на поддержку Эйве. Я высказал огорчение одному нашему дипломату, который в эти дни находился в Зигене: вот, дескать, как нехорошо, только выбрали, а он умчался.

Дипломат мне без экивоков сказал, что ничего удивительного, слишком долго Эйве морочили голову.

Доктор Эйве был очень авторитетным президентом ФИДЕ. А к нашим шахматистам, к Федерации относился внимательно и с уважением. Он немало сделал для популярности шахмат и за пределами своей родины.

Он отличался твердостью спортивного характера. Был своего рода рекордсменом по количеству сыгранных матчей. Сыграл более тридцати матчей с сильнейшими шахматистами мира. Причем отдавал дань единоборству на всех этапах

М. Эйве и С. Флор

своей спортивной биографии. В бескомпромиссной борьбе ковал свое мастерство.

Мне посчастливилось видеть встречу Эйве с Геллером в турнире претендентов 1953 года в Швейцарии. Это было время, когда пик достижений Эйве остался уже позади. Он играл черными. Геллер мощно атаковал. Казалось, что атака неотразима. Секундант Геллера гроссмейстер Бондаревский был доволен, выражал уверенность в успехе. Но вдруг неожиданный красивый защитительный маневр, и атака белых разрушилась, как картонный домик.

Конечно, Ефим Геллер был выдающимся мастером атаки, но ведь Эйве много десятков раз атаковал сам Алехин. Доктор был закален и изобретателен и никогда не терял самообладания.

В 1975 году я по поручению «Литературной газеты» провел заочный «круглый стол» шести чемпионов мира по актуальным шахматным вопросам. Пятый вопрос был таков: «В последнее время повысилась шахматная сила ЭВМ. Будет ли создан «электронный гроссмейстер»? Если да, то повлияет ли он на развитие шахмат?» Экс-чемпион ответил так: «Много лет назад, когда я был помоложе, я много сил отдал созданию программ для «электронного гроссмейстера». Тогда это было очень модным... Прошли годы, и я вовсе не очарован новыми поисками в этом направлении, хотя и должен с прискорбием признать, что компьютеры играют год от года все лучше. Уважаемый экс-чемпион мира Михаил Ботвинник считает, что уже в обозримом будущем будет создан «электронный гроссмейстер». Я же считаю: не дай-то Бог! На мой взгляд, нельзя ничем заменить могучую фантазию, уникальную интуицию выдающихся шахматистов. Пускай шахматы останутся шахматами, пускай в игре мастеров останутся ошибки и просчеты, ведь они во многом и определяют прелесть этой вечно юной игры! А компьютеры пускай занимаются математическим анализом, переводами с иностранных языков — в общем, чем угодно, только не шахматами».

Профессор Макс Эйве шесть лет был директором Нидерландского исследовательского центра обработки информации с помощью ЭВМ. Когда он стал чемпионом мира, Тартаковер писал: «На смену шахматному философу Стейницу, человеку энергии Ласкеру, виртуозу Капабланке, романтику Алехину пришел логик».

Мне кажется, что Тартаковер «попал на вариант». Профессия Эйве — математик, подсказывала, что ни в коем случае не «лирик», а просто «физик». А вот сам Эйве открытым текстом признается, что его любовь — шахматы, что ошибки могут их украсить. Разве ошибка может украсить математическое построение? Он просто искренне любил шахматы и очень высоко ценил их. На том же самом «круглом столе», отвечая на другой вопрос, Эйве отмечал, что «...шахматы способствуют не только росту интеллекта, они дисциплинируют человеческий ум, способствуют созданию стройной системы образа мышления, наконец, учат просто логически мыслить, без чего современный человек существовать не может».

Получается, что доктор Макс Эйве был и физиком, и лириком в одном лице.

Интересно охарактеризовал Макса Эйве мудрый Ласкер: «Когда Эйве принял решение вызвать на матч Алехина, последний находился в зените своей славы. Он оставался непобедимым в матчах, а результат его игры в турнирах был непревзойденным рекордом. Алехин пришел в шахматный мир как Наполеон. Чувствовал ли Эйве, что он будет его Веллингтоном? Во всяком случае, у Эйве с Веллингтоном то общее, что он мог проиграть отдельные сражения, но ни в коем случае — потерять веру в себя и в свои силы. Так Эйве сумел пережить свои поражения в начале и середине матча, не потеряв своей предприимчивости и жажды борьбы, и в конце концов он оказался победителем» (Э. Ласкер, «Шахматный ежегодник», Москва, 1937 г.)

Спортивным успехам, продуктивности Эйве способствовали не только таланты, но и отличные физические данные, спортивная форма. Он был высокого роста, самый высокий среди чемпионов мира. Голландцы шутят, что это очень важное качество, потому что Нидерланды кое-где лежат ниже уровня моря и необходимо держать нос над водой.

И в семейной жизни профессор-гроссмейстер был образцом, имел четырех дочерей. Такой вот гармоничный человек.

Индийская защита
М. Эйве — М. Найдорф
 Турнир претендентов
 Цюрих 1953

1.d4 ♖f6 2.c4 g6 3.g3 ♗g7 4.♗g2
 0-0 5.♗c3 c5 6.d5 e5 7.♗g5 h6
 8.♗:f6 ♚:f6 9.d6!

Вклинившаяся в расположе-
 ние черных пешка нарушает
 взаимодействие сил против-
 ника.

9... ♗c6 10.e3 b6.

Предпочтительнее было 10...
 ♗h8, предотвращая 11.♗d5.

11.♗d5 ♗h8 12.♗e4 ♚d8 13.h4
 f5 14.♗g5 ♗b7 15.g4!

Белые не соблазняются выиг-
 рышем качества.

После 15.♗f7+ ♚:f7 16.♗:f7
 ♗b4 17.♚h2 ♚f6 18.♗d5 ♗:d5
 19.cd e4 черные фигуры ак-
 тивны.

15...e4 16.♗e2 ♗:b2 17.♗f4!
 ♚f6.

И другие продолжения не да-
 вали надежной защиты.

18.gf ♗:a1.

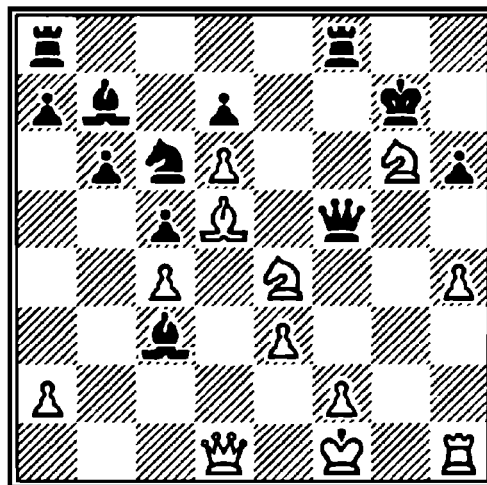
На 18...gf могло последовать
 19.♚h5!

19.♗:g6+ ♗g7 20.♗:e4 ♗c3+.

На 20...♚:f5 следует 21.♚:a1+
 ♗:g6 22.♚g1+ с разгромом.

21.♗f1 ♚:f5

У черных лишняя ладья, они
 владеют вертикалью «f», но бе-
 лые могут включить в атаку все
 свои фигуры.

22.♗f4 ♗h8.

Слона спасти было невозмож-
 но. После 22...♗e5 решало 23.♗g3
 ♚h7 (единственное отступление)
 24.♚g4+ ♗h8 25.♗g6+ с разгро-
 мом. Плохо и 22...♗f6 из-за 23.
 ♗g3 ♚e5 24.♚g4+.

23.♗:c3 ♚ae8 24.♗ce2 ♚g8
 25.h5! ♚g5 26.♗g3 ♚:g3 27.fg
 ♚:e3 28.♗f2 ♚e8.

На 29... ♚a3 выигрывает 30.♚e2
 с угрозой 31.♚e8+ и 31.♚b2+.

29.♚e1 ♚:e1 30.♚:e1 ♗g7
 31.♚e8 ♚c2+ 32.♗g1 ♚d1+
 33.♗h2 ♚c2+ 34.♗g2.

Шахи закончились, а защи-
 щать черного короля нечем.

34...♚f5 35.♚g8+ ♗f6
 36.♚h8+ ♗g5 37.♚g7+. Черные
 сдались. Поражение неминуемо:
 37...♗:h5 38.♗f7+, и мат следу-
 ющим ходом.

Когда Эйве играл в турнире
 претендентов, он был старше всех
 участников. Найдорфа — на де-
 сяток лет. Энергия, с какой экс-
 чемпион мира провел эту партию,
 удивительна.

КЕРЕС

Прелюдия

Блистательного шахматиста Пауля Кереса Александр Котов называл «везунчиком». В своей книжке «В шутку и всерьез» Котов описал некоторые эпизоды, когда он стал свидетелем удивительных удач Кереса.

Во время длительного перелета стюардесса в самолете устраивает лотерею: предлагает пассажирам угадать, сколько спичек лежит в бокале. Угадывает один Керес. И получает приз — часы. Котов спрашивает: «Почему ты сказал сорок одна?» Керес отвечает, потому что ему 41 год.

Керес называет другу «счастливые» номера лотерейных билетов, и друг выигрывает. Он удачнее всех угадывает счет футбольного матча. Закидывает спиннинг, не увлекаясь ранее рыбной ловлей, и на глазах у завязанного рыболова, который долго пытался что-то поймать, вытаскивает рыбешку — крючок впился ей в бок. И все это делает шутя, без азарта.

Природа помимо таланта наградила Кереса целым букетом превосходных качеств. Красивый, стройный, трудолюбивый, выдержанный, аккуратный, по-настоящему спортивный и так далее. Он без усилия завоевывал симпатии окружающих и болельщиков и не ввязывался в конфликты. Казалось бы, что жизнь должна идти плавно и прекрасно, как говорится, тишь да гладь, Божья благодать...

А на самом деле не так. В двадцать два года он завоевывает право играть матч на первенство мира с Алехиным, но тому не суждено было сбыться — мировая война, смерть Алехина. Он постоянный фаворит в состязаниях претендентов, но всегда немного не дотягивает до первого места. Его любимая родина, Эстония, попадает в вихрь мировых событий, Керес не покидает ее, хотя во многих странах мог бы найти самый добрый прием. Немецкие оккупанты вызывают его в казенный дом и требуют, чтобы он играл в чемпионате оккупированной Европы. Шахматный профессионал вынужден согласиться. Советская Армия изгоняет оккупантов, и Кереса вызывают в тот же дом держать ответ за то,

что согласился. Его лишают спортивных званий, он уже не гроссмейстер. Но он Керес, а Керес не гроссмейстер звучит нелепо. Звание возвращают.

Мне довелось знать одного очень талантливого шахматиста, который после успеха становился как бы неприступным, а после неуспеха приветливым, компанейским. Керес всегда был ровен. Можно догадаться, чего это ему стоило.

Керес умел воспринимать жизнь такой, какая она есть. Он жил в прекрасном Таллине, на улице с романтическим названием Ыйе (Цветочная). Не дожил полгода до шестидесяти лет. Улицу назвали его именем. Ушел из жизни молодым — и по виду, и по сути. «Везунчик»? Скорее судьба-индейка.

Эталон*

В этом (1986) году Паулю Кересу должно было исполниться 80 лет. Прекрасный спортсмен-теннисист, уравновешенный характер, отсутствие вредных привычек, трудолюбие — казалось, все предвещает долгую жизнь. Не сбылось. Легендарный шахматист скончался неожиданно для всех на шестидесятом году — отказало сердце.

С Паулем Петровичем Кересом мне посчастливилось быть знакомым. Это не было близким знакомством, дружбой, но и не ограничивалось знакомством по схеме: здрасьте — до свидания, как живете? — спасибо, ничего. Я обращался к нему по имени и отчеству, что вроде бы на его родном языке не принято. Его это устраивало. Он называл меня Михаилъ Абрамович. Это устраивало меня.

Эстонский мастер Вальтер Хеуэр, превосходный журналист, издал книгу о своем знаменитом соотечественнике. Как-то он сказал мне, что было бы неплохо, если бы я поделился своими воспоминаниями о Кересе. Я запоздал, правда, ничего неожиданного я шахматистам сообщить не могу, но рискну поделиться тем, что знаю.

Среди турниров, что я видел в своей жизни, очень крепко запомнился финал XII чемпионата СССР в Москве, в Большом зале

* «Мир шахмат», 1996 г.

Консерватории. Память часто возвращается к погожим осенним дням 1940 года. Турнир был всесоюзным и в то же время вроде международным. Тогда в границах Союза оказались прибалтийские страны, Западная Украина. Финал усилили Керес (Таллин), Петров (Рига), Микенас (Вильнюс), Герстенфельд (Львов), да еще эмигрировавший из Венгрии Лилиенталь.

Керес был признанным претендентом на титул чемпиона мира. Выглядел двадцатичетырехлетний гроссмейстер безукоризненно. Роста по тем временам высокого, стройный. Костюм, галстук, платочек в кармашке пиджака, пробор — все аккуратно, все детали пригнаны. Позже выяснилось, что он вовсе не склонен эксплуатировать плюсы своей внешности, что естественно для большинства молодых людей, что он консервативен в своих вкусах на одежду, не любит менять цвет. И еще оказалось, что подчер-

В. Микенас и П. Керес (1940г., Москва)

кнутая внешняя скромность, если не сказать замкнутость, вовсе не таит чопорности. Напротив, он не прочь пошутить, поиграть блиц, повеселиться. Тогда же, на XII чемпионате, болельщики, глядя на «живого» Кереса, видели европейского джентльмена, застегнутого на все пуговицы.

После окончания турнира Кереса попросили на закрытии прокомментировать одну партию. Он комментировал тогда по-немецки, с переводчиком. Что за партия, я запомнил, однако много лет спустя на Олимпиаде в Буэнос-Айресе вспомнил, когда комментатор сказал: «Торо пор торо», что Керес говорил: «Турм нимт турм», что значит: ладья берет ладью. «Тура она и в Африке тура, — подумал я, — а у нас вот ладья. Надо же...»

Прошло пять лет, и осенью 1945 года мне посчастливилось познакомиться с Кересом лично. Он пережил фашистскую оккупацию в Эстонии, за что его на всякий случай лишили звания гроссмейстера СССР. В те дни Таллин принимал шахматистов Риги. Было сыграно два командных матча. В первом с Кересом играл А. Кобленц, а я играл с Александром Арулайдом, мастером интересного активного стиля и человеком твердых взглядов, которые не скрывал. Во втором матче Кобленц не играл, так как матч шел под флагами «Даугава» — «Калев», а он был инструктором в другом обществе, я же был «нейтралом», просто адвокатом и поэтому встретился с Кересом.

В первой партии я почему-то стал играть дебют Рети, отдал центр и быстро задохнулся. Во второй решил переломить ход событий, для чего снял стресс старинным способом — при помощи ста граммов за обедом перед игрой, чего никогда ранее не делал. Вероятно, после первой партии Керес настолько утратил интерес к моему «творчеству», что это привело в конечном счете к ничейному исходу. Во время игры я чувствовал себя превосходно, было тепло, снял свитер... (Не пропагандирую, но факт!) А после партии в разговоре с Арулайдом я подчеркнул свои достижения. Он охладил мой пыл, популярно разъяснив, что Керес остается Кересом, даже если какой-нибудь отдельно взятый пижон сделает ничью или даже, паче чаяния, выиграет. Арулайд был прав. Вспомнив строчки из «Маугли» Киплинга — «Лес велик, а ты ничтожен/ Ты б подумал и умолк», — я последовал разумным рекомендациям.

Признался я в нарушении спортивного режима потому, что прошло более 50 лет, истекли все сроки давности. Любопытно, что в своей книге «Сто партий», скрупулезно аккуратный Керес упомянул в перечне своих выступлений и те командные матчи далекого 1945 года. Познакомившись с ним, я обнаружил, что он говорит по-русски. Характер поведения Кереса не менялся — вел он себя с достоинством, скромно и в те дни, когда был лишен звания гроссмейстера, и потом, когда его вернули да еще прибавили заслуженного мастера спорта СССР. Великий шахматист — величина постоянная.

Восемь лет спустя, в 1953 году, мне довелось наблюдать игру Кереса на турнире претендентов в Швейцарии. Тогда добился одного из своих высших достижений Смыслов. Турнирное счас-

тье не сопутствовало Кересу, но на протяжении всего этого двух-кругового длинного турнира он излучал спокойствие, сохранял выдержку и преследовал лидера до конца, разделив 2-4-е места с Бронштейном и Решевским.

Через двадцать лет после моего первого знакомства с прекрасным городом Таллином я оказался там главным судьей 33-го чемпионата СССР, где в числе других гроссмейстеров принимал участие и Керес.

Турнир отлично организовали, несомненно, благодаря большому авторитету Кереса. Отношение к участникам было самое внимательное, но особенно поразила меня дисциплина зрителей. В самые волнующие моменты, когда наполненный шахматистами зал начинает понемногу гудеть, достаточно было судье, выйдя на авансцену, поднять руку, как гул стихал... Может быть, в этой естественной дисциплине был один из истоков непоколебимой выдержки Кереса.

Игра в чемпионате у него не шла, он напрягался, я видел, как в конце партий он трет утомленные глаза. В разговоре со мной он сказал, что, пожалуй, не следует больше играть в финалах. Мне это показалось неожиданным, хотя и не лишеным здравого смысла. Я промолчал. Но Керес не выполнил своего намерения. Он играл и играл. Быть может, он чувствовал, что силы небесконечны, но со стороны казалось, что гроссмейстер не меняется, остается всегда молодежавым. Он по-прежнему играл в теннис, имея, кстати, высокую спортивную квалификацию.

Как-то он рассказал мне, что поехал однажды на всесоюзные соревнования по теннису в мягком вагоне. Бухгалтер, принимая отчет, возразил, что, мол, не положено. Керес напомнил, что заслуженным мастерам спорта разрешается. Бухгалтер стоял непреклонно — вы же заслуженный по шахматам, а не по теннису. На что Керес возразил, что, дескать, странно — фигура-то одна и та же.

Вызывало уважение к Кересу и полное отсутствие у него склонности к конфликтности. Есть немало шахматистов, у которых, напротив, эта особенность довольно ярко выражена, а он относился к подобному пристрастию иронично. Я слышал от него, что он имеет записную книжечку, которую берет с собой, когда едет в Москву. А в книжечке записано, кто с кем не разговаривает, не

здоровается. Рассказывая это, Керес снисходительно улыбался, вроде как над детской глупостью.

В 1970 году сборная СССР участвовала в командном чемпионате Европы в австрийском городе Капфенберге. Капитаном команды был Керес. Отношения в команде, дух ее были превосходны, результаты тоже. Турнир окончился, и осталось некоторое время до отлета домой. Решено было, что гроссмейстеры выступят с сеансами в разных городах. Я как руководитель делегации быстренько прикинул, кого куда и, недолго думая, сообщил команде предложения. Возражений не было, вот только Пауль Петрович по поводу одной пары, направлявшейся вместе, заметил с улыбкой: «Вы, наверно, очень смелый человек, Михаил Абрамович...». И как в воду глядел. К сроку симпатичная пара гроссмейстеров условленным поездом в Вену, где был сбор, не прибыла. Скоро улетать, а гроссмейстеров нет... Конечно, загостились и на поезд опоздали. Правда, выручили новоприобретенные австрийские друзья, а вероятнее, собутыльники — домчали с ветерком до Вены на машине.

Керес обладал завидной выдержкой перед лицом неприятных событий. В бытность мою начальником отдела шахмат Спорткомитета планировался выезд Кереса в Австралию для сеансов. Он приехал из Таллина в Москву, до отлета оставалось всего ничего. Однако в сферах, где решались судьбы и пути, надумали выезд отменить. (Позднее мне один товарищ говорил, что какой-то умник из наших в Австралии убоился негативных последствий приезда Кереса в среде эстонских эмигрантов). И сверху вниз пошла команда «отбой». Крайним для выполнения пакостной роли назначили меня. Мы уединились. Я что-то промычал про нецелесообразность, ожидая заслуженных слов. Неожиданно Пауль Петрович понимающе улыбнулся. Может быть, он видел на ход дальше? Я позволил себе обратить внимание на его нестандартную реакцию. А он вразумил меня, объяснив, что в жизни немало встречается такого, что надо принимать поспокойнее.

Принято говорить о хобби героев. О Кересе говорили, что он имеет расписания движения поездов, самолетов, кораблей. В прошедшие годы на многих дальних маршрутах существовали стыковки, да еще необходимо было использовать рейсы «Аэрофлота». Иногда, чтобы спланировать оптимальный маршрут,

нужно было поломать голову. Тогда один из руководителей Спорткомитета звонил Кересу в Таллин, и хобби имело практический выход.

В 1970 году этот руководитель работал в другой организации, а нашим шахматистам надо было ехать в немецкий город Зиген на Олимпиаду. Мы получили билеты на довольно замысловатый маршрут. Сперва «Аэрофлотом» в Копенгаген, там многочасовая пауза, затем «чужим» самолетом во Франкфурт, оттуда поездом в Зиген. Прибыли ночью. А во время нудного ожидания в транзитном помещении Копенгагенского аэропорта Пауль Петрович заметил мне, что хуже маршрут придумать было трудно. Спорить не приходилось.

Это хобби соответствовало характеру мышления Кереса — аналитичность и высокая аккуратность в деталях. Его натурой было трудолюбие. Вероятно, это было свойством врожденным. В своей книге «Сто партий» Керес прозаично рассказывает о вещах, достойных восхищения. Ему не было еще пяти лет, когда он познакомился с шахматами. Играли с братом, не зная, что партию можно записывать, а когда узнал, то поступил так: «В маленьком городе Пярну, где мы жили, трудно было совершенствоваться в шахматах. Мы старались это компенсировать самостоятельной работой. Я завел специальную толстую тетрадь, куда внес тысячу партий, изучая первые ходы и отыскивая критические моменты борьбы». Так действовал дошкольник!

Шахматная карьера Кереса — не тема этих заметок. «Шахматы. Энциклопедический словарь» констатирует, что 35 лет Керес боролся за мировое первенство, участвовал в 67 международных турнирах, занял первые места почти в трех десятках. «Как турнирный боец Керес вряд ли кому-либо уступал на земном шаре», — писал М. Ботвинник. Керес был фигурой такого масштаба, что очки и половинки как бы отступают на второй план. Он был продуктивным аналитиком, автором отличных книг, составителем более 1700 задач, участником турниров по переписке... И весь этот огромный труд совершал без спешки, без цейтнотов.

Выступлениям Кереса в Канаде суждено было стать последними в его жизни. Он давал там труднейшие сеансы одновременной игры. Об этом рассказал мне мой шахматный коллега, служивший тогда в Канаде по дипломатической линии. Сеансы были

долгими, состав сильный, досок было много... Внешне Керес выглядел неважно, переутомлялся. Итог стал трагическим. На пути домой, в Хельсинки, перестало биться его сердце.

Однажды в разговоре мы коснулись, как говорят политизированные люди, проблем сельского хозяйства. Керес сказал, что в Эстонии есть коровы, дающие молоко девятипроцентной жирности. Спорить с эстонцем по таким вопросам глупо, но я возразил, что это сливки, а не молоко. Тогда Керес пригласил меня приехать и убедиться. Только заранее обусловить время, и я могу приезжать с супругой. Будет составлена небольшая программа, и все будет не хуже, чем в любой стране Европы. Увы, я так и не воспользовался... Все торопился. Строил, как говорится, светлое будущее.

Я когда-то слышал, будто мудрец или оратор из древних сделал такое сравнение: представим себе доску, в которую забито много гвоздиков. Усеяна вся поверхность. Выдернем все гвоздики, и окажется, что их маленькая горстка. Так и счастливые дни в жизни, считал этот пессимист.

Мне вспоминается один такой «гвоздик». В 1973 году в бразильском городе Петрополисе проходил межзональный турнир.

Я был там секундантом одного участника. В свободный от игры день группа участников спустилась на автобусе с гор в сказочный Рио. Все разбрелись. Когда настало время обеда, мы с Паулем Петровичем оказались вдвоем и пообедали на веранде ресторана, на краю бесподобного пляжа, отдыхая от долгого хождения по городу. Огромные зеленоватые океанские волны набегали на песок и откатывались. Небо было безоблачным. Солнце грело в меру. Настроение у Кереса было как всегда ровным. Мы беседовали о том, о сем. Казалось, что в мире все разумно, спокойно. Может быть, это исходило от природы, а может быть, Кереса окружала некая, как говорят модные ныне экстрасенсы, аура.

Последняя партия Кереса

Эту партию, последнюю в жизни, Керес сыграл в заключительном туре. Он лидировал с 7 с половиной очками из девяти. Американский гроссмейстер У. Браун отставал на полтора очка. Поединок оказался боевым.

Испанская партия
У. Браун — П. Керес
Ванкувер 1975

1.e4 e5 2.♘f3 ♘c6 3.♗b5 ♘f6
4.d3 d6 5.c3 ♗e7 6.♘bd2 0-0 7.0-0
♗d7 8.♚e1 ♚e8 9.♘f1 ♗f8 10.♗g5
h6 11.♗h4 ♗e7 12.♘e3 ♘g4 13.
♗:e7 ♘:e7 14.♘:g4 ♗:b5 15.♗h4
♗d7 16.♚e3.

Браун оптимистично готовит атаку на короля.

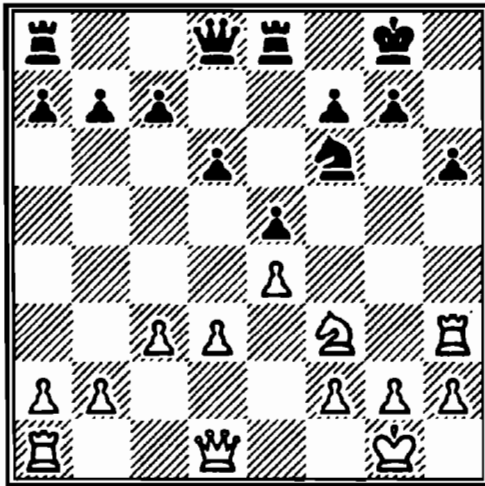
16...♗h7 17.♚g3 ♘g8 18.♘f3
♗:g4! 19.♚:g4 ♘f6 20.♚h4 ♗g8.

Позиция черного короля укреплена. Активные действия в центре подготовлены.

21.♚h3.

21...d5! 22.♗e2 ♗d7 23.♘h4 de
24.de ♚ad8 25.♘f5 ♗d2! 26.♗f3
♚e6 27.♚g3 g6 28.♚f1 ♗f4!
29.♚d1 ♚ee8 30.♘e7+ ♗g7
31.♘d5 ♗:f3 32.♚:f3 c6 33.♘e3
♚:d1+ 34.♘:d1 ♚d8 35.♘e3 ♘:e4
36.h3 ♘g5 37.♚g3 f5 38.♘:f5+ gf
39.h4 f4 40.♚g4 ♗g6 41.hg hg 42.g3
♗f5 43.f3 ♚d1+ 44.♗g2. Белые
сдались.

Как говорится, сила солому ломит. И не только «солому», но и полноценного гроссмейстера.

СМЫСЛОВ

Постоянство*

Семьдесят пять лет тому назад, 24 марта 1921 года, в Москве родился будущий чемпион мира Василий Васильевич Смыслов. К юбилею выдающийся шахматист пришел, сохраняя высокий творческий потенциал: он регулярно выступает в соревнованиях, публикует новые работы, передает гигантский опыт. Смыслов не меняет своих обыкновений и предпочтений, не меняет размеренный ритм жизни и работы. Это радует, а зачастую и удивляет почитателей его таланта.

На пороге этого года Василий Васильевич в новогодней анкете «МШ» на вопрос «Чем памятен для Вас уходящий год?» ответил, что в прошедшем году вышла его монография «Летопись шахматного творчества» (326 избранных партий за шестьдесят лет турнирных выступлений). Наступивший год ознаменовался выходом новой книги «Искусство эндшпиля».

Смыслов не прекращает выступать в соревнованиях, и некоторых это озадачивает: не пора ли, дескать, перейти к заслуженному отдыху? Тут надобно заметить, что Смыслов — стратег не только за шахматной доской, но и в жизни. Зачем менять освященный десятилетиями режим, когда есть сила? Правда, с грузом прожитых лет надо считаться, нельзя перенапрягаться и стремиться к максимально возможному результату. Не все смотрят так. Люди с обостренным самолюбием предпочитают в определенный момент отойти от турнирной практики. Как говорится, это возможный вариант. Ветеран решает свою проблему по-философски.

Долгий и славный путь Смылова довольно четко делится на самостоятельные периоды.

Первый период — от шести до четырнадцати лет. Отец Смылова Василий Осипович Смыслов (1881—1943) был квалифицированным шахматистом. В студенческие годы он в Петербурге

* «Мир шахмат», 7/96.

встречался за доской с Алехиным, Левенфишем... Научив сына играть в шахматы и обнаружив у него способности, Василий Осипович отнесся к этому с серьезным вниманием. Он, несомненно, был наделен тренерским даром, но единственным учеником оказался родной сын. В доме имелась изрядная шахматная библиотека. Будущий чемпион мира играл дома, с отцом, с дядей — Кириллом Осиповичем Смысловым, шахматистом второй категории, как говорилось тогда. Первой книгой стал «Самоучитель» Ж. Дюффрени, изданный с приложением лекций Эм. Ласкера «Здравый смысл в шахматах». Это довольно символично, так как со здравым смыслом у юбиляра всю жизнь дело обстояло неплохо.

В семь лет будущий чемпион мира получил свой первый в жизни приз — книгу А. Алехина «Мои лучшие партии»: Призом наградил его дядя, которого он одолел в матче, получая ладью фору. На книге надпись: «Победителю в матче, будущему чемпиону Васе Смыслову, от дяди. 28 мая 1928». Юбиляр по сей день бережно хранит эту книгу, этот «документ», свидетельствующий о начале его пути в шахматах.

В своей книге «Летопись шахматного творчества» В. Смыслов пишет, как он с огромным интересом изучал сотню книг домашней шахматной библиотеки, восхищаясь партиями старых масте-

ров и пришедшего им на смену поколения. Так что, когда настал день выхода на арену, молодой Смыслов был изрядно эрудирован. Надобно заметить, что шахматы учебе не мешали, а способности позволяли иметь в школе отличные успехи. Мне довелось увидеть Смыслова, играющего партию в турнире на третью категорию. Это было летом 1935 года в Москве, в шахматном клубе Центрального парка культуры и отдыха. Тогда разрядников было немного, турниры на третью категорию проводились непременно с часами и записью партий. Я тогда обратил внимание на то, как аккуратно юный Вася ведет запись полной нотацией... В наши дни, когда появился целый отряд мастеров детского возраста, третьим разрядом удивить может лишь младенец, но в ту пору шахматистов было немного, разряды ценились.

Осенью того же года начались «университеты» Смыслова: Москворецкий Дом пионеров, затем Стадион юных пионеров.

«Инкубационный» период был таким удачным, что путь к почетному званию мастера оказался на редкость коротким.

В 1937 году в чемпионате Стадиона юных пионеров Смыслов выигрывает все одиннадцать партий, показав полное превосходство над своими сверстниками, среди которых были будущий гроссмейстер Владимир Симагин, Александр Ельцов (очень талантливый шахматист, погибший на фронте), будущие мастера Михаил Бонч-Осмоловский, Юрий Гусев, да и я тоже.

Играли по воскресеньям, и отец юного шахматиста, как правило, приходил смотреть, как играет сын. Я играл староиндийскую защиту и довольно скоро понес материальные потери. По правилам хорошего тона следовало сдаться, однако я не спешил. Василий Осипович, стоя за спиной сына, наблюдал за игрой. Мне казалось, что лицо его выражало недоумение и неодобрение. Наконец я остановил часы, и мы немного проанализировали сыгранную партию. Смысловы воздержались от нравоучительных замечаний, которые я вполне заслужил. Выдержку и такт Смыслов, не сомневаюсь, унаследовал и получил от отца. Через всю жизнь он пронес умение внимательно слушать собеседника и никогда не повышать голоса в споре. К тому же он наделен превосходным качеством — стоически переносит превратности, неприятные неожиданности, которых так много в жизни шахматиста.

Осенью 1938 года, отлично окончив школу и став чемпионом СССР среди юношей, Смыслов играет в сильном по составу

чемпионате Москвы. С первой попытки он становится мастером, разделив 1-2-е места и показав зрелую игру. Стилль его сложился органически уже в ту пору. Гармоничное сочетание стратегических и тактических компонентов в связке с технической чистотой. Он не старался придать борьбе непременно комбинационный или позиционный характер, а исходил из реальной обстановки. Не стремился упиться красотой боя, а в подходящий момент охотно переходил в приемлемый эндшпиль, уже тогда обнаружив в этой стадии недюжинное искусство, что довольно редко для молодого шахматиста. В трудных положениях умел обострить игру, «закрутить» комбинационные вихри, заставить партнера погрузиться в пучину расчета вариантов, а сам не склонен был попадать в цейтнот.

Дисциплинированное мышление и сбалансированная нервная система — все говорило, что достижение мастерского звания для молодого шахматиста всего лишь первая ступенька на пути к высоким достижениям. И действительно, мастером Смыслов был недолго, хотя гроссмейстером в ту пору стать было труднее, чем верблюду пролезть в игольное ушко.

Осенью 1940 года в XII чемпионате СССР Смыслов занимает третье место, впереди Ботвинника, Кереса и ряда крупнейших мастеров, а затем в шестерке сильнейших — в матч-турнире на звание абсолютного чемпиона СССР — вновь третий, что приносит в 20 лет звание гроссмейстера.

Начинается новый этап шахматного пути Смыслова — многолетняя дуэль с Ботвинником. На XIII чемпионате СССР Смыслов — второй, за Ботвинником. На первом после мировой войны большом международном турнире в Гронингене он третий — позади бывшего чемпиона мира Эйве и будущего чемпиона Ботвинника. В 1948 году Ботвинник становится чемпионом мира, победив в матч-турнире, а второй — Смыслов. Сила и успехи Смыслова растут. В 1949 году в XVII чемпионате СССР он делит 1-2-е места, и наступает золотой период карьеры Смыслова. В 1953 году он блестяще опережает всех соперников в турнире претендентов в Швейцарии — начинается его великое противостояние с Ботвинником. В 1954 году — ничья в матче на первенство мира; 1955 год — 1-2-е места на турнире в Гастингсе и в XXII чемпионате СССР; 1-е место на международном турнире в Загребе; 1956 год — вторая победа в турнире претендентов в Амстердаме. 1957 год — второй матч с Ботвинником, победа и лавровый венок чемпиона мира.

Через год, по существовавшим тогда правилам, состоялся матч-реванш, и Смыслов стал экс-чемпионом. Долгая дуэль завершилась, обогатив сокровищницу шахмат. Кроме того, она интересна тем, что соперники, многие годы стремившиеся «сломать» друг друга, сохранили самые приятные отношения, взаимное уважение к таланту, которым были наделены.

В шахматной истории было немало случаев, когда, потерпев решающее поражение, большой шахматист как бы опускает руки, не может более повторять свои лучшие достижения. Утрата чемпионского титула мало изменила Смылова. Как-то, много лет спустя, я понял из разговора с ним, что он видел главную спортивную задачу именно в достижении вершины. Раз достиг — значит, задачу решил, а сколь долго удастся держать первенство — вторично.

В историю шахмат седьмой чемпион мира вошел фигурой заслуженной, значимой. М. Ботвинник как-то сказал о своем бывшем сопернике: «Главная сила Смылова в шахматах в том, что он проницателен. Талант его универсален и исключителен. Он мог тонко сыграть в дебюте, уйти в глухую защиту, бурно атаковать или, наконец, хладнокровно маневрировать. А про эндшпиль и говорить нечего — это его стихия».

Наступил новый период творческого пути Смылова. Можно сказать, серебряный период.

Мне посчастливилось ассистировать Василию Васильевичу во время его подготовки и участия в межзональных турнирах 1973 года (Петрополис), 1976 года (Биль) и 1982 года (Лас-Пальмас). Готовился он ответственно, трудолюбиво, обнаруживая высокую выносливость, свежесть мысли. В первых двух турнирах был пятым, хотя играли участники, как правило, много моложе, а в Лас-Пальмесе занял второе место и вышел в соревнование претендентов на первенство мира. Дойдя до финального матча с будущим чемпионом Г. Каспаровым в 62 года, заняв третью ступеньку в мировой таблице о рангах, Смыслов поставил удивительный рекорд.

Вероятно, творческому долголетию Смылова помогает его неизменная любовь к шахматам. Нелегкий, в общем-то, труд за шахматной доской ему — в радость. Вспоминаю, что как-то Смыслов, будучи уже в солидном возрасте, выиграл у талантливого югославского гроссмейстера Кураицы, бывшего чемпиона мира среди юношей. Кураица, рассказывал мне после турнира Смыс-

лов, темпераментно изъявлял свое удивление: «Кто бы мог подумать, что такой пожилой господин так сильно играет?!»

Немалая заслуга Василия Васильевича в том, что он всегда с охотой передавал свой опыт. В эпоху советской шахматной школы, когда проводились регулярные юношеские соревнования «Белая ладья», Смыслов охотно откликался на приглашения. Как-то его спросили: а не тяжело ли в его возрасте давать сеансы с часами сильным юношам? В ответ Смыслов пошутил: «Нет, я буду стараться загонять их в цейтнот».

Сейчас на наших глазах в шахматном мире женщины успешно добиваются равноправия. Если раньше на всю планету была лишь одна женщина — Вера Менчик — мастером (по мужской классификации), а гроссмейстерская сила казалась недостижимым рубежом для прекрасного пола, то сейчас психологический барьер сломан, амазонки не боятся мужчин и частенько их бьют. Произошла революция: отряд женщин-гроссмейстеров растет и крепнет. В этом процессе заметную роль сыграла инициатива известного голландского мастера и организатора ван Остерома. «Ассоциация Макс Эйве-Монако» регулярно проводит по шевенингенской схеме соревнование сильнейших женщин против высококлассных «сеньоров». Для девушек — это настоящая академия. Характерно для Смылова, что он с охотой принимает участие в этом достойном деле.

Что помогает Смыслову, не считая таланта, так высоко держать уровень? Вероятно, одна из причин — его постоянство взглядов, размеренный образ жизни, стабильность предпочтений. Он всегда считал, что вовсе не диалектический материализм объясняет все тайны жизни. С молодых ногтей и в этом следуя по пути отца, он искренне любит музыку и серьезно занимается вокалом, выступал и в Московской Консерватории. Исполнял любимые произведения классиков в сопровождении оркестра. Он всегда считал шахматы в первую очередь искусством и искал в них проявление гармонии. И так же, как всегда, продолжает шагать по жизненному пути со своей женой и верным другом Надеждой Андреевной.

В книге Смылова «Летопись шахматного творчества» избранные партии расположены в хронологическом порядке. Ее завершают партии последних лет. Поединки с талантливыми и молодыми гроссмейстерами К. Хансеном и Я. Сейраваном демонстрируют, что оружие юбиляра не ржавеет.

Французская защита

В. Смыслов — М. Ботвинник

Матч на первенство мира
Москва 19541.e4 e6 2.d4 d5 3. ♘c3 ♗b4 4.e5 c5
5.a3 ♗a5 6.b4.

Рекомендовано Алехиным. На 6...cb следует 7. ♗b5 ba+ 8.c3. За пешку белые отлично развиты.

6...cd 7. ♖g4! ♗e7 8.ba dc 9. ♖:g7 ♗g8 10. ♖:h7 ♗d7.

Смыслов рекомендует 10... ♗bc6, подготавливая длинную рокировку.

11. ♗f3 ♗f8.

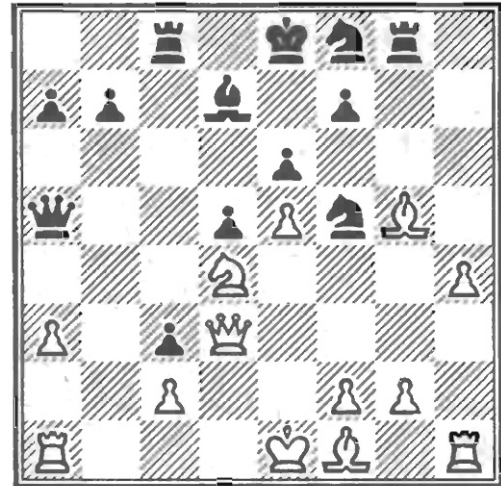
На 11... ♖c7 могло последовать 12. ♗b5! ♗:g2 13. ♖f1 ♗g8 14. ♗g1, и после размена ладей преимущество белых очевидно.

После 12...a6 13. ♗:d7+ ♗:d7 14. 0-0 у белых также преимущество.

12. ♖d3 ♖:a5 13.h4 ♗d7 14. ♗g5!

Короли остаются в центре. Угрожает продвижение проходной пешки h.

14... ♗c8 15. ♗d4 ♗f5.

16. ♗b1! ♗c4 17. ♗:f5 ef 18. ♗:b7 ♗e4+ 19. ♖:e4!! de 20. ♗b8+ ♗c8 21. ♗b5+ ♖:b5 22. ♗:b5 ♗e6 23. ♗f6 ♗:g2 24.h5 ♗a6 25.h6. Черные сдались.

Это была девятая партия первого матча, который закончился со счетом 12:12.

М.Ботвинник, Г. Гольдберг, В. Смыслов

ТАЛЬ

Прелюдия

Мне довелось познакомиться с тремя будущими чемпионами мира, когда они были совсем юными. Таль и Спасский десяти лет, а Карпов одиннадцати. Первые впечатления запоминаются.

С отцом Миши Таля я познакомился при любопытных обстоятельствах. В 1945 — 1947 годах я работал адвокатом в Риге... Дальше воспользуюсь отрывком из моей статьи в «Шахматах в СССР» (9/91).

«Однажды, когда я дежурил в юридической консультации, ко мне обратился, как говорили в старину, господин приятной наружности и с хорошими манерами. Он представился: «Доктор Таль». Оказалось, что в юридической помощи доктор Таль не нуждается. Знаю ли я его сына? — спросил он и поведал, что мальчик сызмала отличается отменными способностями, всякие письменные и устные предметы усваивает на лету, перескакивает в школе через класс, но, вот беда, слишком увлекается чтением. Чтобы умерить эту страсть, отец решил научить его играть в шахматы. Конечно, «помогло». Увлечшись шахматами, мальчик все забросил, стал анализировать, бегать по букинистическим магазинам в поисках шахматных книжек, и в школьном дневнике появились четверки. Доктор попросил меня поговорить с Мишей, используя мой шахматный авторитет, объяснить, что я, дескать, адвокат (по шкале ценностей, не забытой в ту пору в Риге, это заслуживало уважения), а М.М. Ботвинник — доктор технических наук.

Сравнение с Ботвинником меня озадачило, и я никак не мог решиться на разговор с Мишей.

Когда все же собрался, Миша уже окончил Университет и был экс-чемпионом мира.

Экс-чемпион мира меня выслушал, я извинился за случившуюся задержку, а он в темпе «блиц» сказал: «Спасибо».

В другой раз меня попросила повлиять на Мишин режим его первая жена Салли, написавшая позднее интереснейшую книгу «Элегия Михаила Таля», посвященную личной жизни семьи Таля.

Мои отношения с Михаилом Талем были чисто шахматными, и многое в этой книге меня ошеломило.

Прежде мы встретились в Брюсселе. Салли, ее муж, Таль и я. Таль и Салли были уже давно в разводе, однако часто общались по телефону и встречались, когда Таль играл в международных турнирах в Европе. Мы пили кофе. Улучив момент, когда Таль и муж Салли «отключились» от нас, Салли попросила меня повлиять на Мишу, чтобы он не злоупотреблял алкоголем, сигаретами... Повлиять на Таля в этом плане едва ли мог кто-либо на нашей планете. Я сказал об этом Салли. Она, вероятно, знала это не хуже меня. Оставалось утешаться лишь тем, что, огорчая своих близких, Таль был абсолютно безопасен для всех остальных. Опасен он был только для самого себя.

Обращения ко мне доктора Таля и Салли были просто незаслуженными комплиментами. Хотя и незаслуженными, а все равно приятно.

В 1979 году Таль играл в международном турнире в Малаге. В своей книге Салли пишет о встрече с Талем в Малаге: «Тут меня ждал сюрприз: Таля в гостинице нет. У него стало плохо с сердцем, и его отправили в Мадрид».

Возвратясь в Малагу, Таль объясняет Салли: «Теперь все в порядке! Просто в Ленинграде была задержка рейса. Кроме «гроссов» самолет перевозил в Испанию картины из Эрмитажа. Я просто переутомился...». И дальше: «Он, конечно, храбрился — вид у него был не ахти какой...».

Вот как я видел эту «эпопею» из Москвы. Вскоре после того как Таль улетел в Испанию, из Мадрида пришло известие — Таль в больнице, у него инфаркт, не то еще что-то. Состояние плохое. Большой начальник вызвал сотрудницу международного отдела, оформлявшую документы для выезда Таля. Начались поиски стрелочника. Начальник строго спросил — представил ли Таль перед выездом справку о состоянии здоровья. Сотрудница, Екатерина Яковлевна Стриганова, рассказала, что она ответила вопросом. Вроде: «Вы разве сами не знаете, какое здоровье у Таля?» Катя, так звали ее шахматисты старшего поколения, спортсменка, жена спортсмена, мать известного хоккеиста, робостью не отличалась. Она по-доброму относилась к мастерам и гроссмейстерам, и ее уважали. Так что можно не сомневаться, что она могла постоять за себя. Однако вскоре пришел привет из

Мадрида — Таль вышел из больницы, играет в турнире. Тучи рассеялись.

Позднее прояснилось, что самолет летел из Москвы в Испанию замысловатым маршрутом. Сперва в Ленинград, там долгая погрузка картин. Пассажиров будто бы из самолета не выпускали. Затем на юг, в Испанию... От Москвы полет долгий, а от Ленинграда тем более. Одним словом, налетались. Таль, само собой, накурился от души.

Таль занял первое место. Для любого такой эпизод был бы исключительным, а для Таля, увы, рядовым.

Невероятный, будто инопланетянин*

Говорят, что среди своих красивейших партий Таль назвал выигранную противником, так как хоть и проиграл, но участвовал в создании шедевра. Следуя примеру, скажу, что с удовольствием вспоминаю свой проигрыш Талю в сеансе. Дело было в Риге, Таль играл французскую черными, было ему десять лет, а сеанс давал я. Движения худенького мальчика были стремительны. Обращали внимание большие и как бы мерцающие черные глаза.

Шли годы, и когда я уже в Москве спросил у тренера Таля мастера Кобленца, он ответил всерьез, что мальчик будет чемпионом мира.

Юношей Миша стал мастером, и вскоре мы случайно встретились в редакции журнала «Шахматы в СССР». Он поздоровался, я на миг замялся, но «эти черные глаза» невозможно было забыть.

Какие глаза должны быть у гипнотизера? Шаблонный ответ — черные. Такие, как у Таля. Возможно, поэтому кое-кто говорил о гипнотическом действии Таля, а Пал Бенко во время партии даже «защищался» темными очками.

В 1957 году Таль занимает первое место в чемпионате СССР. Стиль игры молодого чемпиона необычайно агрессивен. В лексиконе шахматистов появляется выражение — «Сыграно в стиле Таля!» Однако высококвалифицированный автор, анализируя игру победителя, доказывал, что ряд партий Таль не должен был выиграть и, стало быть, его первое место незаконно. Таль от-

* «64—ШО», 1/92.

вечает не словами, а продолжающей расти силой игры. Он на практике доказывает, что важнее не что делать, а как делать. Можно играть солидно, не рискуя, но можно рисковать даже безумно, надо только ориентироваться в осложнениях лучше противника.

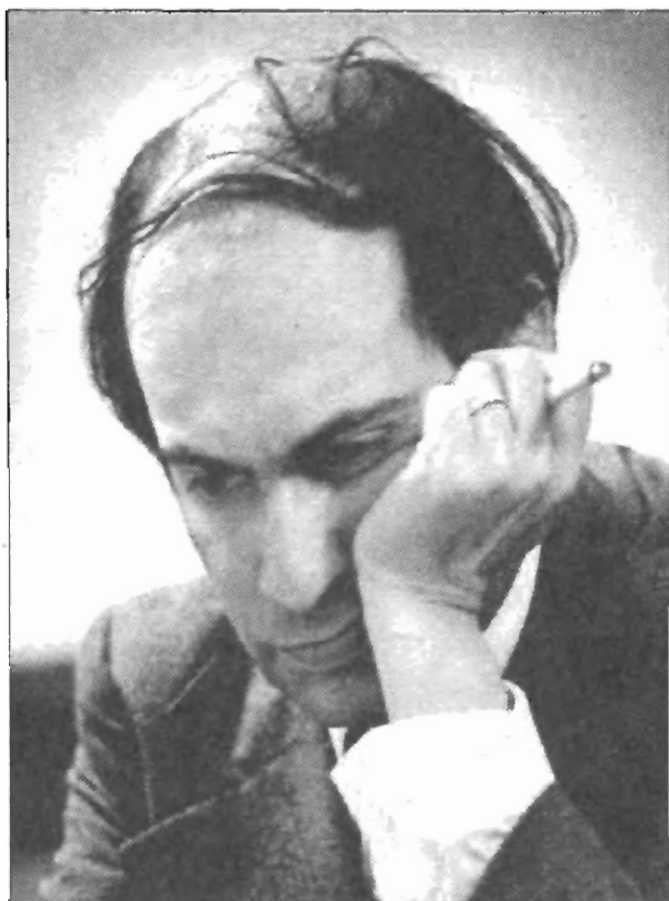
В истории шахмат не раз наступали «ледниковые периоды». Именно тихоходные пешки провозглашались душой игры, появлялся и бродил призрак ничейной смерти, защита объявлялась сильнее атаки, потоп дебютных вариантов в бесчисленных книгах и журналах грозил утопить вдохновение. Однако неизменно возникали гигантские фигуры — Пол Морфи, Александр Алехин, Михаил Таль, и — к восторгу любителей — доказывали, что вдохновение выше всего.

С огорчением я прочитал недавно строки одного спортивного журналиста. Желая, наверно, похвалить покойного, он написал, что хотя Таль всего год был чемпионом мира, но зато... и так далее. Напрасно берутся пирожники тачать сапоги. Ведь дедушка Крылов это делать не рекомендовал. Есть ли «загадка Таля» или ее нет? А если есть, то можно ли ее разгадать? Нужно ли для этого создать и развить «талеведение»?

Долгие годы знакомства с Талем я сознавал, что общаюсь с феноменом, но в силу каких-то недостатков моего характера, постоянного цейтнота, потока других шахматных впечатлений я встречался и общался с ним меньше, чем это было возможно. Теперь раскаиваюсь.

Хочу поделиться некоторыми эпизодами, что сохранила память...

Юный Таль за доской был так поглощен происходящим в партии, что, казалось, в жизни должен быть рассеянным, не от мира сего. «Так я и думал, — рассказал мне международный мастер Кан, тренер сборной студенческой команды страны, направлявшейся на чемпионат за

рубеж туда, где левостороннее движение. — Оказалось, что Миша сориентировался немедленно. Он видел все стремительно мчащиеся машины и порой «выхватывал» из потока своих зазевавшихся товарищей».

При этом Таль мог забыть свои деньги в нашем представительстве в заморской стране, сдав их на хранение на время. (Потом их, конечно, получал, но далеко не сразу.) Просто он четко ранжировал угрозы реальные и угрозы мнимые.

С рассеянностью Таля в случае угрозы мнимой я столкнулся в 1970 году в австрийском городе Капфенберге, где прошел командный чемпионат Европы. Перед отъездом домой я как руководитель попросил команду собрать все авиабилеты. Билета не оказалось у одного Таля. Посмотрели в его комнате там и сям — не нашли. Опытный Пауль Петрович Керес, капитан команды, говорит: «Надо посмотреть под письменным столом, в мусорной корзинке». Действительно, среди ненужных бумажек валялся авиабилет. За такой удачный финал я был награжден рассказом о случае еще более занятном.

Команда шахматистов в самолете. Руководитель А. Котов просит передать ему все паспорта. У всех паспорта на месте, у Таля — нет.

«Почему у тебя вечно не слава Богу? Смотри, вот мой паспорт всегда на месте», — говорит Котов и... вынимает из своего кармана паспорт Таля. Затем паспорт Котова находят в подкладке плаща Таля. Когда случился «размен», неизвестно, установлено лишь, что в кармане плаща дыра.

Не веря ни в какой гипноз Таля, надо признать, что он, несомненно, как-то воздействовал на окружающих.

Во время XXX чемпионата СССР в Ереване Таль играл с Холмовым. Зал Оперного театра переполнен. Таль готовит атаку, зал слегка гудит. Таль жертвует качество — грохот аплодисментов!

Судьи стараются восстановить порядок. А после партии Холмов говорил мне, что жертву качества он видел заранее и правильно считал, что можно отбиться, но тут эта овация... Будто потолок на голову рухнул. И перестал соображать.

В 1968 году я вел переговоры с Шахматным союзом Югославии о месте матча претендентов Таль — Глигорич. Предлагали Белград, я возражал — дескать, принято играть на нейтральном поле. А мои оппоненты заявили, что в Югославии за Таля болеют больше, чем даже за Глигорича.

В 1971 — 1973 годах я работал в еженедельнике «64». Однажды Таль комментировал партию для нас прямо в редакции. Сняв пиджак, он быстро вышагивал по небольшой комнате и, не глядя на доску, в темпе сыпал вариантами, диктовал текст как по писаному.

Не ново, что на солнце есть пятна и чемпионы ошибаются в комментариях. А шахматный читатель — великий дока по части критики. Он обнаруживает ошибки у любого авторитета и нередко берется за перо. Но вот, удивительное дело — ошибки в комментариях Таля встречались, а желающих писать о них не находилось. Какая-то магия, или же проще — он был подлинным любимцем публики.

Став самым молодым в истории чемпионом мира, Таль не изменился. Он с увлечением отдался на волю шахматных волн. Играл, путешествовал, давал интервью без отказа, не избегал даже развлекательных радиовыступлений. Его тренер Кобленц призывал остановиться, ведь возможен матч-реванш. Таль отвечал со смехом и более чем легкомысленно. Дескать, он может выиграть как угодно. (На пресс-конференции после матча-реванша Ботвинник рассказал, что он начал подготовку на следующий день после окончания первого матча.) Но с Таля как с гуся вода. Вновь с увлечением ныряет в океан соревнований. Победа ли, поражение — ничто не выводит его из обычного состояния. Доминанта — неутолимый голод по игре, по борьбе, по комбинациям. Они необходимы ему, как дыхание.

Ряд самых знаменитых шахматистов на вопрос врачебного толка о курении и винопитии твердо отвечают: «Нет!» Таль, увы, был тем самым исключением, без которого, как утверждают умные головы, нет правила. К своему здоровью он относился откровенно наплевательски. Хотя для этого не было ни малейших оснований. Чем только он не болел! Зато никогда не жаловался и не унывал. Он мог играть (и играл!) при высоком давлении и вообще в самом невообразимом состоянии. А при попытках обсудить с ним эту тему — улыбался. Он словно был создан для того, чтобы являть окружающим возможность победы духа над материей.

В 1985 году я оказался с Талем и его тренером Багировым во Франции, в Монпелье. Таль сыграл с Тимманом после турнира дополнительный матч, и счет 3:3 благоприятен для Тиммана. Он стал претендентом, а Таль упустил успех в последней партии. Не

унывая, Таль предложил нам с Багировым отметить окончание по старинному обычаю. Матч позади, отказываться неудобно. Однако вечером Таль должен давать сеанс. На этом настоял организатор турнира г-н Пи (такую фамилию забыть невозможно). Он объяснил, что матч — дополнительное соревнование, значит, без приза, но сеанс — это выход из положения. Талю это не очень нравилось, но получилось так: сеанс — это официальная часть, а потом сразу отъезд. И хотя обычно банкет устраивают после официальной части, в данной позиции случилась перестановка ходов. Мы сидели в номере втроем, чокнулись, закусили, все обсудили. Таль пошел поспать в темпе блиц, а затем спустился вниз давать сеанс. В середине сеанса, когда у Таля против Пи не хватало качества, хотя позиция внушала кое-какие надежды, француз предложил ничью. Участников, кстати, было немного, но все хорошей квалификации. Принимая за благо поощрить заслуги организатора, я рискнул поддержать мирное предложение. Дружелюбный и мягкий в обращении Таль ответил мне коротко и резко: «Нет!» Надо ли говорить, что в очередной раз дух победил материю?

Сеанс окончился, мы поднялись наверх, и Таль сказал, что теперь он хочет вернуться к обычному регламенту. Оказалось, что на этот случай у него кое-что припасено. Тут уж мы с Володей Багировым твердо сказали свое двойное «Нет!» Таль не соглашал-

М. Таль, В. Багиров, Н. де Фирмиан

ся, и я предложил компромисс: позднее, в поезде... Согласие было достигнуто.

Уезжали мы около полуночи. Кроме нас в купе спального вагона, оказавшемся узким, трехэтажным, находились седая дама и молодой человек с усиками, закрученными кренделем. Обстановка для теплой беседы неподходящая, да и пора спать. Не без ехидства я спросил: «Надеюсь, что туалет и коридор для такого мероприятия не подходят?» «Не подходят», — грустно согласился Таль.

Поезд прибыл в Париж затемно, нас встретил друг Таля и отвез на машине в гостиницу. Мы вручили ему чудом уцелевшую увесистую бутылку, хотя он по имущественному положению в гуманитарной помощи не нуждался и пытался отнекиваться.

В Монпелье Таль прибыл хромя, с палочкой. Вроде бы небольшое растяжение. По этой уважительной причине гулять не ходил. По многу часов занимался, готовился и делал это с большой охотой. Нога вскоре прошла, и мы с Багировым стали приставать к нему насчет прогулок. Дескать, кислород необходим и так далее. Таль отнекивался, говорил, что прохладно, а у него нет джемпера. Это была несерьезная отговорка в условиях Монпелье. Рядом с гостиницей магазины, а в них кучи хороших и недорогих шерстяных вещей. Отношение же Таля к деньгам было всегда таким же наплевательским, как и к режиму. Так что удалось его «утеплить». Увы, прогулки оказались короткими. Таль упирался, как мог. Когда мы беседовали после матча и Багиров сказал, что надо было побольше гулять, Таль отпарировал немедленно: «Именно поэтому и не выиграл, что слишком много гулял».

Не к случаю в памяти вертится анекдот. В зоопарке человек смотрит на жирафа. Смотрит долго-долго, а потом говорит: «Такой не может быть!»

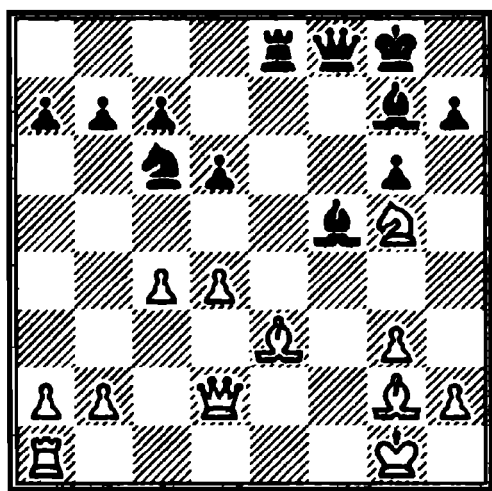
Миша Таль был и навсегда останется невероятным. Молниеносно соображающий, с феноменальной памятью, иногда рассеянный, а за доской невероятно сконцентрированный, легко избегающий конфликтных отношений, с быстрой речью, усыпанной блестками юмора, последовательно пренебрегающий своим здоровьем, казалось, даже без должного уважения к закону всемирного тяготения.

Есть ли загадка Таля? И если есть, можно ли ее разгадать? Один хороший шахматист, ученый-физик, не склонный к мистике, ушел от выводов полушуткой: «А может быть, он инопланетянин?»

Английское начало
Р. Торан — М. Таль
 Оберхаузен, командное
 первенство Европы, 1961

Эта партия демонстрирует две стороны стиля Таля: подвижность фигур важнее материала, а также — точный расчет вариантов. Причем расчет, как правило, был молниеносным.

1. c4 e5 2. ♖c3 d6 3. g3 f5 4. d4 e4
 5. f3 ♗f6 6. ♗g2 ef 7. ♗:f3 g6 8. 0-0
 ♗g7 9. e4 fe 10. ♗g5 0-0 11. ♗g:e4
 ♗:e4 12. ♜:f8+ ♚:f8 13. ♗:e4 ♗c6
 14. ♗e3 ♗f5 15. ♚d2 ♜e8 16. ♗g5.

Белые, вероятно, считали, что 17. ♗d5+ — сильная угроза. Однако, делая последний ход, Таль уже заготовил жертву ферзя.

16... ♜:e3!! 17. ♗d5+ ♚h8
 18. ♗f7+ ♚:f7 19. ♗:f7 ♜d3.

У черных за ферзя всего слон и конь, зато все фигуры активны и это решает.

20. ♚e2.

На отступление 20. ♚g2 Таль приводит красивый вариант: 20... ♗:d4+ 21. ♚h1 ♗e5 22. ♗d5 c6 23. ♗e4 ♜d2!!, выигрывая ферзя за ладью.

Если же 21. ♚f1, то 21... ♗e5 22. ♗d5 ♗g4 23. ♜e1 ♗e3+ 24. ♜:e3 ♜:e3 и 25... ♗d3+.

20... ♗:d4+ 21. ♚g2 ♗e5 22. ♜d1 ♜e3 23. ♚f1.

На 23. ♚d2 следует 23... ♗e4+ 24. ♚h3 ♗f3 25. ♚a5 ♗f5+ 26. ♚g2 (на 26. g4 следует мат в три хода: 26... ♗e1+ 27. ♚h4 ♗f6+ 28. g5, и мат двумя способами) 26... ♜e2+ 27. ♚:f3 ♜f2x.

В этом варианте все черные фигуры дружно атакуют, а превосходящие по силе белые фигуры не взаимодействуют.

23... ♗e4+ 24. ♚h3 ♜f3 25. ♚e2.

Попытка спастись, отдав ферзя, 25. ♚:f3, не достигала цели: 25... ♗f3 26. ♜:d4 ♗:f7 27. ♜f4 ♗g5+ 28. ♚h4 h6 с решающим материальным перевесом у черных.

И другое отступление ферзя на спасало: 25. ♚e1 ♗f5+ 26. ♚g2 ♜f2+ 27. ♚h1 ♗f3 28. ♚e8+ ♚g7 29. ♚g8+ ♚h6 30. ♚f8+ ♗g7 — шахи кончились, защиты нет.

25... ♗f5+, и белые сдались, так как на 26. ♚h4 следует 26... ♜f2. Грозит 27... ♗f3+. Если 27. ♚:f2, то 27... ♗:f2. Грозит 28... ♗f3x. 28. ♗d5 h6 — король в матовой сети.

ПЕТРОСЯН

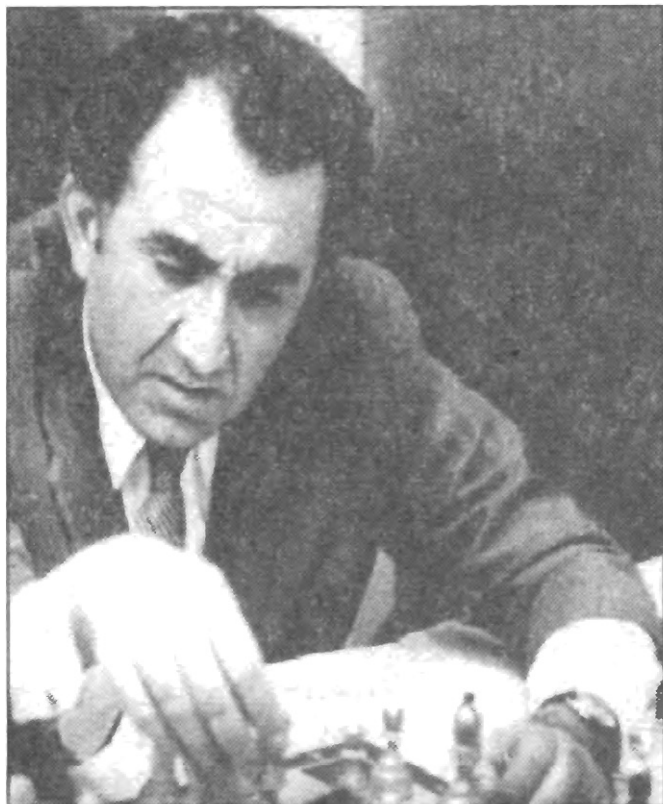
*Далекое близкое**

В 1999 году Тиграну Петросяну исполнилось бы 70 лет. Однако ему было суждено уйти из жизни полтора десятка лет тому назад. Много событий произошло в эти годы в шахматном королевстве. Компьютеры озверели и набросились на чемпионов. Долголетняя и беспощадная дуэль Карпов — Корчной сменилась не менее острой Карпов — Каспаров. Роберт Фишер нарушил двадцатилетнее затворничество и сыграл второй матч с Борисом Спасским. Положительного во втором оказалось мало. Разве что соперники сохранили взаимную приязнь да получили призы. Чуда, увы, не произошло. Стройная система определения шахматного короля проявила признаки шизофренического раздвоения. Не вынесла бедняга безлимитные эксперименты и прочие выкрутасы. Средства массовой информации в нашей солнечной стране охладели к зазнавшейся интеллектуальной игре. Герои нашего времени предпочитают презентации, тусовки, казино, наконец. К счастью, герои далеко не все. Для множества людей шахматы остались равны себе, а девятый чемпион мира (без версий) Тигран Петросян — великим шахматистом и удивительным человеком.

Мне посчастливилось долгие годы быть довольно близко знакомым с ним. Как только Тигран стал чемпионом мира, я взял у него интервью для еженедельника «Москоу ньюс». Позже с интервалом в три года писал о двух матчах с Борисом Спасским. Еще остались в памяти эпизоды, о которых раньше не писал. Быть может, эти заметки послужат штрихами к портрету Тиграна.

Через день после того, как Тигран был увенчан лавровым венком чемпиона, я пришел к нему утром, к назначенному часу, в его квартиру на Пятницкой улице. Квартира была просторная. Получив ее после того, как прошел через знакомые миллионам людей испытания квадратными метрами, Тигран был очень дово-

* «64» — ШО», 5/99.

лен, но простор оценил своеобразно: «Можно проводить для команды тренировочный сбор».

Непрестанно звонил телефон. Московским и иногородним редакциям были нужны слова нового чемпиона мира. Тигран благодушеествовал и готов был беседовать сразу со всеми. Но Рона, его супруга, отбивала атаки. Я же прорвался, естественно, по знакомству.

Первый вопрос задал Тигран: «Любопытно, о чем ты будешь меня спрашивать в качестве корреспондента?» Вчера прошла

пресс-конференция, задано было уже немало вопросов. Я спросил: «Когда ты решил стать чемпионом мира?»

— Сначала я не ставил себе такой цели. Я был уже гроссмейстером, когда в 1956 году разделил 3-7-е места в Амстердамском турнире претендентов. Результат как будто неплохой, однако в журнале «Шахматы в СССР» о моей игре в турнире не было сказано ни одного доброго слова. Всем были даны исчерпывающие характеристики, а обо мне ни звука. Может быть, я зря обиделся на подобную критику, в моей игре того периода были серьезные минусы, однако решил так построить свою подготовку, чтобы сделать попытку стать чемпионом мира.

Знаешь, продолжал Тигран, когда меня спрашивают о том, как я сумел стать чемпионом мира, я всегда вспоминаю армянскую сказку о храбром Назаре. Этот Назар был слаб, робок, не блистал умом и, несмотря на все, стал царем. Он пригласил во дворец своих друзей-неудачников и угощал их по-царски. Друзья спросили, как ему удалось стать царем? «Самое главное — это счастье», — поделился своим опытом Назар.

Тигран лукаво улыбнулся, а я подумал, что тот Назар был, видать, парень не промах, и задал второй вопрос: «Какие главные причины победы над Ботвинником?»

— У Ботвинника замечательное комбинационное зрение. Я пришел к этому выводу вопреки распространенному мнению.

Попытки «закрутить» Ботвинника в комбинациях, ошеломить его жертвами в целом не должны привести ни к чему хорошему. И, с другой стороны, все привыкли к мысли о непогрешимости Ботвинника в эндшпиле. Матч показал, что его можно переигрывать в окончаниях.

Далее, спортивная установка на весь матч у меня была такая: ни в коем случае не отыгрываться! Есть русская поговорка: «Не за то отец сына бил, что играл, а за то, что отыгрывался». Я видел, как в свое время противники Ботвинника, потерпев поражение, старались немедленно реваншироваться, играли неосторожно, необоснованно агрессивно и платили за это. В общем, это не ново, однако выполнить установку на спокойную игру трудно, а делать это пришлось сразу после первой партии.

Петросян также рассказал об одном «секрете» своей подготовки к матчу на первенство мира. Он был корреспондентом газеты «Советский спорт» на пяти матчах на первенство мира. Три матча Ботвинник — Смыслов и два Ботвинник — Таль.

— Я видел и анализировал партии от первого до последнего хода. Я приходил в пресс-бюро, пожалуй, аккуратнее всех корреспондентов... Все эти пять матчей я готовился к своему матчу.

Еще Тигран рассказал о забавном эпизоде. Во время матча группа земляков-болельщиков прислала телеграмму: «Согласны, чтобы проиграл «Арарат», лишь бы выиграл ты!» Бедняги футболисты не знали, что верные болельщики готовы принести их в жертву.

После первого матча со Спасским (1966) Тигран рассказывал, что он убедился в своей победе в матче после двадцатой партии. Предыдущую он проиграл, счет стал равным, дома горевали. Тигран утешал Рону философскими рассуждениями, что, мол, и после утраты звания чемпиона мира жизнь все равно продолжится. Однако «проповедь» успеха не имела.

— Пришлось выиграть двадцатую партию, — смеялся Тигран. Матч игрался на большинство из 24 партий.

При равном счете Петросян сохранял титул. Стоило ли рисковать? Неожиданно «тигр прыгнул».

Во втором матче со Спасским Петросян лишился почетного титула чемпиона мира. Слабое, конечно, утешение, что титул этот временный, а экс-чемпион — постоянный.

Матч шел для Тиграна трудно. Должностное положение обязывало меня соблюдать нейтралитет. Как-то Рона заметила меня в зале, когда Тигран проиграл. Отдав дань суеверию, она попросила меня в зале не появляться. Пришло время финиша. Я сижу за шахматным столиком в пресс-центре, переполненном возбужденными корреспондентами. Анализируют позицию. Белые фигуры Спасского мощно атакуют. Угрозы нарастают. Вдруг из зала раздался грохот аплодисментов. Все ринулись из пресс-центра к проходу на балкон. А я остался один, у разбитой позиции черных, за шахматным столиком.

При всей симпатии к Спасскому, при всем нейтралитете, было грустно.

Большинство шахматистов, вероятно, испытывают симпатии к игре блиц. Мне посчастливилось быть зрителем турнира совершенно исключительного. Это было в 1971 году, 31 марта, в Центральном шахматном клубе. Участвовали шестнадцать гроссмейстеров, цвет советских шахмат. Отсутствовал, правда, чемпион мира Спасский. Турнир был посвящен в духе времени XXIV съезду КПСС. Среди зрителей — знатный гость Москвы руководитель Венгрии Янош Кадар. Шахматист, между прочим. Это был потрясающий бенефис Петросяна! Он играл быстро, без видимого напряжения. Ходы делал легко, с таким видом, будто все они сами собой разумеющиеся. Выиграл подряд восемь партий, потом сделал единственную ничью с Сашей Зайцевым, покойным ныне гроссмейстером из Владивостока. А Корчной в это время был в районе пятидесяти процентов. Правда, он прекрасно финишировал, но Тигран бил как в барабан: 14,5 из пятнадцати! Корчной, второй в турнире, отстал на три очка. А дальше шел Балашов, 10,5 очков и еще на очко позади делили места Карпов, Таль и Холмов.

Еженедельник «64» установил приз победителю турнира. А победителем оказался главный редактор. Виктор Корчной, улыбаясь, сказал корреспонденту: «Ну что тут поделаешь: тигр — это тигр!» В ту пору у них были добрые отношения. Интересно было наблюдать не только за перипетиями на шахматных досках, а за буквально веселящимся Тиграном. Он будто играл с симпатичной детворой.

Корреспондент «64» спросил после турнира у Петросяна: «Что важнее при игре блиц — интуиция или расчет?» Петросян ответил: «Как и в серьезной партии, нужно хорошо играть!»

Однажды Тигран спас меня от праведного гнева ГАИ. Мы возвращались из Спорткомитета на дачу. Тиграну был торжественно вручен орден Дружбы Народов. Я за рулем. Подъезжаем к концу пути, и вдруг вижу, что там, где можно было съехать налево с Рублево-Успенского шоссе, — сплошная разделительная белая линия. Поворачивать нельзя, но хочется. Я зыркнул вперед-назад и с ходу повернул. Тотчас раздался мощный мегафонный окрик: «Водитель «Жигулей», остановитесь!» За мной повернула серая милицейская «Волга». Я рефлекторно не остановился, а прибавил газу. До дачи Петросяна было рукой подать по проселку. Оторвался ненамного. Из «Волги» появился грозный милицейский полковник. Я вышел из машины, деваться некуда. Полковник очень громко стал мне объяснять, что будет безжалостно наказывать, что это трасса и т.д. Я ничего не успел сказать про Тиграна, про орден... Появился Тигран, протянул полковнику пятерню и сказал просто: «Здравствуйте, товарищ полковник». Полковник немедленно сменил гнев на милость.

Интересно отношение Тиграна к еде, питью, гостям. Аппетит был хороший, вкусные вещи любил, но ел умеренно. Однажды во время межзонального турнира в Лас-Пальмесе мы с ним обедали в ресторане гостиницы, где жили участники. Гостиница классная, ресторан отличный. Настал черед сладкого, подвозят «телегу» с кондитерскими чудесами, тортами. Я берегу фигуру, от сладкого норовлю отказаться. А Тигран надо мной смеется. Не помню дословно, но объясняет, что каждый день мне такие торты не грозят.

К вину Тигран был просто абсолютно равнодушен. Как-то он рассказал мне, что, будучи в ресторане «Минутка», знаменитом заведении на берегу озера Севан, он попросил стакан чаю. Официант изумился и заговорил по-русски: «Ты что? Балной?» Там было принято пить коньяк, есть форель, а тут вдруг чай. Оказалось, что и стаканы просто в инвентаре не предусмотрены. Только фужеры и рюмки.

Гостей принимать Тигран любил. Когда он хотел приобрести дачу, ему предложили вроде бы неплохую, неподалеку от моей.

Мне это было приятно, я высказался положительно. Но Тигран возразил: «Участок маленький, не позволяет по-настоящему гостей принять». Эту проблему он решил успешно. Участок был найден большой, было где развернуться с посадками цветов и других растений, принять по торжественному случаю, дню рождения, к примеру, многочисленных гостей.

А повздорил я с Тиграном в жизни один раз.

Когда я дал согласие руководству Спорткомитета СССР пойти на работу в качестве начальника отдела шахмат (правда, в ту пору и Комитет, и должность назывались несколько иначе), были и тормозящие моменты. Тигран активно помог их преодолеть. А потом наступила зима 1971 года. Я решил административную должность оставить. Мы говорили об этом на лыжной прогулке. Тигран возражал. Я уперся и поступил по-своему. Он обиделся. Меня назначили к нему в «64», заместителем. Он год в редакцию не заходил. Сотрудники ездили к нему. Потом помирились. В известной мере я был виноват. А упрямство проявил потому, что считал, что если начальник отдела дружит с чемпионом мира, то все нормально, а если с экс-чемпионом, то получается известный шахматно-«политический» кризис. И за Тиграном грешок — матч проиграл.

Трудно представить себе Тиграна семидесяти лет. Он был преисполнен молодой энергии, жизнерадостный, общительный и любознательный.

Тигран испил полную чашу жизни: сиротство и нужду, борьбу и успех, счастье в семье и страдания смертельной болезни.

Пока будут шахматы, шахматисты его не забудут.

Прощание с Тиграном*

Перестало биться сердце девятого чемпиона мира. Жестокая и коварная болезнь подстерегла его в пору, когда творческие силы были в расцвете, когда был накоплен и осмыслен огромный опыт. Известие о смерти Тиграна Вартановича Петросяна потрясло мно-

*«Шахматы в СССР» №10/94

гих и многих людей, оно с трудом укладывается в сознании, — такой несовместимой кажется смерть со всем обликом Тиграна Петросяна — человека высокой энергии, увлеченного, жизнерадостного, на редкость общительного, наделенного богатым чувством юмора, человека горячего сердца.

Спортивный и творческий путь шахматиста не ограничен тесными временными рамками. Он чаще всего начинается в детстве, и затем мало кто покидает пределы «шахматного королевства». Отсюда долгие знакомства, многочисленные встречи на разных меридианах и в различных обстоятельствах, душевные беседы и жаркие споры... Эти обстоятельства, с одной стороны, облегчают задачу человека, взявшегося рассказать о своем современнике, а с другой — делают эту задачу крайне сложной — говорить о том, кого прекрасно знали многие. Но если задача создать подлинный портрет великого шахматиста по плечу лишь настоящему мастеру слова, то, делая наброски, эскизы к портрету, люди, знавшие чемпиона мира, просто отдают ему долг.

Я близко познакомился с Тиграном осенью 1947 года под Ригой, где проходил финал личного первенства «Спартак». Он уже был чемпионом СССР среди юношей, чемпионом Грузии 1945 года и Армении 1946 года среди мужчин. Не нужно было быть пророком, чтобы предсказать Тиграну большое будущее. И дело заключалось не только и не столько в его многообещающих спортивных достижениях. Достаточно было послушать его комментарии после окончания партии, чтобы поразиться глубине понимания, четкости суждений, великолепной памяти.

В характере Петросяна сочетались удивительным образом полярные, резко отличающиеся друг от друга моменты. Уже тогда он был и уверен в своих силах, подчас в своем превосходстве и, одновременно, часто неожиданно миролюбив. Однако последнее относилось лишь к результату той или иной партии, но в том, что он должен отдать все свои силы совершенствованию в шахматном искусстве, Тигран не сомневался. Наиболее благоприятные условия для роста были в столице, и Тигран стал москвичом.

Вот что в ту пору рассказал мне тренер московского «Спартак» Николай Сергеевич Колобов, скромный и добрый человек, которого вспоминают и сейчас старые спартаковцы:

— Я сделал предложение руководству помочь переехать в Москву Тиграну Петросяну. Мне, разумеется, задают вопросы, как

быть с жильем, с зарплатой?.. А я говорю — ему совсем немного надо — билеты на футбол и деньги... на мороженое. Решили поселить его пока в общежитии в Тарасовке, где тренируются футболисты.

Так появилось стойкое сочетание слов — Петросян, «Спартак», Москва. Такая неизменность жизненных позиций, верность увлечениям вообще были натурой Петросяна. Свою любовь к футболу, искреннюю заинтересованность спортом он пронес через всю жизнь. Будучи одаренным от природы тонким музыкальным слухом, он буквально не мог жить без музыки — напевал различные мелодии, собирал интересные пластинки и записи...

После матча, который принес ему высший шахматный титул, Т. Петросян рассказывал интервьюеру, что перед игрой в систему подготовки был включен Первый концерт Чайковского. Тиграну присущ был интерес к технике, окружающей нас, к различным механизмам — радио и магнитофонам, проигрывателям и фотоаппаратам, барометрам и т.д. Причем интерес не пассивный, а с отверткой и другими инструментами в руках. Его устремления в этой области были безграничны, и он не забывал своего «хобби», находясь в далеких и близких поездках.

Как-то Тигран, возвратясь из Югославии, с большим удовольствием демонстрировал привезенное им устройство для сваривания полиэтиленовой пленки и пакетов. Глаза его при этом сияли...

— Знаешь, — говорил он как бы в оправдание своего восторга, — может дома пригодиться...

А мне, находившемуся в это время в его доме, где все давно было уже улажено и ухожено по-хозяйски, думалось, что не в утилитарном смысле этих машинок и механизмов дело. Просто Петросян устроен так, что всегда ищет способ сделать возможным трудное или почти невозможное. Да и в шахматной борьбе не раз проявлялось умение, а подчас и стремление Петросяна сделать «невозможное» — уйти от поражения в позиции, которая едва ли не всем кажется безнадежной.

Поиски истины неразрывно связаны с поисками красоты, и музыканты отмечали эстетические устремления Петросяна в своей области, художники — в своей. Едва ли стоит перечислять направления, в которых проявлялся художественный вкус Петросяна, но позволю себе упомянуть одно. Глядя на его сад, где

цвели прекрасные декоративные растения, на газон, любовно подстриженный Тиграном какой-то замысловатой заморской газонокосилкой, я позволял себе простенькие комплименты, называя Петросяна передовым крестьянином деревни Барвиха, где находится его дача. И Петросян радовался своим прекрасным розам, тюльпанам, крокусам и прочей красоте. Наверно, потому, что ему интерес к земле, активное начало создателя были близки органически.

Тигран любовно собирал шахматную библиотеку, где все было в полном порядке. Он проявлял интерес к филателии — области, куда без стремления к системе, к порядку входа нет. Запомнился мне один из вечеров, когда я оказался свидетелем беседы о марках двух великих шахматистов — Тиграна Петросяна и Анатолия Карпова. О чем-то непонятном мне с воодушевлением говорили они. Известно, что в маленькой почтовой марке фокусируется многое — и история, и искусство, и география. Может быть, этим синтезом и изяществом привлекали они внимание Петросяна?

Характерной чертой Петросяна была его общительность, его потребность в контактах с различными людьми. Причем он не

Т. Петросян и А. Хачатурян

делал разницы между большими и маленькими, между блестящими и скромными, потому что был наделен природным демократизмом и был одинаково приветлив и уважителен ко всем. Круг его знакомств был необычайно широк и разнообразен. Конечно, в какой бы стране ни появился Петросян, на встречу с ним спешили занесенные туда судьбой армяне, они видели в нем живого посланца Родины, талантливую, энергичную, открытую. Однако при этом Тигран был подлинным интернационалистом — армянская, русская, грузинская культуры гармонично сочетались в нем, среди его друзей были люди любых социальных ступеней, представители любых национальностей. И для контактов, для обмена информацией, мыслями, выводами в самых различных областях он совсем не нуждался в столь распространенном застолье.

Таланты Петросяна были многогранны, широки. В его шахматном стиле, в манере игры сочетались компоненты, исключаящие друг друга, но исключаящие лишь на первый взгляд. Так, например, с ранних лет Тигран любил играть в блиц, любил не потому, что молниеносная игра просто приятна, что смена рисунков, как в сказочном калейдоскопе, увлекает. Вероятно, любил и потому, что обладал исключительной точностью и конкретностью решений, а это определяет успех в молниеносных партиях. Блиц он всегда играл хорошо, а в пору своего расцвета просто удивительно. Приятно было смотреть, с какой быстротой и легкостью, с каким искренним весельем он ведет молниеносную партию.

Однако в турнирной борьбе Петросян был далек от того, чтобы эксплуатировать эту сторону своего дарования. Его выдержке, терпению, неторопливости — удивлялись. Его сосредоточенность, отрешенность за игрой от всего творящегося вокруг производили большое впечатление и на специалистов, а его осторожность, нередкое стремление избежать риска, согласившись на ничью, вызывали даже критику.

Как и в каких пропорциях должны быть совмещены и переплетены удаля и осторожность в шахматисте — задача, за решение которой могли бы взяться, пожалуй, только алхимики.

Быстроте и точности Петросян знал истинную цену, известен случай, когда однажды корреспондент спросил его, почему он так любит смотреть хоккей с шайбой, где шайба мелькает с головокружительной скоростью, где фигуры хоккеистов пере-

мешаются по площадке молниеносно, он, шахматист, рыцарь игры, в которой за доской соперники почти неподвижны... И Петросян ответил: если бы вы попали в решающей партии в цейтнот, где каждый ход определяет все, а делать его надо сразу, немедленно, тогда бы поняли, что общего между хоккеем и шахматами.

Тигран любил смотреть соревнования по многим видам спорта, и не только смотреть. Он увлеченно сражался в настольный теннис, бильярд, где необходимы быстрота и точность, занимался лыжным спортом.

Интересно, что Петросян (внутренне) заранее чувствовал опасность, которую со стороны и не заметишь, чувствовал периоды, когда не следует идти на риск. Отсюда и ничьи, короткие партии. За миролюбие Тиграна иногда критиковали, иногда он сам посмеивался. Как-то, рассказывая о своей партии, он не без удивления говорил:

— Представляешь, вижу, хочет у меня выиграть! Ну, а если бы не это, наверное, была бы ничья. Но тут уж решил ему показать!

Семь раз отмерить, прежде чем пойти в турнире на решающий спурт, было обыкновением Петросяна. Мне запомнился один эпизод во время межзонального турнира в Рио-де-Жанейро (1979). Турнир подходил к концу, в ведущей группе теснота, шансы у Петросяна попасть в число претендентов есть, и играть ему вечером с довольно крепким гроссмейстером.

Тигран, по-видимому, захотел проверить свою установку на игру. Он позвонил мне и спросил: как я считаю, надо обязательно играть на обострение или можно играть поспокойнее? Я считал, что надо избегать ничьей, и выразил свою позицию без должной скромности. Тигран ответил тоже довольно энергично. Я, безусловно считая, что правда на моей стороне, все же сообразил и сказал:

— Что же ты меня спрашиваешь? Кто из нас чемпион мира?

Вечером смотрю, Петросян быстро делает ничью. Молчу, досаду. Но он все рассчитал, в последних турах смело рванулся вперед и... вышел в претенденты.

Или межзональный турнир 1976 года в Биле, когда в первой половине секундант Петросяна И. Зайцев спрашивал: «Когда же, Тигран Варганович, будете выигрывать?» А Петросян все держался в тени... И, наконец, спурт, фантастические события в партии с Хюбнером, и Пет-

росян вновь претендент. Или турнир претендентов на Кюрасао, когда Петросян в последнем туре сделал ничью и ушел в гостиницу, с удивительным хладнокровием давая шансы на победу своему сопернику П. Кересу. И, кто знает, быть может, эта психологическая ничья решила судьбу соревнования. Керес разволновался, ничего не смог добиться, и Петросян уже в гостинице узнал, что он занял первое место и впереди матч на первенство мира с М. Ботвинником.

Однажды, в ту пору, когда Петросян был чемпионом мира, я оказался рядом с ним на футбольном матче «Спартак» — «Динамо» (Киев). Тогда я вновь заметил характерный для Петросяна штрих, имеющий отношение и к шахматам...

В первом тайме «Спартак» забил два гола, футбольная фортуна улыбалась, и Тигран ликовал вместе с болельщиками «Спартак». Вместе со всеми он вскакивал и приветственно махал руками. К концу первого тайма у множества зрителей сложилось ощущение полного превосходства «Спартак». Казалось, оно было стойким и во втором тайме, почти до конца его. А Тигран забеспокоился и сказал мне: «Хорошо бы согласиться на ничью...»

Во втором тайме динамовцы забили два гола, ликовали уже соперники. А потом под оглушительный шум на трибунах команды обменялись голами, матч закончился со счетом 3:3.

Тигран удивительно чувствовал опасность, чувствовал, что судьба матча висит на волоске. В момент упоения боем и предвкушения успеха он мог холодно оценивать шансы.

Что же это такое? Интуиция? Быть может. Во всяком случае, особая интуиция Петросяна обращала на себя внимание с ранних его шагов.

Можно вспомнить 1953 год. Турнир претендентов в Цюрихе. Юный, жизнерадостный, подвижный Тигран Петросян, недавно получивший титул международного гроссмейстера, борется как равный среди равных с элитой шахматного мира. Вот он играет с экс-чемпионом мира М. Эйве, грозным соперником, который знает все тайны шахмат, который играл матчи с самим Алехиным! И молодой Петросян принимает решение вести сражение в замедленном темпе, стремится отнести главные события на пятый час, ведь соперник старше, и, вероятно, ему будет труднее держать напряжение. И замысел реализуется.

Тигран занимает пятое место в турнире.

Хорошо? Бесспорно! Но логика борьбы заставляет любого идти вперед, наступать, и Петросян, верный своему призванию, пробивается вперед на многотрудном пути к титулу сильнейшего в мире.

И вот настают дни матча с Ботвинником, внимание всего шахматного мира в 1963 году приковано к Театру эстрады на Берсеневской набережной в Москве.

Первая партия. Ботвинник черными методично переигрывает Петросяна, теснит его фигуры, не дает шансов и добивается победы. Рассказывали, что в Ереване близ Спорткомитета была выставлена демонстрационная доска, смотрело за ходом борьбы множество людей, а после окончания все разошлись в молчании. Петросян позднее говорил, что первую партию играть было невероятно трудно потому, что он чувствовал на себе взгляды, внимание всего шахматного мира.

Далее происходило то, что было трудно предугадать. Петросян играл осторожно, делал ничьи, как бы не стремясь сравнять счет. Затем неожиданный для противника удар. Постепенно чаша весов склоняется в его пользу. Победив, он завоевал лавры чемпиона мира. Достигнута вершина, решена задача, которую В. Смыслов называл задачей жизни.

Успех не изменил поведения, привычек, стиля Петросяна. Он по-прежнему много играл, активно занимался общественной работой, встречался с шахматистами в разных уголках страны.

Труд, совершенный им в области шахмат, огромен. Вот кратко важнейшие соревнования, которые заставляли его неустанно тренироваться, анализировать, искать шахматную правду: три матча на первенство мира, десять шахматных Олимпиад, в которых девять раз было добыто олимпийское золото. Пять раз Петросян показывал на своей доске лучший результат, один раз разделил 1-2-е места.

Участвовал он в турнирах претендентов 1953, 1956, 1959, 1962 годов. Последний открыл дорогу к матчу на первенство мира. Регулярно сражался в матчах претендентов с 1971 по 1982 г.

Шесть проведенных с успехом межзональных турниров на счету Петросяна, кроме седьмого, последнего (в 1982 г.). Семь командных чемпионов Европы, четырнадцать финалов личного первенства СССР, четыре медали чемпиона страны. Множество командных соревнований — чемпион СССР в командном

зачете 1954 года в составе «Спартака», трижды — в составе сборной Москвы. Всех турниров, в том числе международных, не перечислить.

А кроме того, в значительной мере благодаря энергии Петросяна был вновь открыт еженедельник «64», главным редактором которого он был с 1968 по 1977 год. Защитил диссертацию, принесшую ему ученую степень кандидата философских наук. Труд огромный, повседневный был отмечен орденами «Знак Почета» и Дружбы Народов, медалью «За трудовую доблесть», Почетными Грамотами Верховного Совета РСФСР и Армянской ССР.

Петросян имел множество болельщиков в СССР, во многих других странах. Символична его награда — орден Дружбы Народов. Он немало сделал на этом благородном поприще. Был награжден и аргентинским орденом. Советского гроссмейстера хорошо знал весь мир.

Вот в чем, пожалуй, почитатели таланта Т. Петросяна могли упрекнуть его — не писал шахматных книг. Жаль, конечно, хотя и понятно, что нельзя объять необъятное. И еще есть одна тому причина. Петросян свои статьи любил писать сам от первой до последней буквы. К книге он относился с большим уважением и последние годы немало трудился над подготовкой своих партий для сборника. Просмотрев более двух тысяч, он отобрал 520 и проанализировал их для печати. Печально, что автор не увидит своей книги, но будем надеяться, что она скоро появится и принесет большую пользу делу воспитания молодых шахматистов.

Можно выразить надежду, что будут изданы книги о творчестве Петросяна, рассказывающие о его стиле, спортивном и творческом пути, о его жизненном подвиге.

В заключение хочу привести партию, по-моему, весьма характерную для творческих взглядов девятого чемпиона мира, имя и мысли которого будут существовать до тех пор, пока существует шахматное искусство.

Защита Грюнфельда

Т. Петросян — Р. Фишер

Матч претендентов, 2-я партия
Буэнос-Айрес 1971

1.d4 ♖f6 2.c4 g6 3.♗c3 d5 4.♘f4
♘g7 5.e3 c5 6.dc ♗a5 7.♙c1 ♗e4?

Уверенный в своих силах Фишер применяет активное продолжение. В партии Решевский — Горт (Пальма-де-Мальорка 1969) далее было 8. ♗f3 ♗:c3 9.bc ♘:c3+ 10. ♗d2 ♗c6 с примерно равной игрой.

8.cd! ♗:c3 9.♗d2 ♗:a2 10.bc
♗a5 11.♘c4 ♗d7 12.♗e2 ♗e5.

Следовало удовлетвориться скромным ходом 12... ♗:c5.

13.♘a2 ♘f5.

Еще один «активный» шаг на пути к поражению.

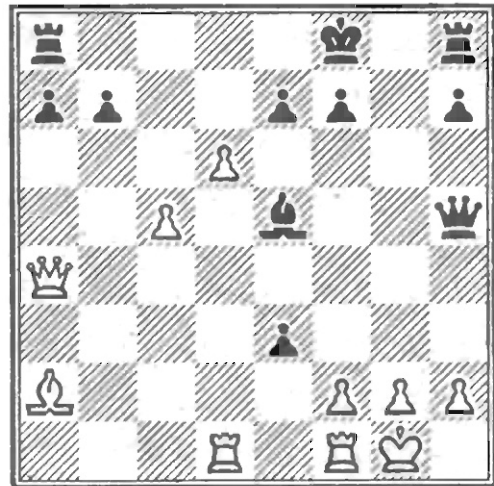
14.♘:e5 ♘:e5 15.♗d4! ♗:c5.

При 15... ♘d7 16.c6! bc 17.dc
♘c8 18.f4 у белых лишняя пешка.

16. ♗:f5 gf 17.0-0 ♗a5 18.♗c2! f4
19.c4 fe 20.c5! ♗d2 21.♗a4+ ♘f8
22.♙cd1 ♗e2.

Не помогало и 22...e2 23.♙:d2
♘:h2+ 24.♗:h2 ef♗ 25.d6 с решающей атакой.

23.d6 ♗h5.

24.f4!

Атака, основанная на точном расчете.

24...e2 25.fe ed♗ 26.♙:d1 ♗:e5
27.♙f1 f6 28.♗b3 ♘g7 29.♗f7+
♘h6 30.de f5 31.♙:f5 ♗d4+
32.♘h1. Черные сдались.

СПАССКИЙ

Прелюдия

Через пятьдесят лет после того как я познакомился с Борисом Спасским и увидел его, приехавшего из Парижа на юбилей Веры Николаевны Тихомировой, талантливого организатора и мастера, сделавшей немало для развития шахмат в России, не без некоторого удивления подумал, что вот солидный господин, седая шевелюра, а в глазах бегают бесенята, взирают на мир с юмором и даже иронично. А когда-то я писал о нем, десятилетнем, в очерке «Первый спортсмен»: «Он был тогда худеньким мальчиком, коротко стриженные светлые волосенки, бледненький, сказались суровые условия той поры, большие внимательные светлые глаза».

Спасский много лет, живя в СССР, выступал за Россию, всегда с уважением относился к Вере Николаевне, тем не менее его приезд и участие в организации юбилея было, несомненно, поступком джентльменским. Это было нормально для Спасского, ибо он всегда старался быть джентльменом. Окружающие Бориса Спасского отмечали также его желание эпатировать, стремление сплошь и рядом «подергать тигра за усы». Не раз он высказывался на грани фола, не страшась последствий. Замечания представителей власти случались регулярно, но обычно втихую.

К примеру, приходит к Спасскому домой журналист и предлагает подписать коллективное гневное письмо в защиту Анджелы Дэвис. Борис твердо отказывается. Его поступок обсуждают в Спорткомитете заочно, находится заступник — В.П. Антипенко, в прошлом руководитель спортивного общества «Локомотив», в котором состоял Спасский.

Стал Спасский чемпионом мира, но ему долго не повышают стипендию. Воспитывают, должно быть. Повышают, после маленького скандала.

Мне запомнилось, как на обсуждении в Спорткомитете руководящий товарищ, возражая против повышения стипендии, сказал, что у нас секретарь райкома тоже 200 рублей в месяц получа-

ет, а Валентин Панфилович, упомянутый, без особой логики громко заявил: «Ну и пусть получает!» Довод оказался убедительным.

Говорили, будто Спасский на лекции в Горьком, отвечая на вопрос о Пауле Кересе, сказал, что это великий шахматист с такой же печальной судьбой, как у его прекрасной маленькой родины.

Однажды, когда один из руководителей спорта приехал на тренировочный сбор Спасского, Борис пытался продемонстрировать ему журнал, не то «Плейбой», не то что-то в этом роде. В то время это было проявлением дурного тона и моральной неустойчивости.

Но все эти дерганья тигра за усы как-то сходили с рук, вернее, заминались. Быть может, Борис получил иммунитет после первого серьезного замечания, когда в Бельгии выиграл юношеский чемпионат мира? Таким он был. Анфан террибль — ужасный ребенок, как говорят французы.

В 1978 году Спасский с женой Мариной прилетел из Парижа в Москву, чтобы в составе сборной СССР отправиться на Всемирную Олимпиаду в Буэнос-Айрес. Я вместе с товарищами встречал его. Марину пограничники пропустили, а Бориса придержали. Время идет, Марина нервно курит, я побежал звонить аж в ЦК. Говорю, что Александр Петрович меня заверил, что все будет в порядке. А мне любезно отвечают, что Александр Петрович уже не работает, выбыл на учебу.

Минут через сорок Борис появляется с подчеркнуто хладнокровным видом.

Вскоре улетаем в Буэнос-Айрес. Я перед этим всем кому надо позвонил и был обнадежен. Однако решил на всякий случай, чтобы Борис шел через границу предпоследним, а я за ним. Все про-

шли, а ему — стоп. Я делаю устный протест, и появляется офицер. Приказывает пропустить, нижний чин отказывается. Приказывает вторично — пропускает. Я облегченно вздыхаю, а Борис невозмутим.

Зато в Рио, где мы застряли из-за нестыковки рейсов самолетов, вся команда сидит в стеклянной «банке», а Борис с Мариной, предъявив французские паспорта, идут в город, заходят в наше представительство, извещают о задержке Буэнос-Айрес, посещают пляж. Борис спокоен.

В Буэнос-Айресе шахматисты жили в большой гостинице. В ресторане обеденные круглые столы были многоместными. Сиделись кто где хочет. Иногда Борис начинал вещание на разные темы перед разноплеменной аудиторией. Когда тематика становилась слишком острой, Марина поджимала губы. Борис поглядывал на супругу и сбавлял тон.

Многokратно отмечали в шахматном мире, что стиль Бориса Спасского с течением времени менялся. Характер же, как мне кажется, каким был, таким и остался.

Спасский отличный рассказчик, язык его образный, журналистское образование высшее. Может даже очень похоже изобразить кого-либо. Артистические способности, вероятно. Писать почему-то не стал. Жаль. Осталось представить мои «опусы»: «Первый спортсмен» из книги «Рекорды, события, люди» (Москва, 1970) и «Тот самый день» («Шахматы в СССР», 1970).

Первый спортсмен*

В зимний вечер 1970 года дипломаты — послы разных стран в Москве — собрались в Доме приемов на улице Алексея Толстого для встречи с чемпионом мира по шахматам Борисом Спасским. Присутствовали также представители Шахматной федерации СССР и журналисты. Имя Спасского, его шахматные заслуги известны всем присутствующим, встреча дипломатов с новым чемпионом мира стала в известном роде московской традицией... В этом сравнительно небольшом, торжественном и ярко освещенном зале рассказывали о своем жизненном и шахматном пути Михаил Бот-

* «Рекорды, события, люди». ФиС, Москва, 1970.

винник, Василий Смыслов, Тигран Петросян... Теперь — Борис Спасский.

После того как внимательно проанализируешь четыре с лишним десятка партий двух матчей Бориса Спасского с Тиграном Петросяном, увидишь торжество чемпиона мира и крушение претендента, а через три года поражение чемпиона и смену шахматных королей, не верится, что в этот вечер узнаешь что-то новое о шахматисте и человеке, в общем-то так хорошо известном. И тем не менее это именно так, хотя Борис Спасский не сделал каких-либо неожиданных заявлений, каких-либо сенсационных признаний.

Дипломаты слушали внимательно, можно сказать профессионально. Борис Спасский сидел посреди зала, рядом с ним переводчик. Чувствовалось, что он отлично психологически подготовился к встрече на дипломатическом уровне, что его не смущает пристальное внимание десятков пар устремленных на него пронизательных глаз. Посредине зала сидел тридцатитрехлетний мужчина, стройный, подтянутый, густые светло-русые волосы, лаконичная, но неторопливая речь. Спасский говорил две-три фразы и замолкал, уступая «право хода» переводчику, затем делал новый ход... И так, ход за ходом, рисовалась картина, как маленький ленинградский мальчик в трудные военные и послевоенные годы заинтересовался шахматами, увлекся ими, почувствовал себя шахматистом и стал им на всю жизнь. Со стороны кажется, что Спасский как бы комментирует сыгранную или, точнее, еще продолжающуюся партию, причем комментирует в своей манере. Постоянная борьба с опасными противниками, победы и связанный с ними фимиам неумеренных на слова людей, усталость от напряженных соревнований и чувство творческой неудовлетворенности — все это несут большие шахматы, и нередко в голосе даже крупных мастеров можно услышать нотки безапелляционности, чрезмерной уверенности в своей правоте по любому вопросу, даже далеко выходящему за пределы шахматной доски, нотки сарказма, иронии по отношению к ошибкам соперников, нотки обиды за невезение. Спасский свободен от этих побочных продуктов процесса, именуемого шахматным творчеством.

Мне довелось наблюдать, как Спасский, будучи юным мастером, участвовал в разборе партии, сыгранной его старшими коллегами. Желая сделать замечание, он вежливо, как бы извиняясь

за доставленное беспокойство, просил внимания и предупредительно, мягко демонстрировал такие варианты, что становилось несомненно — Спасский знает о сыгранной партии больше, чем опытные участники.

Первым партнером чемпиона мира был его старший брат. Когда Борис стал обыгрывать его, а талант проявился без промедлений, старший иногда, для восстановления авторитета, прибегал, как с доброй улыбкой вспоминает Спасский, к непедагогическим и недипломатическим методам воздействия — на долю младшего победителя в виде приза доставались тумачи. Младшего это не останавливало, он вновь садился за доску, не сознавая в то время, что закладывает фундамент характера большого шахматиста.

Нынешний Спасский — чемпион мира — шахматист большого мужества. Он способен сдержать свои нервы, когда в решающий спортивный момент необходимо рисковать, он способен переносить самые жестокие спортивные неожиданности. Самообладание, твердость характера — эти качества не появились сами по себе. Для того чтобы стать первым в мире шахматистом, надо иметь очень много — талант, характер, крепкую нервную систему и прочее, и прочее. Если бы сейчас сказали, что чемпион мира с детства был тверд как камень и никогда не плакал, вероятно, в это легко бы поверили. Но нет. Спасский с юмором вспоминает свои детские слезы по поводу ранних шахматных огорчений, нимало не заботясь о создании «цельнометаллической» биографии.

К концу недолгого рассказа Спасского о себе дипломаты не скрывают, что чемпион мира вызвал большую симпатию, и наступает второе действие — сеанс одновременной игры. Спасский играет против девятнадцати дипломатов. А если быть точнее, то за одной из досок — супруга английского посла, а сам посол ограничивается ролью зрителя.

Сеанс одновременной игры — счастливая особенность шахмат. К примеру, довольно нелепо выглядела бы схватка чемпиона-борца с двадцатью почитателями этого вида спорта. Встреча любителей литературы с дорогим их сердцам писателем, лекция ученого, выступление артиста — повсюду есть активное и пассивное начало. В сеансе одновременной игры и чемпион мира, и любой из участников активны. Правила общие для всех, чемпион сохраняет свой стиль, временами он может блеснуть высшим мастерством, создать комбинацию, которая потом войдет в учебники, но может

и ошибиться, так как должен делить свое внимание, должен атаковать целую бригаду черных королей. А если ошибется — пусть не ждет пощады шахматный король от своего рядового подданного. Он будет обыгран, и память об этой встрече, об этой удаче будет жить долго среди близких и друзей счастливца.

Перед началом сеанса Спасский предупредил дипломатов, что он настроен не слишком агрессивно, и рекомендовал не волноваться во время игры. Но игра началась, и со стороны можно было наблюдать, что на первый план выдвинулись страсти шахматных фигур. Римляне говорили: «Когда гремит оружие — молчат законы». Двинулись в бой шахматные полки, и послы забыли о своей почетной и многотрудной профессии.

Положение на доске супруги английского посла стало для нее катастрофическим, и тут чемпион мира делает неожиданный дипломатический ход — предлагает даме ничью. Короткая заминка, мир принят — и, как говорят, аплодисменты, смех.

А дальше сеанс идет своим чередом, напряженно думают собравшиеся в этом зале шахматисты, жители разных стран, материков нашей большой планеты, люди, говорящие на разных языках, люди разных взглядов, воззрений. И думается, что этот сеанс одновременной игры отлично иллюстрирует гордый титул — чемпион мира по шахматам.

Шахматы сильны тем — и потому они существуют полторы тысячи лет, да еще к тому же, несомненно, переживают сейчас эпоху подъема, расцвета, — что на пути к победе неизбежно возникают творческие, психологические задачи. Два человека спорят друг с другом, реализуя замыслы свои и стремясь разрушить планы оппонента, создают некое творческое произведение. При встречах шахматистов высокой квалификации партия непременно записывается, она может быть изучена, исследована после игры и даже через много-много лет. Шахматист стремится к победе, но победа за шахматной доской — это не победа при игре в «орла» и «решку». Результат зависит от процесса, но процесс сам по себе неизмеримо богат. Небольшая шахматная доска дает достаточный простор для проявления индивидуальности, для формирования различных стилей. Одних пленяет последовательный, неумолимо логичный стиль Михаила Ботвинника, где все подчинено рациональности, воле к победе, когда фигуры наступают неторопливо и неукоснительно, как тяжелые танки, когда капитуля-

ция может последовать лишь после яростной обороны, после того, как исчезнет последний шанс на спасение. Другим по душе солнечная бесшабашность Михаила Таля — каскад вариантов, смелые атаки, жертвы. Пусть после партии доказывают, что атаку можно отбить, что она восторжествовала благодаря ошибке партнера, что была удача. Удача — это ведь осуществленная мечта, это прекрасно.

Какой бы стиль ни импонировал шахматисту, он не может сказать: «Я буду играть в стиле Таля». Или: «Я буду играть в стиле Ботвинника». Точнее, сказать можно, более того — элементы подражания есть, вероятно, у любого, даже большого шахматиста, но играть, и играть по-настоящему, можно только в своем собственном стиле. А вот каков он, узнать очень и очень нелегко.

Борис Спасский проделал гигантский труд, создавая свой стиль. Шахматная одаренность его не вызывала сомнений с первых шагов. Сейчас во много раз больше перворазрядников, чем их было в 1947 году, когда десятилетний мальчик Боря Спасский получил первый разряд. Не юношеский, а взрослый, такой, к которому многие стремятся долгие-долгие годы.

Среди первых книг мальчика были и трудные шахматные книги. Он говорил тогда, что ему нравится «Моя система» Нимцовича, а взрослые шахматисты считали ее и продолжают считать весьма нелегкой, хотя и интересной книгой. Крупные детские каракули в бланке для записи турнирной партии контрастировали с такими серьезными дебютными названиями, как ферзевый гамбит, типичный «профессорский» дебют.

Шахматный клуб ленинградского Дворца пионеров стал первой шахматной школой Бориса Спасского.

Первым учителем за шахматной доской Бориса был опытный педагог Владимир Григорьевич Зак. Он сумел привить своему ученику на первых шагах пути стремление к выдержке, корректность, серьезность. Ранний Спасский был осторожным шахматистом, склонным к неторопливой позиционной борьбе.

Шахматы знают немало вундеркиндов. Есть для вундеркиндов и свои стандарты. «Обыкновенный гениальный ребенок», как правило, любит атаковать. Он рано замечает свои способности, о его способностях твердят в его присутствии взрослые дяди, некоторые даже умудряются писать о них в газетах. И вот к природным комбинационным данным прибавляется стремление «дать

понять» партнеру и окружающим, что я, мол, как хочу, так и играю — вперед! В атаку! Шах и мат! А вот чувствующих сызмальства позиционную основу шахматной борьбы — раз-два и обчелся. А Боря Спасский проявил себя именно таким.

В становлении творчества Спасского сыграл немалую роль и гроссмейстер Александр Казимирович Толуш. Он рассмотрел подольдом холодной позиционной игры комбинационные способности мальчика. Сумел убедить и увлечь юного шахматиста в романтический край атаки. В репертуаре Бориса Спасского появился старинный королевский гамбит, появились смелость и уверенность гроссмейстера Александра Толуша, а также любовь к эксперименту.

Среди своих учителей Борис Спасский называет покойного гроссмейстера Григория Яковлевича Левенфиша, тот славился гармоническим сочетанием позиционной и комбинационной игры, и, разумеется, спутника многих лет борьбы за высший шахматный титул гроссмейстера Игоря Захаровича Бондаревского, отличительной чертой которого была железная воля к победе, требовательность к себе.

Едва ли кто-либо слышал от Бориса Спасского заявление, что такой, мол, мастер играет плохо. Это не в его стиле. Речь идет не о стиле поведения, а скорее о стиле мышления. Борис Спасский с удовлетворением говорит о манере игры Ботвинника, радуется блеску комбинаций Таля, отмечает богатство дарования и замыслов Смыслова, высоко ценит искусство своего соперника Петросяна, восхищается и уважает большого мастера Пауля Кереса. Его внимание приковано к прекрасным сторонам таланта коллег, он стремится глубже понять индивидуальные особенности больших мастеров, и как следствие сам становится богаче, становится тончайшим психологом шахмат.

Начало спортивной карьеры Бориса Спасского весьма эффектно. В шестнадцать лет он стал советским и международным мастером, а до этого сумел занять второе место в первенстве Ленинграда среди взрослых. Сейчас немало мастеров-школьников, но, когда обсуждался вопрос о присвоении звания мастера Борису Спасскому, раздавались голоса о том, что не худо бы пока и подождать. Мастеров тогда было немного, и даже добрые люди не хотели торопиться. Однако через два года Борис Спасский последовательно стал чемпионом мира среди юношей, достиг отлично-

го результата в зональном турнире, а в межзональном пробивается в турнир претендентов, становится кандидатом на мировое первенство. Но пройдут еще долгие, насыщенные борьбой годы, когда во весь рост встанет проблема серьезной борьбы за лавры чемпиона.

Не стоит говорить о глубине любви Бориса Спасского к шахматам. Без любви к шахматам, по расчету, никому не удавалось стать большим мастером. Шахматы требуют известного самопожертвования. Избирая профессию журналиста, Борис Спасский стремился сочетать свое образование с занятиями любимым искусством. Так же поступил и Михаил Таль, и в этом решении есть для больших мастеров рациональная основа. Сочетать шахматы с научной деятельностью в области техники — это личное достижение Михаила Ботвинника, шахматы и музыка — удел Тайманова. Быть может, это и удачное сочетание, однако для музыки требуется не одно желание. За игрой большой мастер хранит молчание, но он мыслит, и ему есть что рассказать. Поэтому образование журналиста как будто очень кстати гроссмейстеру, который не хочет делить себя между далекими областями. Одаренный американский гроссмейстер Роберт Фишер решил проблему сочетания образования и занятий шахматами очень просто — прекратил учебу. И похоже, что себя обокрал. Экстравагантные поступки Фишера, его конфликты с организаторами соревнований, молниеносные отъезды из Суса, посреди межзонального турнира, из Лугано, за считанные часы до начала Шахматной Олимпиады, где он должен был возглавить команду своей страны, привлекают внимание любителей сенсации, но не производят впечатления разумного поведения. Образования шахматист ничем иным заменить не сможет.

Еще подростком Борис Спасский увлекся спортом. Неплохо прыгал в высоту, бегал, отлично физически развился. Теперь в стройном и крепком мужчине ничего не осталось от худенького и бледного мальчишка. Спорт, пожалуй, для Спасского сыграл роль, подчиненную шахматам. Речь идет о физических видах спорта, так как едва ли сейчас живет вопрос о том, являются ли шахматы спортом. Сам факт признания Бориса Спасского первым спортсменом страны журналистами решает проблему безапелляционно.

Итак, в 1955 году о Борисе Спасском заговорили как о возможном будущем чемпионе мира, и... начались тяжелые шах-

матные будни. Сила его крепнет, стиль совершенствуется, и... дважды он не попадает в межзональные турниры — в 1958 году и в 1961 году. Причем обе неудачи по одной схеме — не выдержали нервы в последнем туре чемпионата СССР. В 1961 году это была партия со Штейном. Она была отложена, и Спасский нашел, что спасения нет. Он сдал партию без доигрывания. Оказалось, что решение это было необоснованным. Такой удар судьбы перенести нелегко.

В этот период заканчивается формирование Бориса Спасского как шахматиста-бойца. Многие партии он ставит весьма и весьма рискованно, экспериментирует в области стратегии и ни в коей мере не стремится завоевать славу такого шахматного удальца.

В 1964 году Спасский начинает период, который его друзья охарактеризовали: «Спасский штурмует Олимп».

Успех в межзональном турнире делает его одним из восьми претендентов. В это время Международная шахматная федерация ввела новый регламент: проведение матчей между претендентами по олимпийской системе — с выбыванием потерпевших поражение. Борис Спасский потом не раз говорил, что эта система крайнего нервного напряжения, что она ему не по душе, что старая добрая традиция кругового турнира гораздо лучше... И парадоксально, что по силе и по стилю система матчей находит в Борисе Спасском своего любимца. В это время уже все говорят об универсальности его стиля. И матчи Бориса Спасского с Паулем Кересом, Ефимом Геллером и Михаилом Талем, выигранные им весьма убедительно, показали, что он стал выдающимся психологом шахматной борьбы. К каждому из своих высокоодаренных и грозных соперников он сумел найти эффективный подход, подобрать ключи.

Матч 1966 года с Тиграном Петросяном на первенство мира явился тяжким испытанием для Бориса Спасского. Тяжело оказаться в фокусе внимания всего шахматного мира, да и не только шахматного. Кинокамера сохранила скованные позы Спасского во время этого поединка, его напряженную походку, играющие желваки во время обдумывания ходов и неторопливую уверенность, холодную сосредоточенность движений Петросяна.

Первый штурм был отбит, потребовалось новое предельное напряжение сил для того, чтобы заслужить право на вторую попытку.

Завоевать право на матч с чемпионом мира — это шахматный подвиг, завоевать это право дважды подряд — тяжелее не вдвое, а во много раз.

В 1968 году Спасский должен был вновь играть матчи с претендентами. Он готовился заблаговременно. В 1967 году, выступая в турнирах, не стремился каждый раз показать максимальный результат. Занимался долго и упорно. Первым соперником Спасского в матче оказался друг — Ефим Геллер. Борьба была острой. Спасский так сумел направить ее течение, что Геллер терялся, упускал шансы. Три победы при пяти ничьих. Несомненно опасным соперником был датчанин Бент Ларсен, но счет оказался таким же. И в финальном матче с Виктором Корчным, лауреатом многих международных турниров, самым, пожалуй, «злым» шахматистом земного шара, Борис Спасский торжествовал победу.

Ко второму матчу с Тиграном Петросяном Спасский пришел во всеоружии. Он верил в свою победу, но он также знал, что она не может быть легкой.

Перед матчем он сказал одному из своих знакомых, что на старте, вероятно, вперед вырвется Петросян, а вот потом все и завертится.

Действительно, первую партию Борис Спасский проиграл в сложной борьбе. А потом его мощь бойца развернулась во всю ширь. Были трудные моменты, колебались чаши весов, но Спасский второго матча резко отличался от Спасского первого матча. И блестящая оценка его победы была заслуженна. Как это ни странно, но лавры чемпиона вовсе не помогают играть. Во-первых, с чемпионом мира любой играет так, как будто это решающая и главная встреча жизни. Во-вторых, и это кажется основным, шахматист — это «фигура наступающая», — когда впереди цель, когда ясно, что надо оттеснить конкурентов, отнять корону, — все ясно, надо наступать. И вот человек стал чемпионом. Дальше наступать некуда. Теперь нужно оборонять свой титул. Лавры обязывают чуть ли не все партии играть лучше, чем любой соперник. А это, мягко говоря, не всегда возможно, не всегда, ибо есть немало соперников, которые делом стремятся доказать, что чемпион хотя и первый, но среди равных.

Шахматный мир не без интереса наблюдал, как Тигран Петросян, расставшись с титулом чемпиона, снявши шапку Мономаха, заиграл легко и уверенно, как будто только и ждал этого момента.

Сейчас перед Борисом Спасским стоит задача, которая потребует всех его сил, всей его пронизательности. Два его турнира — в Пуэрто-Рико (1 приз) и в Пальме-де-Мальорка (скромный результат) — это пока еще пристрелка. Нет сомнений в том, что чемпион мира готовит новые достижения и постарается удивить шахматный мир неизвестными пока гранями своего выдающегося таланта.

Когда Боря Спасский делал свои первые шаги на шахматной арене, один многоопытный, но склонный к приподнятым выражениям шахматист говорил:

— Я знал Капабланку, я видел, как развивался юный Ботвинник! Боря Спасский — это феноменально! Я не сомневаюсь, что он будет чемпионом мира!

Этот оптимист и поэт в душе оказался прав, и, думается, помогло в этом Спасскому то, что с первых шагов он сделал для себя законом скромность, уважение к коллегам, неуклонное следование высшей спортивной этике, стремление быть шахматным рыцарем без страха и упрека.

В борьбе со спортивными невзгодами и огорчениями, в победах окреп и возмужал характер настоящего спортсмена и борца.

Тот самый день*

Небольшой промышленный городок в Вестфалии жил шумом и блеском шахматной Олимпиады. Почти девять веков существовал Зиген, оставаясь известным за пределами своего края немногим. Олимпиада привлекла к Зигену внимание множества людей, сотен газет во всех уголках земного шара.

Зиген готовился к Олимпиаде методично и долго. Это проявилось и в шахматной тематике украшения витрин всех магазинов, от книжных до обувных, и в том, что городок был расцвечен флагами стран-участниц. «Зиг» — победа по-немецки, и транспаранты сообщали, что в любом варианте шахматная Олимпиада делает Зиген победителем.

...Шел тур за туром. Ежедневно без пяти минут три в огромном Зигенландхалле — зале, где можно проводить концерты, танцы,

* «Шахматы в СССР», 12/70.

гимнастические соревнования, где отлично разместились и сто двадцать столов шахматной Олимпиады, — включались динамики, негромко лилась музыка до мелодичных ударов гонга. Последний удар — ровно в три — совпадал с включением шахматных часов. Каждый день тридцать матчевых встреч, каждый день поединки команд десятков государств, больших и маленьких, далеких и близких.

Но если спросить, какая из двух тысяч двухсот восьмидесяти партий в Зигене была главной, то окажется, что ответить на вопрос неожиданно легко. Конечно, партия Спасский — Фишер. Этой встречи ждал весь шахматный мир.

Было время, когда команда США выступала на Олимпиадах в роли фаворита. В 1952 году советские шахматисты впервые добились на Олимпиаде победы и затем регулярно привозили Кубок Гамильтона-Рассела в разные города и увозили его домой. Конечно, американцы не могут забыть, что на кубке отмечены и их старые победы. Надежда отобрать кубок у советских шахматистов манит американских гроссмейстеров. Разумеется, главные надежды на Фишера.

В 1968 году в швейцарском городе Лугано, непосредственно перед Олимпиадой, на Конгрессе ФИДЕ американский делегат О. Крамер, дискутируя по поводу расписания игр Олимпиады (отказ по религиозным причинам от игры в пятницу и субботу американских гроссмейстеров Р. Фишера и С. Решевского стал дежурной темой шахматной журналистики), ораторствовал в высоком стиле: «Мы приехали за медалями из чистого золота!», «Роберт Фишер — великий артист, гений шахмат!» А у организаторов болела голова: как приспособить расписание огромного соревнования к религиозным убеждениям двух участников!

Вы помните, что Фишер приехал тогда в Лугано и, не дождав-шись открытия, стремительно покинул город, оставив всех в недоумении.

Организаторы Олимпиады в Зигене, опираясь на авторитет Международной шахматной федерации, ввели твердое расписание. Особое внимание они уделяли концу недели — пятница, суббота и воскресенье, конечно, были рекордными по количеству зрителей. Всем командам было предложено оперировать запасными участниками и подчиняться расписанию.

В полуфинале это не слишком смущало американцев, но когда на собрании капитанов проходила жеребьевка финала и жребий должен был решить, в какой день недели состоится матч СССР — США, у всех присутствующих на лицах был написан вопрос: будет ли встреча Спасский — Фишер!

Американцы уже готовили заявления и предложения, в кулуарах Олимпиады и Конгресса шептались, спорили о том, как быть, если... Но капитан нашей команды Керес вытянул первый номер — судьба была за то, чтобы встреча Фишера со Спасским состоялась.

Весной, на «Матче века» в Белграде, когда все было заранее обусловлено и подписано, поединок Спасского с Фишером сорвал неожиданный демарш Ларсена. Тогда, пожалуй, впервые в своей спортивной биографии Фишер проявил уступчивость: Олимпиада — соревнование командное. Если тактика спортивной борьбы подсказывает выгоду введения в бой той или иной четверки из шести участников — это соображение является главным, решающим. Однако о вероятной встрече Спасский — Фишер мы думали еще в Москве, до начала Олимпиады. Между прочим, сам Спасский не сомневался в том, что встреча эта должна состояться. Он твердо решил играть. Дело было за Фишером.

Когда 4 сентября поздним вечером советская команда прибыла в Зиген, организаторы поместили нас в отеле «Кайзергартен». Войдя в ресторан, мы сразу увидели американскую команду, ужиравшуюся за одним большим столом. Фишер сидел рядом со своим старым соперником Решевским и мило с ним беседовал. Атмосфера за столом была самая непринужденная.

— Кажется, Бобби не собирается покидать Зиген, — сказал кто-то из членов нашей команды.

Уже после жеребьевки финала вопрос о том, что Спасский выйдет на встречу с Фишером, для нашей команды был решен.

За день до этой партии Конгресс горячо обсуждал предложение о включении Фишера в межзональный турнир сверх лимита, то есть сверх двадцати четырех законно добившихся права играть в этом соревновании. С юридической точки зрения предложение американцев не выдерживало критики: как же так, американский шахматист игнорировал чемпионат своей страны, зональный турнир и за это федерация США требует поощрения, требует увеличения мест в межзональном с трех до четырех!

Здравый смысл также восставал против увеличения числа участников межзонального турнира. И так двадцать четыре человека, куда же больше!

Вероятно, когда американская делегация внесла предложение о допуске Фишера сверх норм и правил (присоединив к этому из тактических соображений предложение об участии также представителя «хозяев поля» — испанской федерации), на одной чаше весов лежали логические аргументы, а на другой эмоциональные: «Роберт Фишер — великий артист!» Эмоции сами по себе вроде бы и не годятся против логики, но существует небезызвестная «машина голосования», так что ситуация возникла непростая.

Сам Фишер во время Олимпиады вел себя солидней, чем в годы своей юности. Известно, что он требует значительного удаления своего столика от зрителей. В Зигене осуществить это было сложно по причинам техническим: немцы аккуратно «расчертили» зал на равновеликие прямоугольники для групп полуфиналов. Когда полуфиналы окончились, то шесть прямоугольников были перестроены в пять финальных прямоугольников. Простора для маневрирования шахматным столом Фишера не хватало. Интервала в восемь метров не получалось, и Фишер ограничился символическим удалением от барьера на один метр.

Во время партий, невзирая на то, с кем он играл, Фишер был усидчив, внимателен, сосредоточен. Среди участников Олимпиады было множество весьма экстравагантно одетых молодых людей. Фишер одевался довольно строго.

Любое спортивное соревнование имеет свои неповторимые черты. Может быть, в этом прелесть спорта — каждое состязание приносит новые соотношения и неожиданности. В Зигене выступала та же шестерка гроссмейстеров, что с большим отрывом финишировала первой два года назад в Лугано. Еще в мае команда СССР в Австрии буквально разгромила своих соперников в чемпионате Европы. В Зигене победа потребовала огромного упорства, большого напряжения и труда. Но ни в один момент команда не сомневалась в том, что кубок вернется в Москву.

Старт был трудным, жребий свел нашу команду в начале финала с главными соперниками. Продвижение вперед было не столь быстрым, как хотелось.

— Пока мы идем на первом месте, пожалуй, лишь по автографам, — невесело шутил М. Тайманов.

Общее настроение отражалось и на чемпионе мира, хотя он играл ровно и хорошо. Хотелось, конечно, знать, как чувствует себя Спасский накануне столь важной встречи с Фишером. Запомнилось, что Спасский сказал: «Пора давать бой». Сказал так про положение на Олимпиаде и партию с американцем и при этом улыбнулся. Показалось, что даже как-то посветлел. Потом мы коснулись порядка прибытия на тур. После ставшего печально знаменитым «сна Корчного» эта тема не раз появлялась в наших беседах. Спасский сказал: «Сегодня иду на игру пешком, не торопясь...»

Чемпион мира в день этой встречи был спокоен и уверен в себе. Быть спокойным и уверенным в своих силах — этот «ценный» совет дают всем спортсменам, но чтобы достичь такого самообладания, нужно так много!

Конечно, день 20 сентября был рекордным по числу зрителей. В зал попали 2300 счастливцев. Среди них были избранные, которые заняли места поближе к столу с табличкой Спасский — Фишер, и многие так и не покинули выгодной позиции. Когда в процессе борьбы задние ряды начали понемногу, вежливо, но неуклонно, напирать на передние, а передние плотной массой прижались к широкому барьеру, организаторы ввели вторую линию оцепления — создали «ничейную зону» между барьером и зрителями, натянув железную цепь, применяемую на автомобильных стоянках.

Среди зрителей в этот день были наши соотечественники — дипломаты, специально приехавшие из Бонна во главе с послом СССР С.К. Царапкиным, большим любителем шахмат. Для него было сделано исключение — ему разрешили находиться внутри «прямоугольника», рядом с партией.

Я вместе с некоторыми товарищами занял отличную позицию на застекленном балконе. Мы наблюдали сверху. В огромном фойе, с трех сторон опоясывающем зал, в пяти разных местах на демонстрационных досках повторялись ходы партий Спасский — Фишер, и вокруг демонстрационных досок всюду образовались стойкие группы. Наше место на балконе имело то преимущество, что его можно было на время покидать и не терять при этом. Это позволяло делать вылазки

в фойе, в зал, в демонстрационную комнату при пресс-бюро на втором этаже. Повсюду царила атмосфера напряженного внимания.

В эти часы все участники Конгресса находились, конечно, не в зале заседаний. Конгресс проходил в отеле «Кайзергартен», в четырех с лишним километрах от Зигенландхалле, но все конгрессмены были наблюдателями боя. Шахматная дипломатия молчала, спорили шахматные фигуры...

Ф. Рогард двадцать один год возглавлял Международную шахматную федерацию. Его выдержка, желание найти выход из самой запутанной обстановки, при столкновении противоречивых интересов, неизменно помогали ему в работе по развитию и упрочению ФИДЕ.

Рогард невозмутимо наблюдал за борьбой. В середине партии, когда назрел кризис, он задал мне в фойе вопрос: чьи шансы предпочтительнее. Положение было острым, и я ответил, что, по мнению Смыслова, который не играл в этот день, возможна ничья.

Смыслов, правда, сказал это с улыбкой одному из «напавших» на него зрителей.

Поразительное напряжение продолжалось несколько часов. Никто не уходил, пока, выкладывая все силы за шахматной доской, сражались два молодых человека — чемпион мира, продолжатель традиций советской шахматной школы, и кумир шахматистов Запада.

И вот в борьбе произошел перелом, понятый всеми зрителями, — Спасский оказался сильнее. Жарче стали споры вокруг демонстрационных досок, предгрозовая духота в зале... Фишер сдал партию! Часы остановлены, и впервые на Олимпиаде вспыхнули аплодисменты.

До конца вечера и на следующий день члены советской команды принимали поздравления. Это была великолепная битва и прекрасная победа. После партии Фишер не стал смотреть ее со Спасским, как это обычно бывает. Все силы, вероятно, были исчерпаны... Доска, на которой была сыграна эта вошедшая в историю встреча, была подарена организаторам Олимпиады советскому послу. Все известные гроссмейстеры — участники Олимпиады — расписались на белых полях доски. Лишь Фишер отказался дать автограф.

На Конгрессе в «Кайзергартене» после встречи Спасский — Фишер логика вновь приобрела присущую ей ценность, а основанное на эмоциях право на исключительность потускнело.

В матче СССР — США встреча чемпиона мира с Фишером, конечно, доминировала над всеми другими, однако и на других досках шла упорная борьба. На второй доске Петросян черными играл с Решевским. Эта партия закончилась первой — белые не смогли достичь реальных шансов, и была зафиксирована ничья. К перерыву команда СССР вела со счетом 1,5 : 0,5 при двух отложенных партиях.

Полугаевский нервно вел партию с Эвансом. Она была отложена в худшем для него ладейном эндшпиле.

Геллер отказался от повторения ходов во встрече с Ломбарди. Он думал очень долго и решился отдать качество. На первый взгляд казалось, что это рискованная самонадеянность. Однако ход партии и позднейший анализ показали, что дело совсем не просто. Вскоре Ломбарди попал в полосу затруднений, противники скатились в обоюдный цейтнот, и на доске начались цейтнотные чудеса. Геллер, имея все шансы на победу, растерял их, мог сделать ничью — упустил и эту возможность. Противники перестали записывать ходы и сделали в молниеносном темпе много лишних ходов после контроля. Партия была отложена в безрадостном для Геллера положении. Настала очередь «ночной смены». Начался анализ. Геллер искал в своей позиции шансы на спасение. Мы брали на заметку минимальные шансы, ловушки, но... находили лишь пути к победе Ломбарди. Позиция Полугаевского была не столь безрадостной, но он был полон мрачных предчувствий.

Сначала обе позиции смотрели все вместе, затем разбились на две группы. Спасский пошел «колдовать» с Геллером, остальные помогали Полугаевскому.

Когда работа подошла к концу, диагноз гласил: Геллеру — плохо, Полугаевский имеет шансы на ничью.

«Разведка» поздно ночью донесла, что наш сосед по гостинице Ломбарди полон радужных надежд и уже отпраздновал свою завтрашнюю победу. Желая подбодрить Геллера, я напомнил ему счастливое доигрывание партии с Решевским в турнире претендентов 1953 года, когда в безнадежном ладейном эндшпиле без

двух пешек он добился ничьей. Геллер только грустно улыбнулся приятным воспоминаниям.

Доигрывания мне видеть не довелось — нужно было заседать на Конгрессе. Время от времени я выходил из зала в поисках информации.

— Играют, — лаконично отвечали по телефону из турнирного зала на другом конце города.

«Посчастливилось» американцу Эдмондсону, он первым узнал результаты и как настоящий спортсмен прислал мне записку: «Полугаевский — Эванс — ничья, Ломбарди — Геллер — ничья».

Ломбарди пожадничал, увлекся пешками и попал чуть ли не в единственную ловушку. При анализе мы ее видели, но надежд на то, что это «ружье выстрелит», было мало. Полугаевский заработал свои пол-очка выдержанно и трудолюбиво.

Судьи подвели итог матча 2,5 : 1,5 в пользу команды СССР.

На всякий случай, надеясь на победу Фишера, американцы в ресторане гостиницы «Кайзергартен» подготовили банкет, которому не суждено было состояться. Конгрессмены решили, что уж если федерация США желает допустить Фишера в число участников межзонального турнира, то пусть делает это за счет своих трех мест.

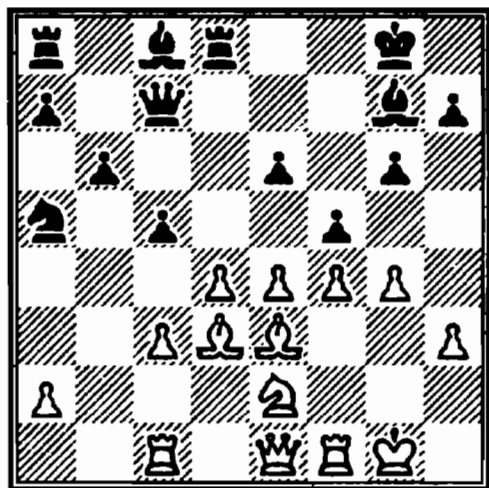
Б. Спасский и Р. Фишер

Защита Грюнфельда
Б. Спасский — Р. Фишер
 Шахматная Олимпиада
 Зиген 1970

1.d4 ♘f6 2.c4 g6 3.♗c3 d5 4.cd
 ♗:d5 5.e4 ♗:c3 6.bc ♘g7 7.♘c4
 c5 8.♗e2 ♗c6 9.♘e3 0-0 10.0-0
 ♚c7 11.♖c1 ♖d8 12.h3.

В 1966 г. Спасский на турнире в Санта-Монике сыграл против Фишера 12. ♚e1 и после 13...e6 добился преимущества. Спасский указал, что черные, играя 12... ♚a5, могли уравнивать игру.

12...b6 13.f4 e6 14. ♚e1 ♗a5
 15. ♘d3 f5 16.g4.

Черные имеют возможность завершить мобилизацию, проявляя активность в центре. Спасский осложняет борьбу, не останавливаясь перед ослаблением прикрытия своего короля. Смелое решение, характерное для стиля Спасского.

16...fe 17. ♘:e4 ♘b7 18. ♘g3 ♗c4
 19. ♘:b7.

Не годилось 19. ♘f2 из-за 19... ♘:e4 20. ♚:e4 ♗d2 21. ♚:e6+ ♗h8 22. ♖fd1 ♗f3+ 23. ♗h1 ♖e8 24. ♚d5 ♗h4. У белых лишняя пешка, однако положение черных предпочтительнее.

19... ♚:b7 20. ♘f2 ♚c6 21. ♚e2
 cd 22.cd b5 23. ♗e4 ♘:d4 24. ♗g5
 ♘:f2+ 25. ♖:f2 ♖d6.

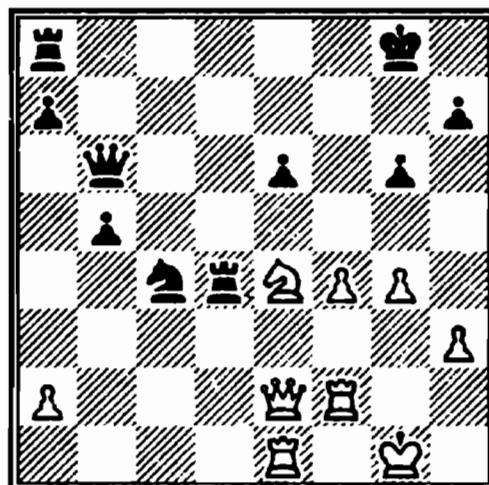
Спасский считал, что сильнее было 25... ♖e8.

26. ♖e1 ♚b6 27. ♗e4.

Интересный вариант после возможного продолжения 27. ♗:e6 привел в своих комментариях гроссмейстер Е. Васюков: 27... ♖e8 28.f5 ♖d2 29. ♚f3 ♖:a2 30. ♖ef1 и грозит 31.fg ♖:f2 32. ♖:f2 ♚:e6 33. ♚f7+ с выигрышем.

27... ♖d4.

На 27... ♖c6 белые могли сыграть 28. ♖d1, стремясь занять вертикаль «d». На 28... ♖d8 возможно 29. ♖d3 ♖d4 30. ♗g2.

28. ♗f6+ ♗h8 29. ♚:e6!!

В распоряжении черных активный выпад 29... ♖d1 с угрозой 30... ♖:e1+. Однако Фишер уви-

дел, что Спасский задумал блестящую комбинацию: 29... ♖d1 30. ♜f7!! ♖:e1+ 31. ♘g2 ♗e3+ 32. ♘f3 ♜c6+ 33. ♘g3 ♖g1+ 34. ♘h4 ♖:g4+ 35. hg ♜h1+ 36. ♘g5 ♖c8 (36... ♗:g4 37. ♘:g4 ♜g1+ 38. ♘h3, далее ладья защищает короля от шахов) 37. ♜d7! ♖b8 38. ♜d4!, и белые выигрывают.

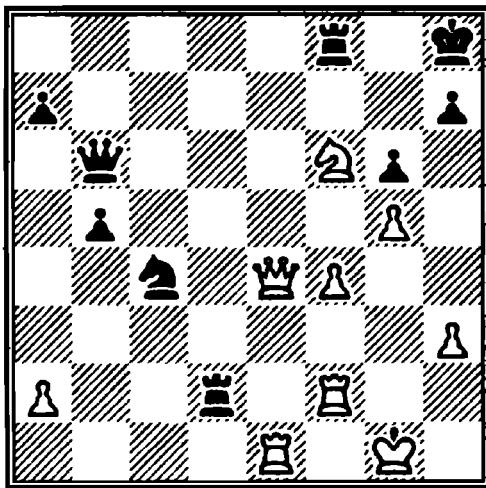
29... ♖d6.

Этим ходом Фишер как бы признает, что «пропустил удар». Белые отыграли пешку и активизировали фигуры.

30. ♜e4 ♖f8.

Сильнее было 30... ♖ad8, теперь же белые наращивают давление.

31. g5 ♖d2.

32. ♖f1!

Белые защитились и грозят матовой атакой — ♜e7. Черные предупреждают эту угрозу и делают решающую ошибку. Правда, как показал последующий анализ, путей к уравнению нет.

32... ♜c7? 33. ♖:d2! ♗:d2 34. ♜d4!! ♖d8.

Ладья f1 неуязвима из-за ♗e8+, выигрывая ферзя. После 34... ♜b6 35. ♜:b6 ab 36. ♖c1! ♗c4 37. a4 с выигрышем.

35. ♗d5+ ♘g8 36. ♖f2! ♗c4 37. ♖e2 ♖d6 38. ♖e8+ ♘f7 39. ♖f8+. Черные сдались.

После 39... ♘:f8 следует 40. ♜h8+. В этой принципиальной встрече чемпион мира Спасский достиг убедительного успеха.

ФИШЕР

Обыкновенное чудо

— Вы, мастера, конечно, хорошо играете, но вот у меня есть сосед, так он такой ход конем знает, что у любого выигрывает!

Любитель, сказавший это, несомненно, был склонен верить в чудо. Услышал я о нем от М.М. Юдовича (старшего), известного мастера, человека бодрого нрава и юмориста.

Жажда чуда заложена в характере человека. Она может по-разному проявляться. Сотни миллионов верят, что можно пройти по воде аки по суху, что можно остановить солнце, если понадобится... (Никого не хочу обидеть и прошу прощения).

Многие верят, что в рулетку им обязательно должно повезти. Верят и в то, что должны непременно быть чудотворцы. Шахматное королевство не отличается от других уважающих себя королевств.

Мало-мальски квалифицированные шахматисты твердо знают, что магического хода конем, выигрывающего у любого противника, увы, нет. Однако верят, что обязательно должен быть такой чемпион, который может побеждать всех наперекор стихиям.

Кандидатов в чудотворцы ищут, естественно, среди чемпионов мира. Шахматным королем можно стать лишь благодаря личным ценным качествам, а не по наследству или всеобщему, равному и тайному голосованию, как в иных королевствах. Правда, и в последних многие избиратели верят, что королем станет чудотворец. Однако вернемся в свое королевство. Многие безгранично восторгались Капабланкой, называли непобедимым, безошибочным шахматным автоматом. Увы, были и ошибки, и поражения, он был побежден в матче Алехиным. Таль на вершине своих успехов, с его каскадами жертв и фейерверками комбинаций, выглядел как несомненный чудотворец. Великие мастера Капабланка и Таль вызывали восторги шахматных масс. Не меньше эмоций, пожалуй, вызывал Роберт Фишер, ныне здравствующий. Он оставил в истории шахмат яркие страницы, но, увы, пережил свою славу.

С двенадцати лет Роберт Фишер стал участвовать в турнирах мастерского класса. Однажды, просмотрев вместе с товарищем-гроссмейстером партию юного мастера, напечатанную в журнале, я подумал, что это не просто вундеркинд. Уж очень солидно он вел борьбу, стратегически. А вскоре я совершил ошибку, упустив возможность познакомиться с Фишером лично. Юношей, даже, как теперь говорят, тинэйджером, Роберт приехал в Москву со старшей сестрой. Кое-кто из шахматистов говорил, что приехал с сестрой, потому что у него по молодости еще паспорта не было. В ту пору я трудился в издательстве. Однажды мне позвонил на работу директор Центрального шах-

матного клуба Борис Павлович Наглис и сказал, что Фишер в клубе играет блиц и ему нужны партнеры. Так что если хочу — могу подойти. Я знал, что Фишер — это не фунт изюма, хотя и пацан, однако чего-то не хватило у меня, то ли ума, то ли фантазии для того, чтобы бежать в клуб. Я сказал «спасибо, занят» и остался в дураках.

Потом Фишер стал бурно прогрессировать, сначала бил американских мастеров, а потом всех подряд. И с первых шагов проявлял крутой характер. Он жестко требовал надлежащих условий для игры, требовал уважения к шахматам, шахматистам, к себе. Не случайно позднее Борис Спасский скажет, что Фишер — председатель профсоюза профессиональных шахматистов.

Это было в период успехов советской шахматной школы, в период «мудрой» аксиомы, что массовость рождает мастерство. Может быть, в каких-то сферах и рождает автоматически, но вот в шахматах замечены случаи беспорочного рождения талантов и даже гениев. Без особой массовости. Случился в свое время в Соединенных Штатах Морфи, в наши дни появился в Индии Вишванатан Ананд. На это эксперт, правда, может возразить, что Индия — родина шахмат. Капабланка появился на Кубе, когда эта страна была многим вообще неизвестна. Председатель Шахматной федерации СССР Борис Евгеньевич Родионов как-то сказал, что на талант патента нет. Очень здравая мысль, на мой взгляд. Однако не все у нас могли примириться с этим, и во многих комментариях эксперты критиковали Фишера. Осуждали его за жадность — большие гонорары и призы требует. Позднее вся жизнь Фишера показала, что это вздор, маммоне он не поклоняется. Не раз он небрежно отмахивался от предложений с большими нулями за участие в рекламе, от огромных гонораров за то, чтобы сыграл... Гонорары, ясное дело, требовал, чтобы уважали.

Писали, что Фишер необразованный, даже школы не кончил. А он критикам возражал, что они языков, кроме родного, не знают, а он, между прочим, знает и другие, кроме английского, и на русском шахматную литературу читает. За игру его критиковать было трудно, однако один автор как-то заметил, что «ошибки Фишера видны невооруженным глазом». Грешным делом и я не устоял и написал о Фишере замысловатую статью. Ее напечатала популярная «Литературная газета», что мне было приятно. Одна-

ко на следующий день, когда я пришел на работу, мой коллега Александр Маркович Константинопольский, выдающийся тренер и серьезный человек, сказал мне: «Тут в отдел телеграмма пришла. От Фишера. Предлагает вам матч сыграть на коня вперед». В первый момент я поверил. Александр Маркович был строг и шутил нечасто.

В общем Фишер на советскую шахматную школу налетел, как тайфун.

В 1967 году, в юбилей Октябрьской революции, готовили международный турнир, не один, а целых пять, а главный — в Москве. Наметили пригласить сильнейших гроссмейстеров мира. Конечно, и Фишера. Однако международные дела — материя тонкая. Фишера из предлагаемого списка приглашаемых где надо вычеркнули. Я позвонил товарищу, авторитетному в нашей стране по всем видам спорта. Стал что-то аргументировать. Он твердо отказал. Через некоторое время я позвонил еще раз. Результат, сами понимаете... Мой товарищ Юра Васильчук, председатель Шахматной федерации Москвы и вообще ученый человек, разъяснил мне, что по второму разу звонить «туда» не принято. Отказали — вопрос закрыт. Американская шахматная федерация прислала телеграмму. Выражали недоумение.

Конечно, если бы Фишера пригласили, он бы мог здорово сыграть. Не исключено, что мог и наскандалить. Позднее, через многие годы, его грубое отношение к госдепартаменту США стало широко известным. И в итоге живет он не на родине, а в Венгрии. Он еще и в молодости позволил себе заявление, что он представляет не США, а Роберта Фишера. Такой уж у него либеральный взгляд на жизнь.

В 1970 году довелось мне увидеть Фишера «живьем». Во время шахматной Олимпиады в Зигене наши и американские шахматисты жили в одной гостинице, называвшейся «Кайзергартен». В первый же вечер я увидел его в ресторане за ужином. Он сидел вместе с другими членами команды за столом, непринужденно общался с коллегами и вовсе не походил на буку, каким его описывали некоторые журналисты. С виду простой долговязый и худой парень.

Говорили о его чудачествах, вспоминали Олимпиаду в Лугано два года тому назад, когда Фишер покинул команду до старта, заявив, что зал для игры не годится... В Зигене Фишер ограни-

чился лишь тем, что поставил у себя в номере телевизор. В ту пору респектабельная гостиница считала такую штуку несолидной.

Зиген не принес Фишеру большой победы. Чемпион мира Спасский выиграл у него сенсационную партию, обнадежив своих почитателей. Надежды не сбылись. Оказалось лишь то, что Фишер вышел на «тропу войны». Писали, будто его мама сказала, что Бобби станет чемпионом мира, когда захочет. Вероятно, захотел. И зашагал через межзональный турнир, через матчи с претендентами Таймановым и Ларсеном (со счетом 6:0), экс-чемпионом мира Петросяном и, наконец, с чемпионом мира Спасским. Все стало видно невооруженным глазом.

Затем Фишер взялся за реформу правил матчей на первенство мира. Сломал формулу «двадцать четыре партии на большинство», добился безлимитного кошмара и под конец вообще отказался от игры, наказав всех своих бесчисленных почитателей. Почему?

Фишер, конечно, оригинал. Американец, а машину водить не хочет. Жил в Нью-Йорке, а телефона не имел. Отшельничал. Имел особые религиозные взгляды.

Конфликты и недоброжелательные отношения не редкость среди чемпионов мира и претендентов, а Фишер, хотя по характеру совсем не божья коровка, но сохранил на всю жизнь симпатию к Борису Спасскому. Неожиданно для всех экс-чемпионы сыграли еще один матч. Годы сделали свое, и получился, увы, матч дружбы. Этот матч доказал, что решающее значение имеют не очки, а содержание партии.

Широкие круги привлекла сенсационность результатов Фишера, его неожиданные поступки и высказывания. Квалифицированных шахматистов подкупало и даже удивляло его творчество. И болели за него люди вне зависимости от места жительства и взглядов.

В период переговоров о матче Фишера с претендентом Анатолием Карповым позвонил мне в редакцию «64» неизвестный болельщик и задал вопрос: «Что значит по-русски слово Фишер?» Я спроста ответил — рыбак. А аноним ехидно спросил: «А Карп?»

Была в ту пору в еженедельнике «64» страничка юмора, называлась «Нью-Васюки». Один читатель прислал такой стишок: «На станции Малая Вишера/ Никто не болеет за Фишера». Шутил, однако.

К сожалению матч Фишер — Карпов не состоялся. По вине Фишера. И ФИДЕ провозгласила чемпионом мира Анатолия Карпова.

Роберт Фишер задал шахматному миру загадку. Почему он такой, ни на кого не похожий?

В августе 1971 года М.М. Ботвинник напечатал в «64» статью «Чудеса и действительность». О Фишере. Надо ли говорить, что Михаил Моисеевич не был склонен верить в чудеса? Он написал: «Когда фигур на доске много и они подвижны — решают счетные способности. Это роднит Фишера с прежним Талем. Но Фишер сочетает это с известной осторожностью, высокой техникой, трезвой оценкой позиции — это сближает его с молодым Смысловым».

Мне довелось получить интервью для «64» у Спасского после того, как он проиграл матч на первенство мира Фишеру. Вот что он сказал о новом чемпионе мира: «Шахматистом № 1 Фишера делают следующие главные особенности. Первая — очень высокая техника игры. «Цена хода» в дебюте у него исключительно высока. В этой стадии он последовательно стремится делать наилучший ход. Далее, в миттельшпиле он, стараясь в первую очередь экономично расходовать силы, делает не всегда наилучшие, но хорошие ходы. Вторая особенность Фишера — огромная энергия, работоспособность во время партии. Он умеет бороться до конца, до «последнего солдата». Такая энергия позволяет ему держать противника в напряжении, создавать ему проблемы постоянно.

Кроме того, Фишер достаточно тонко чувствует настроение и физическое состояние противника».

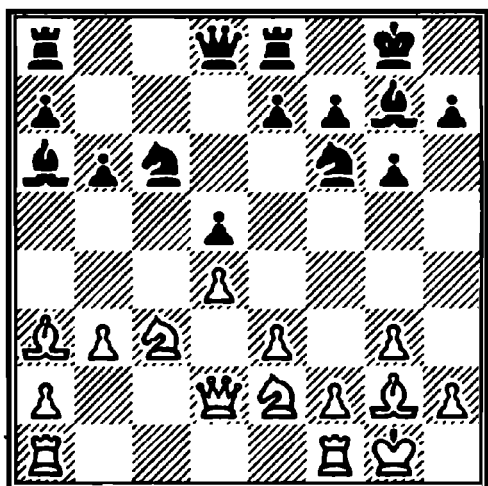
М. Ботвиннику и Б. Спасскому игра и стиль Фишера понятны. Простые смертные знают, что чудесного хода, который всегда выигрывает, нет. Вроде бы чудес не бывает. Но вот почему рождаются гениальные шахматисты, причем неожиданно, науке неизвестно.

«Время выводов в космогонии еще не настало» — сказал один выдающийся астроном.

Так что, пожалуй, можно считать, что Роберт Фишер — обыкновенное чудо природы.

Защита Грюнфельда
Р. Бирн — Р. Фишер
Первенство США, 1963/64

1. d4 ♖f6 2. c4 g6 3. g3 с6 4. ♗g2
d5 5. cd cd 6. ♖c3 ♗g7 7. e3 0-0
8. ♗ge2 ♖c6 9. 0-0 b6 10. b3 ♗a6
11. ♗a3 ♜e8 12. ♝d2.

До этого момента оба партнера развивались скромно, неторопливо. Однако Фишер подготовил обострение борьбы.

12... e5! 13. de.

Белые идут на обострение, не подозревая об опасностях, иначе они могли бы сыграть 13. ♜aс1.

13... ♗:e5 14. ♜fd1.

Нельзя было брать пешку: 14. ♗:d5? ♗:d5 15. ♗:d5 ♗f3+.

Ход в партии позволил Фишеру развернуть красивую фигурную атаку. Анализ показал, что белые должны были идти на вариант 14. ♜ad1 ♝с8! 15. ♗b2 ♝f5 с инициативой у черных.

14... ♗d3! 15. ♝с2.

Грозил 15... ♗e4. Фишер приводит красивые варианты, дока-

зывающие, что белые уже находятся в тяжелом положении.

«Вряд ли была защита от угрозы 15... ♗e4:

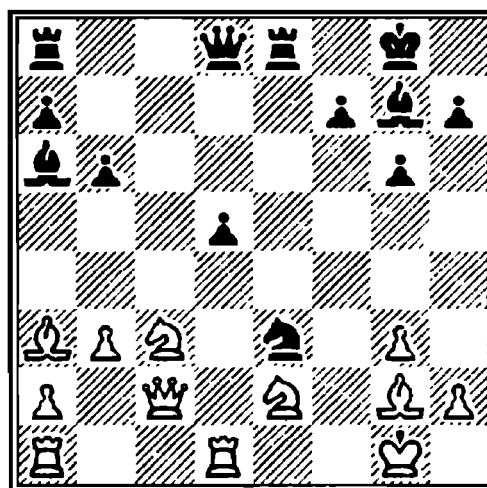
а) 15. ♗d4 ♗e4 16. ♗:e4 de 17. ♗b2 ♜с8 с сильным давлением;

б) 15. ♗f4 ♗e4 16. ♗:e4 de (16... ♗:a1? 17. ♗d6) 17. ♜ab1 ♜с8 18. ♗:d3 ♗с3! 19. ♝e2 ♗:d3 20. ♝g4 f5 21. ♝h3 ♗:b1 22. ♜:d8 ♜e:d8 23. ♗f1 ♜d1 24. ♝g2 ♗d3! 25. ♗:d3 ed с решающим преимуществом;

в) 15. f3 ♗h6 16. f4 (16. ♗f4? d4!) 16... ♗g7!, возобновляя угрозу ♗e4».

15... ♗:f2!! 16. ♝:f2 ♗g4+ 17. ♝g1 ♗:e3.

Точно рассчитанная комбинация. Черные фигуры используют открытые диагонали и вертикали.

18. ♝d2 ♗:g2!

Уничтожается белый слон — защитник короля. Взяв ладью, черные «помиловали» бы противника.

19. ♝:g2 d4 20. ♗:d4 ♗b7+ 21. ♝f1.

С доски исчезли черные кони, зато слоны обрели гигантскую силу, превосходя три легкие фигуры белых.

Не спасало 21. ♖f2 из-за 21... ♜d7! 22. ♜ac1 ♜h3 23. ♘f3 ♘h6 24. ♜d3 ♘e3+ 25. ♜:e3 ♜:e3 26. ♘:e3 ♜e8+ 27. ♘f2 ♜f5, — гибнет конь f3 и матовая атака продолжается.

На 21. ♘g1 могло последовать 21... ♘:d4 22. ♜:d4 ♜e1+ 23. ♘f2 ♜:d4 24. ♜:d4 ♜:a1 25. ♜d7 ♜c8 26. ♜:b7 ♜:c3 27. ♜b8+ ♘g7

28. ♘b2 ♜:a2 с лишней ладьей и двумя пешками.

21... ♜d7. Белые сдались. Нет защиты от ♜h3+.

Фишер в своих комментариях выразил сожаление, что «за кулисами» остались варианты 22. ♜f2 ♜h3+ 23. ♘g1 ♜e1+!! 24. ♜:e1 ♘:d4 с неизбежным матом.

Если же 22. ♘db5, то 22... ♜h3+ 23. ♘g1 ♘h6.

Виртуозная игра Фишера производит большое впечатление.

КАРПОВ

«Трудоголик»

В славном ряду чемпионов мира нет и двух похожих друг на друга, нет ни одного не отмеченного печатью глубокой индивидуальности. Это, вероятно, закономерно. Кто же, как не человек, наделенный ярким и оригинальным творческим дарованием, способен победить своих многочисленных и одаренных в области шахмат соперников? Анатолий Карпов, двенадцатый чемпион мира, несомненно, яркая и своеобразная личность. В двадцать три года он стал чемпионом мира, сыграв до этого 440 турнирных партий, начиная с турниров мастерского класса. В период чемпионства и позднее взял рекордное множество первых призов в международных турнирах. Сейчас на его счету около двух с половиной тысяч сыгранных турнирных партий. Играл примерно по сотне партий в год. Да еще, как известно, отлично учился в школе, университете, защитил диссертацию по экономике, занимался наукой, участвует в общественной и политической жизни и многое другое. Причем не формально, а интенсивно. Даже филателией (есть у него такое хобби) занимается не как рядовой любитель почтовых марок, а имеет мировое признание в этой «секте». И коллекция его, разумеется, тоже.

Разумно ли напрягать себя такими трудовыми подвигами? Хочет ли Карпов удивить всех или же самого себя? Трудные вопросы. Проще констатировать — характер такой.

Годы казалось, что Карпов недосыгаем, но вот появился могучий и быстрорастущий конкурент Гарри Каспаров. Развернулась долгая многоактная дуэль — четыре матча на первенство мира, и Карпов сменил звание чемпиона мира, временное, на постоянное — экс-чемпион. Успехи стали скромнее, но характер остался неизменным.

В шахматном королевстве настал период революций, авторитет ФИДЕ заколебался, формула розыгрыша титула чемпиона мира получала пробоину за пробоиной, Карпов стал чемпионом «по версии» ФИДЕ...

Жизнь продолжается, Анатолий Карпов прожил половину прошлого века, накопил грандиозный опыт и можно констатировать, что двенадцатый чемпион занял в истории шахмат выдающееся место.

Впервые Толю Карпова я увидел в Москве, когда зимой судил во Дворце пионеров все-союзные соревнования школьников. Ему было лет десять-одиннадцать, он был уже кандидатом в мастера и его будущие успехи не вызывали у специалистов сомнения. Толя рос быстро, и настал момент, когда в повестку дня встал вопрос о том, чтобы дать ему возможность завоевать звание международного гроссмейстера. В 1970 году на

Гоголевский бульвар в Федерацию пришел сеньор из Венесуэлы с переводчицей. Фамилия его была, если память не изменяет, Розарио. В Москву он приехал по делам Общества дружбы, имея приглашение для двух советских представителей на международный турнир в Каракасе. Гость знал несколько русских слов, я — несколько испанских и предложил гроссмейстера Штейна и совсем молодого международного мастера Карпова, уже чемпиона мира, правда, среди юношей. Мы договорились.

Сеньор Розарио улетел, но вскоре последовал телефонный звонок из Каракаса, говорил гроссмейстер О'Келли. Его пригласили в качестве организатора и судьи турнира. Гроссмейстер хорошо говорил по-русски. Я познакомился с ним на матче Петросян — Спасский, где он был главным арбитром. О'Келли напомнил мне, что для уровня турнира нужны два гроссмейстера. К счастью, слышимость через океан была слабоватая, и, взяв грех на душу, я слукавил, что ничего не слышу. О'Келли оправдал надежды венесуэльцев, сумев сохранить уровень турнира, а Толя не подвел организаторов: завоевал звание гроссмейстера.

Анатолий Карпов начал учиться в МГУ, родители его жили тогда в Туле. Проблемы сочетания учебы с шахматными соревнованиями и сборами у него не возникало, но как-то он пришел в Федерацию и сказал, что хочет переехать в Ленинград и перевестись в Ленинградский университет. Я любопытно спросил:

— Зачем? Хотите быть самостоятельным, подальше от родителей?

— Нет, — ответил Карпов. — В Ленинграде живет мой тренер Фурман.

Семена Фурмана я знал хорошо. Он всегда отличался эрудицией, отменным трудолюбием и фундаментальным стилем.

Анатолий без осложнений переехал в Ленинград, успешно окончил там Университет, а под руководством Фурмана — и самую высокую шахматную академию.

Об Анатолии Карпове, его шахматных сражениях и жизни написано немало статей и книг. Мне довелось по работе принять участие в организации его подготовки к первому матчу с Корчным.

Некоторыми моментами хочется поделиться с читателями.

Против «претендента»

К первому матчу с претендентом Корчным в 1978 году в Багио Карпов начал готовиться заблаговременно. По работе мне поручили организацию и координацию тренировочных сборов, а когда определялось место проведения матча, я слетал в так называемую инспекционную поездку в Голландию, так как голландцы претендовали провести матч в городе Тилбурге, хорошо известном шахматистам. Оказалось, что у голландцев все в большом порядке: коттедж с отличным участком в тихом пригороде для делегации предоставлял один очень небедный любитель шахмат, симпатичный к тому же человек. Ему, конечно, было где жить во время матча. Уровень бытовых удобств можно себе представить исходя из того, что хозяин имел в этом своем имении даже маленький зоопарк. Он не без гордости объяснил, что двух каких-то копытных он сам отстрелял в Венгрии, не пулями, а какими-то усыпляющими ампулами, и привез их в прицепе своей автомашины. Придаться было решительно не к чему, но я, как инспектор,

все же задал вопрос, почему нет кондиционера? Получив разъяснения о климате в Голландии, я больше вопросов не задавал, и стороны, как говорится, были удовлетворены.

Посол нашей страны в Нидерландах А.И. Романов принял организаторов матча и меня. Он рассказал, что хорошо знает Карпова, не раз выступавшего в Голландии, симпатизирует ему и был бы доволен проведением матча здесь. Голландцы тоже проявили большой интерес. В местной газете появилась статейка с фотографией под названием, показавшимся мне любопытным: «Рус Бейлин в Тилбурге». Следовательно, мой пятый пункт их не заинтересовал.

Матч планировали в спортивном сооружении, на арене. Посреди площадки, используемой для хоккея и других видов спорта, решено было соорудить помост, покрытый огромным прозрачным колпаком. Из этого сооружения вели крытые мостки в комнаты участников, отведенные для отдыха. Свободную часть арены собирались украсить цветами. Я подумал, что, наверно, тюльпанами, ведь это Голландия, но на всякий случай проявил выдержку и промолчал. Голландцы пояснили, что в игровом «аквариуме» будет тихо, температура постоянная, воздух свежий. Я поинтересовался — успеется ли все это? В ответ услышал: «Конечно. Ведь Эйнховен очень близко». Я спросил, что это значит, и узнал, что это «Филипс». О фирме «Филипс» я был наслышан и возразить было нечего.

По правилам страна (федерация), претендующая на проведение матча на первенство мира, должна заблаговременно известить ФИДЕ, какой она установит призовой фонд. Голландцы спросили, что я думаю о возможном размере призового фонда. «Думаю, что будет не меньше миллиона долларов, так что имеет смысл заявить, к примеру, миллион сто». Позднее оказалось, что я угадал: филиппинцы заявили миллион долларов, а голландцы миллион двести пятьдесят. И проиграли. ФИДЕ решила, что не в деньгах счастье, и назначило матч на Филиппинах, в неизвестном дотеле большинству шахматистов городе Багио, куда из Москвы добираться надо на перекладных, через Токио или Сингапур, далее в Манилу и, наконец, в Багио. Позднее оказалось, что и дозвониться по телефону в Багио тоже непросто.

Мне казалось, что матч в Голландии, поближе к дому, все же лучше. К тому же отец Анатолия болел тяжелой болезнью. Но это так, к слову пришлось.

Подготовка к матчу шла фундаментальная. Посетил я на всякий случай Институт курортологии, повысил свой уровень знаний о климате в Багио, еще беседовал с врачами о диете и т.д. Запланировали шесть сборов, разделив затраты между Спорткомитетами Союза, Москвы и Армии, потому что Карпов выступал за Армию. Сборы надо было обеспечивать людьми и материалами, так что мне выпала работа вроде диспетчера.

Некоторые сборы мне довелось посетить и кое-какие эпизоды остались в памяти.

Один из сборов был в Гагре. Я полетел туда на неделю с доктором наук В.П. Зухарем. Владимир Петрович — психолог. Позднее он сопровождал Карпова в Багио, и чего только о нем не писали — и гипнотизер, и почти что колдун! Мне же показалось, что он довольно скромный человек. В аэропорту «Внуково», когда мы вылетали, его не хотели пропускать на борт самолета, так как он вез Карпову две бутылки с какими-то витаминными напитками. Стражи порядка уперлись, Владимир Петрович ни уговорить, ни загипнотизировать их не смог, а мне как-то удалось, хотя насчет этого я совсем не дока.

Потом в Гагре я спросил профессора, как наука смотрит на то, что не очень хочется купаться, потому что в море вода холодновата? Оказалось, что наука считает так — купаться надо, когда это приятно. Замечательно! И вообще профессор оказался симпатичным.

Был сбор и в Боржоми. Грузины принимали в соответствии со своими традициями, исключительно радушно. Под конец проводили к поезду, снабдили на дорогу... Наша группа заняла два купе, дорога дальняя, и выясняется, что Карпову пользоваться вагон-рестораном не с руки. Спокойно поесть окружающие люди не дадут. Обратная сторона медали для знаменитого человека.

Время коротали в купе. Между прочим, Анатолий объяснил мне правила игры в нарды. (На всякий случай нас снабдили и этим.) Начали играть, и мне, как бывает с новичками, повезло. Бросаю кубики — выпадают шестерки. Карпову, истому спортсмену, это явно не нравилось. По отзывам, он играет в эту народную игру недурно, и справедливость торжествовала.

Тренер Карпова по физподготовке Валерий Крылов говорил мне, что, играя на бильярде, Анатолий жаждет победы, но, не дай Бог, заподозрит, что более сильный партнер поддается. И к картам, как многие гроссмейстеры, он проявляет интерес. Даже уча-

ствовал в «турнирах» в «подкидного дурака». (Кажется, этой массовой игре придумали какое-то более благозвучное название).

А на сборе в Кисловодске случился печальный эпизод. Заболел Семен Фурман, тренер Анатолия с юношеских лет. Болезнь прогрессировала, и не пришлось гроссмейстеру Фурману быть секундантом Анатолия на матче в Багио. Там тренерами-секундантами были Юрий Балашов и Игорь Зайцев, но, думаю, потерю Фурмана вряд ли возможно было восполнить.

Подготовка подходила к концу, версталась шахматная картотека и библиотека, комплектовалась аптека, заготавливали харчи, которых не ведают филиппинцы. Все путем, как перед самым ответственным соревнованием.

И вот мощная делегация отправилась в далекий путь и своей численностью произвела на Виктора Корчного, как он писал, довольно сильное впечатление. Такого раньше не случалось. А я остался в Москве, на командном пункте, так сказать. Мне предстояло быть на связи, помогать подготовке отправки групп туристов-болельщиков и так далее. Понятное дело, я не прочь был посмотреть матч и как выглядят Токио, Сингапур, Манила и Багио, но не судьба. Правда, позже мне предложили примкнуть к туристам, но показалось, что это не соответствует должности, да и накладно.

Делегация прилетела в Багио, скоро старт, и тут меня посетила глубокая мысль, которую я сообщил руководству Спорткомитета: отправили всех, кого надо, включая повара, снабдили всем, но ведь что-то могло и ускользнуть. Для гарантии надо посмотреть на месте. Мысль одобрили, и полетел туда руководящий работник.

С туристами оказалось немало хлопот. То не хватало виз и надо было подключать наших товарищей на Филиппинах, чтобы они организовали нужные звонки хозяев поля в их посольство в Москву. Потом были визы, но не хватало мест в самолете... Надо было улететь группе по частям, а это не всем приятно... Среди туристов были шахматисты разных союзных республик, мастера, тренеры, партийные и советские работники — члены республиканских шахматных федераций. И вот мне показалось, что партработники вели себя не столь активно, как советские. Поскромнее, вроде. Может быть, это мне просто показалось. А может быть, мало материала для такого умозаключения.

В то время мне произошел любопытный эпизод в аэропорту при отлете туристов. Кассир говорит гиду «Интуриста», сопровождаю-

щему группу, что у него на сегодня только десять мест и ни одного больше. Однако к окошку подходит шахматист, красивый и молодой, с победоносным взглядом и протягивает бутылку отличного коньяка. Появляется одиннадцатый билет. Тогда эта сценка могла вызвать внутренний протест. Сомневаюсь, что так же и теперь.

Сначала матч шел с преимуществом для Карпова, но потом Анатолий сдал.

Вокруг матча кипели страсти, не только шахматные, но и политические. Невозвращенца Виктора Корчного старались по имени не называть. Прилепили ему кличку — «претендент». Юридически все правильно, а по существу, как говорил один классик, издательство, Отлично об этом пел Владимир Высоцкий:

*Один из них слуга народа,
Что пьет кефир в решающий момент,
Другой без племени и рода
С презрительною кличкой — претендент.*

По правде сказать, насчет кефира это маленькое преувеличение. Матч протекал драматично. Семь ничьих, Карпов выиграл восьмую партию, одиннадцатую — Корчной, победой в тринадцатой Карпов захватывает лидерство и после 27-й у него перевес в три очка. Однако затем Корчной набирает 3,5 очка из четырех. Счет сравнялся: 5:5! Игра до первой победы. В Москве — паника местного значения. Дошел слух, что у Карпова нарушился сон. Немудрено при таком напряжении. Кто-то решает, что надо послать врача-специалиста по иглоукалыванию. Начинается форменный детектив. Я, на ночь глядя, еду в Подмоскowie на машине и знакомлюсь с очень симпатичным доктором Нелли Ивановой Митрофановой. Ей надлежит срочно лететь в Багио. А она собиралась в другую командировку, тоже за границу. Немедленно снимают. Однако нет филиппинской визы, а посол в отъезде, кажется, в Баку. Его экстренно достают по телефону и виза есть. В последний момент вспоминаем, что нужен сертификат о какой-то прививке, и следует команда: «Отбой!» Вспоминается стихотворение поэта Николая Глазкова, большого любителя шахмат, которое он написал по поводу сорвавшейся поездки в Манилу гроссмейстера Юрия Авербаха, за десяток лет до событий в Багио. Начинается стихотворение словами: «Его манила солнечно Манила», а заканчивается — «Осталась от Манилы лишь прививка/ Которая в России ни к чему».

Появляется второй вариант. Утром должен прилететь в Москву из Гаваны Виталий Иванович Севастьянов, летчик-космонавт, председатель Шахматной федерации СССР. А вечером есть подходящий рейс в сторону Филиппин. Решили отправить его в одно касание из Москвы в Багио. Перед прилетом самолета из Гаваны Виталия Ивановича встречают в аэропорту. Два товарища из ЦК, один из Спорткомитета, а я чуть-чуть запоздал. Подхожу к столику, за которым сидят три руководителя. Старший читает газету и ни на кого не смотрит. Меня спрашивают, почему припозднился? Отвечаю, что «Москвич» шахматного клуба очень стар, ненадежен и застрял. Тут же в моем распоряжении оказываются две «Волги», и мне указано идти на встречу космонавта первым. Так сказать, на убой.

Виталий Иванович входит в зал из самолета бодрым шагом, небритый после ночного перелета, улыбается мне. А я его сразу обрадовал, что надо бы вечером полететь далеко на восток. Он не колеблется, а только спросил, знает ли об этом жена. «Знает, знает», — отвечаю я, и обстановка разряжается, задание выполнено.

Виталий Иванович мчится домой, вечером обратно в аэропорт...

Рука у него оказалась легкая. В Багио он сделал все, как надо. Анатолий приободрился и выиграл шестую партию, а вместе с ней и матч. Самый продолжительный на 1978 год в истории матчей — 93 дня!

Для меня эпопея окончилась в ресторане «Метрополь». Анатолий пригласил покойных ныне Бориса Равкина и Юрия Коткова, работников Шахматного клуба и меня. Мы обошлись без кефира, хотя и не злоупотребляли.

В дни матча мне хотелось съездить в Багио. Прошли годы и, кажется, что Бог миловал, — не попал я в эпицентр бурь.

Мне довелось быть на поминках отца Анатолия, Евгения Григорьевича Карпова, безвременно ушедшего из жизни. Ранее я знал, что этот симпатичный человек — высококвалифицированный инженер, администратор и организатор производства, но на поминках я еще услышал от его коллег, что на заводе, где они работали, были многие сотни технологических единиц, а Евгений Григорьевич все их помнил. Так что не только твердому характеру, энергии и трудолюбию обязан Анатолий Карпов. Еще и природа, гены. Просто отец трудился на одном поприще, а сын на другом.

Защита Уфимцева
А. Карпов — В. Корчной
 Матч на первенство мира
 Багио 1978

Напряжение в матче достигло апогея к 28-й партии. Счет 5:5, матч играется до шести выигранных партий.

1.e4 d6 2.d4 ♘f6 3.♗c3 g6 4.♗f3 ♕g7 5.♖e2 0-0 6.0-0 c5 7.d5.

Теория рекомендует 7.dc с некоторым преимуществом. Карпов предпочел отказаться от предложенного размена, быть может, подозревая «заготовку» противника.

7...♗a6 8.♖f4 ♗c7 9.a4 b6 10.♞e1 ♗b7 11.♖c4 ♗h5.

Ход черных неудачен: следовало продолжать развитие — 11...♞d7.

12.♖g5 ♗f6 13.♞d3.

Дебютная стадия дала белым преимущество. Они контролируют центр, и их фигуры заняли более активные позиции.

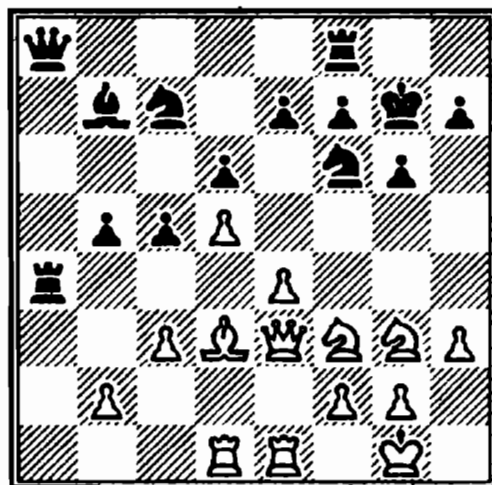
13...a6 14.♞ad1 ♞b8 15.h3.

Привлекательно продолжение 15.e5, однако матчевая ситуация диктовала сдержанность.

15...♗d7 16.♞e3 ♗a8 17.♗h6 b5 18.♗:g7 ♖:g7 19.♗f1 ♗f6 20.ab ab 21.♗e2 ♗b7.

Черные стеснены: 21...e5 22.de ♗:e6 приводит к слабости пешки d6.

22.♗g3 ♞a8 23.c3 ♞a4 24.♗d3 ♞a8.

Белые полностью мобилизовали свои силы, размен чернопольных слонов ослабил позицию короля. Черные фигуры сосредоточились на ферзевом фланге. Ситуация созрела для атаки.

25.e5! de.

На 25...♗f:d5 могло последовать 26.♗h5+! gh 27.♞g5+ ♖h8 28.♞f5 с неотразимой угрозой 28.♞:h7x.

26.♞:e5 ♗c:d5 27.♗:b5 ♞a7 28.♗h4 ♗c8 29.♗e2.

Белые фигуры взаимодействуют, слон переведен на удачную позицию. Черные не могут рационально защищаться.

29...♗e6 30.c4 ♗b4 31.♞:c5 ♞b8 32.♗f1 ♞c8 33.♞g5 ♖h8 34.♞d2 ♗c6 35.♞h6.

Черные проиграли пешку. Положение их короля остается опасным.

35...♞g8 36.♗f3 ♞f8 37.♞e3 ♖g7?

Последняя ошибка в цейтноте. Затягивал сопротивление ход 37...♞b7.

38. ♖g5 ♗d7 39.b4.

Черные кое-как прикрыли королевский фланг ценой оголения ферзевого.

39... ♜a8 40.b5 ♖a5 41.b6 ♗b7
(записанный ход).

Цейтнот окончился, положение черных безнадежно. Корчной сдался, не возобновляя игры.

Матч закончился.

КАСПАРОВ

Ниспровергатель

Тринадцатый чемпион мира Гарри Каспаров развивался как обыкновенный гениальный ребенок. Он столько лет на авансцене шахмат, столько о нем и им написано и сказано, что останавливаться на шахматной биографии нужды нет. Родился в 1963 году, то есть сейчас находится в расцвете. Опытен и молод. Молод, но уже появились первые седые волоски. В пятнадцать лет стал мастером, перевыполнив норму на три с половиной очка. В 16 лет дебютировал в международном турнире и опередил четырнадцать международных гроссмейстеров. В 1980 был в составе сборной команды СССР на шахматной Олимпиаде. Сыграл отлично. Тогда награждали шахматистов и шашкистов правительственными наградами, а Гаррику не дали. Кое-кто говорил, что, дескать, слишком молод, поэтому. Но в то же время наградили юную шашкистку. В ту пору Карпов крепко держал в руках мировую корону, как посоветовал ему генеральный секретарь, и не исключено, что могли быть люди, которые считали, что быстрорастущий претендент совсем не обязателен.

Однако, дома, в Баку (тогда еще дома), Гаррику не обижали. Наградили Почетной грамотой Верховного Совета (которая очень помогала при назначении персональной пенсии). Правда, для юного комсомольца это не актуально. Награды, конечно, штука приятная, но их отсутствие шахматному росту не вредит.

С десяти лет Гарри занимался в известной шахматной школе Ботвинника, ценил эти занятия, перенимал у Михаила Моисеевича навыки и установки. Учитель ученику не мог не порадоваться. Позднее я слышал, Гарри написал на книжке, подаренной Ботвиннику: «Минику Ботвиннику от Гаррика Каспарика». Надо сказать, что Михаил Моисеевич тоже иногда не избегал шуточной формы, когда дарил свои книжки. Имею личные доказательства.

Позволю себе напомнить известный анекдот, который рассказывали о перемене фамилии Гарриком. Его папа Ким Вайнштейн

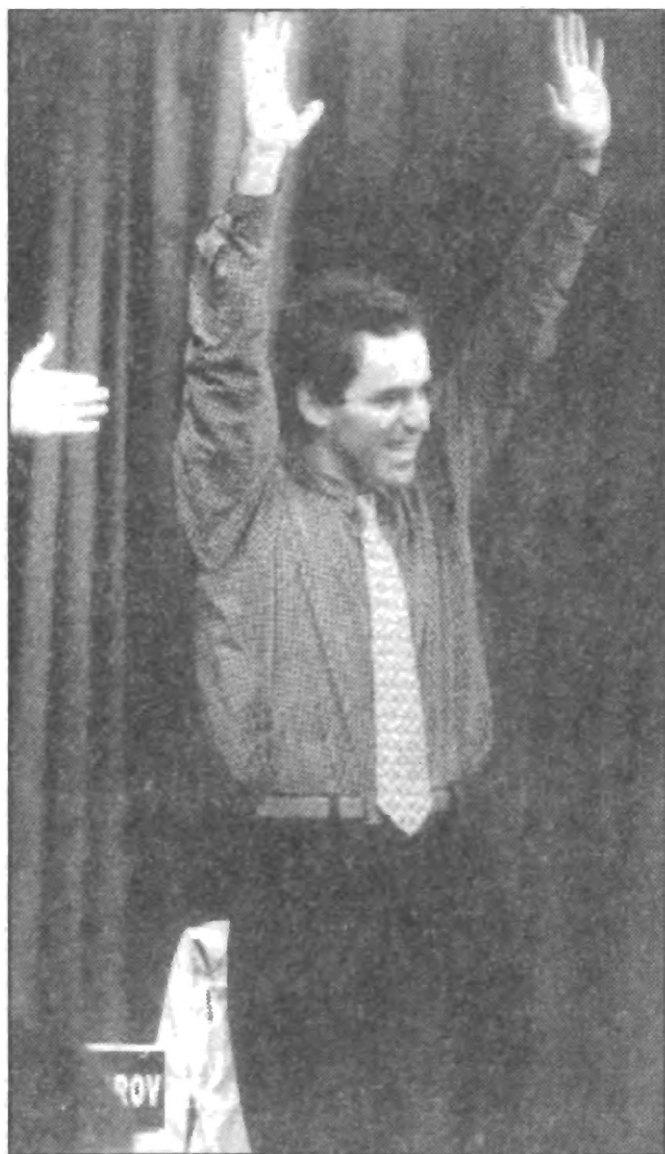
умер молодым. А выйдя на всесоюзную шахматную арену, Гарри стал выступать под фамилией мамы. Тогда шутили, что Ботвинник якобы сказал, что ему тоже предлагали поменять фамилию на фамилию матери, но он отказался. «А как фамилия матери?» — спросили Ботвинника. «Рабинович», — ответил он. Тогда еще в голову не могло прийти, что настанет время и не дай-то Бог оказаться в Баку с армянской фамилией.

В девятнадцать лет Каспаров, выиграв межзональный турнир в Москве, начал подъем на шахматный Олимп. Кривая его успехов оказалась довольно прямой. Победив в матчах претендентов Белявского, Корчного и Смыслова, юноша выходит на матч с чемпионом мира Карповым.

Не будем останавливаться на великолепном творчестве Каспарова, его смелой и красивой игре. Он сыграл четыре матча на первенство мира с Анатолием Карповым, и судьба была благосклонна к Каспарову. Но для меня самым удивительным этапом их великого противостояния были семнадцать ничьих, после того как в первом, неоконченном, матче Карпов вел с перевесом в 4 очка, без поражений. Затем Карпов доводит счет до критического — пять — ноль! И только в 32-й партии Каспаров одерживает победу, а потом, на острие ножа, следуют еще 14 ничьих. Это сверхъестественно. Каспаров, с его бурным темпераментом, юный, проявил неслыханную выдержку. Действительно, в одном человеке лед и пламень.

Матч был прерван, завершившись грандиозным скандалом. Оба участника убежденно доказывали свою правоту, крайним был президент ФИДЕ Флоренсио Кампоманес, но, как говорил мой любимый писатель, он писал для взрослых и детей, это уже совсем другая история.

Отношения между двумя грандиозными шахматистами сложились напряженные, сторонники того и другого подбрасывали в этот костер горючие материалы. В 1986 году Каспаров выиграл матч у Карпова и стал тринадцатым чемпионом мира. Чертова дюжина его не смущала, он говорил, что это число приносит ему удачу. В следующем году состоялся матч-реванш. Первая половина в Лондоне. Я тогда работал в управлении шахмат Спорткомитета Союза, имел прямое отношение к организации отправки участников матча и их команд в Лондон. Раздавались голоса, что посылать делегации надо врозь. Пре-

зидент нашей Шахматной федерации Виталий Иванович Севастьянов даже напомнил, что космонавты вылетают на старт не вместе. Дублер в другом самолете. Полетели, однако, вместе. А когда вернулись в одном самолете, мне рассказал их спутник, что прекрасно в дороге играли друг с другом в карты.

Что формирует характер человека? Гены и жизнь. Жизнь у Каспарова была непростой. (А у кого она простая?) Он рано остался сиротой, но рос в крепкой семье. Мне по служебно-шахматным делам приходилось общаться по телефону с его бабушкой, тетей, которые всегда были в курсе его дел. Чувствовалось, что Гарри окружен заботой близких. О

его маме и вообще говорить не приходится. Клара Шагеновна постоянно была в курсе всех проблем сына. Хотя сказать так, это, пожалуй, ничего не сказать. Учился Гарри отлично, что при его способностях было нетрудно. Школу окончил с золотой медалью.

Мне довелось поговорить с Кларой Шагеновной, когда Гарри стоял перед выбором вуза. Мы ехали в одной машине из аэропорта «Шереметьево». Я высказал мнение, что шахматисту-профессионалу целесообразно изучать журналистику или иностранные языки. Это лежит на поверхности, так что хвалиться мне нечем. Но позднее приятно было узнать, что Гарри окончил Институт иностранных языков, много печатается. Пишет книги, публикует анализы, комментарии.

Кстати, у ряда виднейших шахматистов в детстве в семье не было отца. Вспомним Петросяна, Фишера, других. Может быть, закономерность, хотя сделать выводы данных недостаточно, но

предположить можно, что без отцовской мужской направляющей воли характер твердеет быстрее, если заложена природная сила.

Трудности начались у Гарри, когда он сделал заявку на высшие достижения. Не всем это нравилось. Помню два эпизода.

Первый. Мы стоим с ним перед кабинетом, где президиум Шахматной федерации разбирает поведение Гарика. Не угодил. Разбирали без его присутствия. А я к несомненному теперь удовольствию оказался в коридоре в этот период по каким-то шахматно-бюрократическим причинам. «Отдыхал» от членства в президиуме. Я обнаружил, что, несмотря на сложность момента, Гарик совершенно спокоен. И еще тогда впервые обратил внимание, что глаза у него голубые.

Второй эпизод поинформативнее. В 1987 году Каспарова наградили орденом Трудового Красного Знамени. За достижения в области шахмат. Как-то я случайно по делу зашел к юристу Спорткомитета Союза, который занимался наградными вопросами — звания, медали и т.д. Он мне сказал, что вот Каспарова наградили орденом, есть Указ, а он не хочет приезжать в Москву, в Спорткомитет, на церемонию награждения, а вручать ордена будет секретарь ЦК П.Н. Демичев. И попросил меня помочь, попробовать уговорить Каспарова прибыть. Дозвонились в Баку, я сказал, что приехать надо бы, ведь вручать будет Петр Нилович лично, так сказать.

Гарри вначале отказывался, но когда услышал про Петра Ниловича, переменял решение, сказал: раз так — обязательно приеду. Может быть, ему было приятно вспомнить, что П. Демичев был председателем Оргкомитета его матча с Карповым, матча, породившего бурю эмоций. И в этой буре позиция Оргкомитета не радовала Гарри.

Энергии Каспарову всегда было не занимать, но, когда он стал чемпионом мира, эта энергия стала рваться наружу с гигантской силой. Он стремился реформировать ФИДЕ, изменять правила борьбы за титул чемпиона, организовывал всемирные шахматные союзы. И все это не избегая конфликтов. Новые идеи захлестывали старые... А я и многие мои друзья вздыхали: «Вот если бы эту неумную энергию да в мирных творческих шахматных целях...»

Справедливости ради надо признать, что и на творческие цели энергии хватало. Однако Гарри стал проявлять активность в политике, в бизнесе. Категории, уважаемые в обществе, да, на мой взгляд, для великого шахматиста это роскошь, а не гигиена.

С удовольствием прочитал в «64», что тринадцатый чемпион остыл к разным там консалтингам и тому подобному. Да и шахматные достижения при этом пошли вверх. Не исключено, что существует зависимость.

Должен признаться, что никакого удовольствия я не получал в прошлом от критических замечаний Каспарова в адрес Ботвинника. Пусть даже у Гарри были какие-то соображения. Однако Михаил Моисеевич был в известном роде его учителем. И неплохим. Во-вторых, личность Ботвинника в шахматной истории заслуживает особого уважения.

В-третьих, он просто много старше. А ведь это «третье» бакинские земляки Гарри испокон века считают исключительно важным. И это правильно.

У Михаила Моисеевича свои взгляды на мироздание. У молодых — свои. Ботвинник занимал особое место в обществе, но добился это своими силами и, как говорится, не потому, а вопреки. И ему не раз и не два пытались «ломать рога», ставить на место. И на солнце есть пятна. И Гарри на заре юности был членом руководящих органов комсомола. Все течет, как говорили древние греки.

Однако если кое-что считать издержками, то это можно объяснить переизбытком энергии, рвущейся с непреодолимой силой*.

*В октябре—ноябре 2000 г. Г.Каспаров проиграл матч В.Крамнику со счетом 6,5 : 8,5 (-2+0=13)

Защита Уфимцева
Г. Каспаров — В. Топалов
 Вейк-ан-Зее 1999

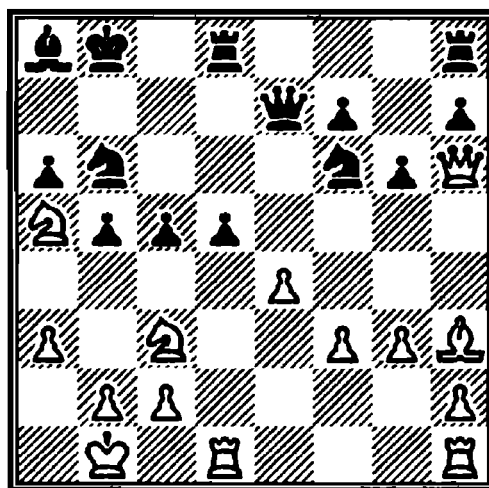
Эта партия была самой захватывающей в международном турнире. Ею восторгались любители, увлеченно анализировали мастера и гроссмейстеры. И сам Г. Каспаров оценил очень высоко.

1.e4 d6 2.d4 ♖f6 3. ♖c3 g6 4. ♗e3
 ♗g7 5. ♜d2 c6 6.f3.

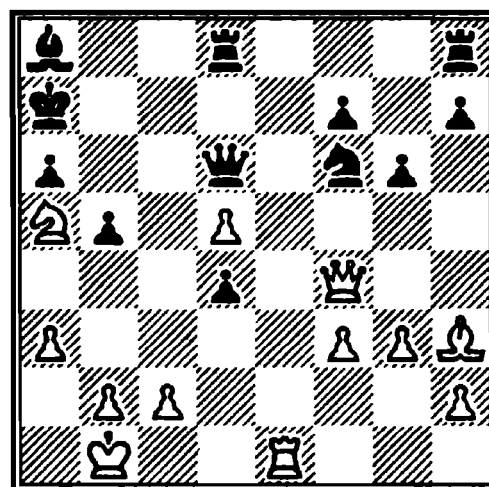
В своей книге «Два матча» Каспаров писал: «Когда я был молодым шахматистом, очень удивлялся, как мог, например, Ефим Петрович Геллер плавно переходить со староиндийской защиты на ферзевый гамбит. Со временем я понял, что можно играть разные дебюты.» Избранное в данной партии дебютное построение едва ли встречалось ранее в его практике.

6...b5 7. ♗ge2 ♗bd7 8. ♗h6
 ♗:h6 9. ♜:h6 ♗b7 10.a3 e5
 11.0-0-0 ♜e7 12. ♘b1 a6 13. ♗c1
 0-0-0 14. ♗b3 ed 15. ♝:d4 c5
 16. ♝d1 ♗b6 17.g3 ♘b8 18. ♗a5
 ♗a8 19. ♗h3 d5.

Знарок этого дебюта гроссмейстер Свешников ставит к ходу черных восклицательный знак и замечает: «Теперь начинается форсированная игра». Такой поворот событий — подарок для Каспарова: «Бросили шуку в реку».

20. ♜f4+ ♘a7 21. ♝he1 d4 22.
 ♗d5 ♗b:d5 23.ed ♜d6 24. ♝:d4 cd.

Топалов храбро идет на осложнения, между тем он мог сыграть 24... ♗:d5 25. ♜:d6 ♝:d6 26. ♝dd1 ♝hd8, и черные в порядке. После того, как Топалов принял жертву, Каспаров разворачивается во всем блеске.

25. ♝e7+! ♘b6.

Вторую ладью брать нельзя:
 25... ♜:e7 26. ♜:d4+ ♘b8 27. ♜b6+
 ♗b7 28. ♗c6+ ♘a8 29. ♜a7x.

На 25... ♘b8 решает 26. ♜:d4
 ♗d7 27. ♗:d7! ♗:d5 28.c4 ♜:e7
 29. ♜b6+ ♘a8 30. ♜:a6+ ♘b8 31.
 ♜b6+ ♘a8 32. ♗c6+ ♗:c6 33.

♖:c6 ♜d7 34. ♖:e7 ♜:e7 35. ♜:b5
с решающий перевесом.

26. ♜:d4+ ♘:a5 27. b4+ ♘ a4
28. ♜c3 ♜:d5 29. ♜a7 ♖b7.

После 29... ♜d6 следует 30. ♘b2
с угрозой 31. ♜b3+ ♜:b3 32. cbx.
Если 30. ♘b2 ♜d4, то 31. ♜:d4 и
32. ♜:abx.

30. ♜:b7 ♜c4.

Проигрывало и 30... ♜he8 31.
♜b6 ♜a8 32. ♖f1 ♜e1+ 33. ♜:e1
♖d7 34. ♜b7! ♖e5 (нельзя брать
ладью 34... ♜:b7 из-за 35. ♜d1 ♘:a3
36. c3 с угрозой мата в три хода —
37. ♜c1+ и т.д.) 35. ♜c3 ♜:f3
36. ♖d3 ♜d5 37. ♖e4 ♜c4 38. ♜:e5,
и теперь лишняя фигура уже у
белых. Если же 32... ♖d7, то

33. ♜d6 ♜e1+ 34. ♘b2 ♜e5 35. ♜d4.
31. ♜:f6 ♘:a3.

Проигрывает и 31... ♜d1+ 32.
♘b2 ♜d4+ 33. ♜:d4 ♜:d4 34. ♜a7.

32. ♜:a6+ ♘:b4 33. c3+! ♘:c3
34. ♜ a1+ ♘ d2 35. ♜ b2+ ♘ d1
36. ♖f1!!

Слон неуязвим: 36... ♜:f1 37.
♜c2+ ♘e1 38. ♜e7+, и мат сле-
дующим ходом.

36... ♜d2 37. ♜d7 ♜:d7 38. ♖:c4
bc 39. ♜:h8.

В итоге комбинационного
фейерверка у белых ферзь за ла-
дью и пешку.

39... ♜d3 40. ♜a8 c3 41. ♜a4+
♘e1 42. f4 f5 43. ♘c1 ♜d2 44. ♜a7.
Черные сдались.

МАЙЗЕЛИС

Сосед

С младенчества я произрастал и многие десятки лет затем проживал на улице Герцена. Раньше она была Большой Никитской. В момент переименования я на такие вещи внимания по малолетству не обращал, а в годы возвращения исторического наименования отношения к этой улице уже не имел.

Помню булыжную мостовую, которую заменили брусчаткой, позднее асфальтом, помню легковых и ломовых извозчиков, трамваи, 1-й, 16-й и 26-й, звеневшие по неширокой улице и уступившие ее троллейбусам...

Два больших окна квартиры на втором этаже, где жила наша семья, выходили на улицу. Посмотришь направо — увидишь Театр Революции; налево, если высунешься, — Консерваторию. Когда-то в ней квартировал кинотеатр, который мальчишки называли «Колос», а на самом деле «Колосс». Потом его выставили, несмотря на то, что кино — это самое важное искусство. А театр отказался от революции и стал имени Маяковского. Два небольших окна выходили в Хлыновский тупик, где была церковь, часовня и так называемый церковный дворик. И еще вход в редакцию и типографию газеты «Гудок», где, как я узнал об этом много лет позднее, трудился некоторое время Илья Ильф, называвший коллег по имени тупика «хлыновскими тупицами».

Помню, как с церкви сбрасывали на виду у многих зевак колокола. Толпа смотрела с любопытством. Потом церковь просто снесли, часовню тоже. На этом месте построили школу. Я в ней три последних года учился. Перед школой сделали площадку. На месте часовни и могилки. Ребята играли на площадке в мяч.

В стародавние времена, если открыть поздним-поздним вечером окно, когда на улице тихо, слышен был звон кремлевских курантов.

Но это все ностальгия и лирика. Суть же дела в том, что на противоположной стороне улицы против наших окон, тоже на втором этаже, были три окна комнаты, в которой жил, как мне в

свое время стало известно, шахматист — Илья Львович Майзелис. Он был, несомненно, одним из самых оригинальных подданных шахматного королевства. Он родился в 1894 году и прожил 84 года без пяти дней. Случай вообще не слишком частый, а среди шахматистов, о которых мне довелось вспоминать, пожалуй, рекордный.

Роста Илья Львович был выше среднего, двигался неспешно, говорил тоже не торопясь и негромко. Суетность была ему абсолютно не свойственна. В двадцатые годы он не без успеха выступал в соревнованиях. Однако не стремился к спортивной карьере, к званию мастера, редкого в те годы. Внимание его сосредоточилось на книгах, главным образом — на шахматной литературе.

Широко известно шахматистам, особенно старшего поколения, что Илья Львович был автором отличных учебников, оригинальных работ по истории шахмат, переводчиком шахматных книг Нимцовича, Бергера, рукописей Ласкера, автором аналитических работ в области эндшпиля. В 1956 году вышла его книжка «Ладья против пешек. К теории ладейного эндшпиля». Я тогда работал в издательстве «Физкультура и спорт». Запомнилась оценка рецензента рукописи мастера Андрея Хачатурова. Он отметил, что уровень анализа, его глубина исключительно высоки. А рецензент знал толк и в эндшпиле, и в этюдах. Все это мог знать широкий круг. А я частенько видел Илью Львовича в окне напротив в натуре. Он не спеша подходил к окну и, глядя в пространство, просто стоял, задумавшись. Прямой, седые волосы на пробор, белая рубашка и еще — широкие подтяжки. Деталь в те годы заметная лишь в домашней обстановке, а в наши дни вырвавшаяся даже на телеэкраны. У другого окна сидела его старая-престарая теща. Вроде бы внимательно наблюдала за жизнью на улице.

Позже по роду работы в издательстве я ближе познакомился с Ильей Львовичем. Однажды вместе с ним анализировал свою позицию, отложенную партию, ладейный эндшпиль. Его понимание представилось мне высоким. Илья Львович не принимал активного участия в разных комиссиях, заседаниях и так далее. Однако авторитет его был несомненен.

Как-то к его помощи прибегла Елизавета Быкова, третья чемпионка мира. Издательство переиздало ее книжку, дополненную. По положению при 25 процентах нового материала оплачивать

гонорар надо было как за первое издание, а если менее четверти, то скромнее, как второе. Уточнить объем Елизавета Ивановна пришла с Ильей Львовичем. Они тщательно вместе с редактором пролистали и разметили всю книгу. Если редактор настаивал, что какой-то абзац нельзя считать переработанным, Илья Львович нередко с ним соглашался. Все выглядело беспристрастно, корректно. Однако предел, до которого можно отступать, был ясен и Илье Львовичу и Лизе, которая, кстати, имела опыт работы корректором. В итоге подсчитали и убедились, что платить надо сполна.

Большая комната Ильи Львовича в коммунальной квартире была перегороджена книжными стеллажами. Библиотеку он свою собирал много лет аккуратно и даже скрупулезно. В ней были, скажем, известный немецкий журнал «Дойче шахцйтунг» за полторы сотни лет и сигнальный экземпляр переработанного «Курса дебютов» Ненарокова, книги, которой не суждено было выйти в свет из-за начала Отечественной войны.

В прошлом Илья Львович учился в Берлинском университете и кое-что рассказывал мне о книгоиздательском деле в Германии. Как там сначала, напечатав листы, переплетают не все, а по мере продажи — тратят время и средства на переплет лишь необходимого количества.

Супруга Ильи Львовича Евгения Михайловна тоже знала издательское дело. В отличие от Ильи Львовича она была быстрой, реактивной. Нрава приветливого.

В годы жизни Эмануила Ласкера в Москве Илья Львович часто с ним виделся, переводил его рукописи. Несомненно, языковой барьер затруднял жизнь чемпиона в Москве. Да и вообще в 1935 — 37 годах, когда Ласкер жил в Москве, не так-то много было людей, готовых общаться с иностранцем. Ласкер уехал в Америку, да и не вернулся. А квартиру его, как говорили, на всякий случай обобрали.

Престарелая теща Ильи Львовича всегда сидела у окна молча.

Однажды мой товарищ Юра Авербах, бывший, кстати, соавтором и редактором Майзелиса, увлеченный так же, как и он, тайнами эндшпиля, не без удивления сообщил мне, что бабушка вдруг заговорила. Он что-то анализировал с Ильей Львовичем, тот вышел из комнаты. Вдруг бабушка обратилась к Юре примерно с такими словами:

— Что вы, молодой человек, сидите с этими стариками? Ведь на свете так много интересного... Женщины, вино, карты...

Потом не стало бабушки. Скоропостижно скончалась Евгения Михайловна... Илью Львовича все еще можно было иногда видеть стоящим у окна.

Как-то я заметил, что в его довольно длинном по фронту доме стали менять окна, оконные рамы. Начали слева, окна Ильи Львовича были справа. Я сказал своему зятю, мужу моей сестры, что Илья Львович менять рамы не даст. Зять возражал, откуда, дескать, я знаю.

— Вот увидишь, — ответствовал я.

Смену рам окончили. У всех были свеженькие, желтенькие. У Ильи Львовича — старые, темные. Я, зайдя как-то к нему, спросил, почему он не дал менять рамы. Он ответил примерно так:

— Что я, с ума сошел? Рамы сырые, рассохнутся и будет дуть. Зять одобрил мое владение дедуктивным методом.

Однажды в квартире Ильи Львовича появился на входной двери электрический звонок. Было написано, что Майзелису звонить три раза. Прихожу в другой раз — внесено от руки исправление — 33 раза. Дальше больше — 333 раза. И наконец, приписано — «Стучать лбом». Прочитав последнее, я ухмыльнулся, и в этот момент Илья Львович открыл мне дверь. Он улыбнулся очень добродушно и объяснил:

— У нас тут один очень остроумный мальчик живет.

Как-то у нас с Ильей Львовичем зашел разговор о пресловутом жилищном вопросе. Комната, как уже сказано, была у него весьма большая, центр к тому же.

— Не поменять ли вам комнату на маленькую, но отдельную квартиру? — спросил я его.

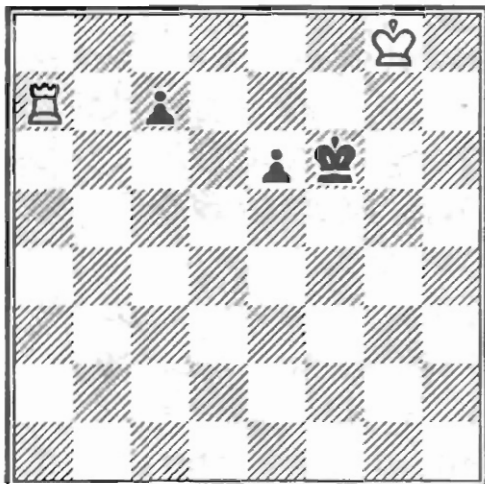
Илья Львович сказал, что у него в общем коридоре есть полати, на них много разных старых мелочей и т.д. Я по простоте сказал, что их можно просто выбросить. Илья Львович ничего не ответил, но посмотрел на меня очень внимательно, так, как будто перед ним абсолютно бестолковый балбес.

Так и жил он, не теряя трудоспособности под давлением лет, работая не спеша, размеренно, пополняя свою шахматную библиотеку, находя время и для музыки, и детективных книжек. Непохожий ни на кого.

Этюд Р. Рети

1929

и анализ И. Майзелиса (1950)

На диаграмме этюд гроссмейстера Рихарда Рети, шахматиста мирового класса, отличавшегося исключительно оригинальным стилем. Естественно, его авторитет в шахматном мире был очень высок.

Задание этюда: ход черных, белые выигрывают.

В книге «Шахматные окончания (Ладейные)» (Москва, «Физкультура и спорт», 1984) сказано, что этот этюд был опровергнут анализом И. Майзелиса.

Илья Львович отдал предпочтение не практической игре, а аналитической и литературной работе и в этом достиг бесспорного мастерства. Найти партию, сыгранную Ильей Львовичем в турнире, оказалось делом трудным, однако приводимый небольшой его анализ, как мне ка-

жется, не хуже освещает его стиль, чем целая партия. Обратимся к книге «Шахматные окончания».

«Как играть черным? Они могут либо отдать пешку, либо ответить с7-с6 или с7-с5. Какой из этих ходов сильнее? Посмотрим:

1) 1...e5 2. ♖:c7 ♔f5 (на 2...e4 могло последовать 3. ♖c5!) 3. ♔f7 e4 4. ♖e7 ♔f4 5. ♔e6! e3 6. ♔d5 ♔f3 7. ♔d4 e2 8. ♔d3, и белые выигрывают;

2) 1...с6. Этот остроумный ход, по мнению Рети, должен был привести к ничьей. Например: 2. ♖с7 е5 3. ♖:с6 ♔f5 4. ♔f7 е4 5. ♖е6 ♔f4, и ладья мешает королю занять поле е6 (после 6. ♔е7 е3 7. ♔d6 ♔f3 8. ♔d5 е2 белые запаздывают) или 2. ♖а5 е5 3. ♖с5 ♔f5 4. ♔f7 ♔f4 5. ♔е6 е4, и королю белых недоступно поле d5.

Однако Майзелис нашел, что белые, не тратя времени на ма-

невры ладьей, могут сразу начать обходной маневр королем путем 2. ♖ h7!! Вот главный вариант: 2...e5 3. ♖ h6 e4 4. ♖ h5 (но не 4. ♖ a5 e3! 5. ♖ a3 ♖ e5! 6. ♖ :e3+ ♖ d4 7. ♖ e1 c5 с ничьей) 4...♖f5 5. ♖ h4 ♖ f4 6. ♖ f7+ ♖ e3 7. ♖ g3 c5 8. ♖ c7 ♖ d4 9. ♖ f4 c4 10. ♖ d7+ ♖ c3 11. ♖ :e4, и белые выигрывают;

3) 1...c5. Некоторые аналитики считали, что этот ход дает ничью. Однако это неверно:

2. ♖ c7 ♖ e5! (совсем плохо 2...e5 3. ♖ :c5 ♖ f5 4. ♖ f7 ♖ f4 5. ♖ e6 e4 6. ♖ d5 e3 7. ♖ d4) 3. ♖ :c5+ ♖ d4 4. ♖ c1! (после 4. ♖ c8 e5 5. ♖ e8 e4 белым не хватает для победы одного темпа, а при фронтальной атаке пешки этот темп удастся выиграть) 4...e5 5. ♖ d1+! ♖ e3 6. ♖ e1+ ♖ f4 7. ♖ f7 e4 8. ♖ e6 e3 9. ♖ d5 с выигрышем.

Этюд легко исправить, переставив ладью с a7 на h7».

ВЕРЛИНСКИЙ

Первый гроссмейстер СССР

Борис Маркович Верлинский (1887 — 1950) в первом Московском международном турнире в 1925 году победил знаменитых Рубинштейна и Шпильмана, а самое главное — выиграл у великого Капабланки, который проигрывал крайне редко и считался непобедимым вообще. Правда, в этой партии Капабланка играл, как бы это помягче сказать, не слишком хорошо. Злые языки утверждали, что виною успеха Верлинского была усталость Капабланки. Будто он утром вернулся из Ленинграда, где давал трудный сеанс. Однако суть в том, что Верлинский выиграл у Капабланки! Через четыре года Верлинский стал к тому же чемпионом СССР. Тогда на V Всесоюзном шахматном съезде учредили звание гроссмейстера СССР и присвоили его чемпиону. Правда, через два года, на VII Всесоюзном съезде, звание отобрали и упразднили. Вероятно, потому, что результаты первого гроссмейстера СССР уступали успехам ряда мастеров. Первым гроссмейстером со второй попытки учреждения звания было суждено стать М.М. Ботвиннику. С точки зрения исторической все справедливо и даже мудро. Однако невозможно себе представить, что это могло понравиться Борису Марковичу.

Надобно отметить, что Борис Маркович с детства страдал серьезным физическим недостатком — полной глухотой. Осложнение от скарлатины. И говорил он не вполне внятно, хотя понимал речь собеседника по движению губ. При этом он был наделен музыкальным слухом. Однажды я присутствовал при том, как он подошел к роялю. Увы, сказывалась общая глухота. Говорили, что до болезни он был музыкальным вундеркиндом, жил в ту пору в Одессе, где дети таких свойств — не редкость.

Стиль игры Верлинского был активным, симпатичным. Познакомился я с мастером уже на склоне его лет. Он выглядел неухоженным, болезненным. Удача не сопутствовала ему даже в скромном полуфинале первенства столицы. Не страдая повышенной деликатностью, я однажды после досадного поражения Бориса

Марковича из-за цейтнота спросил его, стоит ли играть в турнире, изнурять себя? Он объяснил мне с трудом произнесенными словами: «Моральный голод». Именно так и сказал, без мягкого знака. Борис Маркович был предан шахматам, но круг его интересов ими не замыкался. Он посещал музеи. Иногда расспрашивал у товарищей значение некоторых слов, которых он не понял в подписях под экспонатами. Сказывались его физические ограничения.

Свои возможности он оценивал критически. Как-то он сказал после неудачи: «Поднимаю меч, собираюсь поразить, но руки слабеют и меч падает».

Его отобранное звание иногда служило поводом для шуток. По-

мнится, заняв последнее место в чемпионате Москвы, тогдашний перворазрядник, а позднее мастер, Борис Наглис, всегда отличавшийся веселым и бодрым нравом, на вопрос, как сыграл, отвечал: «Стал непосредственно за гроссмейстером».

В общем осень талантливого мастера была грустной.

Говорили, что Борис Маркович претендовал на восстановление звания. Надо отметить, что был период, когда и звание мастера не было пожизненным. Отнимали иногда у явно талантливых. Например, у А. Константинопольского. Точнее, оставили условно. Обязали подтвердить. Потом сообразили, что отнимать неумно. Так что юридическая зацепочка вроде бы была. Однако пожелание Бориса Марковича не находило поддержки Николая Михайловича Зубарева, тогдашнего главного шахматного начальника. Внешний контраст между Верлинским и Зубаревым был разителен. Николай Михайлович был подтянутый, корректный и ухоженный джентльмен. Даже супруга его была искусствоведом. А Борис Маркович... Что сказать. Сами понимаете.

Верлинский питал симпатию к Юрию Авербаху. Надо отметить, что молодой в ту пору и перспективный мастер Юрий Авербах в силу своего воспитания, вероятно (его мама Екатерина Михайловна была высококвалифицированным педагогом), весьма уважительно относился к старшим.

Судьба распорядилась так, что Борис Маркович скончался в конце октября, а через два месяца, 1 января 1951 года, перенес операцию, умер Николай Михайлович. И вот случайно встретились на улице Юрий Авербах и вдова Верлинского. Остановились. В разговоре вдова спросила, что нового в шахматах. Авербах с приличествующей грустью сказал, что вот, дескать, несчастье, умер Николай Михайлович... Реакция вдовы оказалась довольно неожиданной: «Ай-я-яй, ай-я-яй! Как жаль, как жаль... Как жаль, что Боря умер, он бы так обрадовался!»

Пожалуй, мой критик заклеит меня, назовет строки скабрёзными... Что делать, наверно, такая натура.

Как-то я читал, будто поэт Пастернак отметил, что не нравится ему ироническое самоподбадривание евреев. Мне по этому поводу вспомнился анекдот: стоит один «интеллектуал» перед картиной художника Ге и спрашивает: «Что это?». Ему отвечают: «Это Ге». А он: «Почему ге? Мне нравится».

А если «обратно» всерьёз, то жаль, что в серии книжек, посвящённой творчеству ведущих советских мастеров и ряда гроссмейстеров, нет книжки лучших партий Верлинского. Не нашлось автора, не нашлось издателя.

В год смерти Верлинского ФИДЕ присваивала звание международного мастера. Наша Шахматная федерация представляла национальных мастеров, не менее трех раз игравших в финале первенства СССР. Представили и Верлинского, он играл шесть раз и не без успеха. Так что перед смертью был пожалован титулом международного мастера.

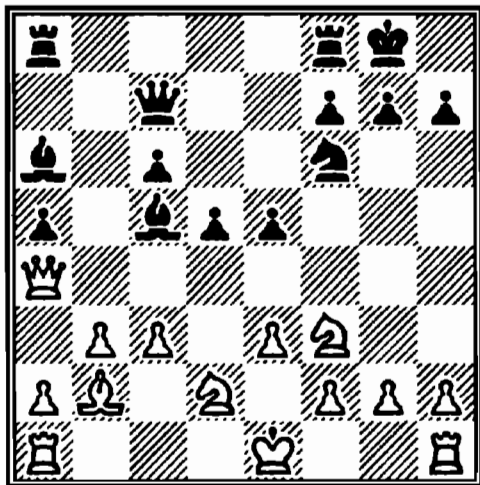
Природа щедро наделила Бориса Марковича талантами, но судьба оказалась просто жестокой.

Дебют ферзевой пешки
Х.Р.Капабланка — Б.Вергинский
 Москва 1925

1.d4 d5 2.e3 ♘f6 3.♙d3 c5 4.c3
 ♘c6 5.dc a5 6.♘d2 e5 7.♙b5 ♙:c5
 8.♘gf3 ♗c7 9.♗a4 0-0 10.♙:c6 bc
 11.b3?

Белые небрежно разыграли дебют, а последний ход для Капабланки невероятен, необходимо было рокировать.

11... ♙a6 12.♙b2.

12...d4! 13.c4 ♜fb8 14.ed ed
 15.♙:d4 ♗e5+ 16.♙f1 ♙:d4 17.♘f3

♙:b2 18.♙:e5 ♙:a1 19.♙:c6 ♜e8
 20.f3 ♘d5.

У черных за ферзя ладья и два слона. К тому же король и ферзь белых расположены хуже некуда. Дальше игра идет, как говорят футболисты, в одни ворота.

21.♙f2 ♙c3 22.♗:a5 ♙:c4
 23.♜e1 ♙e6 24.♗c5 ♜:a2+
 25.♙f1 h6 26.f4 ♜ea8 27.f5 ♙:b3
 28.f6 ♙a4 29.♙e7+ ♙h8 30.♗b5
 ♙c2 31.♙d5 ♙c3 32.♜e8+ ♙h7
 33.♜:a8 ♙:b5 34.♜:a2 ♙d3+
 35.♙e1 ♙e5 36.g3 gf 37.♜a5 ♙d4
 38.♙f2 ♙c6 39.♜a4 ♙g7 40.♙e3
 ♙f5 41.♜a6 ♙d4 42.♙e7 ♙h7
 43.♙d5 ♙e6 44.♜a4 h5 45.♜h4
 ♙g6 46.♜a4 ♙h6 47.♙f3 ♙d4+
 48.♙e3 ♙f5+ 49.♙f3 ♙d4+
 50.♙e3 ♙e6 51.♙e7 ♙g7 52.♙f3
 ♙e6 53.♙g8+ ♙g7 54.♙e7 ♙c2
 55.♜a2 f5 56.♙e3 ♙e4 (56.♜:c2
 ♙d4+) 57.♜a5 ♙d4+ 58.♙d2
 ♙c5 (двойная угроза: ♙:e7 и
 ♙b4+) 59.♜:c5 ♙:c5 60.♙e3
 ♙f6. Белые сдались.

ЛЕВЕНФИШ

Горе от ума?

В 1952 году на сборе шахматистов «Спартака» под Одессой я стал свидетелем прелюбопытной картины: относительно пожилой мужчина крутил на турнике (на перекладине, как говорят гимнасты) «солнце». Это был гроссмейстер Григорий Яковлевич Левенфиш. А было ему тогда 63 годка.

Зенитом его шахматной карьеры стал чемпионат СССР, где Григорий Яковлевич занял первое место, и матч с М. Ботвинником, где он это звание отстоял. Было ему тогда 48 лет, на двадцать два года больше, чем Ботвиннику, показавшему в ту пору огромную силу во Втором и Третьем Московских международных турнирах и в Ноттингемском турнире.

Матч Левенфиш — Ботвинник игрался до шести выигранных партий, а при счете 5 : 5 — ничья. Борьба была бескомпромиссной — десять результативных партий и всего три ничьи! Это, конечно, похлеще, чем «солнце» в шестьдесят три года. По итогам матча Григорию Яковлевичу присвоили звание гроссмейстера, второму в стране после Ботвинника.

Разумеется, и до пика своей карьеры он прошел немалый путь. До революции, в 1911 году, неплохо дебютировал на международном турнире в Карлсбаде, имел успехи во Всероссийских турнирах, в 1913 году делил 1-2-е места с Алехиным. Стабильно показывал высокий класс в чемпионатах СССР.

В 1936 году Капабланка сказал: «Я очень высоко ценю мастера Левенфиша. Думаю, что он сильнейший в СССР после Ботвинника».

С блеском отстояв звание чемпиона страны в матче против Ботвинника, Левенфиш совершил гастрольную поездку, выступил с сеансами и лекциями в ряде городов. В Москве мне довелось слышать его в Доме журналистов.

Лектор был склонен к юмору, однако о своем конкуренте высказался жестко.

Если взглянуть на итоговую таблицу Ноттингемского международного турнира 1936 года, нетрудно заметить, что в графе Бот-

В. Смыслов и Г. Левенфиш

винника, поделившего 1-2-е места с Капабланкой, красуются семь ничьих против «головы» турнира и шесть единиц против «хвоста». Лектор заострил на этом внимание и объяснил успех Ботвинника методом подготовки к турнирам. Дескать, заранее усиленно готовит дебютные схемы против тех, кто послабее, стрижет их наголо, а с сильными делает ничьи. Конечно, это было несправедливо по отношению к игре Ботвинника. То что он уделил особое внимание аналитической подготовке к соревнованиям в домашней обстановке, стало позднее азбучной истиной, однако Ботвинник не уклонялся от бескомпромиссных схваток с любыми соперниками. Был бойцом. Факт.

Почему же Григорий Яковлевич был несправедлив к молодому сопернику? В шахматном королевстве такие отношения не редкость.

Позже, когда я познакомился с Григорием Яковлевичем, то обнаружил, что в частном общении он скорее добродушен, ценит шутку, не прочь рассказать анекдот. Однако характер у него, вероятно, был не самый легкий. Говорю «вероятно», потому что свидетелем его конфликтов не был, но вот интересный факт — был момент, когда в стране имелось десять гроссмейстеров, девять из них получали так называемую стипендию, такую «засекреченную» зарплату. Все, кроме Григория Яковлевича. Ребята говорили: потому, что он самый умный.

По профессии Григорий Яковлевич был инженером-химиком. Имел высокое петербургское образование, занимал в свое время солидные должности. Одним словом, личность весьма незаурядная.

Левенфиш был признанным мастером эндшпиля, теоретиком в этой области шахмат, а также выдающимся теоретиком и в области дебюта. Он хорошо владел пером и написал ряд книг, других работ.

На склоне лет Григорий Яковлевич написал книгу «Избранные партии и воспоминания». Он принес эту рукопись в издательство «Физкультура и спорт», где я работал. Издание, к стыду моему и издательства, задерживалось. Переносили все на следующий год. Не влезало в его величество План. Григорий Яковлевич относился к этому на редкость хладнокровно, но однажды сказал мне, улыбаясь, что ему уже много лет и он один из тех немногих, кто лично встречался с Алехиным...

Уже после смерти Григория Яковлевича я достал рукопись из редакционного шкафа и увидел эпиграф на первой странице: «Мы знаем, что все люди смертны, но в сущности это остается афоризмом и абстракцией, пока мы не осознаем, что по ходу вещей и наш конец не за горами. Было бы досадно умереть, не написав этой книги». Соммерсет Моэм.

И мне, не склонному к мистике, почудилось, будто я слышу голос Григория Яковлевича. Книга вышла в свет только в 1967 году. Имя автора на титульном листе оказалось в траурной рамке.

Гроссмейстер Левенфиш был, несомненно, одной из ярких, самобытных фигур в шахматном королевстве. Он имел высокое чувство собственного достоинства и при этом оставался демократичным и скромным. А в становлении советской шахматной школы сыграл важную роль — передал традиции дореволюционного периода молодому поколению.

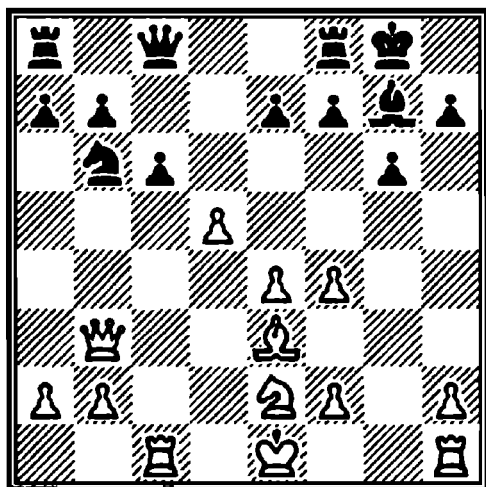
В наши дни, когда формы шахматных состязаний стали множиться — появились быстрые шахматы, чемпионаты по блицу, игре вслепую, мне вспомнилась шутка Григория Яковлевича по поводу одного из «изобретений» его времени. Он сказал, что занятно было бы провести матч вслепую, чтобы участники раскачивались на трапециях, вися вниз головой. Он-то иронизировал, однако если бы эта шутка стала былью, то Григорий Яковлевич наверняка бил бы всех. Ведь не зря же он крутил «солнце».

Защита Грюнфельда
Г. Левенфиш — В. Смыслов
XVII первенство СССР
Москва 1949

1. d4 ♘f6 2. c4 g6 3. ♗c3 d5 4. ♗f3
♘g7 5. ♚b3 dc 6. ♚:c4 0-0 7. e4 ♘g4.

Оригинальный план, введен-
ный В. Смысловым.

8. ♘e3 ♗fd7 9. ♚d1 ♗b6 10. ♚b3
♗c6 11. d5 ♗e5 12. ♘e2 ♗:f3+ 13. gf
♘h5 14. f4 ♘:e2 15. ♗:e2 ♚c8
16. ♚c1 c6.

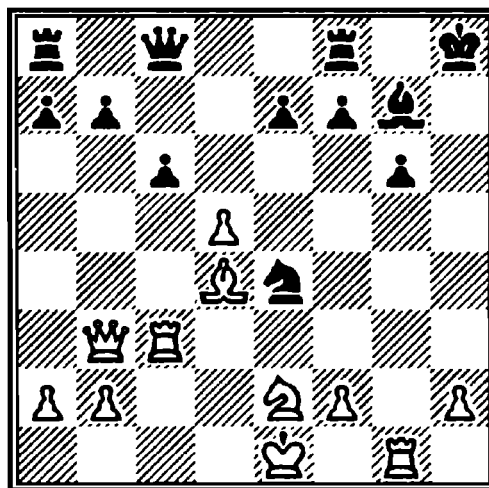
17. f5! ♗d7.

Если бы черные приняли жер-
тву пешки, то белые могли про-
должать, как указал гроссмейстер
Левенфиш, 17...gf 18. ♘d4 ♘:d4
19. ♗:d4 fe 20. dc bc 21. ♚g3+ ♘h8
22. ♚e5+ f6 23. ♚:e4 отыгрывая
материал и сохраняя инициа-
тиву. Ход черных позволяет
противнику усилить давление.
М. Ботвинник предлагал 17... ♚d7.

18. ♚g1 ♘h8.

Отход короля вынужден из-за
угрозы 19. fg hg 20. dc bc 21. ♚:g6.

19. fg hg 20. ♘d4 ♗f6 21. ♚c3 ♗:e4.

22. ♚:g6! fg 23. ♚h3+ ♘g8.

После 23... ♚:h3 24. ♚:h3+ ♘g8
25. ♚e6+ и далее 26. ♚:e4 у белых
ферзь и конь против двух ладей.

24. dc+ e6 25. cb ♚c6 26. ba ♚
♚:a8 27. ♘:g7 ♘:g7.

После бурных событий у белых
лишняя пешка, однако важнее,
что они продолжают атаковать.

28. ♚e3 ♗f6 29. ♗d4 ♚h1+
30. ♘e2 ♚d5 31. ♗:e6+ ♘g8.

На 31... ♘f7 белые могли пере-
вести партию в эндшпиль с двумя
лишними пешками: 32. ♗g5+ ♘g8
33. ♚b3. После размена ферзей
выигрыш белых дело техники.

32. ♚h8+!

Заключительный удар. Ладью
брать нельзя из-за мата в два хода.

32... ♘f7 33. ♗g5+ ♘g7 34. ♚:a8.
Черные сдались.

После 33... ♚:a8 34. ♚e7+ ♘g8
35. ♚f7+ мат в три хода.

Эту партию жюри под предсе-
дательством М.М. Ботвинника
признало лучшей в турнире. А
Г.Я. Левенфиш был старейшим
участником.

РОМАНОВСКИЙ

Воля к жизни

Петр Арсеньевич Романовский (1892 — 1964) был одним из немногих шахматистов, которые еще в дореволюционные годы достигли высокого мастерского класса. Справедливости ради надо вспомнить еще имена Григория Яковлевича Левенфиша и Ильи Леонтьевича Рабиновича. Все они петербуржцы. Конечно, они уступали Алехину и Боголюбову, однако последних судьба увела в эмиграцию. Петр Арсеньевич смело может быть назван одним из основателей советской шахматной школы.

Я еще только-только познакомился с шахматами, когда мне попала толстая книга — «VII Всесоюзный шахматный турнир». Кроме партий с комментариями, там были и кое-какие материалы, касающиеся организации турнира, и прочее. В публикации одного из протоколов было отмечено, что Романовский вел себя недисциплинированно, противопоставлял себя Оргкомитету вместо того, чтобы безоговорочно подчиняться. И вот такая резолюция: «На основании изложенного съезд постановляет: 1) Признать неудовлетворительным объяснительное письмо тов. Романовского и по форме и по существу. 2) Исключить Романовского из финального соревнования. 3) Принимая во внимание его прошлые заслуги, ограничиться наложением на него взыскания в виде дисквалификации на один год». (Упомянутая книга, стр. 64).

Такая вот воспитательная мера была применена к ведущему мастеру во вполне зрелом возрасте, но не склонному к духу единomyслия.

Там же сказано, что мастера Готгильфа за довольно нахальное требование предоставить ему жилье на время турнира не в общезжитии, как всем, а отдельное, дисквалифицировать вообще, навсегда.

1931 год... «Знать, эпоха вещь серьезная/ Призадуматься велит» — сказал поэт.

В живую я увидел Петра Арсеньевича за игрой во II Международном турнире в Москве. Тогда в бюллетене, посвященном турниру, появи-

лась «ода», шуточные стихи, где обыгрывалось «сражение» Петра со шведом. «Отсель грозить мы будем шведу/ Теснить его со всех сторон/ Пока не выкуем победу». Петр Арсеньевич выиграл у шведского гроссмейстера Гидеона Штальберга.

Личное знакомство произошло в стенах Юридического института, куда я был возвращен по соответствующему акту Государственного Комитета Обороны (был такой очень властный орган во время Отечественной войны). Этот акт изменил судьбу старшекурсников, прервавших учебу во время войны.

Петр Арсеньевич был членом спортивного общества, к которому относился и Юридический институт. Вот ему и поручили курировать, так сказать, шахматный кружок.

П.А. (так его называли за глаза многие шахматисты) было уже за пятьдесят, ходил он, опираясь на массивную трость, роста был среднего, коренаст, слегка грассировал. В ту пору я не понимал глубокого смысла ходячего выражения, что глаза — это зеркало души. Однако много позднее кое-что до меня дошло, и я позволю себе утверждать, что взгляд его, глаза, были незаурядными. Я знал, что П.А. пережил ленинградскую блокаду, потерял семью, но к этому вернемся позднее. Жил П.А. на улице Грановского, неподалеку от Института, что находился близ Консерватории на улице Герцена. В наши дни новые демократы поставили Герцена, Грановского, Огарева, Белинского на свои места, а улицам были возвращены их заслуженные имена — Большая Никитская, Романов переулок и т.д.

П.А., как известно, был выдающимся шахматным педагогом, тренером, однако состав кружка не вызвал у него творческого вдохновения. Он корректно беседовал со студентами, но не более. Я в Институте был на роли местного Капабланки, и в процессе беседы упомянул фамилии известных московских шахматистов, моих сверстни-

ков. Эти имена он знал, а о моей персоне понятия не имел. Мне показалось, что П.А. заподозрил меня в попытке самоутвердиться.

Визиты мэтра прекратились так же неожиданно, как и начались. Позднее я узнал, что П.А. бескорыстно занимался у себя дома с молодыми, подающими надежды шахматистами, давал им задания и т.д.

Практическая сила игры П.А. оставалась высокой. Мне довелось наблюдать его в полуфинале чемпионата СССР в 1945 году и в 1948-м в турнире памяти Рюмина. Класс его был очевиден.

Прошло некоторое время, и я, возвратясь в Москву после двух лет работы в Риге адвокатом, оказался членом Московской городской коллегии адвокатов. Случилось так, что юридическая помощь понадобилась одному родственнику, а может быть, свойственнику П.А. Дело этого молодого человека оказалось простеньким. Он как-то не слишком удачно женился, затем развелся, возник спор из-за жилплощади. Суд первой инстанции решил дело не в его пользу, хотя, как позже оказалось, напрасно. Но молодой человек впал в панику, не подал своевременно кассационную жалобу. Я смастерил заявление о восстановлении кассационного срока, срок восстановили и в итоге правда восторжествовала. П.А. меня поблагодарил, а вскоре, как мне показалось, оказал внимание.

Дело в том, что П.А. активно участвовал в работе представительных шахматных органов, был членом высшей квалификационной комиссии и слыл справедливым, но очень строгим. Про него ходил такой анекдот: приглашают П.А. по телефону на заседание какого-то важного шахматного органа. Он отвечает, что чувствует себя плохо и явиться ему трудно. Потом спрашивает, какой вопрос будут разбирать. Отвечают, что вопрос стоит о дисквалификации какого-то шахматиста.

— О дисквалификации? Тогда приду обязательно!

Однажды в квалификационном турнире на звание мастера победил Г.С. Фридштейн. П.А. поручили просмотреть его партии и дать заключение об уровне игры. П.А. отработал чрезвычайно обстоятельно. Целая тетрадь была посвящена разбору партий, строгой критике, но в конце мэтр справедливо заключил, что соискатель достоин звания мастера.

В ту пору звание мастера присваивали довольно редко и с этими делами имели обыкновение не спешить.

Настал момент, когда квалификационная комиссия стала решать и мой вопрос. Прошел он довольно быстро, никто моему, с позволения сказать, творчеству тетрадок не посвящал. П.А. благословил. Я не был достаточно раскован (а может быть, нахален), чтобы спросить его, что ему больше понравилось — мои партии или то достопамятное заявление о восстановлении кассационного срока и кассационная жалоба.

Время шло, я покинул адвокатуру и стал редактором шахматных книг в издательстве «Физкультура и спорт». В то время из адвокатуры подобру-поздорову уходили не часто. Помню старший коллега старался меня просветить, что уходить нельзя, профессия замечательная, в большой степени являешься хозяином своего времени, говорил мне комплименты, касался материальной стороны профессии. Вообще некоторые очень солидные адвокаты не обделяли меня своим вниманием, я подозревал, что из-за мастерского значка. На всю московскую коллегию он был один. Но вот материальная сторона была осложненной. За ведение дел была установлена такса. Клиент вносил деньги в консультацию, часть шла на нужды коллегии, а еще процветал так называемый «микст», то есть, как говорили знатоки латыни, смешанная форма оплаты, а попросту — клиент давал адвокату дополнительно прямым. Хороший адвокат, популярный получает прилично. Вроде бы приятно, полезно, но наказуемо по социалистическим законам и в какой-то мере противно. А в издательстве со значками люди работали. За значок к зарплате добавляли сотню. Стало быть, не 1200, а 1300. Это еще до того, как Н.С. Хрущев отбросил один ноль. А тут еще любовь к шахматам и одобрение семьи. Так я и стал редактором.

П.А. был продуктивным шахматным литератором. Еще в 1929 году была издана его книга «Миттельшпиль. Комбинация и план в шахматной партии», высоко ценимая шахматистами. В пятидесятых годах П.А. вернулся к этой теме и решил подготовить новое издание в двух томах, с учетом опыта прошедших десятилетий.

Гранки будущих книг авторы обычно брали в издательстве сами. П.А. как особо уважаемому относили домой. Благо издательство находилось неподалеку. Однажды редактор мне говорит, что гранки отнести не может. Я в ту пору исполнял обязанности зав. редакцией и рекомендовал попросить П.А. прислать за гранками кого-нибудь, ведь задерживать их не полагается. Редактор отвечает, что

уже просил, но П.А. отказался — некого послать. Будучи при исполнении и ощущая некоторую потребность генерировать остроты, я говорю редактору:

— Позвони и скажи: пусть за гранками пришлет Дину!

Дело в том, что будучи дома у П.А. по делу, я узнал, что большую немецкую овчарку, тихо лежащую у входа в комнату, зовут Дина. Эта самая Дина внимательно наблюдала за гостем.

Каким-то образом гранки попали куда надо. Мне показалось, что П.А. стал со мной общаться посуровее. Вероятно, кто-то сболтнул про мою «остроту». Во всяком случае книжки с его автографом в моей библиотеке нет.

Известное время спустя я был составителем «Шахматного ежегодника». В нем, как и в любой шахматной книжке, были опечатки. Быть может, выше средней нормы. И вот доброжелатели мне передали, что П.А. обратил на это внимание и даже заметил, что в одном месте вариант голландской защиты назван не каменная стена, а каменная спина! Это сообщение меня взволновало, и я пролистал всю толстую книжку. Правда, спины не обнаружил.

Однажды П.А. поразил меня, показав свои неизданные рукописи. Он начинал писать книгу, когда созревала замысел, не заботясь о предварительном заключении договора о «проталкивании» издания. Процесс работы был для него всем. Он, несомненно, был, как теперь говорят, трудоголиком. Как я уже упомянул, он был очень строг в квалификационных вопросах, однако сам не проявлял ни малейшей инициативы, чтобы получить звание гроссмейстера, не проявлял признаков честолюбия. Нельзя сказать, что его скромность не была вознаграждена. П.А. был первым среди советских шахматистов, удостоенных звания заслуженного мастера спорта СССР, а также заслуженного тренера СССР. Его учениками в ленинградский период были талантливые мастера Алаторцев, Лисицын, Равинский, Савицкий, Чеховер и другие.

Биографические заметки о П.А. гласят, что образование он получал в реальном училище, профессию имел в области финансов, между тем душа его парила. Он наслаждался красотой шахмат, их логикой. Восхищался произведениями современных и старых мастеров. Как-то он показал мне старинную партию, где в миттельшпиле три черные пешки достигли вто-

рой горизонтали белых! Эта редкостная картина его восхищала, глаза сияли.

В 1959 году вышла небольшая брошюра с названием, говорящим об авторе: «Романтизм в шахматном искусстве».

Условия, в которых трудился П.А. в Москве, были весьма скромны, что в те годы было скорее правилом, чем исключением. Большая комната в коммунальной квартире в доме с высокими потолками, построенном еще до революции, была перегорожена мебелью так, что длинная узкая полоса представляла собой своего рода кабинет П.А. Над большим письменным столом, стоявшим вплотную перед перегородкой, висели три портретика: гениальный Пушкин, гениальный шахматист Алехин и... великолепная актриса и женщина с большой буквы — Нонна Мордюкова. Вероятно, портреты вдохновляли его.

Я не был близко знаком с Петром Арсеньевичем и лишь из литературы узнал после его смерти, что еще до войны он страдал сердечной болезнью. Я знал, что он потерял семью во время ленинградской блокады, но также с большим опозданием узнал леденящие душу подробности, как он, вдовец, терял своих четырех дочерей...

Уму непостижимо, как мог больной, стоящий на грани голодной смерти человек, видя страшную гибель своих близких, находить в себе силы продолжать работать, писать, анализировать.

Петра Арсеньевича вывезли из Ленинграда, он выжил. И его интеллект не был сокрушен. Трудно представить себе предел человеческих возможностей.

Испанская партия

П. Романовский — К. Торре

Международный турнир

Москва 1925

1.e4 e5 2. ♘f3 ♘c6 3. ♗b5 a6 4. ♗a4
 ♗f6 5. 0-0 ♗e7 6. ♖e1 b5 7. ♗b3 0-0
 8.a4.

Интересен комментарий П.А. Романовского к этому ходу. Он полагал, что на 8.c3 Торре изберет атаку Маршалла — 8...d5 и т.д., в то время еще мало исследованную.

«Мастер Карлос Торре, имея 8,5 очка из 12 сыгранных партий, был тогда одним из лидеров турнира. В предыдущем туре он, осуществив красивую комбинацию, нанес поражение Эм.Ласкеру и вообще творчески проявил себя как весьма предприимчивый и изобретательный шахматист» (П. А. Романовский «Избранные партии», Москва 1954).

После партии Торре сказал Романовскому, что продолжение 8.a4 было для него неожиданным.

8...b4 9.d4 d6 10.h3 ♗:d4
 11. ♗:d4 ed 12. ♖:d4 c5 (?) 13. ♖d3
 ♗b7 14. ♗d2 ♖e8 15. ♗f3 ♗f8.

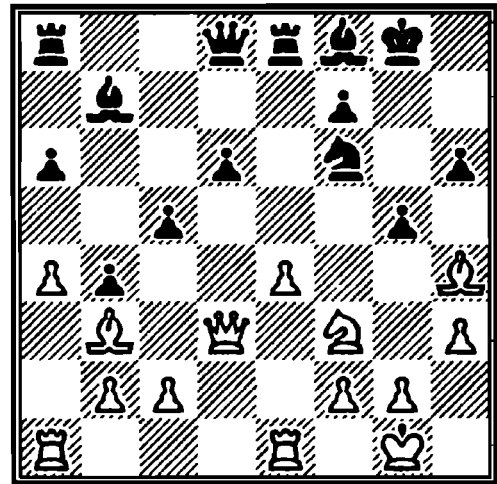
Торре недооценил тактические возможности белых.

П. Романовский указывает, что после 15...d5 16.ed ♗:d5 17. ♗f4 ♗:b3 18. ♖:b3 ♖d5 19. ♖ad1 ♖:b3 20.cb позиция белых лучше, но черные могли стойко обороняться.

16. ♗g5 h6 17. ♗h4 g5.

Торре не опасался жертвы фигуры путем 18. ♗:g5 hg 19. ♗:g5

♗g7 и далее, если 20. ♖g3, то 20... ♖e7 21. ♗h6 ♖f8. Но его подстерегла неожиданность.

18.e5! d5.

Торре не предвидел этого выпада. Грозил убийственный шах 19. ♖g6. После хода черных они попадают под сокрушительную атаку. Следовало отдать пешку путем 18...c4 19. ♗:c4 d5 20. ♗b3 ♗e4.

19. ♗:g5! hg 20. ♗:g5 c4 21. ♖f3!

Точное продолжение атаки. На 21. ♖g3 последовало бы 21... ♗h5.

21... ♗e4.

На 21...cb решало 22. ♗:f6 ♖d7 23. ♖h5 ♗g7 и 24. ♖g5 с матом.

22. ♗:d8 ♖a:d8 23. ♖:e4!

Лишая черных последних иллюзий.

23...de 24. ♖g3+ ♗g7 25. ♗:c4 ♖:e5 26. ♖e1.

Здесь пора было сдаваться, но Торре по инерции продолжил...

26... ♖d2 27. ♗:f7+ ♖f8 28. ♖f4 e3 29. ♖:e3 ♖:e3 30. fe ♖e7 31. ♖:b4+. Черные сдались.

П. А. Романовский во главу угла ставил стратегию, однако был силен и в тактике.

ПАНОВ

Прелюдия

В 1994 году я, вспоминая Василия Николаевича Панова, написал заметку «Одиноким рыцарь», опубликованную в «64». Готовя рукопись этой книжки, я взял с полки книгу «Василий Панов», изданную в Москве в 1986 году, чтобы подобрать одну партию Панова. И стал читать.

Вспомнился разговор, который был давным-давно с Александром Кобленцом. Он сказал: верно, что шахматные книги покупают для того, чтобы почитать, когда будет свободное время. А времени-то скорее всего и не будет.

Если бы не случай, то так бы я и не прочитал книгу о Панове, составленную моим другом и соавтором Василия Николаевича Яковом Эстриным. Оказалось, что, когда писал свою заметку, я не знал о том, что талант и стиль Панова в разное время отмечали Александр Алехин и Ройбен Файн, что Василий Николаевич испытал все тяготы периода военного коммунизма и последовавших периодов. И голод, и труд через силу...

Все шахматисты, современники Панова, знали, что у него острый язык, и в книге я прочел некоторые понравившиеся мне фразы, сказанные или написанные Василием Николаевичем.

В рецензии на одну книжку он отметил фразу автора: «Сам Иван Грозный играл в шахматы...» Книга была о шахматах в спортобществе «Спартак». Панов написал: «Почему авторы акцентируют слово «сам»? То ли они считают, что Иван Грозный не годится для работы в промысловой кооперации или же они видят в нем прообраз отличного шахматного инструктора?» (В те годы спортобщество «Спартак» финансировалось промысловой кооперацией. — М.Б.).

Однажды на лекции Панов рассказывал о курьезных случаях из турнирной практики. Один из слушателей воскликнул: «Признайтесь, вы все это выдумали из головы...» Панов ответил: «Если бы из ноги, то это выглядело бы совсем по-другому».

Гроссмейстер Авербах вспоминает, что, когда один из гроссмейстеров, сыграв в турнире неудачно, оправдывался тем, что был не в форме, Панов заметил: «Нашел чем оправдываться, я всю жизнь не в форме!»

Трудолюбие Василия Николаевича было подстать его талантам. В литературе он отдавал дань поэзии, драматургии, переводам с английского. В шахматной литературе его вклад огромен. Достаточно сказать, что он автор свыше 400 статей, 800 репортажей и корреспонденций с соревнований, полутора десятка книг, в том числе теоретических монографий, учебников. Они переиздавались многократно и на разных языках. При всем этом Василий Николаевич не отличался крепким здоровьем.

М.М. Юдович в книге о Панове писал, что в 1968 году на конференции в Центральном шахматном клубе Панов, выступая, сказал: «Мы делаем серьезное, культурное дело. И работать поэтому мы должны со всей энергией и с душой».

В.Н. Панов (1906 — 1973) был самобытен и талантлив, трудолюбив и энергичен, он любил шахматы и уважал это проявление человеческого интеллекта. И многое сделал.

Одинокий рыцарь*

Василий Николаевич Панов назвал свою книгу о почитаемом им М.И. Чигорине «Рыцарь бедный». И хотя в жизни и в своих публикациях он не проявлял склонности к романтике, а часто бывал ироничен и даже саркастичен, мне кажется, что, быть может, он мог иногда думать и о себе как о верном и бедном рыцаре шахматной королевы.

Он был на пяток лет старше плеяды мастеров, которые во главе с М. Ботвинником в 1931 году заняли доминирующее положение в шахматной жизни страны, потеснив старых мастеров. А Панов занял позицию как бы между мастерами старого поколения и молодыми.

Двадцати трех лет он стал чемпионом Москвы, а четыре года спустя, в дни матча Флор — Ботвинник, имя Панова, автора атаки в защите Каро-Канн, было на слуху. Позднее едва ли были шахматисты, не слышавшие его имени. Это не мудрено. Он вел шахматные рубрики в газетах с миллионными тиражами — «Известиях» и

* «64 — ШО», 13-14/94.

«Пионерской правде», публиковал буквально сотни статей и репортажей, книги по теории, истории шахмат, учебники, а его острокомбинационный стиль завоевал симпатии многочисленных поклонников.

При этом Василий Николаевич сохранял некоторую обособленность, участия в «политических» шахматных баталиях не принимал, от публичных устных выступлений воздерживался. Конфликтов он не избегал, но предпочитал действовать в одиночку, в «команды» не входил. Словом, был сам по себе.

Когда я первый раз пришел к нему домой, то увидел на стене фотографию кошки в рамке. Василий Николаевич перехватил мой взгляд и сказал, что это был очень мудрый кот. Когда его кошачий век, недолгий по человеческим меркам, пришел к концу, он ушел из дома.

— Мудрый был кот. Поступил как Лев Толстой, — сказал Василий Николаевич.

Позволю себе маленькое отступление. Люди считают собаку умнее кошки. Она предана хозяину, обожествляет его, и в этом человеку лестно видеть проявление ума. А кошка, как известно, гуляет сама по себе. С ее позиции это неглупо. Если считать, что хозяин-человек для собаки идол, то, выходит, кошка атеистка.

Личное знакомство у меня с Василием Николаевичем произошло за доской в 1950 году. Предстояла партия с ним в чемпионате Москвы. Как водится, перед игрой я посмотрел его партии, иггранные черными. Соперники, быть может, опасаясь известного теоретика, старались пораньше свернуть с проторенных путей. Складывалась оригинальная игра, а Панов чувствовал себя в ней хорошо.

— А что он будет делать в стандартном варианте? — подумал я.

Этот не лишенный «вредности» подход оказался удачным.

Прошло четыре года, и я познакомился с Василием Николаевичем уже по работе, так как стал редактором шахматных книг в издательстве «Физкультура и спорт» — монополисте шахматной литературы на русском языке, а Василий Николаевич был активным автором издательства.

Несмотря на мнение о нем как человеке резком, конфликтном, работать с ним оказалось приятно. К высокой квалификации прибавлялись аккуратность, даже скрупулезность. Он отлично знал предмет, о

котором писал, а свои оценки готов был во всеоружии отстаивать.

Когда я редактировал его «Курс дебютов», выпал случай убедиться в этом. Спор зашел об одном из разветвлений варианта дракона. Я вступил в дискуссию, считая себя здесь специалистом. Но доводы оппонента заставили признать его правоту.

Свои рукописи Василий Николаевич печатал на машинке сам. Строчки не всегда были стандартными, однако текст и диаграммы точно выверены, а стиль хорош.

Запомнилась одна статья Василия Николаевича в «Известиях».

Это были путевые заметки туриста о Голландии, не о шахматах. Материал занимал так называемый газетный подвал, но набран был самым мелким шрифтом. Прекрасный язык, наблюдательность, образность производили впечатление. Редактору, вероятно, жаль было сокращать.

Известно было, что брат Василия Николаевича — писатель. Тогда в Союзе писателей и за его пределами бытовал такой вариант критики: «Хотя я этого произведения не читал...», а далее негативная оценка. Грех не воспользоваться такой «замечательной» формулой. Так вот, хотя я и не читал большинства произведений членов Союза писателей, но Василий Николаевич имел больше оснований именоваться писателем, чем множество официальных членов этого творческого объединения. Но шахматы, увы, ревнивы и им суждено было поглотить львиную долю времени Василия Николаевича. Однако он не чужд был и литературных опытов. Однажды он показал мне рукопись написанной им пьесы. Пьеса была детективно-поли-

тического толка. Высокопоставленные фашисты бегут после поражения в Южную Америку, их выслеживают, хватают и так далее. Знатоки пьесу отклонили, сказали, что сюжет надуманный, не жизненный... А позднее, сказал Василий Николаевич, все узнали о деле Эйхмана.

Наши отношения сложились ровными, деловыми, хотя противостояние между автором и редактором не редкость. Часто дело оказывается в том, что план редакции ограничен и между авторами возникает конкуренция. К тому же между сдачей рукописи в издательство и выходом книги в свет проходит много времени. Но трений между нами не было. Слово свое Василий Николаевич держал. Если называл срок окончания своей работы, то можно было не беспокоиться.

Заключая договор, Василий Николаевич с улыбкой требовал выписать аванс. Законом аванс был предусмотрен, но на практике издательство платило позже, при одобрении рукописи. Я обращал внимание Василия Николаевича на то, что обычай этот укоренился, но он неизменно возражал, что аванс необходим, чтобы убедиться в серьезности намерений издательства. Мне оставалось доложить аргумент директору, который Василия Николаевича уважал.

Писал Василий Николаевич много, но идей имел еще больше. Однажды он из добрых намерений рекомендовал мне тему — творчество Сэмюэля Ллойда. Писать о великом композиторе я не стал, но о теме сказал известному композитору Р. Кофману. Когда брошюра вышла, Василий Николаевич сказал мне с легкой укоризной, что он полагал, что я справлюсь сам.

Однажды между нами состоялся запомнившийся диалог. Я хотел поручить редактирование рукописи Панова коллеге Исааку Романову. Василий Николаевич возражал, а я убеждал его, говорил, что Романов квалифицированный шахматист, хороший редактор, кандидат исторических наук... Но успеха не имел.

Причина отказа Панова оставалась неясной. Быть может, ему не понравилось, что однажды Романов написал критическую заметку о материале Панова, да еще подписал ее «кандидат исторических наук»... А может быть, сказалась некая конкуренция — ведь оба печатали труды о Чигорине? Однако Василий Николаевич причину назвал неожиданную:

— Не хочу потому, что Романов скрывает свою национальность. Это мне не нравится, хотя я ко всем национальностям отношусь одинаково. Не нравится мне только Черкес.

Надобно заметить, что, задевая серьезную тему, Василий Николаевич позволил себе каламбур. Дело в том, что фамилия председателя шахматной федерации Ленинграда была Черкес. Это был уважаемый человек, большой любитель шахмат. Ясно, Василий Николаевич просто сострил, а я этим воспользовался:

— А почему вы думаете, что Исаак Романов скрывает свою национальность? — спросил я.

— Но как же, ведь он еврей?

— Конечно, еврей.

— А окончание фамилии русское — «ов». Вот вы же не скрываете своей национальности, у вас окончание «ин», Бейлин.

— Какое же это еврейское окончание, — возразил я, — к примеру, Пушкин, председатель правительства Булганин... Что же, они евреи?

Но Василий Николаевич не сдавался, хотя решил перенести огонь.

— Но согласитесь, что у еврея не могла быть фамилия царствующей династии.

— Может быть, и так, но ведь была революция.

— Что же из этого следует?

— А во время революции можно многое потерять. Скажем, была фамилия Романович, а «ич» потерялось. Ведь некоторые и побольше теряли? Не правда ли? — сказал я не без намека.

Намек в том, что от калужан я слышал, будто отец Панова был чуть ли не предводителем дворянства и, естественно, владел имением.

Василий Николаевич в ответ улыбнулся, что, как мне показалось, подтверждало гипотезу.

Должен признаться, что в качестве редактора работы Панова я однажды тоже задел этот самый больной вопрос. Панов написал, что мать Чигорина была цыганка, а я сказал, что стоит ли это отмечать, раз уж Чигорин великий русский шахматист. Василию Николаевичу эта реплика решительно не понравилась, и по его реакции я понял, как удивительно заразен это самый вирус.

Василий Николаевич не любил принимать участия в шумных беседах, кампаниях. Однажды на вопрос, почему он обособляется, он ответил:

— Вы люди молодые, любите пошуметь, пошутить, а я люблю помолчать, поразмышлять.

Василий Николаевич любил шутку, но нередко он был ироничен. Он был в первой шеренге шахматистов страны, удостоенных звания мастера. Международным мастером тоже стал среди первых, сразу после установления этого звания международной федерацией. А когда число мастеров начало неудержимо расти и стало ясно, что этот процесс не остановится, Василий Николаевич сказал:

— Надо давать значок мастера всем, кто платит членские взносы в клуб. Хотя я лично буду считать мастером всякого, кто не сможет доказать мне обратного.

Как-то Василию Николаевичу на лекции о его варианте в защите Бенони слушатель задал глобальный вопрос:

— А в чем идея вашей системы?

Василий Николаевич без улыбки ответил:

— Если белые ничего не делают, то черные тоже ничего не делают. Получается ничья.

Конкретный ответ на «конкретный» вопрос.

Василий Николаевич был человеком самобытным, не конформистом.

Как-то, будучи молодым, еще в те годы, когда борода была редкостью, он отпустил бородку. Тогда в шахматном бюллетене появились шуточные стихи о лидерах турнира. О Василии Николаевиче было сказано:

«И среди них мы видим снова

Давно небритого Панова.

Успех сопутствует везде.

Как видно, сила в бороде».

А потом Василий Николаевич с бородкой расстался. Мода ему была не указ.

Многое сделал Василий Николаевич на шахматной арене. Но, кажется, он не полностью реализовал свой потенциал.

Книгу о почитаемом им М.И. Чигорине он назвал «Рыцарь бедный».

Вероятно, ему импонировала роль бедного рыцаря шахмат.

*Сицилианская защита***В. Рагозин — В. Панов**

12-е первенство СССР

Москва 1940

1.e4 c5 2. ♖f3 e6 3.d4 cd 4. ♖:d4
 ♜f6 5. ♖c3 d6 6.g3 ♖c6 7. ♜g2 ♜d7
 8.0-0 a6 9.b3 ♝c8 10. ♜b2 ♖:d4.

В. Панов заметил, что выбор против него варианта с фианкеттированием королевского слона неудачен, потому что он сам играл его и ему хорошо известны сильные и слабые стороны этого варианта.

11. ♝:d4 ♝a5 12. ♝fe1 (не проходило 12.b4 из-за 12...e5!) 12... ♜e7 (ошибочно 12... ♜c6 из-за 13. ♖d5!) 13.e5.

Внешне активное продолжение, однако не опасное для черных, поскольку их фигуры развиты. Целесообразнее было 13. ♝d3 и далее 14. ♖e2 с маневренной игрой.

13... de 14. ♝:e5 ♝b4!

Черные предлагают размен ферзей, явно не к пользе белых. Комбинация с выигрышем качества невыгодна — 14... ♜c5 15. ♝f4 ♜:f2+ 16. ♜:f2 ♝:e5 17. ♝:e5 ♖g4+ 18. ♜g1 ♖:e5, а теперь очередь белых — 19. ♜:b7.

15. ♝d3 ♜c6 16. ♜:c6+ ♝:c6 17. ♝g5 g6!

Черные ослабляют диагональ a1-h8, однако это формальная оценка, так как белые не могут этим воспользоваться. Поэтому выпад ладьи бесполезен. Место,

естественное, ладьи было на e2. На 17...0-0 последовало бы 18. ♜e4, угрожая разгромом.

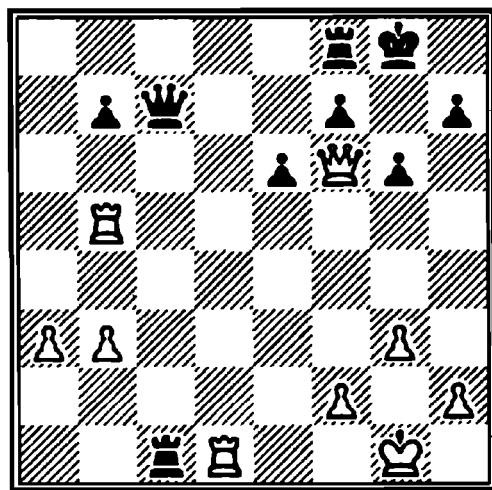
18. ♝f3 0-0 19.a3 ♝d6 20. ♝d1?

Этот естественный ход оказывается для белых роковым. После 20. ♜b5 ab 21. ♜:f6 ♜:f6 22. ♝:f6 ♝:c2 23. ♝:b5 тяжелофигурный эндшпиль был предпочтительней для черных.

20... ♝c7.

Полный успех «сицилианского» плана. Грозит 21... ♝c8, разрушая ферзевый фланг противника при отсутствии опасностей для позиции своего короля. Еще угрожает 21...h6 и гибнет заблудившаяся ладья.

21. ♜b5 ab 22. ♜:f6 ♜:f6 23. ♝:f6 ♝:c2 24. ♝:b5 ♝c1!

Выбор для белых неудовлетворителен. Если 25. ♝:c1 ♝:c1+, то 26. ♜g2 ♝c6+, выигрывая ладью. На 25. ♝d4 следует 25... ♝c2 26. ♝f1 ♝:f1+ 27. ♜:f1 ♝c1+ 28. ♜g2 ♝c6+.

25. ♝f3 ♝c6. Белые сдались.

Если 26. ♝:c6, то, конечно, 26... ♝:d1+ и 27...bc с лишней ладьей.

ФЛОР

«Сейчас, когда в мировых шахматах появилось много вульгарно-деляческого, корыстного, неспортивного, следовало бы почаще обращать взгляд к безукоризненной фигуре С. Флора».

Ю. Нагибин, из предисловия к книге С. Флора
«Сквозь призму времени»

Запад есть Запад...

В большом мире идут постоянные споры: что делать? Кто виноват? У шахматистов свои заботы: шахматы — это наука, искусство или спорт? И еще — что есть советская шахматная школа? Споры продолжаются, а единодушных решений все нет. Появились скептики, которые бодро утверждают, что советской школы вовсе и не было. Правда, еще не вымерли поколения, уверенные в том, что не только была, но оказалась жизнеспособнее системы, давшей ей название, а экспансия этой самой школы перешагнула границы бывшего Советского Союза и распространилась почти на весь шахматный мир.

Было время, когда шахматисты нашей страны радовались первым удачам своих мастеров на международной арене, а позднее и полным успехам. Сравнительная неудача вызывала острую реакцию.

Вспомним 1978 год — второе место на Шахматной Олимпиаде воспринималось как катастрофа. Тогда из-за матча на первенство мира в Буэнос-Айресе не смогли выступить Карпов и Таль, но ссылка на это воспринималась как жалкий лепет оправдания. А за серебряные медали команде в причитающихся премиях было отказано.

Мне довелось быть тогда руководителем делегации. И при очередном «разборе полетов» я услышал упрек — ни одного волоска не упало с моей головы за второе место. Такой вот был «гуманизм».

Пораньше, в 1970 году, когда сборная СССР победила сборную мира в «матче века», шли поздравления с разных сторон,

В.Смыслов, М.Таль, С.Флор

но не от родного спортивного руководства. Запомнились красные гвоздики, которые по одной вручали гроссмейстерам в «Шереметьеве» во время подчеркнуто скромной встречи команды, прилетевшей из Белграда. Тогда все смолчали. Сегодня грубый человек мог бы сказать: «Заелись!»

Интересное явление в многовековой истории шахмат — появление советской шахматной школы. Росла, опираясь на собственные силы. Однако и Запад кое-что привнес. Речь пойдет не о спортивном вкладе, не о замечательных людях Пауле Кересе и Андрэ Лилиентале, а о Сало Флоре. Он ни в каких президиумах и комиссиях не заседал, ни в каких «битвах», приобретавших иногда склочный характер, не участвовал, однако своей многогранной деятельностью, своим авторитетом неизменно вызывал большой и положительный резонанс.

Сало Флор стал широко известен в СССР в 1933 году, в дни его матча с мастером Ботвинником. Они были молоды тогда. Ботвинник делал свой первый решительный шаг на пути к высшим достижениям, а Сало Флор имел уже репутацию претендента на шахматную корону. К 1938 году вопрос о матче на первенство мира между Алехиным и Флором был решен. Заключение формальный договор. Однако события большого мира поставили крест на шансах Флора. Его страна, Чехословакия, команду которой он пять раз возглавлял на Всемирных шахматных Олимпиадах, была растерзана гитлеровцами. И Флор остался вне родины. Восьмое, последнее, место в «АВРО-турнире», где собрались лучшие шахматисты мира, было, конечно, предопределено — шок. Прошло некоторое время, сила игры восстановилась, появились и новые успехи, но Флор, если можно так сказать, был тяжело ранен. С 1939 года Флор нашел в СССР свою вторую родину. Как блестящего гроссмейстера, выдающегося сеансера его у нас уже знали, но наступила пора, и все познакомились с его поистине золотым пером шахматного журналиста, самого авторитетного судьи, выдающегося тренера и просто умного, доброжелательного и спокойного наперекор суматошному времени человека.

Как-то Сало Флор давал сеанс в Москве. Это было, когда я учился в десятом классе, в учебный 1938-39 год. Состав старались подобрать покрепче, перворазрядный. Я получил приглашение, переданное через директора школы. Она освободила меня в нужный день от уроков и публично заявила, что это приглашение почетно для школы. Может быть, это отражало общественное отношение к шахматам, а может быть, и то, что у Елены Ивановны Голенковой, директора школы, сын Шура был квалифицированным шахматистом.

Флор играл быстро и, если участник сеанса был в нерешительности, мешкал, когда сеансер подходил к доске, хотя должен был делать ход немедленно, Флор протягивал к доске руку, будто собирался делать ход. Этот жест действовал без отказа.

Летом 1951 года мне довелось играть в полуфинале первенства СССР во Львове. Там я познакомился с Саломоном Михайловичем несколько ближе. Он играл успешно, занял первое место. В полуфинале играли известные мастера — Микенас,

Константинопольский, Симагин, Аронин, гроссмейстер Рагозин... В партии с Саломоном Михайловичем я, несмотря на недостаток амуниции, но при больших амбициях, затеял атаку и имел случай познакомиться с искусством защиты, бывшей, как известно, сильной стороной Флора. Но это запомнилось мне ничуть не более, чем один маленький эпизод.

Как-то Лев Аронин, находясь в группке молодых шахматистов, по рассеянности не поздоровался с Саломоном Михайловичем. И Саломон Михайлович с доброй улыбкой сказал ему:

— Давайте, Лева, мы договоримся, что, когда вы будете старше меня, я обязательно буду здороваться первым.

Потом я еще не раз и не два получал удовольствие от незлого и оригинального юмора Саломона Михайловича.

«Быть может, в Чехословакии климат такой, что получают наделенные удивительным юмором люди, такие, как Ярослав Гашек, Карел Чапек и, наконец, Сало Флор?», думал я.

Меня могут упрекнуть за такой ряд фамилий, но ведь Сало Флор, хоть и не был писателем, но журналистом был милостью божьей. С каким интересом встречали его комментарии читатели в популярном «Огоньке», во многих газетах! И, как правило, все его статьи освещались доброй улыбкой.

Сало Флор владел несколькими языками, но, скажем, не был отличником по русской грамматике. И обаяние его статей ни в коей мере не зависело от изысканности стиля. Будучи уже редактором, я столкнулся с целесообразностью такой технологии подготовки рукописи Флора к печати: надо сперва исправить все грамматические и грубые стилистические ошибки, перепечатать, а потом уже решать — что редактировать. Его работы были сильны содержанием, информацией и, конечно, юмором.

В энциклопедическом словаре «Шахматы» отмечено, что Флор был автором ряда книг, и приведены их названия, однако все они не на русском языке. Лишь одна книга — «Сквозь призму полувека» — издана на русском уже после смерти автора. Состоит она из его работ, опубликованных в периодической прессе.

Как-то Саломон Михайлович беседовал со мной. На столе стояли две пишущие портативные машинки. Одна с русскими

буквами, другая с латинскими. С улыбкой он мне пояснил, что последняя и является основным инструментом, обеспечивающим гонорары.

Что же касается «русского устного», то он был у Саломона Михайловича на высоте абсолютно достаточной, чтобы его слушали со вниманием и со склонностью к согласию.

Во время Отечественной войны, когда Флор находился в Тбилиси, пришло известие, что он признан гражданином СССР. После чего директор гостиницы, поздравив его, попросил перейти в другой номер, поскромнее, так как номер, в котором остановился Флор, предназначался для иностранцев. Что делаешь, у гражданина СССР существовали не только права, но и кое-какие обязанности.

Однако в делах спортивных Саломон Михайлович сохранял небольшие привилегии. К примеру, если нужно было похлопотать об ускорении оформления визы, он мог лично обратиться в иностранное посольство. Рядовые граждане такого права фактически не имели.

Несомненно, Саломон Михайлович был очень трудолюбив. Он давал сеансы одновременной игры с большой, часто очень большой нагрузкой. Он объездил почти всю страну для выступлений. Непрерывно играл, писал, судил, тренировал и все это делал не так, как у нас обычно принято, то есть без подчеркнутого энтузиазма, без «трудовой вахты». Просто работал. Естественно, как дышал. Внешне он работал не спеша, но не опаздывал и не подводил, если обещал.

Одевался Саломон Михайлович тщательно, со вкусом, насколько я в этом деле понимаю. Во всяком случае не был врагом известного комфорта. Такое впечатление складывалось и от его небольшой, но ухоженной квартиры, обстановки, от очень приятного кофейного сервиза...

Мотивировкой постоянного труда Саломона Михайловича не были деньги. К этой субстанции он относился по-философски. Однажды он рассказал об аварии, которая постигла его новую автомашину «Волгу». Ему надо было лететь рано утром из аэропорта «Внуково». Он хотел поехать на такси, но его шофер настоял, что отвезет на этой самой «Волге». Очень хотел так выразить приязнь и уважение и настоял на своем. Отвез, а на обратном пути попал в аварию, и машина свалилась с высокой

насыпи, по которой пролегалo шоссе. Побилась, конечно. Водитель не пострадал. А Саломон Михайлович отнесся к небольшой потере абсолютно хладнокровно. Бывает, дескать. Вроде как пешку потерял.

Еще до бурного развития кибернетики Саломон Михайлович очень ценил информацию — постоянно общался с различными абонентами, жившими во многих городах. Однажды я воспользовался его возможностями.

В 1978 году во Львове проводился зональный турнир. Поначалу объявили, что пять победителей получают путевки в межзональный. А за несколько дней до начала турнира Спорткомитет принял решение допустить экс-чемпиона мира Таля без отбора, а число путевок уменьшить. Меня послали, так сказать, представителем Москвы во Львов. Я потребовал официальную бумагу о сокращении выходных мест. Получил.

Львов — город высокой культуры. Там всегда было множество студентов, всегда интересовались шахматами. Для начала участников пригласил первый секретарь обкома. Я оказался в президиуме вместе с ним, с И. Бондаревским, главным судьей этого турнира. Настал момент, и мне предоставили слово, чтобы аргументировать сокращение выходных мест. Участники об этом уже прознали, и экс-чемпион мира Смыслов от имени участников выступил с протестом. Я в ту пору был некоторым образом связан с ним, не раз был его секундантом на межзональных турнирах. Я встал с бумагой в руке, а секретарь обкома Добрик потихоньку сказал мне: «Интересно, как вы будете выкручиваться?»

Потом участников пригласили подъехать к месту игры в новом львовском автобусе, комфортабельном и с телевизором. Ехать было совсем недалеко, и участники дружно отказались. Пошли пешком, а вскоре вручили мне протест. Подписали все, кроме Саши Белявского. Почему он не захотел — не знаю. То ли потому, что он львовянин и поэтому неудобно, то ли вообще не склонен к коллективному творчеству, подобно Ботвиннику, например. Во всяком случае обещали забастовать, так как нет соответствующего решения ФИДЕ. Тень первой советской шахматной забастовки меня не обрадовала, а Игорь Захарович Бондаревский почему-то считал, что ничего, рассосется.

Поздним вечером я позвонил в Москву, там связались с Флором, Флор — с Эйве, президентом ФИДЕ. Президент все утвердил и утром, придя на завтрак, я передал соответствующий привет участникам.

— Что будем делать? — спросил я одного. Он сказал, что играет белыми и поэтому — е4. Его партнер засмеялся и сказал, что ответит е6.

Хотя Игорь Захарович оказался прав, но без Флора могло и не рассосаться.

Отношения Флора с коллегами достойны уважения и подражания. Он был дружен с Эйве, помогал ему во время матча с Алехиным, когда Эйве победил. Причем послужной список Флора тогда был заметно ярче, чем у Эйве. Выходит, в душе Флора не было места зависти. У него были прекрасные отношения с Ботвинником, человеком весьма серьезного характера (теперь бы сказали крутого), и с другом Лилиенталем, который никогда и мухи не обидел. И с Алехиным, хотя содействовал Эйве, но матч Алехина с Ботвинником помогал готовить Флор. Доверяли.

Вероятно, если бы характер у Флора был похуже, он бы достиг более высоких спортивных успехов. Если бы он не был одарен в журналистике, может быть, уделил бы побольше времени занятиям шахматной теорией, целенаправленной подготовке... Это, как известно, тоже помогает.

Круг общения Флора не ограничивался шахматистами, он был гораздо шире. Были ли у него слабости? Я не знаю. Знаю только, что не прочь он был перекинуться в картишки. Я в этом плане полный профан, слышал только про какой-то кункен.

Правильно советовал известный писатель Ю. Нагибин почаще обращать взгляд к Флору. Потому что советовать: «Дети, будьте такими, как Сало Флор!» довольно смешно. Откуда взять ум, таланты и так далее. А вот подражать его стилю в работе — неторопливости, неустанности, точности — в известной мере достижимо.

Ю. Нагибин писал, что Саломон Михайлович любил делать подарки. Мне он однажды подарил авторучку. Оригинальную. Она стоит у меня на письменном столе в стакане. Как посмотрю — вспоминаю Флора. Приятно.

Отказанный ферзевый гамбит
Чешская защита
М. Эйве — С. Флор

6-я партия матча
 Амстердам 1932

*Примечания М.М. Ботвинника
 для ежегодника*

**1.d4 d5 2.c4 c6 3. ♖f3 ♖f6 4. ♗c3
 g6 5. ♗f4.**

Отказавшись на 4-м ходу от модных продолжений, связанных с 4...dc, черные избрали старинный вариант, встретившийся еще в 10-й партии матча Ласкер — Шлехтер. Кстати, это вариант может получиться и из защиты Грюнфельда (1.d4 ♖f6 2.c4 g6 3. ♗c3 d5 4. ♗f3 ♗g7 и т.д.). Идея хода 4...g6 очевидна. Черные пытаются развить королевского слона, не закрывая слона на c8. Но при правильном ответе 5.e3! ♗g7 6. ♜b3 или ♗d3 черные вынуждены укрепить пункт d5 ходом e6 и, таким образом, основная идея оказывается неосуществимой.

Попытка, предпринятая белыми (5. ♗f4), рекомендуется некоторыми теоретиками в аналогичном положении, однако лишь в том случае, когда черные не успели сыграть c6; здесь же она представляется несколько сомнительной, поскольку ход c6 черными уже сделан.

5...dc 6.a4.

После этого мало продуманного хода белые попадают в очень тяжелое положение.

Белые предполагали играть один из известных вариантов чешской защиты (1.d4 d5 2.c4 c6 3. ♖f3 ♖f6 4. ♗c3 dc 5.a4) с той лишь разницей, что сделаны ходы ♗f4 и g6. Но эта разница оказывается очень существенной. Черные, пользуясь незащищенным положением слона f4, проводят любопытный маневр, обеспечивающий им позиционное преимущество.

Правильно было 6.e3, после чего разница между положением в партии и вариантом 1.d4 d5 2.c4 c6 3. ♖f3 ♖f6 4. ♗c3 dc 5.e3 была бы минимальной.

6... ♗d5 7. ♗d2.

Это уже единственное продолжение: и 7. ♗g3 ♗:c3 8.bc b5, и 7.e3 ♗:f4 8.ef ♗e6 мало удовлетворительно для белых.

7... ♗b4!

В этом вся соль. На движение пешки e черные хотя бы дают шах на d3 и получают минимум двух слонов.

Конечно, на 8.e3 у черных имеется еще более сильное продолжение 8... ♗f5! 9.e4 ♗e6! 10. ♗e3 ♗g7 11. ♗g5 ♜d7, и черные попросту остаются без пешки.

Слабее было 7...b5 8.ab ♗:c3 9. ♗:c3 cb 10.d5 f6 11.e4, и белые стоят превосходно.

8. ♜c1 ♗g7 9. ♗b1.

Возможно, что следовало стремиться к скорейшему развитию, продолжая 9.e3 ♗d3+ (9... ♗f5 10.

♙:c4 ♘d3+ 11. ♙:d3 ♙:d3 12. ♘e2 не опасно для белых) 10. ♙:d3 cd 11. 0-0, и белые, во всяком случае, успевают развиваться.

Но ход в тексте представляет собой очень хитрую ловушку. Кажется, что сейчас черные могут с успехом продолжать 9... ♘a2 10. ♖:c4 ♙e6, и положение белых критическое; например: 11. ♜b3 ♙:c4 12. ♜:c4 ♜d5 или 11. ♖c2 ♙b3 или, наконец, 11. e3 a5 12. ♖c5 ♘d7 13. ♖g5 h6 14. ♖g3 ♜b6 и т.д. Но в действительности после 9... ♘a2 10. ♖:c4 ♙e6 11. e3 a5 12. ♘g5!! белые получали превосходную партию.

9... a5 10. ♘a3.

Необходимо. Иначе следует b5. 10... c5.

Самое энергичное. Поскольку «защита» пешки d4 ходом e3 явно неудовлетворительна, белые вынуждены идти на обострение борьбы, что оказывается к выгоде противника.

11. ♙:c4 cd 12. ♘b6.

Белые, конечно, уже давно имели в виду этот ход. Но черные рассчитали несколько дальше.

12... ♜:b6 13. ♖:c8+ ♙d7 14. ♖c4.

Вынужденно. При 14. ♖:h8 ♙:h8 белые оставались без всякой надежды на спасение, т.к. нельзя играть ни 15. e3 d3 16. ♙:b4 ♜:b4+, ни 15. ♙c3 ♙e8!, и пешка d4 неуязвима.

14... ♖d8 15. e3.

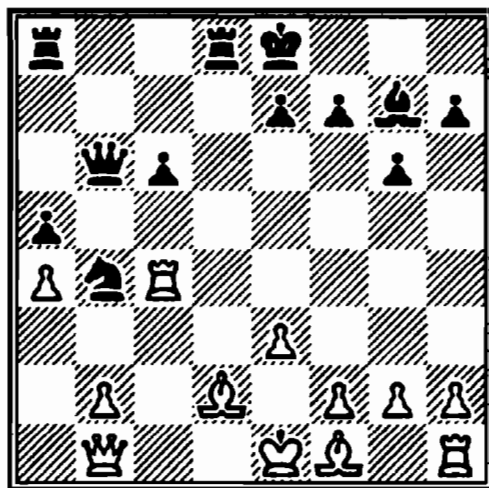
Немедленно проигрывало 15. ♙:d4 ♙:d4 16. ♙:b4 (или ♙c3) 16... ♙e8.

15... ♙e8 16. ♙:d4.

В случае 16. ed ♘8c6 белые проигрывали пешку d4.

16... ♘8c6 17. ♙:c6 bc 18. ♜b1.

Белые просматривают великолепную комбинацию противника. Однако при единственном ходе 18. b3 ♖d6 19. ♜b1 ♖ad8 20. ♙:b4 ab 21. ♙e2 ♙c3+ 22. ♙f1 f5! (не допуская хода ♜e4) белые скоро оказались бы зажатыми в железные тиски.

18... ♙:b2! 19. ♖:b4.

Нельзя было ни 19. ♜:b2 ♘d3+, ни 19. ♙:b4 ♙a3!, и черные выигрывают. Теперь же у черных только ладья и 2 пешки против двух слонов, но сильная проходная пешка b немедленно решает партию.

19... ab 20. ♜:b2 ♖:a4 21. ♙c4.

Иначе следует b3 и ♖a2. Проигрывает, например, 21. ♜h8+ ♙d7 22. ♜d4+ ♜:d4 23. ed ♖a1+

24. ♖e2 b3 и т.д. Ход в тексте также не спасает.

21... b3.

Все-таки! Пешку брать, конечно, необходимо.

22. ♗:b3 ♝b8.

Любопытно, что шах на h8 не приносит белым никакой пользы. Так же безнадежно 23. ♗:f7+ ♖:f7.

23. 0-0 ♜:b3 24. ♜h8+ ♖d7 25. ♜:h7 ♝a1!

Черные неуютимы. Одна неожиданность следует за другой. Конечно, в случае 26. ♝:a1 ♜b1+ 27. ♗e1 ♜:a1 и ♝b1 белым остается только сдаться.

26. ♗e1 ♜c4 27. ♜h3+ f5 28. ♜g3 ♝bb1 29. f3 ♜e2. Белые сдались. На 30. ♜f2 следует ♜:e1. Замечательная партия! Черные провели ее с редкой энергией и изобретательностью.

ТОЛУШ

«Вперед, Казимирыч!»

Вдова Александра Казимировича Толуша (1910 — 1969) Валентина Ивановна Толуш составила книгу его избранных партий. Он мечтал об этой книге, писала она, но подготовить ее к печати не успел. Она вышла в издательстве «Физкультура и спорт» в 1983 году. Партии гроссмейстера предваряют заметки его супруги, коллег — Тайманова, Авербаха, Батуева, его знаменитого ученика Спасского. Мне повезло затесаться в отличную компанию. Заметки коллег Толуша объединяет чувство искренней симпатии к нему. В его характере гармонично сочетались уверенность в своих силах, смелость и юмористический взгляд на жизнь.

Приведу свою заметку из книги «Александр Толуш».

«В те времена, когда я и мои сверстники впервые слышали имя ленинградского первокатегорника Толуша, был он известен, пожалуй, не меньше, чем в наши дни рядовой гроссмейстер. Вокруг его имени слагалась легенда. Говорили, что когда он приезжал в Москву, то, играя блиц на вылет, бил подряд признанных столичных умельцев в таком примерно стиле: 1.g4 d5 2.♗g2 ♗:g4 3.c4 c6 4.cd cd 5.♗c3 e6 6.♜a4+ и 7.♜:g4, после чего возвещал: «Следующий москвич!» Ребята на стадионе Юных пионеров, куда я регулярно ходил, рассказывали, что он играет в острокомбинационном стиле, удивительно атакует, а в блице со «звоном» просто не имеет равных...

В 1936 году мы впервые увидели Толуша. Он давал на стадионе сеанс на восьми досках с часами против юных шахматистов. Тогда устроили цикл таких сеансов для двух групп. В старшую входили В. Смыслов, В. Симагин, А. Ельцов... всего шестеро. Против них выступали мастера. Младшая состояла из восьми человек — среди них Ю. Авербах, Ю. Гусев и я. Между прочим, эти сеансы были неплохой школой, где юные шахматисты могли узнать много нового. Однако это особая тема...

И вот появился Александр Казимирович. Молча, не проронив ни единого слова, он играл пять часов. Играл успешно, хотя этим могли похвастать редкие сеансеры. И никаких королевских гамбитов —

твердая позиционная, хотя и агрессивная, игра, вариант Земиша в староиндийской защите и т.п. Пожалуй, именно позиционная игра и представляла для ребят самую большую загадку. После окончания партии он обменивался с партнером комментариями, причем очень лаконично и вежливо, совсем не по легенде.

Позднее, уже после войны, я познакомился с Толушем ближе. Было это в Риге, где мы оба играли в чемпионате Прибалтики (я тогда работал в Риге адвокатом, Толуш выступал за Литву). Здесь мы подружились по-настоящему.

Александр Казимирович в компании почти всегда играл роль первой скрипки. Всем нравилось его слушать. Однако при этом он был весьма любознателен и умел расшевелить собеседников, разговорить их. Голос у него был сочным, дикция — отличной. Недаром позднее он успешно выступал на радио в паре с замечательным радиожурналистом Вадимом Синявским, с которым дружил.

Александр Казимирович был афористичен и простую ситуацию мог охарактеризовать так, что слова запоминались. Например, во время партии думает соперник Толуша, а он прогуливается. Его спрашивают:

— Александр Казимирович, вы зевнули пешку или пожертвовали?

— Если проиграю — значит, зевнул. Если выиграю — тогда, конечно, пожертвовал.

Толушу ставят в пример выдающегося шахматиста, рекомендуют придерживаться строгого режима. А он в ответ убежденно и весело:

— Не нужны мне ни его успехи, ни его режим!

Толуш любил атаковать, не страшился риска. Он был смел по натуре и смел за шахматной доской. Иногда он переходил границу

дозволенного риска, терпел неудачу, но никогда не унывал. У меня сложилось убеждение, что он немало занимался дебютами самостоятельно, причем отдавал предпочтение поиску инициативы.

Не зря над доской во время партии часто раздавалось его знаменитое: «Вперед, Казимирыч!» Этот боевой клич стал широко известен не только у нас в стране. Помнится, он был по душе и Паулю Кересу, целый период выступлений которого был связан с Толушем, его тренером и секундантом.

Известно, что Александр Казимирович учил шахматным премудростям молодого Бориса Спасского, и не лишено оснований мнение, что именно от Толуша появилась у Спасского любовь к лихой атаке. В этом плане могу дать скромные «свидетельские показания».

В 1946 году был проведен радиоматч Ленинград — Владивосток. Я организовывал ленинградскую часть матча. На 1-й доске за нашу команду выступал Толуш, а среди мальчиков, передающих ходы, был десятилетний Боря Спасский, имевший уже тогда первый разряд. Мне довелось как-то сыграть с ним в одном блицтурнире во Дворце пионеров. Мальчик разыграл «профессорский» ферзевый гамбит, играл солидно, суховато, что совсем не гармонировало с его обликом и поражало. А после занятий с Толушем игра Спасского преобразилась...

Кстати, при подготовке к матчу решался вопрос — где поставить телетайпы? Не помешают ли они шахматистам во время игры, если будут почти рядом, в соседней комнате? Это было технически удобно. За команду ответил Толуш: «Пустяки, не помешают».

Вообще нелегко представить себе что-нибудь, что могло помешать Толушу. Он был оптимистичен, умел находить смешную сторону в ситуации, где, казалось, нет ее и в помине. Его бодрый дух передавался окружающим.

С Ленинградом связана вся жизнь Толуша. Он был ленинградцем до корней волос. Мужественно защищал свой родной город лейтенант Толуш в трудные годы войны, мужественно переносил тяготы блокады...

Ленинград сыграл особую роль в становлении и развитии советской шахматной школы, и немалый вклад внес в это дело Александр Толуш. Яркий он был человек!»

Прошло семнадцать лет после выхода книги «Александр Толуш». Я перечитал свои странички и вспомнил один эпизод, который в них по теме не ложился.

Как-то летом мы с Александром Казимировичем встретились в Спорткомитете на Скатертном переулке. Вместе вышли и пошли по улице Герцена, где я тогда проживал. Неожиданно ясное небо потемнело, набежали тучи, запахло приближающимся ливнем. Решение было принято в темпе. Забежал в магазин, купил пачку пельменей, помидоры, сметану и, естественно, бутылку.

В квартире было пусто, семья на даче. Только вошли, как грянул гром, зашумел ливень, стало свежо... А мы, сидя за столом у окна в моей маленькой комнатенке, уютно беседовали. Помидорчики, пельмешки, рюмашка... Скромненько, но очень приятно.

Беседовали о разном. Коснулись темы лишнего веса. Александр Казимирович имел опыт сброса излишков. Он последовал совету своего товарища. Тот задал ему вопрос, примерно такой: «Идешь ты домой обедать, голоден и думаешь: «Вот сейчас приду, опрокину рюмочку, кусочек селедочки»... И так далее... А от предвкушения и удовольствия — лишний вес. Если хочешь похудеть, ешь то, что не нравится, не смакуй». Метода суровая, хотя гораздо труднее спать на гвоздях, как закалял волю герой Чернышевского Рахметов. Успеха Александр Казимирович достиг. С волей у него был полный порядок.

Еще он рассказал со свойственным ему юмором эпизод из фронтовой жизни.

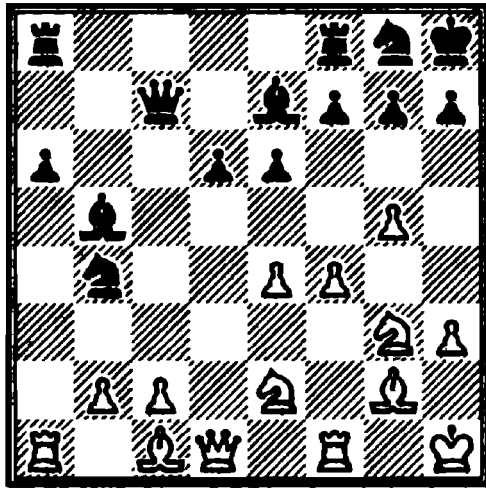
Выписавшись после ранения из госпиталя, он был направлен на Ладугу, на «дорогу жизни», связывавшую блокированный Ленинград со страной. Толуш, разумеется, оголодал. Случилось, что грузовик, направлявшийся по льду озера в город, разбило осколками бомбы. Он вез банки сгущенного молока. «Тут уж я снова попал в госпиталь. Но на этот раз от сгущенки».

Жаль, что мало на свете таких людей с ясным и веселым взглядом.

Есть такой традиционный в шахматной литературе штамп — «сокровищница шахматного искусства». Немногие из партий, комбинаций, атак, окончаний вызывают восхищение. Не всегда сила, спортивные успехи бывают украшены творческим блеском. Стиль Александра Толуша был очень динамичен, и Толуш, более чем многие прекрасные шахматисты, радовал зрителей смелыми атаками, обогащал эту самую сокровищницу.

Рассмотрим два примера.

А. Толуш — А. Котов
 Финал XIV первенства СССР
 Москва 1945

19. ♖d2 d5.

Нельзя 19... ♖:c2 из-за 20. ♜c1 ♜c8 21. ♖c3 ♖e3 22. ♜d4 с двойным ударом. Последний ход черных выглядит логично — вскрывается центр.

20. ♖c3 de 21. ♖h5! f6 22. ♖:g7!! ♖:e2.

В книге «Александр Толуш» приведен подробный анализ этого положения. Вывод: сильнее был ход 22... ♖:g7; разворачивалась сложная комбинационная игра, в которой атака белых завершилась успехом. На немедленное 22... ♖:g7 последовал бы ход 23. ♖d4, поэтому мотив черных ясен — с темпом ликвидировать коня — возможного участника атаки.

23. ♜:e2 ♖:g7 24. ♖:e4 ♖d5 25. ♜h5 ♜fd8.

На 25... ♜f7 решало 26.g6! hg 27. ♜:g6+ ♖f8 28. ♜g1.

26. ♜g1 ♖c5.

После 26... ♖:c3 белые форсировали мат: 27.gf++ ♖f8 (27... ♖:f6 28. ♜:h7, и мат в следующий ход) 28. ♜:g8+ ♖:g8 29. ♜g1+ ♖f8 30. ♜:h7 ♖e8 31.fe ♜:e7 32. ♖c6+ ♜d7 33. ♜g8+, и мат следующим ходом.

27.gf++ ♖f8 28. ♜:g8+.

А. Толуш в комментариях отмечает, что был простой путь к выигрышу, начинающийся ходом 28. ♜g7, однако жертва эффективнее.

28... ♖:g8 29. ♖:h7+ ♖f8.

Если 28... ♜:h7, то 28.f7+ ♜:f7 29. ♜h8X.

30. ♜g6 ♖:f6 31. ♜:f6+ ♜f7.

На 31... ♖e8 последовало бы 32. ♜:e6+ ♜e7 33. ♜c6+ ♜d7 34. ♜e1+ с разгромом.

32. ♜h6+ ♖e7 33. ♜g5+ ♖d7 34. ♜:c5 ♜:h7.

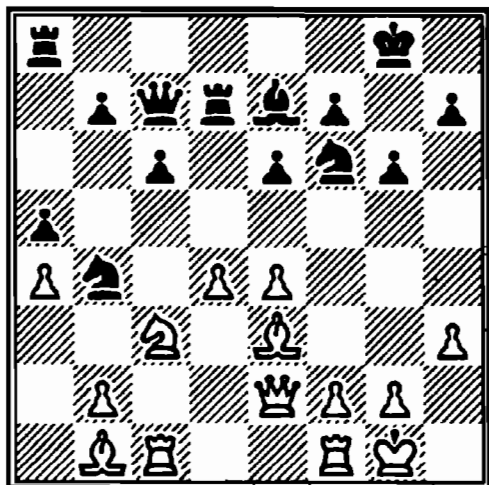
Черный король оголен, белые ферзь, ладья и слон участвуют в финальной атаке. Защиты нет.

35. ♜d1+ ♖e8 36. ♜c6+ ♖f8 37. ♖b4+ ♖f7 38. ♜c7+ ♖g6 39.f5+ ♖h6 40. ♜f4+ ♖g7 41. ♜g5+. Черные сдались.

Если 41... ♖f7, то 42. ♜e7+ ♖g8 43. ♜g1+ ♖h8 44. ♜f6+ ♜g7 45. ♜:g7X.

Александру Толушу были присущи энергия и уверенность в своей силе. Атака в приводимом примере для него характерна.

А. Толуш — В. Смыслов
 XX первенство СССР
 Москва 1952

21.f4 ♖d8 22. ♗f2 ♜e8 23.g4 ♜g7
 24.f5!

«Вперед, Казимирыч!» — на языке шахматистов так звучат слова «Вперед без страха и сомнений!».

24...ef 25.gf ♜g5 26. ♜:g5 ♗:g5+
 27. ♜h2 ♜ad8 28. ♜g1 ♗h6
 29. ♜cd1 ♜h8 30. ♜g4 gf 31. ♜h4
 ♗d6+ 32.e5 ♗e6 33. ♜e2 c5
 34. ♗g3 ♗g6 35. ♗f2 cd 36. ♜f4 ♗c6
 37. ♜g1 d3 38. ♗g3 ♜g8 39.e6! Бе-
 лые сдались.

Угроза 40. ♜:h7+ и 41. ♗h4+ с матом неотразима.

КОТОВ

Бодрый разумом*

Шахматами люди заболевают всерьез и надолго, и это дает возможность не просто познакомиться и создать представление о человеке, сплошь и рядом интуитивное, но наблюдать его долгие годы — молодые, зрелые и те, что иногда следуют за ними. Наблюдаешь, взаимодействуешь, складываешь свое представление о человеке, изменяешься сам, делаешь «поправку на прибор», то есть на свои изменения... Затем проходят годы без таких наблюдений и предварительных выводов. Наступает момент, когда хочется привести свои воспоминания в порядок и вдруг, именно вдруг, проявляется неожиданный портрет, неожиданный, как яркий ход, незаметный на первый взгляд и осеняющий тебя во время шахматной партии после долгого раздумья.

Если бы преждевременная смерть не унесла в Лету Александра Котова, теперь ему бы исполнилось 80 лет. И вот уже двенадцать лет как нет в шахматной семье Котова, не будоражат широкие круги его знакомых и болельщиков неожиданные «ходы» Котова, его слова и публикации, сказанные и напечатанные иногда в шутку, а иногда всерьез. «В шутку и всерьез» назвал он одну из написанных им книжек. Непостижимым образом ему хватало времени, чтобы действовать всерьез и быть неизменно готовым воспринимать юмор и генерировать его.

Старый спор о том, что вернее для шахматиста и человека — быть профессионалом, замкнуться в квадрате доски, или сочетать увлечение и деятельность в области шахмат с какими-либо профессиями, видами деятельности, к Александру Александровичу, казалось бы, не имел прямого отношения. Как я уже сказал, невероятным образом для окружающих у него хватало времени на то, чтобы стать знаменитым гроссмейстером, инженером и изобретателем высокой квалификации, ярким журналистом и писателем.

* «64 — ШО». № 9-10/93.

12 августа 1913 года в бедной рабочей семье в старинном городе Туле родился мальчик. Вскользь уже замечено, что природа не обделила его умом, талантами, и одним из них, как оказалось, был талант трудолюбия.

Детство свое и жизненный путь Котов описал в своих книгах. А шахматная карьера его развивалась необычно. Это не относится к ее дебюту. Начало шахматного пути Александра Котова не предвещало никаких сенсаций. В 1928 году, пятнадцати лет, впервые выступил в чемпионате родной Тулы и занял четвертое место, а через год стал чемпионом города. Годы учебы в Тульском механическом институте (родственнике, если не ошибаюсь, Московского высшего технического училища), диплом инженера-механика. Затем последовали шахматные «университеты» — чемпионаты Москвы. В 1935 году он занял 8-е место, в 1936 — 7-е, а в следующем — 5-е. В 1938 году Котов с отличием заканчивает шахматный «университет» — в полуфинале XI Всесоюзного чемпионата он перевыполняет мастерскую норму и выходит в финал. Ему двадцать пять лет, не вундеркинд, в шахматы играет давно. Казалось бы, если впереди дорожка успехов, то подходы к ней через шахматную «аспирантуру» — турнир за турниром, шаг за шагом, шлифовка полученного опыта. Однако шахматный мир ожидает сенсация — в XI чемпионате СССР Александр Котов лидирует до последнего тура. Правда, в последнем туре его остановил конкурент. Им был М. Ботвинник. Однако мастер с минимальным стажем с блеском стал гроссмейстером. А гроссмейстеров тогда было в стране — Ботвинник, Левенфиш и обчелся. Не хочу обижать современных гроссмейстеров, которые много знают и великолепно играют, но сравнивать высоту, которую надо было одолеть тогда, с нынешней — это вроде как сравнивать тогдашний рубль с сегодняшним. И тут настал момент попытаться объяснить: каким же образом Котову удался такой, с позволения сказать, фокус? Играл ведь раньше и старался, а сила возросла вдруг! Объяснений может быть несколько. Во-первых, случаются чудеса. Несмотря на диалектический материализм, который объясняет почти все. Во-вторых, у Котова был маленький секрет. О нем он поведал в моем присутствии много лет спустя. Обращаясь к молодым коллегам, когда обсуждали, кто сколько времени тратит на подготовку к соревнованиям, Александр Александрович сказал: «Да я, когда нужно было, по 14–16 часов в сутки занимался».

Мы часто слышим о людях, которые не спят, а все время работают, но гораздо реже видим таких, и еще реже — объективные последствия таких радений.

А то, что, концентрируя усилия, Александр Котов мог достигать целей, которые он ставил перед собой, видно из такого маленького и полуанекдотического примера. У него был недурной музыкальный слух, а нот не знал, музыке не учился. Однажды, пришлось к случаю, заявил, что может выучить «Лунную сонату» — и слово сдержал. Специалисты позднее мне говорили, что это не так уж трудно. Не знаю, не пробовал.

Наш общий товарищ как-то мне сказал, когда Котов издал уже роман «Белые и черные», что и писателем Котов решил стать после зрелого размышления. Отдыхал однажды в Доме творчества, посмотрел на писателей и запрограммировал себя на решение этой задачи. О чем и сказал товарищу.

Что влекло его? Несомненно, магия слова. Блестки юмора были рассыпаны в его речи, в репортажах, статьях. Описать шахматы в литературных образах, рассказать о жизни корифея шахматного искусства Александра Алехина — толкало на творческий путь. Сколько уж времени было потрачено на «тренировку» — не ведаю.

Скептики и некоторые слегка склонные к зависти могут мне возразить, что Котов сравнил скромные заработки шахматистов в его время с гонорарами писателей и потому решился. Но это правда лишь отчасти. Он, конечно, сравнивал. Однажды я слышал от него про поэта-песенника — написал, де, слова к песне, получил сто тысяч (тех еще!). И тут Саша добавил: «Хороши весной в саду цветочки». Он, действительно, по сравнению с другими шахматистами, неплохо, мягко говоря, зарабатывал. Да ведь и работал за троих.

Зная его характер, я однажды рискнул пошутить, невзирая на его гроссмейстерский сан и преимущество в возрасте:

— Саша, а зря ты столько денег заколачиваешь!

— Почему? — спросил Котов.

— А потому, что если все соберешь, ни у кого больше не будет, и они, эти деньги, потеряют ценность.

Между тем деньги не были для него самоцелью. Он, конечно, был полнокровным человеком, ему нужны были и машина, и неплохое жилье. Но если бы его влекла материальная сторона жизни как цель, а не как следствие творческой деятельности, то он — изобретатель, разносторонний талант — мог найти не один спо-

соб заарканить золотого тельца. Важнее всего для него было выразаться в творческом плане.

Вспоминается эпизод, когда один важный спортивный деятель корил в своем кабинете Котова за слишком независимые решения. Объяснял, так сказать, кто есть кто и кому можно решения принимать, а кому исполнять. На что Котов ему без дипломатических уверток сказал, что если бы захотел, то сидел бы в этом или таком же кресле, а, может быть, стал бы генералом.

А ведь не шутил. Просто не хотел.

Получив звание гроссмейстера, Александр Котов позволил себе расслабиться. Он скверно сыграл в XII чемпионате СССР, в шахматном бюллетене какой-то поэт-острослов напечатал эпиграмму: «Передо мной стоит вопрос — Как защитить приставку гросс...»

Жаль, что я при жизни Александра Александровича не спросил его о причинах такого спада. Он бы все разъяснил и, вероятно, поучительно. Да поди, знай.

А вот Котов знал многое заранее.

В 1953 году я был в качестве тренера в составе делегации на турнире претендентов в Цюрихе. Мы жили в гостинице «Золотые мечи». Котов, конечно, был среди участников этого выдающегося турнира. Однажды он пригласил на завтрак сына Александра Алехина — швейцарского гражданина. Он долго беседовал с ним. Присутствовавшим шахматистам такое любопытство представлялось естественным. Помню, мальчишкой, я видел брата Алехина, перворазрядника, в Москве. Просто видел, а впечатление большое. Между тем не исключено, что со стороны была просто беседа, а для Котова — материал его будущего романа, будущей пьесы об Алехине, будущего сценария, будущих шахматных книг об Алехине.

Период перед этим турниром с 1948 года, был годами растущей славы гроссмейстера Котова, больших спортивных успехов. Наиболее ярким, вероятно, был рекордный результат на межзональном турнире в Швеции, где он одержал 13 побед при семи ничьих.

Тогда немало было болельщиков, которые надеялись, что Котов может посягнуть на шахматную корону. Некоторые по мотивам национальной гордости. Помню, один неизвестный в шахматном мире болельщик прислал открытку в шахматный отдел Спорткомитета со стихотворным поздравлением Котову: «Ты победил искириотов и прочих разных шведов! С победой, Александр Котов, с заслуженной победой!»

А Котов посмеивался и, можно утверждать, задачу стать первым в мире перед собой не ставил. Он не опровергал своих почитателей, но следовал своим курсом.

Кстати, поэт-болельщик зря акцентировал, обращаясь к Александру Александровичу, так называемый национальный вопрос. К этой теме он относился абсолютно наплевательски. У него хватало таланта видеть человека индивидуально, а не сортировать его по какому-либо признаку.

Были случаи, когда какой-либо озабоченный национальной проблемой «специалист», желая объяснить динамичность Котова, задавался вечной проблемой: «А не еврей ли он?» Однажды я слышал от Котова: «Тула была вне черты оседлости. Там евреев не было. Правда, был еврей — самый дорогой портной. Однако наша семья была очень бедной, и моя мама не могла у него шить себе платья. Так что оснований для знакомства не было». На турнире претендентов в Швейцарии (Нейхаузен-Цюрих, 1953 год), где участвовали пятнадцать сильнейших гроссмейстеров мира и творческий уровень был очень высок, Александр Котов занял место в середине таблицы, но его победа в партии против Ю. Авербаха была отмечена как красивейшая в турнире. Диаграмма, где комбинация, начинающаяся жертвой ферзя за пешку, завершает статьи о Котове в шахматных словарях, обошла всю мировую шахматную печать, стала классическим образцом шахматного искусства. На закрытии турнира, когда вручали призы, Котов за эту победу был награжден золотыми часами — швейцарскими, естественно, однако дамскими. Александр Александрович приз принял, поблагодарил господина, вручившего его, улыбнулся и направился к Авербаху, сидевшему в первом ряду среди участников.

— А тебе, Юра, большое спасибо от моей жены. Часы, не сомневаюсь, ей очень понравятся.

Котов вообще мог внести оживление в самую что ни на есть сухую официальную процедуру. К примеру, после турнира в Швейцарии делегация возвращалась поездом. На пограничной станции Чоп были таможенные формальности.

— У вас семь пар обуви, — сказал таможенник Котову, — а разрешается ввозить только шесть, — строго подытожил чиновник.

Котов не стал объяснять, что у него жена, двое детей, то есть восемь ног, и полторы пары обуви на человека — это мало. У него на ногах были так называемые мокасины, полуботинки без шнурков. Он весело сказал: «Пожалуйста», и быстро скинул один

мокасин. Таможенник рассмеялся вместе со всеми, и формальности закончились.

Постоянная занятость не делала Александра Александровича замкнутым, нелюдимым. Напротив, в компании он чувствовал себя как рыба в воде. Готов был в свободный час поиграть блиц, побалагурить.

Помню, на сборе, обыгрывая в блиц молодых, радостно сокрушался: «Увы! Нет нам смены».

В 1963 году Котов был главным судьей XXX чемпионата СССР в Ереване. Он жил с женой Еленой в большом номере, где часто собиралось много людей. Обстановка всегда бывала самая теплая, дружеская, веселая. Но наступал миг, когда Саша, взглянув на часы, говорил: «Стоп, ребята. Надо писать отчет. Из редакции вот-вот позвонят».

О своих подчиненных — судьях он проявлял заботу. Перед турниром собрал пресс-конференцию, просвятил всех по редакциям в качестве комментаторов, обозревателей. Это было немаловажно, ведь судье полагались только талоны на питание да сохранение зарплаты — по справке с основного места работы...

Первоначально я был назначен заместителем главного судьи. Но Саша сказал мне, что заместителем лучше назначить другого члена коллегии, потому что он кандидат в мастера и ему важно получить балл — для присвоения всесоюзной категории (судейской), а я, мол, мастер, для меня это не так важно. Надо отметить, что кандидат об этом и не просил.

Алехинская тема в жизни Котова заняла не одно десятилетие. Шахматный анализ творчества Алехина, роман, пьеса, сценарий фильма «Белый снег России». К последнему событию я волею случая слегка прикоснулся. После долгих лет мытарства сценария наконец на Мосфильме начались съемки. Котова и основного консультанта в Москве не было, когда нужно было снимать шахматные эпизоды — сеанс одновременной игры вслепую и турнирную партию. Пришлось консультантом быть мне. Режиссер Ю.М. Вышинский казался мне дрессировщиком в клетке со средними хищниками. Многие исподтишка рычали на него. А у меня «дрессировщик» встречал сочувствие. Он немного играл в шахматы и для начала заставил меня начать сеанс на трех досках вслепую, чтобы посмотреть, как выглядит «слепой» шахматист. Затем он расположил меня, предлагая сняться в эпизоде турнира под ви-

дом комментатора или участника. Я был тверд и не поддался — объяснил, что ребята засмеют.

Котов приехал, и я рассказал ему о своих впечатлениях. Он сказал мне: «Тебе понравился Юрий Михайлович? Вот и прекрасно. А знаешь, от него однажды артист со съемки в гриме Ленина сбежал да прямо из проходной сел в троллейбус!»

Обладая характером живым, общительным, Александр Александрович много времени в своей шахматной жизни уделял общественной работе. Он был судьей крупнейших соревнований, включая Всемирную Олимпиаду, долгие годы — заместителем председателя Шахматной федерации, председателем правления ЦШК СССР. Не секрет, что накал страстей в шахматной федерации в любую эпоху не уступает любой Федерации.

Случалось, на этом поприще наши силовые линии пересекались. Однажды, когда шла борьба по схеме «отцы и дети», интересы наши и вовсе оказались полярными. Но теперь мне кажется: когда я относился к этой борьбе как к жизненно важному делу, Саша смотрел на нее с известным юмором, вроде бы как на интересную, но все же игру.

Как-то в разгар боев он пригласил меня в обеденный перерыв в ресторан Дома журналистов. Третьим за столом был известный спортивный журналист. Котов «атаковал» меня различными доводами, стремясь склонить на свою сторону, а я отбивался, что-то провозглашал... Одним словом, старался изо всех сил. Обед подошел к концу, я остался при своей точке зрения, а спортивный мэтр высказал некоторое удивление по поводу моей твердости, изобретательности. И тут Котов, который по идее должен был быть недоволен, вдруг с удовольствием констатировал, что да вот, такие у нас кадры...

Он был бойцом, но не был обидчивым, злопамятным. Он был целеустремленным, но не был фанатиком. Он прославился в мире шахмат, но ведь и в мире военной техники его труд был отмечен высшим орденом. Я как-то слышал от него что его изобретение уже 25 лет стоит на вооружении, стало быть, он имеет право на пенсию как изобретатель, ибо раз его детище «работает», значит, идет стаж. Говорил это с удовольствием, но смеялся. Ибо далекое к нему отношение имели такие понятия как пенсия, покой.

Так жил, действовал и творил Александр Александрович Котов, одна из наиболее ярких звезд на шахматном небосклоне.

Индийская защита
Ю. Авербах — А. Котов
 Турнир претендентов
 Цюрих 1953

1.d4 ♖f6 2.c4 d6 3. ♗f3 ♗bd7
 4. ♗c3 e5 5.e4 ♗e7 6. ♗e2 0-0 7.0-0
 c6 8. ♛c2 ♜e8 9. ♜d1 ♗f8 10. ♜b1
 a5 11.d5 ♗c5 12. ♗e3 ♛c7 13.h3
 ♗d7 14. ♜bc1 g6 15. ♗d2 ♜ab8.

Соперники маневрируют неспешно. Позиция носит типичные староиндийские очертания. Планы сторон не прояснились.

16. ♗b3 ♗:b3 17. ♛:b3 c5.

Становится ясно — черные окопались на ферзевом фланге и намереваются приступить к «ста-

роиндийскому» натиску на королевском. Белым следовало бы немедленно готовить продвижение a3 и b4.

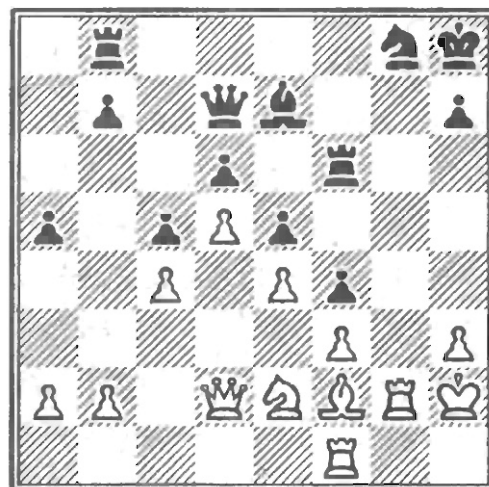
18. ♛h2 ♛h8 19. ♛c2 ♗g8
 20. ♗g4 ♗h6 21. ♗:d7.

Очень интересное примечание к этому ходу дает Д. Бронштейн в своей отличной книге «Международный турнир гроссмейстеров» (Москва, 1983, изд. 3-е): «Белые отказываются от возможного повторения позиции (21. ♗e2 ♗g8), считая, следовательно, что их позиция не хуже. Они правы, поскольку у них есть возможность a2-a3, ♜c1-b1 и b2-b4. Но они не правы, ибо наметили совершенно иной план».

21... ♛:d7 22. ♛d2 ♗g8 23.g4 f5
 24.f3 ♗e7 25. ♜g1 ♜f8 26. ♜cf1
 ♜f7 27.gf.

Белые вскрывают вертикаль «g», желая использовать ее для атаки, но, увы, слишком мало простора для маневров фигур.

27...gf 28. ♜g2 f4! 29. ♗f2 ♜f6
 30. ♗e2.

30... ♖:h3+!!

Эта партия признана красивейшей в турнире. Черные жертвуют ферзя и, пользуясь неуклюжим расположением белых фигур, методично включают в матовую атаку «ограниченный контингент» своих фигур.

31. ♘:h3 ♜ h6+ 32. ♘g4 ♜ f6+ 33. ♘f5 ♜ d7.

Здесь черные могли ходом 33... ♜g4! решить партию немедленно. Однако у Котова оставалось мало времени на обдумывание ходов и он решил действовать наверняка.

34. ♞g5.

Грозил мат в три хода: 34... ♞f8+ 35. ♘g4 ♞g8+, и мат следующим ходом..

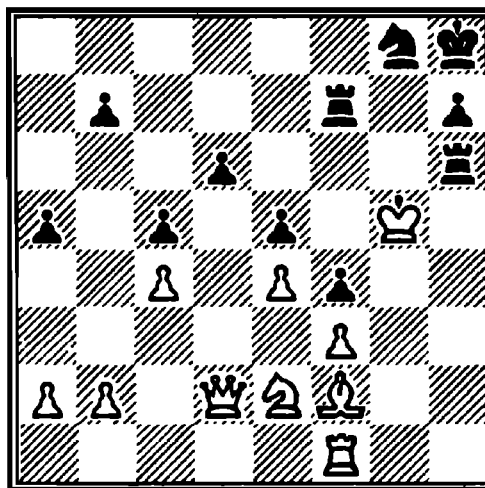
34... ♞f8+ 35. ♘g4 ♜ f6+ 36. ♘f5 ♜g8+ 37. ♘g4 ♜ f6+ 38. ♘f5 ♜:d5+.

Избегая троекратного повторения ходов и приближая контрольный сороковой ход и откладывание партии.

39. ♘g4 ♜ f6+ 40. ♘f5 ♜g8+ 41. ♘g4 ♜ f6+ 42. ♘f5 ♜g8+ 43. ♘g4 ♜:g5 44. ♘:g5.

Слона приходится брать из-за угрозы 44... ♜e7 и далее 45... ♜f6+ 46. ♘f5 ♜d7+ 47. ♘g4 ♞g8+, и мат следующим ходом.

44... ♞f7!

Грозит мат в два хода: 45... ♞g7+ 46. ♘f5 ♞f6x. Не спасает 45. ♜:f4 из-за 45... ♞g7+ 46. ♜g6+ ♞g:g6+ 47. ♘f5 ♜e7x.

45. ♜ h4 ♞g6+ 46. ♘h5 ♞fg7 47. ♜g5 ♞:g5+ 48. ♘h4 ♜f6 49. ♜g3 ♞:g3.

Поочередно гибнут белые фигуры, старающиеся защитить короля.

50. ♖:d6 ♞3g6 51. ♖b8+ ♞g8. Белые сдались.

Приз за красоту!

КОБЛЕНЦ

Прелюдия

Прошло два года после того, как Александр Кобленц отметил семидесятипятiletие, и в «64», где была помещена моя статья, приведенная ниже, была опубликована другая — «Наш добрый Алик». Ее написал Эмиль Брагинский, друг Кобленца. Вспоминая их контакты и встречи в молодые годы и во всей жизни, удивительно талантливый киносценарист, писатель и т.д. Брагинский отмечает главную черту характера Кобленца — доброту. И добавляет, что он был не только добрым, но и веселым человеком.

Александр Кобленц ушел из жизни семидесяти семи лет. Ничего поделать нельзя. Человек смертен, таковы правила игры.

С Александром легко было дружить. Однако я в конце моего пребывания в Риге исхитрился с ним поссориться. Причина была стандартная — шерше ля фам. Я был убежден в своей правоте и надулся надолго. Прошло несколько лет, и я стал редактором шахматных книг в издательстве «Физкультура и спорт». Первой рукописью, которую мне дали редактировать, оказалась «Сицилианская защита» Кобленца. Что было делать? Объяснять, что мы в ссоре — довольно глупо. Я приступил к работе. Вскоре приехал Алекс, и дальше мы трудились вместе. Работа была трудоемкой, и со временем мы не считались. Общались по-деловому, но сухо. Будто впервые встретились. Под самый конец Алекс неожиданно для меня сказал, что в нашей ссоре он был не прав. Ничто его к этому не понуждало. Это поступок возвысил его в моих глазах. Ведь так часто слышишь призывы покаяться, и так редко это случается.

Кобленц написал немало книг по шахматам, среди них — «Воспоминания шахматиста» (Москва, «Физкультура и спорт», 1986). Автор предисловия к этой чрезвычайно интересной книге Леонид Зорин, знаменитый драматург и писатель, глубоко знающий шахматы. Отмечая достоинства книги, а также автора, он дал точное определение жизненного пути Александра Кобленца: «...в ранней юности он сошел с накатанной дорожки, которая вела его к вполне престижному месту (или местечку) под солнцем, к сытому,

ухоженному благоденствию, и под косыми взглядами окружающих устремился по неизведанному пути. Он познал все тернии шахматного профессионала, но ни на единый миг не усомнился в правильности своего выбора».

Не оставляйте стараний, маэстро*

Шахматы дают отличные возможности наблюдать людей на протяжении десятков лет (конечно, если сам выдержишь), основательно знакомиться с их строем. С Александром Кобленцем я познакомился летом 1945 года в его родной Риге, куда судьбе было угодно определить меня на два года после получения диплома юриста. Не познакомиться мы просто не могли. Алекс, как называли его друзья, был чемпионом республики, единственным в ней мастером.

Шахматы в Латвии пользовались признанием, перед войной в Кемери проводили хорошие международные турниры, сборная выступала на Олимпиадах ФИДЕ. Тогда сильнейшим был гроссмейстер В. Петров, который сгинул на просторах Большой Родины, недосчиталась Рига также и некоторых других знаменитых шахматистов. Я приехал в Ригу, будучи кандидатом в мастера, — звание по нынешним временам мало что говорящее, но в ту пору им обладали в Латвии всего двое — Вилис Межгайлс и Тенис Мелнгайлс.

Когда я ехал в Латвию, то подозревал, что латыши — народ солидный, ширококостный — играть должны крепко, позиционно. При ближайшем знакомстве это умозаключение оказалось полным вздором, чтобы не сказать расовым бредом.

Калейдоскопическое разнообразие индивидуальных особенностей каждого здешнего шахматиста было так же непредсказуемо, как и представителей всех других наций и народов, с которыми позднее мне довелось познакомиться.

Похожими у моих коллег по кандидатскому званию были только фамилии. Межгайлс, как мне перевели, по-русски — лесной петух, а Мелнгайлс — черный петух. Старший лейтенант Межгайлс с петухом ничего общего не имел. Это был сдержанный рослый силач, молчаливый и приветливый. Он воевал в рядах Латышской дивизии и фашистов ненавидел. А играл в солидном позиционном

* «64 — ШО», 21/91.

стиле. Мелнгайлис был темпераментен, любил поговорить, охотно беседовал по-русски, хотя владел этим языком не очень свободно. Играл он с выдумкой, горячо. Немецкую оккупацию пережил в Латвии, а о своих политических взглядах не распространялся. За доской эти кандидаты встречались нередко, хотя симпатии друг к другу не испытывали.

Алекса война застала в Ростове-на-Дону, где он играл во всесоюзном турнире. В Ригу он возвратился после изгнания фашистской армии. Он вернулся в свою квартиру в доме на Мариинской улице, когда-то принадлежавшем его родителям, о чем еще сравнительно долго свидетельствовала фамилия на номерном знаке этого довольно большого дома.

Судьба родителей оказалась трагичной. Они, как и тысячи других латышских евреев, были уничтожены фашистами. Позже Алекс, когда мы с ним подружились, говорил мне, что еще до присоединения Латвии к СССР он убеждал родителей продать дом и уехать почему-то в Англию. Был и покупатель, но родители не соглашались, и вот все так случилось.

Алекс успел уже кое-что повидать на своем шахматном веку, и его рассказы о шахматных путешествиях звучали для меня как музыка. Названия шахматных дебютов — эти испанские, сицилианские, шотландские и так далее, имена заморских корифеев — Хозе Рауль Капабланка-и-Граупера, Пол Морфи, Султан-Хан с детства настраивают шахматиста на несколько романтический лад. И вот в Риге, во вчерашней загранице, я слушал Алекса, развесив уши. Он живо описывал «Гэмбит-клуб» на Кэннон-стрит в Лондоне, не упускал интересные бытовые детали — например, в Лондоне в квартирах есть такие газовые каминные, что затопить их можно, лишь опустив куда следует монету, а нет монеты — закаляйся.

А в Испании он однажды попал впросак, назвав одну шахматную фигуру при дамах-шахматистках по-русски, а это звукосочетание по-испански означает нечто неприличное (ныне, правда, понятия о приличиях изрядно изменились, но тогда...).

Один известный австрийский шахматист, играя с ним в международном турнире, в ответ на «здравствуйте» провозгласил «хайль Гитлер», зато проиграв, вежливо попрощался нормальным «ауфвидерзеен».

«На Кубе, — рассказывал Алекс, — райская жизнь. Днем спят, а по ночам любят». По простоте я его спросил, когда же работают? Он

на момент удивленно замолк, а потом, не будучи еще политически просвещенным, уверенно ответил: «На Кубе никто не работает. Ну, может быть, некоторые негры».

Выглядел Алекс представительно, роста выше среднего, осанка стройная, светлые вьющиеся волосы. Одевался хорошо, аккуратно. И, как оказалось, обладал отличным голосом, тенором. Он занимался в свое время вокалом по итальянской методе, в репертуаре имел не только неаполитанские песенки, но и кое-что посерьезнее.

У Алекса была одна особенность, которой я в жизни больше не встречал. У него — два почерка. Правая рука его пострадала в детстве (вероятно, от полиомиелита), но писать ей он мог неплохо, а левой он пишет и вовсе красиво, но иным почерком. Утверждают, что графологи по почерку определяют характер. Интересно было бы подсунуть графологу два образца, не сказав, что они принадлежат человеку с одним характером.

Наши отношения развивались без осложнений. Мы встречались в турнирах, простых и блиц. Алекс вел шахматный отдел в газете «Советская Латвия» и представил меня для сотрудничества в газете «Советская молодежь». Обе редакции находились в одном доме на Мельничной улице.

Надо отметить, что по рекомендации Алекса в газете «Советская Латвия» дебютировал с репортажами о чемпионате СССР по шахматам (в котором Алекс играл) Эмиль Брагинский, в будущем известный писатель, драматург и киносценарист, а тогда еще молодой московский шахматист.

Вскоре наши отношения упрочились. Этому способствовала моя адвокатская профессия.

В Риге я работал адвокатом в юридической консультации Московского района, что несколько снижало языковой барьер, потому что дела в народном суде этого района, населенного преимущественно русскими, велись в основном по-русски.

Играть в шахматы незнание латышского языка не мешало, но иногда появлялась мысль, что хорошо бы им подзаняться. Друзья-шахматисты даже дали дельный совет — завести подругу, которая не говорит по-русски. Но в один прекрасный день я эти идеи оставил.

На работе мне сказали, что меня вызывают в ЦК. В Риге все рядом — пришел, сел напротив симпатичного мужчины. Он, улыбаясь мне, говорит, что надо поехать в волость работать парторгом.

Я засопел, а он, снова улыбнувшись, спросил: «Вы, конечно, латышский язык знаете?» Я немедленно ответил: «Увы, пока не знаю». Он сказал: «Жаль, но вы не подходите».

Мы простились, и я вышел на улицу. В моем уме пронесся вариант — я появляюсь в латышской волости в роли не то Нагульного, не то Давыдова из «Поднятой целины», чтобы приобщить местное население к коллективному труду. Признаюсь, что упомянутое гениальное произведение меня никогда не увлекало. С ним было связано только одно приятное воспоминание: на конкурсном экзамене в вуз в моем билете была эта самая «Целина», а у сидевшего по соседству моего товарища — симпатичный «Гамлет» и нехороший «Макбет», и мы, к обоюдному удовольствию, тайком совершили обмен.

Возвращаясь, однако, от ветвистых «боковых вариантов» к основному, скажу, что Алекс в ту пору нашел избранницу и собирался оформить брак. А брак, как известно, дело серьезное, и поэтому Алекс рискнул воспользоваться моими правовыми консультациями. Выбор он сделал раз и навсегда. Это одно из доказательств того, что в трудной стратегии жизни он отлично разбирается.

В жизни и за шахматной доской Алекса отличали большая энергия, творческая предприимчивость. Играл он в ярко выраженном атакующем стиле, с большой выдумкой, а эндшпиль явно недолюбливал, то есть был типичным комбинационным игроком. Шахматы занимали главное место, вокал был на втором. Шахматам отменный голос не мешал, но, пожалуй, они помешали расцвету Алекса в области вокала. Он рассказывал, что в юности имел шанс поехать учиться пению в Италию, но шансом этим пренебрег.

На поприще шахмат диапазон занятий Алекса был изначально очень широк. Он играл в турнирах, писал книги, учебники, читал лекции, тренировал, редактировал, организовывал клубы, лаборатории и так далее и тому подобное. И все делал с подъемом и успехом. Работал много, но без надрыва, без усталости, часто с шутками.

Одна из его затей привела к нему в шахматный кружок Дворца пионеров в Риге маленького с огромными черными глазами мальчика по имени Миша Таль. Свидетельствую: Алекс сразу же обнаружил, что он имеет дело с самородком высочайшей

пробы. Способных ребят очень много, мастерами становятся единицы, а про Мишу Алекс уверенно говорил третьим лицам, что он станет чемпионом мира, говорил тогда, когда это звучало забавно.

Путь Таля к лаврам был блестящ, но не так уж прост. К званию мастера он пробивался, была затем перед взлетом и некоторая пауза, но после первого места в чемпионате СССР 1957 года взлет Талья стал феерическим. И все годы роста и бурного подъема Талья рядом с ним был его тренер и секундант Александр Нафтадьевич Кобленц.

Стиль игры Талья импонировал тренеру: головоломные осложнения, жертвы и комбинации, риск. Все это в наш век рационализма окрашивало шахматы яркими цветами и делало их популярными.

Помнится, в один из дней матча Талья на первенство мира Алекс пришел в пресс-центр только в середине партии. Позиция была острой, рокировки разносторонние. Многие находили положение Талья очень рискованным. Тренер-секундант не стал вдаваться в подробности запутанных вариантов. Он сказал скептикам кратко и просто: «У Миши есть открытая линия «b»? Даст мат!» И как в воду глядел.

Таль называл своего тренера «маэстро», думается, очень удачно. Ведь в этом слове сливаются и старина шахмат, и романтика, и итальянская комбинационная школа, и даже музыка.

Шли годы, и кое-кому стало казаться, что на чемпионском уровне Талю был бы полезен секундант-гроссмейстер. Завести Талья на спор дело совсем не простое. Вероятно, он все просчитывает слишком быстро для того, чтобы спорить до хрипоты. Молниеносно просчитывает и знает свой ход. Поэтому на критику в адрес маэстро он отвечал кратко: «Маэстро-талисман». И в этом есть глубокий смысл. Делаю, за которые брался Алекс, как правило, сопутствовала удача.

В сентябре Алексу 1991-го исполнилось 75. Я позвонил ему в ту самую квартиру, о которой сказал вначале. (Как-то в бытность свою в Риге я сказал, что он мог бы попросить заменить эту квартиру на другую, в доме получше. Все же популярный в городе человек. Он мой совет пропустил мимо ушей. Может быть, сейчас на номерном знаке того дома снова стоит его фамилия?).

Телефон не отвечал...

Голландская защита
А. Кобленц — М. Таль
 Рига 1957

1.d4 e6 2.c4 f5 3. ♖c3 ♗f6 4.g3 ♕e7
 5. ♗g2 0-0 6. ♗f3 d6 7. 0-0 ♜e8 8. ♞e1
 ♞g6.

Белые стремятся поскорее провести e4, и черным нелегко этому воспрепятствовать. Невыгоден типичный для этого варианта, введенного в практику Ильиным-Женевским, ход 8... ♜h5 из-за 9.e4 fe 10. ♗:e4 ♗:e4 11. ♞:e4 ♗c6 12. ♗f4 ♗f6 13. ♞d2 ♖h8 14. ♞ae1 ♗d7 15.c5 с позиционным перевесом у белых.

9.e4! fe 10. ♗:e4 ♗:e4 11. ♞:e4 ♗c6.

Нельзя было брать ладью из-за 12. ♗h4, и ферзь гибнет.

В. Панов и Я. Эстрин в монографии «Курс дебютов» (издание 6-е) вообще приходят к выводу, что целесообразно на восьмом ходу черным играть d6-d5, препятствуя ходу e4.

12. ♞e3 ♗f6.

Не проходит освобождающее продвижение 12...e5 из-за 13.de ♗g4 14.ed ♗:d6 15.c5! ♗e7 16.b4 ♗f6 17. ♗b2 с лишней пешкой у белых.

13.d5 ed 14.cd ♗e5 15. ♗:e5 ♗:e5 16. ♞b3 ♗f5.

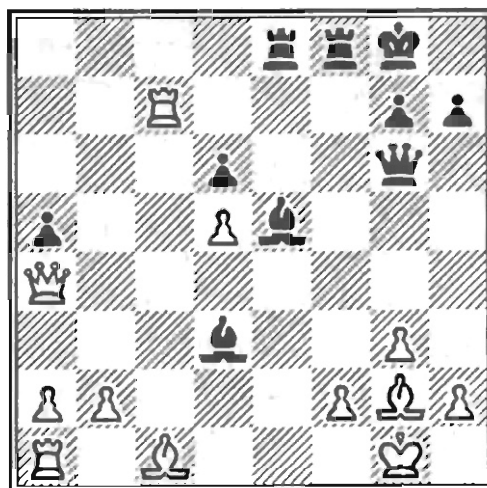
Таль, конечно, не желает ограничиваться пассивной защитой (16...b6) и идет на жертву с целью перехвата инициативы.

17. ♞:b7 ♗c2 18. ♞d2 ♞ae8
 19. ♞:c7 ♗d3.

Здесь была красивая ловушка: 19... ♗d4 20. ♞:d4 ♞e1+ 21. ♗f1 ♗d3 22. ♗h6!, и черные проигрывают.

20. ♞b4 a5 21. ♞a4.

21... ♗:g3!

Белые не допустили слона на d4, и Таль жертвует его.

Жертва ладьи 21... ♖:f2 опровергалась: 22. ♘:f2 ♙f6+ 23. ♘g1 ♕d4+ 24. ♕e3, и материальный перевес у белых.

22. hg ♖ e1+ 23. ♘ h2 ♕ e4 24. ♕ e3!

Остроумная защита. В тактике А. Кобленц всегда был силен. Не зря же Таль называл его маэстро.

24... ♙ h5+ 25. ♕ h3 ♖ :e3 26. ♖ :g7+.

Принимать жертву — 26. fe, разумеется, нельзя из-за мата в 2 хода, но встречная жертва ладьи спасает белых.

26... ♘:g7.

Нельзя 26... ♘h8 из-за 27. ♙d4 ♖d3 28. ♖:h7+ ♘:h7 29. ♙:e4+

♘~ 30. ♙:d3 ♖:f2+ 31. ♘g1 с выигрышем.

27. ♙ d4+ ♘ g8 28. ♙ :e3 ♕ f5 29. g4 ♕:g4 30. ♖ g1.

Белые защитились, но атака продолжается...

30... ♖ :f2+ 31. ♘ h1 ♙ :d5+ 32. ♕ g2 ♙d2 33. ♙:d2 ♖:d2 34. ♕ h3 h5 35. ♕ :g4 hg 36. ♖ :g4+ ♘ f7 37. ♖ g2. Ничья.

Больше жертвовать нечего. Бой окончен. Думается, что такая ничья в талевском стиле зрелищна не меньше любой результативной партии.

Александр Кобленц любил комбинировать, атаковать. Это было его сильной стороной.

ЧУКАЕВ

«Обнаковенный мастер»*

Таким корявым словом аттестовал себя мастер Ш., наделенный талантом, но не обремененный образованием. В речи он допускал ошибки, а как писал — подавляющему большинству осталось неизвестным. При этом он, несомненно, обладал и остротой ума, и чувством юмора, и хитрецей. Короче, был оригиналом. Он завершил свой жизненный путь, и не хочется называть его по имени, ведь даже дружелюбная снисходительность выглядит сомнительно.

Однако, вспоминая о том обыкновенном мастере, я вознамерился написать о Егоре Сергеевиче Чукаеве — человеке чрезвычайно своеобразном. Он не внес вклада в сокровищницу шахмат, спортивные достижения его были рядовыми, однако преданность шахматам — безграничной, он просто жил ими.

Я посоветовался с человеком разумным и эрудированным, сказав, что, конечно, закономерно писать и вспоминать больших мастеров, их достижения и нравы, но ведь Егор Чукаев был такой оригинал, каких никогда не забывают.

— Среди шахматистов вообще немало оригиналов, — ответил собеседник, но намерения моего не поддержал.

Я, понятно, не согласился. Описание подвигов имеет, разумеется, большое воспитательное значение, но ведь и рядовые цеха шахматных мастеров могут быть интересны читателю.

Поначалу я сделал поползновение приспособить к будущему сочинению эпиграф. Скажем — «Минувшее проходит предо мною, волнуясь, как море океан». Но тут же отверг безрассудный ход. Что подумает читатель? Эпиграф-то из Пушкина, а что дальше? Прямо по пословице «Без порток, а в шляпе». Проблема эпиграфа была решена, и я открыл «Шахматный словарь» 1964 года издания, где сказано, что родился Егор Сергеевич Чукаев в 1917 году, живет в Каунасе, состоит в спортивном обществе «Жальгирис», успешно выступал во многих чемпионатах Литвы, дважды делил 1-2-е места,

* «64 — ШО», 8/95.

правда, в 1955 году дополнительный матч проиграл, однако не кому-нибудь, а Ратмиру Холмову. Еще играл во всесоюзных соревнованиях. Мастером же стал в 1961 году, то есть на пятом десятке лет.

Познакомились мы с Егором сперва заочно, встретясь в турнире по переписке. Потом, в 1940 году, он появился за кулисами Большого зала Московской консерватории, где осенью проходило XII первенство СССР. Состав участников был великолепен: Ботвинник и Котов, уже носившие гроссмейстерские титулы, юные Смыслов и Болеславский, вскоре тоже ставшие гроссмейстерами, Стольберг, яркий талант, чью жизнь оборвала война, Бондаревский, показавший сенсационный результат и великолепную игру, да еще целый отряд новичков советской шахматной школы — Керес из Эстонии, Флор из Чехословакии, Лилиенталь из Венгрии, Микенас из Литвы, Петров из Латвии, Герстенфельд из Польши... Я трудился в бригаде демонстраторов, среди которых многим суждено было стать заметными шахматистами.

Стояла прекрасная погода, расцветал настоящий шахматный праздник. Егор жил недалеко от Москвы, в Рязани, и не упустил возможности посмотреть настоящий турнир.

— Вот, оказывается, с кем я по переписке играю! — улыбаясь сказал Егор, пожимая руку и как бы радуясь тому, что открытки с ходами приходили к нему от реального человека, а не сами по себе. Роста он оказался среднего, телосложения крепкого, нос курносый, а губы почему-то довольно полные. Спустя годы, после войны, когда мы познакомились короче, оказалось, что Егор и добродушен, и любит шутку, Володя Симагин, смеясь, говорил: «Не понимаю, откуда в Рязани негры?»

Вскоре после нашего очного знакомства

М. Бейлин, В. Симагин, Е. Чукаев,
Л. Орешина (Симагина)

от Егора пришла открытка с очередным ходом и новым обратным адресом. На открытке был изображен юноша, вежливо преподносящий девушке цветы. Одеты они были не по-советски, весь антураж нарядной открытки был закордонным. Егор сообщил, что служит он действительную в Прибалтике.

Этому турниру по переписке не суждено было завершиться — его оборвала война.

После войны Егор поселился в Литве, а я оказался на два года в Риге. В это время мы довольно часто встречались на соревнованиях Прибалтики, «Спартака» и по прочим шахматным поводам.

Егор рассказал мне, что первый день войны застал его близ границы, в Литве. Вскоре он был тяжело ранен в грудь. Лежал перевязанный где-то среди других раненых, как говорится, на свежем воздухе. Ожидал эвакуации в тыл, вокруг бушевало отступление. Когда грузовик с ранеными готов был отъехать и неясно было, придет ли другой, один солдат сказал старшему: «Погляди, да этот самый сеанс давал у нас в части!»

И Егора положили в кузов, спасли, быть может, от плена и вероятной гибели.

После войны Егор с головой погрузился в местную шахматную жизнь, стал чемпионом Каунаса, пристрастился к игре в блиц на ставочку, что в Рязани и прочих городах необъятной страны не было модно.

От жизни Егор многого не требовал, материальная сторона его интересовала лишь в пределах, позволявших играть в шахматы. К роскоши он относился, как было модно, критически. К примеру, об одном коллеге, по мнению Егора, не в меру состоятельном, он сказал с укором, что у него ковры аж на потолке.

Хотя жилищный вопрос решался очень туго, но Егор с ним справился. Он рассказал мне, что прорвался на прием в городскую комиссию, ведавшую жильем, и произнес там примерно такую речь:

— Дорогие товарищи! С некоторых пор в Каунасе появился молодой талантливый перворазрядник, ставший чемпионом города. И еще появился инвалид войны, раненый в грудь, харкающий кровью. И что же мы видим? А видим мы то, что молодой чемпион и инвалид — это одно и то же лицо. И оно перед вами!

Красноречие Егора произвело эффект, хотя он позволил себе добавить, что жилье получают те, кто сидел в тылу, протирали штаны и так далее. Решили дать ему две смежные комнатки и отвели

в какую-то кладовую, где хранились американские подарки. Сказали: выбирай! Егор выбрал костюм, рубашку и ботинки. Предложили еще галстук, но он отказался: «А вот галстук крестьянину ни к чему!»

Надобно отметить, что Егор был любителем пошутить, а при игре в блиц сыпал прибаутками, часто напирая на свое крестьянское происхождение. Выигрывая у хорошего противника блицпартию, он, бывало, приговаривал: «Недооценил ты, как далеко вперед шагнуло колхозное крестьянство. Думал, я теорию не знаю? Не тут-то было».

Играл он крепко, практично, не увлекаясь фантазиями.

Шутка Егора во время его блицпартии с Гавриилом Дмитриевичем Вересовым, тогда мастером, стала популярной. Гавриил Дмитриевич отличался необузданной творческой фантазией и мог замечтаться над ходом. И вот, когда он в очередной раз просрочил время, Егор сказал: «Как жаль, что упал флажок! Ведь я многому мог еще у вас поучиться».

Сам-то он был далеко не прост. Окончил техникум. Сельскохозяйственный. Но трудился главным образом на шахматных полях. Свое жильё, говорил Егор, он освоил быстро и идеально. В проходной комнате спал и жарил на электроплитке картошку, а в проходной, выспавшись и поев, принимал, как он говорил, фразеров. То есть любителей сразиться в блиц на ставку. Среди них были и жертвы азарта, надеющиеся победить, были и желающие подучиться за разумную плату. За игрой в блиц Егор, не выходя из образа простака-колхозника, сыпал шуточками. Он, в отличие от не прошедших школу игры на ставку, быстро освоил премудрости и выгоды игры на фору времени, на двойной и тройной ответ, искусство сыграть на самомнении соперника, неумеренно восхваляя его достоинства и унижая себя. Он освоил истину, которую исповедовали кафежные матадоры, что идеальный противник должен играть быстро, играть плохо и платить после проигрыша немедленно. Однако блиц не был для него занятием лишь меркантильным. Он жил процессом игры, перенимал искусство более сильных противников, закалял выносливость и волю.

К теории Егор относился с уважением. Особенно к дебютной. Во время турнирной партии он был собран, сидел не вставая, трудился за доской, как говорится, так, что пар шел. Это был другой человек.

Выезжая из Москвы на работу в Ригу, город незнакомый, я попросил начальника шахматного отдела Николая Михайловича Зубарева подтвердить, что я кандидат в мастера. В те времена звание в квалификационный билет не ставили по каким-то формальностям. И мне как отъезжающему дали справку, что имярек решением высшей квалификационной комиссии звания удостоен, номер протокола и дата заседания. Как только Егор узнал о наличии у меня такого документа, так сразу же «присвоил» мне звание «кандидат со справкой». А позднее использовал этот факт как аргумент, требуя фору в блице.

Вообще же он не обнаруживал большого уважения к мандатам. Говорили, что, обыграв в блиц одного заслуженного шахматиста, который не смог рассчитаться немедленно, взял в залог его заслуженное удостоверение, а потом, увы, потерял.

Как-то Егор заявил товарищам, что решил писать стихи. Видно, лавров Цицерона, решившего красноречием жилищный вопрос, ему показалось недостаточно. Он сочинил поэму и декламировал ее, начиная со строки: «К родителям на лето приехал сын из университета». Далее шло что-то вроде известной «Гаврилиады» незабвенного Никифора Ляписа, героя Ильфа и Петрова. Еще он декламировал элегическое сочинение: «Наелся, сижу и мечтаю с ужасной дремотой в борьбе и сытым нутром понимаю, как я благодарен судьбе». Далее шло перечисление профессий и состояний, которые Егора не устраивали. А конец был оптимистическим, связанным с шахматами.

Серьезно ли Егор относился к своему стихоплетству или валял дурака, понять было непросто. Как-то он, прочитав свой стих, сказал мне, смеясь: «Знаешь, Миш, вот теории этой самой, стихосложения, я не знаю».

Я говорил уже, что Егор был добродушен, но однажды во время игры в чемпионате Прибалтики я задел его за живое.

Я играл черными, стремился запутать игру, создавалась сложная, вероятно, сомнительная для меня позиция. Во всяком случае так сказал Александр Казимирович Толуш, когда мы прогуливались в ожидании ходов своих противников. Егор к этому моменту погружался в цейтнот, и я самонадеянно возразил, что не так важно, какая позиция, так как Егор, по-моему, плывет и все равно в ней не разберется.

Далее фортуна мне улыбнулась. Егор в цейтноте просмотрел тактику. Помню, что мой конь дал шах с вилкой с поля e1. Егор был огорчен, доказывал, что позиция его была лучше, а я торжествовал, поучая, что «удар копытами» он просмотрел закономерю.

Александр Казимирович подлил масла в огонь, подтвердив, что еще во время игры я в ее исходе был уверен. Егор обиду затаил, по-видимому, и через год взял своеобразный реванш на чемпионате Прибалтики в Вильнюсе.

Владас Ионович Микенас, лидер литовских шахмат, прекрасно организовал турнир. Играли в красивейшем зале тогдашнего Дома офицеров, видевшем в прошлом балы, где, как гласит предание, танцевал сам Наполеон. Играли в командно-индивидуальном соревновании четыре «пятерки» — Эстония, Латвия, Литва и вне конкурса Москва. Все у меня шло неплохо, настроение было отличное. Егор предложил сразиться в блиц в свободный вечерок. Я согласился, и мы приступили к делу в номере гостиницы. Он, напомнив о моей справке, потребовал тройной ответ. То есть ему достаточно из десяти набрать три с половиной очка, чтобы я уже был в проигрыше. Да еще мне пять минут, а ему десять на партию.

Я колебался, а Егор расхваливал меня, как крыловская лиса ворону. Я тогда играл блиц часто и полагал, что недурно. Во всяком случае по сей день храню диплом чемпиона Риги и Латвии по этой части. И начался безнадежный для меня бой. Я выкладывался, как мог, но вскоре фору пришлось корректировать в мою пользу, потом еще и еще. К утру дело дошло до игры на равных, но я продолжал гореть. Я выкинул белый флаг, а тут Егор предложил мне фору. Мы остановились, но спать было уже некогда. Надо ли объяснять, что так начавшийся турнирный день стал для меня печальным? Это закрепило воспитательный эффект.

Егор стал кандидатом в мастера и настойчиво старался преодолеть мастерский рубеж. Это долго ему не удавалось, но он не терял уверенности, что сможет. Он даже заключал пари на эту тему и в конце концов достиг своего.

Он был поглощен шахматами всю свою сознательную жизнь и даже женился на шахматистке.

Рассказал я о нем, конечно, не для того, чтобы призвать: «Дети, будьте такими, как Егор Чукаев!»

Просто Егор был настоящий шахматист, настоящий оригинал и таким сохранился в памяти друзей.

Староиндийская защита

Е. Чукаев — Я. Юхтман

Полуфинал первенства СССР

Тбилиси 1956

1.d4 ♘f6 2.c4 g6 3.♘c3 ♘g7 4.e4 d6 5.♘f3 0-0 6.♙g5 c5 7.d5 ♜a5 8. ♘d2 h6 9.♙h4 e5 10.♙e2 ♘bd7 11.g4 a6 12.f3 ♘h7 13.♙f2 ♘df6 14.a3.

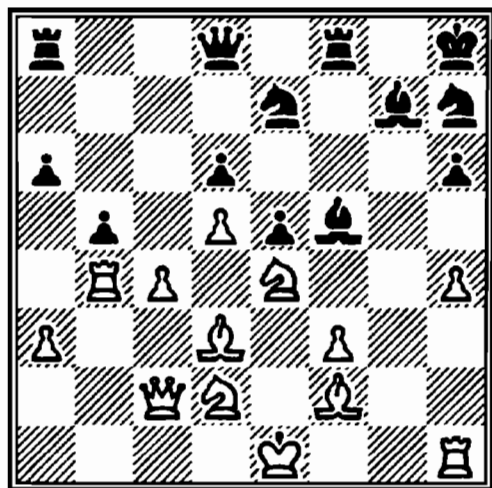
Белые преуспели в дебютной стадии, подготовив активный ход 15.b4, и на 15...cb последовало бы 16.♘b3 или сразу 16.ab.

14...♜d8.

Ферзь отступил, потеряно время.

15.h4 ♙h8 16.b4 b6 17.♙b1 ♘g8 18.♙d3 f5 19.ef gf 20.gf ♘e7 21.♜c2 ♙:f5 22.♘ce4 cb 23.♙:b4 b5.

Понятно стремление черных вскрыть игру на ферзевом фланге. Белый король практически не может рокировать, однако он храбро остается в центре.

24.♜b3 ♙c8 25.♙d1! ♙:e4 26.♙:e4 ♘f6 27.cb ab 28.♙:b5.

В итоге белые выиграли пешку. Мастер Юхтман славился изобре-

тательностью, но он не находит пути для создания угроз королю.

28...♜e8 29.♙b7 ♜h5 30.♙h3!

Конечно, не 30.♙:e7 ♘:e4 31.♘:e4 ♙:f3 и позиция белых разрушена.

30...♘:e4 31.♘:e4 ♘f5 32.♜d3 ♜g6.

Любопытный вариант мог случиться после 33...♘d4? — 34.♙:d4 ed 35.♙g3 ♙e5 36.♙h7+! ♙:h7 37.♘f6++ ♙h8 38.♜h7x.

33.♙h1 ♜h5 34.♙g1 ♙f7 35.♙:f7 ♜:f7 36.♙e2 ♙b8 37.♙c1 ♙b2+ 38.♙c2 ♙:c2+ 39.♜:c2 ♜b7 40.♜c4 ♜b2+.

Попытки черных создать угрозы сначала на королевском фланге, а затем и на ферзевом привели лишь к разменам четырех ладей. И белому королю стало легче.

Пешка a3 неуязвима из-за 41.♙f1 ♜:a3? 42.♜c8+.

41.♙f1 ♘d4 42.♙:d4 ed 43.a4 ♜b1+ 44.♙e2 ♜b2+ 45.♘d2 ♜a3 46.♜b3 ♜a1 47.♜b8+ ♙h7 48.♜b1+ ♜:b1 49.♘:b1.

Белые сохранили лишнюю пешку. Остальное, как говорится, дело техники.

49... ♙f6 50.a5! d3+ 51.♙:d3 ♙:h4 52.a6 ♙f2 53.♙e4 ♙g6 54.♙f4 h5 55.♘c3 ♙g1 56.♘b5.

Роли распределены: белый король сдерживает проходную h, а конь поддерживает свою проходную a.

56...♙h2+ 57.♙e4 ♙g1 58.♘d4. Черные сдались.

БОЛЕСЛАВСКИЙ

Хмурость мудреца

*«Отец производил впечатление добродушного
чудаковатого молчуна. Этот образ его устраивал.»*

Т. Болеславская. «Не герой нашего времени».
«64», № 9-10/94

В истории шахмат Исаак Ефремович Болеславский, без сомнения, — человек неповторимый, непохожий на всех сверстников. Открытая дружелюбная улыбка контрастировала с выраженным нежеланием говорить, с желанием помолчать. Мне не выпало счастья быть с ним коротко знакомым. Обращались друг к другу на «вы», не по моей, ясное дело, инициативе.

Впервые я наблюдал его во время XII чемпионата СССР в 1940 году. (Этот турнир занимает в моей памяти изрядное место). Худощав, подвижен. Было ему двадцать лет. Бросалась в глаза быстрота, с которой он разыгрывал дебютную стадию. Его эрудиция уже в ту пору не была секретом. Со стороны казалось, что играет он легко. Тогда он выдвинулся в компанию сильнейших в стране. Спортивный путь Болеславского интенсивен и успешен. Достаточно сказать, что участвовал в одиннадцати финалах чемпионата СССР, многих международных соревнованиях, включая турниры претендентов и межзональный, чемпионаты Европы и Олимпиаду. Не говоря уже о чемпионатах России, Украины и Белоруссии. Пиком его спортивной карьеры был турнир претендентов 1950 года в Будапеште. Болеславский лидировал до последнего тура, когда его настиг мощным броском Давид Бронштейн: на финише он выиграл у Кереса, поделив с Болеславским первое — второе места. Третий призер — Смыслов — отставал на два очка. Последовал дополнительный матч. Болеславский выиграл две партии, Бронштейн — три, при девяти ничьих. Борьба была интересной.

Говорили, что они дружны, что ранее анализировали вместе. Решающая партия матча, когда победил Бронштейн, стала своего

рода сенсацией. Через некоторое время я спросил у Исаака Ефремовича без должной деликатности, как это могло получиться, что он в роковой партии потерпел неудачу уже в дебюте? Ответ его был дипломатичный, не по теме. Болеславский неожиданно сказал что-то о трудных житейских проблемах у Бронштейна... Вроде бы потеря шанса играть матч с Ботвинником его не слишком огорчила. Я удивился и умолк.

В 1953 году Болеславский участвовал в турнире претендентов в Швейцарии. Путешествие из Москвы в Цюрих в те годы было продолжительным. Сначала самолетом до Вены с посадками по пути. Дальше по железной дороге через Тироль.

В венском аэропорту делегация чего-то ждала. Я приобрел маленький буклетик с видами Вены, последовав примеру некоторых спутников. И стал собирать автографы. Все расписывались автоматически, без слов. А Исаак Ефремович неожиданно спросил: «И вы этим позорным делом занимаетесь?» Я не стал допытываться, почему он так считает, но стал избегать брать автографы. Не знаю, почему.

Там же в Вене делегация стояла в гостинице. Я зашел по какому-то делу к Исааку Ефремовичу на минутку в номер. Он немедленно предложил мне закусить. У него под рукой оказались какие-то вкусненькие ингредиенты для бутербродов. Между тем наше питание в гостинице было хорошо организовано, и не ясно, зачем надо хлопотать, переедать, да еще тратить глубокоуважаемую валюту. Хотя, конечно, уважать валюту безыдейно, ведь классик предупреждал, что на каждом долларе следы крови и грязи.

К этому времени Исаак Ефремович уже утратил юношескую стройность.

Хотя за глаза за Болеславским закрепилась кличка «хмурый», коллеги относились к нему с симпатией. От вина от отказывался категорически даже по самому торжественному поводу. Помнится, на приеме у самого главного представителя СССР в Вене Болеславский за столом, засунув угол салфетки за воротник, закусывал с удовольствием, а вино — ни-ни! И всех это как-то развлекало.

Попытки вовлечь его в нежелательный разговор Болеславский пресекал словами — «Пустое» или «Горе!» Еще замечали, что он не терпел скверных слов.

Турнир в Швейцарии тянулся долго. Пятнадцать участников в два круга, дни доигрывания, выходные... Однажды группка сравнительно молодых людей, склонных к стандартному юмору, затея-

ла маленькую «двухходовую комбинацию». Рассказали Найдорфу незамысловатый анекдот с тем, чтобы он пересказал его Болеславскому. Найдорф отличался неиссякаемым юношеским задором, и идея ему понравилась. Анекдот простенький. Мужчина жалуется врачу на некую слабость. Врач, взяв аванс, обещает, что мужчина сможет получать радость не реже, чем раз в ночь. Для этого надо переехать за Полярный круг. Там ночь много месяцев. Найдорф сначала посмеялся сам, затем направился к Болеславскому. Услышав от Найдорфа это литературное произведение, Болеславский возмущенно замахал обеими руками. Зрители этой картинки, создавшие «двухходовку», испытали большое удовольствие.

В 1950 году Болеславский, родом с Украины, поселился в Минске. Руководство республики предоставило ему довольно большую квартиру. Решить эту проблему было трудно. Война оставила Белоруссию в руинах. Для развития шахмат в республике был сделан очень эффективный шаг. Квартира Болеславского превратилась в подлинную высшую шахматную школу. Он обнаружил особый талант, не только спортивный, не только аналитический, но также тренерский.

Десять лет Болеславский был тренером и секундантом Тиграна Петросяна, ставшего в эти годы чемпионом мира, и двенадцать лет был тренером сборной команды СССР, выигравшей все Олимпиады...

Когда в 1969 году Петросян проиграл матч на первенство мира Спасскому, его работа с Болеславским прервалась. Такова уж тренерская судьба.

У себя дома Болеславский продолжал успешно работать, а внимание начальства к нему поубавилось. Однако он никогда не жаловался, ничего не добивался и не просил. А это был период его тренерского расцвета. Сила не убыла, и опыт был накоплен грандиозный. Но ведь советская школа богата талантами, ей ли стесняться такой расточительности?

По образованию Болеславский филолог. Слово — его специальность. А он как бы дал обет молчания. Его дочь Татьяна Исаковна, научный работник, пишет в упомянутой статье, что дипломную работу отец посвятил Салтыкову-Щедрину. Стало быть, мог Болеславский многое сказать. Статья названа «Не герой нашего времени». Конечно, тот, кто открыто говорил, что думал, — проявлял известный героизм. А тот, кто кое-что понимал и даже

позволял себе поболтать, проявлял, как правило, известный конформизм. Болеславский не относился ни к тем, ни к другим. Он был как бы вещью в себе. В шахматных интригах ни под каким видом не участвовал — благородство не позволяло.

Со стороны видели, что Болеславский превосходный шахматист, приветливый, но молчун. И всех вроде бы устраивало: такой, дескать, оригинал.

Секундантом на турнире претендентов в Швейцарии у Болеславского был ленинградский мастер Алексей Павлович Сокольский, также поселившийся в Минске. Во второй половине турнира мы с ним частенько среди туров играли блиц. Гостиница находилась близ турнирного зала, и можно было отлучиться после дебютной стадии на часок для блица. Алексей Павлович — симпатичный и деликатный человек, ленинградского (петербургского) стиля поведения. Говоруном его считать не было оснований. Однако я слышал от шахматистов такую легенду, что будто бы, когда у Болеславского спросили, каков его тренер, он ответил, что хорош, но болтун.

Татьяна Исааковна в своей статье рассказывает: «...Болеславский по обыкновению молчал, погруженный в себя. Сокольскому же хотелось поговорить. Он долго выбирал момент и наконец робко произнес:

— Какая хорошая погода.

На что Болеславский, выйдя из задумчивости, укоризненно сказал:

— Ну и болтун же вы, Алексей Павлович».

При этом они были дружны.

Почему в те годы Болеславский молчал, мне тогда не дано было понять. Интеллекта не хватало. У него же хватало и ума, и выдержки, чтобы понимать окружающую действительность и соблюдать дистанцию. Он как бы эмигрировал в шахматное королевство. И нашел в нем убежище.

Вероятно, если бы Болеславский был честолюбив, его спортивные успехи могли быть еще выше.

В энциклопедическом словаре «Шахматы» сказано: «Стиль игры Б. был близок к идеальному: у него органично сочетались стратегия и тактика, логика и фантазия».

Прожил Исаак Ефремович всего пятьдесят семь лет. Сломал ногу, лежа в больнице захворал воспалением легких. Врачи оказались не на высоте.

Староиндийская защита
В. Алаторцев — И. Болеславский
 XVIII первенство СССР
 Москва 1950

1. d4 ♘f6 2. c4 d6 3. ♘c3 e5 4. e4 ed
 5. ♗:d4 ♘c6 6. ♗d2 g6 7. b3 ♕g7
 8. ♕b2 0-0 9. ♕d3 ♘g4!

Черные препятствуют развитию белых по схеме ♘ge2, 0-0 с сильным центром. Если 10. ♘ge2, то 10... ♘ce5 11. ♕c2 ♗h4 12. ♘g3 ♘:h2! Теперь белые не смогут рокировать ни в короткую, ни в длинную сторону (13... ♕h6).

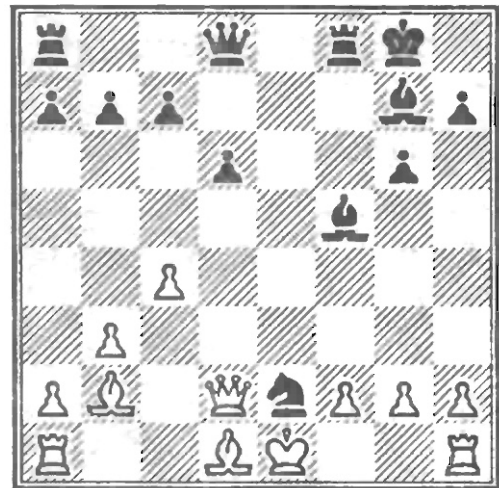
10. ♘f3 ♘ge5 11. ♕e2.

И. Болеславский отметил, что следовало играть 11... ♘:e5.

11... ♘:f3+ 12. ♕:f3 ♘d4 13. ♕d1 f5 14. ef ♕:f5 15. ♘e2?

Необходимо было рокировать, правда, после 15. 0-0 c5 положение черных предпочтительнее:

16. ♘e2 d5 17. ♘:d4 dc или 16. ♘d5 ♕e4 17. ♗e1 ♕:d5 18. cd ♗h4.
 15... ♘:e2.

Здесь белые могли продолжать 16. ♕:g7, упрощая, на первый взгляд, игру. Однако в распоряжении черных неожиданный ответ: 16... ♘f4! Теперь если 17. ♕:f8, то 17... ♗f6 18. f3 (на 18. 0-0 решается 18... ♗g5, угрожая матом, и 19... ♘h3+) 18... ♗e8+ 19. ♗f2 ♘d3+ 20. ♗g3 g5! с угрозой 21... ♗e5+. Защиты нет.

После 17. ♗:f4 ♗e7+ 18. ♕e2 (плохо 18. ♗e3 из-за 18... ♗:g7 с нападением на ладью a1 и угрозой 19. ♗e8; на 18. ♕e5 следует 18... ♗ae8 19. 0-0 ♕d3 20. ♗d4 ♗:e5, выигрывая качество) 18... ♗:g7 19. ♗e3 ♗:e3 20. fe ♗ae8, и теперь на 21. ♗d2 следует 21... ♕e4, а на 21. ♗f2 — 21... g5! Белые без пешки. Они избрали самое простое продолжение.

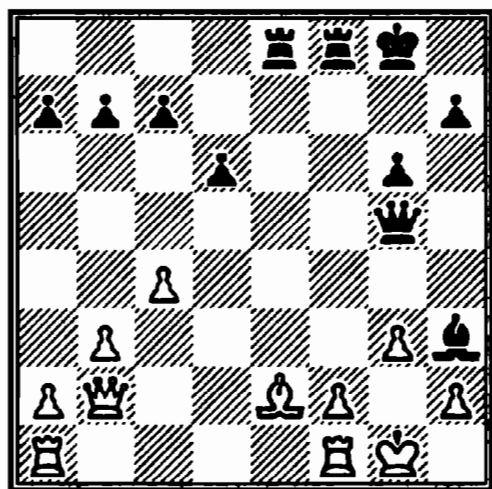
16. ♕:e2 ♕:b2 17. ♗:b2 ♗g5!

Рокировать нельзя из-за 18... ♕h3. Король белых застрял в центре.

18.g3 ♖ae8!

Черные «великодушно» разрешают противнику рокировать. После 17...♔h3 18.f4 ♜e7 король мог рокировать в длинную сторону.

19.0-0 ♔h3.

Отступать ладье нельзя из-за жертвы 19...♜:f2. Если 19.♜fb1, то 19...♜:f2 20.♙:f2 ♜e3+ 21.♙e1 ♔g4. На отступление 19.♜fd1 следует 19...♜:f2 20.♙:f2 ♜e3+ 21.♙e1 ♜g1+ 22.♙d2 ♜e2+ 23.♙:e2 ♜:h2+, выигрывая ферзя с подавляющим материальным перевесом.

20.f4 ♔:f1!! 21.fg ♜:e2 22.♜c3.

На двадцатом ходу Болеславский абсолютно корректно по-

жертвовал ферзя за ладью и слона. Белые могли затянуть сопротивление ходом 22.♜d4, на что Болеславский указал выигрывающее продолжение: 22...♔h3 23.♜h4 ♔g2 24.♜e1 ♜:a2 25.♜g4 ♔f3 26.♜e6+ ♜f7 27.♜h3 ♔c6 28.b4 ♜f5 29.b5 ♜g2+ 30.♜:g2 ♔:g2 31.♙:g2 ♜:g5 с выигрышным ладейным окончанием.

22...♔g2 23.♜d3.

Проигрывало и 23.♜e1 ♔h3 и далее — 24...♜ef2 с общим разменом и переходом в выигранное пешечное окончание.

23...♔f3 24.♜f1.

Не спасало и 24.♙f1 после 24...♜:h2 25.♜d4 c5 26.♜c3 (26.♜:d6 ♔c6+ 27.♙e1 ♜h1+ 28.♙d2 ♜:a1 29.♜e6+ ♜f7 30.♜c8+ ♙g7) 26...♔c6+ 27.♙e1 ♜f3 28.♜a5 ♜h1+.

Следует завершающий удар.

24...♜g2+ 25.♙h1 ♔c6 26.♜:f8+ ♙:f8 27.♜f1+ ♜f2+. Белые сдались.

Болеславскому за этот поединок был присужден первый специальный приз «За лучшую партию турнира».

СИМАГИН

Прелюдия

В свое время Тигран Петросян, критически отзываясь о большом и быстро растущем отряде мастеров, да и гроссмейстеров тоже, прекрасно эрудированных, но не отличающихся индивидуальным почерком, называл их «дети «Информатора». Действительно, «Информатор» был новой ступенью в овладении шахматными массами передовой дебютной теорией. Количество хорошо вооруженных шахматистов увеличилось, однако у всякой медали две стороны.

Сейчас этот период уже позади, шахматисты вооружились компьютерами, программами. Перефразируя одно известное изречение, можно сказать, что кто силен в компьютерном обеспечении, тот силен вообще.

Владимир Симагин родился в 1919 году, начал играть в школьные годы. Предстоящий информационный бум едва ли кому-либо снился. Старые дебютные справочники выглядят нынче наивно, хотя и ранее были завзятые теоретики, но немало было и таких, что предпочитали сбивать партнера с теории. Мастер Ф.И. Дуз-Хотимирский изложил кредо последних примерно так: «Противник хочет бороться со мной на хорошей гладкой дороге, а я его хватаю за шиворот и тащу с дороги сражаться в лес».

В наши дни схватить противника за шиворот стало много трудней.

Симагин всегда отличался оригинальным стилем, особым пониманием законов шахматной борьбы. Он обладал от природы отличными комбинационными способностями, однако не стремился эксплуатировать это качество. Симагин старался переиграть противника стратегически, создавая позиции неудовлетворительные по догматической оценке, позиции, где он видел скрытые ресурсы.

Владимир Павлович был отличным комментатором. Его лекции вызывали интерес у любой аудитории, он быстро находил контакт.

Он не избегал общественной работы, но никогда не рвался вперед, не обнаруживал признаков честолюбия. По спорным вопросам был прям и тверд.

Я никогда не спрашивал его, почему он не стал учиться в высшем учебном заведении, хотя это было нормой для юношей его круга. Он не состоял в комсомоле. Его политические взгляды были неизвестны. Не потому что он отмалчивался, а просто при общении с ним получалось так, что есть очень интересные проблемы, не имеющие никакого отношения к политике. Незаметно для собеседника именно он определял круг обсуждаемых вопросов.

М. Тайманов, В.Симагин

Володя любил парадоксы. Помню, однажды, в юные годы, он играл гандикап с уступающим по силе противником. Давал вперед коня и в перспективной позиции он, придавая голосу важность, изрек: «Когда даешь вперед коня, играть надо позиционно!» При этом нарочито выговаривает так: «Пузиционно». Выигрывает, дает вперед ладью и вскоре повторяет тему: «А когда даешь вперед ладью, то тем более надо играть пузиционно!»

Как-то он поделился «открытием»: «Может быть, нормальные это ненормальные, а ненормальные — нормальные?»

Почему-то мне запомнилось, как в один из первых дней нашего пребывания в Швейцарии Володя, увидев собачонку, когда мы шли по парку, сказал: «Погляди, а собачки здесь такие же, как у нас».

Тогда в Швейцарии он купил маленькому сыну игрушку. Обезьянка в красном костюмчике и красном колпаке. Заведешь ее, и она бьет в тарелки. Занятная такая музыкальная обезьянка. Между прочим, на колпаке у нее была пятиконечная звезда. Быть может, намек. Не дожидаясь, пока будет играть малыш, Володя немало поиграл сам.

Как-то один известный мастер, инженер по образованию, желая похвалить Симагина и нашу систему жизни, стал писать и говорить, что Симагин рабочий, слесарь. Действительно, во время Отечественной войны Владимир работал на оборонном заводе слесарем. Забавно было то, что речь мастера-инженера была несколько корявой, обнаруживая пробелы в среднем образовании. А от Володи я слышал, что он вовсе не из рабочего класса. Отец его был директором гимназии, занимался астрономией. До революции, конечно.

Сыграв впервые в финале первенства СССР, Володя сказал мне, что в финале играть легче, чем в обычном турнире. Если в обычном тебе жертвуют, то ищешь опровержения жертвы. А в финале можно доверять противнику и экономить время.

Владимир Павлович был хорошим семьянином. Я помню осенние дни 1947 года, когда мы играли в чемпионате «Спартака» на Рижском взморье. В женском чемпионате играла Люба Орешина, красивая и уверенная в себе обаятельная девушка. Вскоре она стала его спутницей на всю жизнь.

Запомнились поминки в Москве. В словах друзей чувствовалось искреннее и глубокое уважение к Владимиру Павловичу, понимание его необыкновенности. Врагов у него, насколько мне известно, не было.

Его сын слушал внимательно. Молчал. Мне показалось, что он несколько удивлен словами друзей, шедшими от души, об его отце.

В 1963 году вышла в свет книга Симагина «Лучшие партии». Мне довелось быть ее редактором. Обложку оформил художник Борис Нестеренко, наш сверстник, кандидат в мастера, один из многих почитателей таланта Симагина.

В 1981 году издательство «Физкультура и спорт» выпустило книгу «Владимир Симагин». Ее составитель Сергей Воронков унаследовал от отца — Бориса Воронкова, шахматиста и товарища Симагина, — высокое уважение к Владимиру Павловичу. Сергей привлек к работе современников Симагина: Ботвинника, Авербаха, Кана, профессора Ковалева и других. Мне довелось написать для этой книги странички с маловразумительным названием «Вместо предисловия», предлагаемые читателю.

Вместо предисловия

Чем популярнее становится древнее шахматное искусство, тем более пристальное внимание истинных ценителей шахмат привлекает творческая индивидуальность мастеров. Шахматное искусство не стоит на месте. Постоянно происходит переоценка отдельных дебютных вариантов, целых систем, формируются и прокладывают себе дорогу новые представления в области стратегии, тактики, психологии; и в этом процессе ведущая роль принадлежит шахматистам, помыслы которых не ограничены лишь стремлением набрать очки, занять место, получить звание, добиться признания любым (желательно наиболее легким) «рациональным» путем. К счастью, широкое распространение шахмат не влечет за собой полное вытеснение с арены мастеров с резко выраженной творческой индивидуальностью, хотя и на них, увы, неизбежно распространяется действие закона, лаконично сформулированного словами «искусство требует жертв».

Владимир Симагин пожертвовал немалыми спортивными успехами, полюбив шахматное искусство с первых своих шагов, цельно и абсолютно бескорыстно. Таков был его характер, и так же неизменно ровно пролегла линия его безвременно оборвавшейся жизни. Он был во всем глубоком смысле этого слова оригинален, неповторим. Если применить сухой арифметический

метод подсчета, то окажется, что Владимир Павлович, хотя и достиг гроссмейстерского звания, во много раз больше дал шахматам, чем получил от них лавров.

Надо ли говорить о том, что никакие высокие материи не приходили мне (в ту пору юному пионеру) на ум, когда однажды летом в павильоне московского Центрального парка культуры и отдыха, отведенном шахматистам, один знакомый показал чуть ли не пальцем на худощавого (таким он и оставался всю жизнь) паренька в очках — светловолосого, вихрастого, высоколобого и на первый взгляд замкнутого.

— Вот у этого третья категория: Володя Симагин! — прошептал мой спутник, а прогремело это, как артиллерийский салют.

В начале 30-х слово «третьекатегорник» звучало гордо, даже если относилось ко взрослому. Впереди у нас еще были шахматные кружки во Дворцах пионеров, те самые, в которых начнут свои биографии (ныне напечатанные на многих языках) великие шахматисты современности; впереди были признания известных гроссмейстеров, что давать сеанс одновременной игры пионерам — работа каторжная. Да о чем говорить, если Михаил Ботвинник был тогда просто мастером!

Школьник — третьеразрядник! Это произвело на меня впечатление столь серьезное, что через несколько дней, вновь придя в павильон, я обратился к нему с вопросом, но, как быстро выяснилось, обознался, и паренек, отдаленно напомилавший Симагина, долго веселился, когда узнал, за какого высокого авторитета я его принял. Зато потом, долгие годы поддерживая с Владимиром Павловичем дружеские связи на шахматном поприще, я, как и все, думается, знакомые с Симагиным, никогда и ни с кем его не путал.

Пришло время, и мы встретились с Симагиным в турнирной партии на стадионе Юных пионеров. Я к этому моменту уже успел достичь лучезарных вершин третьего разряда, а Володя был одним из «трех возможных» в то время школьников-первокатегорников (два других — Василий Смыслов и погибший на фронте Александр Ельцов). Силы были неравны. Несмотря на все мои старания дело неумолимо приближалось к логической развязке. Настал момент, вполне подходящий для капитуляции, — все рушилось. Я написал на бланке: «Сдался» — и остановил часы... Неожиданно я увидел (первый и последний раз в жизни), как противник замотал головой, промямлил что-то вроде «нет-нет»,

сделал за меня единственный ход, переключил часы, затем последовал ход белых. И так, делая поочередно ходы за обе стороны и переключая часы, Симагин продемонстрировал на доске довольно изящный мат в четыре хода, после чего все это записал на бланке. Мне оставалось только расписаться.

Читая теперь в его книге «Лучшие партии» слова «Играя, я не стремлюсь к победе во что бы то ни стало, к завоеванию очка, а стараюсь играть последовательно, доказать правильность своих замыслов. Последовательно проведенная партия, завершаемая красивой комбинацией, — вот мой шахматный идеал» и думая о шахматном пути Владимира Павловича, я невольно восхищаюсь его цельностью, неуклонным стремлением к идеалу, любой ценой, наперекор всему.

Силы на этом тернистом пути придавала Симагину любовь к внутренней гармонии шахмат, которая рано ему открылась. Надо сказать, что некоторая замкнутость и даже как бы суровость, заметная в нем, относилась лишь к людям, с которыми Владимир Павлович не был близко знаком. Однако друзья Симагина знали, что редко кто может так веселиться, как он, забывая обо всем на свете. Володя по-детски приходил в восторг от шуток друзей и сам не оставался в долгу. При этом его остроты и парадоксальные высказывания нередко оказывались полны глубокого смысла. Вот он длинными тонкими пальцами поправляет привычным жестом очки, откидывает со лба прядь светлых прямых волос, как будто готовясь сделать очередной ход, в непроницаемых серых глазах появляются бесенята, и Володя серьезно объявляет:

— Я думаю, что настоящий большой шахматист лишь тот, кто готов сдаться в любой момент!

С самого начала игру Симагина отличала оригинальность. В его стиле удивительным образом сочеталась классическая ясность с неустанными поисками исключений из установленных шахматных законов, он был наделен редким комбинационным зрением, нередко создавал на доске такие осложнения, что соперник как бы задыхался от множества вариантов; и тут сам процесс поиска истины увлекал Владимира Павловича настолько, что результат партии отходил на второй план. Случалось, затрата сил приводила к тому, что задуманное губил просчет.

В партии Владимир Павлович умел сосредоточиться, умел владеть собой. Он выглядел за доской не замкнутым, а даже хму-

рым. Вставая для того, чтобы пройтись, отдохнуть в ожидании хода противника, он не испытывал потребности поговорить с кем-либо, как это бывает со многими даже сильными мастерами, не задавал сакраментального вопроса «как я стою?» никому и никогда. Попросту говоря, он был настоящим борцом, уверенным в своих силах.

Владимир Павлович всю свою жизнь посвятил шахматному искусству. Как-то так получилось, что, окончив школу, он не пошел в институт. Однако широкий круг интересов, природные способности и постоянное чтение делали его интеллигентом в самом высоком смысле слова. Его отличало глубокое понимание закономерностей развития шахмат, он создал настоящую систему взглядов на них, и жаль, что, больше всего на свете увлеченный самим процессом игры, участием в соревнованиях, Симагин не изложил свои мысли в книге.

Нелегко было разбирать с Владимиром Павловичем сыгранную партию: оценки он давал на первый взгляд не то что оригинальные, а просто парадоксальные. При этом без полемического запала, а спокойно, убежденно... Со временем общение с ним расширяло кругозор, раздвигало шахматные горизонты.

В его игре можно проследить стремление не просто овладеть центром доски, а найти «фланговый» стратегический план, найти способ, который разрушил бы традиционный «центральной» план противника. Такой стиль не слишком благоприятствует добыванию очков. Поиск на грани невозможного очень часто приносит огорчения, оставляет чувство неудовлетворенности. Владимиру Павловичу он приносил, однако, признание знатоков, видевших, что если частые эксперименты за доской не прибавляют ему очков, то зато они углубляют представления о шахматном искусстве и тем самым имеют значение, выходящее за рамки конкретного турнира.

Владимир Павлович любил подолгу анализировать отдельные позиции. Дебютные варианты он, как правило, анализировал сам, в одиночку. При анализе отложенных партий дверь его творческой лаборатории иногда для немногих раскрывалась. И то скорее по причинам турнирного быта мастеров, живущих в одной гостинице, а то и в одном номере. Поначалу бесконечно удивляло одно обыкновение Симагина при анализе отложенной позиции.

Известно, что в любом положении возможно великое множество различных вариантов. Задача мастера — с ходу отсекаль не-

нужные, быстро намечать главные направления, чтобы навалиться на них всеми силами. Симагин же предпочитал не спешить отбрасывать ходы, даже если они кажутся нелепыми. Он не жалел сил, чтобы сначала поработать вширь, чтобы только потом трудиться над проникновением вглубь позиции. Даже чтобы присутствовать при таком анализе, нужно иметь терпение. Можно ли советовать такой метод другим? Неизвестно. Но сколько раз плоды работы Симагина вызывали уважение знатоков, делали его имя, манеру мышления знакомой и интересной людям, никогда не знавшим его!

Мне довелось быть свидетелем эпизода, когда молодого еще Симагина познакомили с экс-чемпионом мира Максом Эйве в группе с другими мастерами. Знаменитый шахматист был ровно любезен со всеми, однако когда Владимир Павлович назвал свою фамилию, он на мгновение задержался, потом повторил ее — получилось с иностранным произношением, так что она стала отдаленно похожей или вовсе непохожей, и вопросительно посмотрел на него. Тот повторил: «Симагин» — и сосредоточенно покивал. Эйве обоснованно предположил, что перед ним автор удивительных дебютных вариантов, и назвал один из них. Симагин, улыбаясь, подтвердил: моя, дескать, работа, и гость прямо засиял. Думается, едва ли куча очков может вызвать такую симпатию, такое признание, как добытая в анализе красота шахматной истины.

Владимир Павлович никогда не подчеркивал, что он тренер, что занимается тренерской работой. Между тем, вероятно, он обладал и даром педагога.

После окончания школы Симагин продолжал иногда заходить на стадион Юных пионеров. Наступили летние каникулы, и команда московских школьников отправилась сразиться со своими сверстниками в Киев. Володя был уже «взрослым», играть сам не мог и поэтому поехал в роли тренера. «В роли» — потому что ребята признавали его шахматную силу, но тренерами все-таки считали тех, кто постарше! Оказалось, что Володя не только может помочь в анализе отложенной партии или в выборе дебютного варианта, но и отлично умеет настроить на борьбу, вдохнуть уверенность в подопечного. Он мог убедить, что противник вовсе не так опасен, чтобы перед ним робеть.

Есть уважаемые мастера, о которых известно всем, что они тренеры. Владимир Павлович мало что сделал для того, чтобы до-

биться признания на этом поприще. Быть может, по складу характера его отталкивала необходимая в тренерском деле формалистика: учебные журналы, расписания, планы занятий и т.д., и т.п. Однако когда ведущим гроссмейстерам требовался тренер-помощник для подготовки к соревнованиям самого высокого ранга, они нередко обращались к Симагину. Он был, например, тренером А. Котова и В. Смыслова.

В шахматном мире формула «чемпион-тренер» выглядит не так, как, скажем, у волейболистов или бегунов. Там тренер обязательно опытнее, старше, отсюда и авторитет. У шахматистов бывает, что тренер оказывается и моложе своего «ученика». Отношения строятся по-разному, часто неожиданно и сложно. Симагин в роли тренера чемпионов (он был моложе Котова и сверстником Смыслова) не терял уверенности, самостоятельности. Надо сказать, что если турнирный жребий сводил его с именитым подопечным в ответственный момент соревнования, и тогда Владимир Павлович экзаменовал без всяких скидок, не считаясь с турнирным положением «ученика». Здесь для него не было проблем: спортивная этика была частью его характера. Став рано для своего времени перворазрядником (звания кандидат в мастера тогда еще не существовало), добившись определенного признания, Симагин как бы и не спешил добывать мастерскую степень. В этом, однако, не было никакого расчета или оригинальничанья. Просто в его характере никогда не было заметно и тени стремления добиться всего того, что ему по праву должно было бы принадлежать. Он органически не любил ни домогаться, ни жаловаться на несправедливость, ни просить. Однако в полном соответствии с пословицей «Сила солому ломит» настал день, когда Владимир Павлович стал мастером, и, как водится у таких людей, сразу же незаурядным. Он много играл: чемпионаты Москвы, полуфиналы и финалы первенства страны, международные соревнования, турниры «Спартака» (общества, к которому он постоянно принадлежал), многие другие соревнования. Аппетит к игре не убывал никогда, как никогда не слышали от него, что он чувствует себя утомленным и поэтому не хочет играть в очередном состязании. Так летели годы, многотрудные и быстротечные, наполненные до краев шахматными баталиями, долгими неустанными анализами. Товарищи Владимира Павловича, даже те, что были помоложе, выходили в гроссмейстеры, обгоняли его, а он, верный своему не соответству-

ющему XX веку характеру, и тут не спешил... Гроссмейстером он стал в 1962 году, уже на пятом десятке. Однако здесь его неторопливость не принесла положительных результатов. По дарованию Симагин мог бы участвовать в споре за самые высокие ступеньки в шахматной иерархии, но стал гроссмейстером уже в пору, когда физический расцвет позади. Между тем, став гроссмейстером, он абсолютно не изменился. Все так же сурово выглядел со стороны, все так же прост и дружелюбен был с приятелями. Собирался написать книгу о миттельшпиле, о развитии взглядов на стратегию, да все никак не мог приступить...

Как все-таки нерасчетливо разбрасывает себя природа! Это невольно приходит в голову, когда видишь книги, множество книг, написанных иногда честно, добросовестно, но без искры, иногда просто халтурно, и когда вспоминаешь о людях, хранящих в себе такие клады информации и только собирающихся написать книгу. К несчастью, про Владимира Павловича теперь уже не скажешь — собирается...

К книге его отношение было особым. Он не слишком любил обсуждать прочитанное, как бы не нуждаясь в том, чтобы приглашать гостей в свой внутренний мир. Товарищи замечали, конечно, что он заядлый книголюб, но он согласен был скорее шутить по этому поводу, чем пускаться в дискуссии.

Помнится, однажды Владимир Павлович с серьезным видом поведал, что открыл новую систему: покупает в букинистическом магазине книги, читает и продает их, потом покупает другие, опять читает... Деньги убывают, но не сразу! «Симагинский вариант!» — резюмировал кто-то из друзей. Симагин сам отлично понимал, что он непрактичен, однако не старался с этим своим качеством бороться, не делая, правда, из него и предмета гордости, — просто его это не волновало и вполне устраивало.

Есть немало известных шахматистов, которые дают отличный пример молодежи своим серьезным отношением к спорту. Симагин к их числу, увы, не принадлежал. В школьные годы он, правда, любил волейбол (тогда очень популярный), коротко знаком был с альпинизмом (старший брат — заслуженный мастер спорта по этому виду), но делать зарядку, регулярно заниматься для того, чтобы повесить свою форму, — это его не привлекало. К тому же Владимир Павлович был заядлым курильщиком и режима придерживался довольно своеобразного. С этим мне как-то довелось

познакомиться. Мы жили в одной комнате во время тренировочного сбора. Дело было осенью. Оказалось, что Володя просыпается в шесть, зажигает свет, закрывает форточку, закуривает, включает радио и берет в руки книгу или карманные шахматы. Я пытался возражать — не помогало. Потом я заметил, что через полчаса он все равно засыпает. Оставалось лишь открывать форточку, гасить свет...

Меньше всего я хотел бы сказать, что Симагин был в общении неудобным человеком или невнимательным. В том-то и дело, что это особый случай: он не умел и не мог ломать свои привычки и обыкновения. Живи он в комнате один — и не было бы никакой проблемы! А к друзьям он относился с самой искренней симпатией, вне зависимости от их шахматного либо общественного положения. И говорю это не потому, что следуя латинской пословице, рекомендую говорить о покойных хорошо, нет, просто Симагин был человеком редкой цельности и порядочности, да к тому же талантливый. Те, кто общался с ним, хорошо знают это.

Творческое наследие Владимира Павловича в основном в партиях. Шахматисты уходят, но их произведения остаются. Симагин ушел преждевременно: он скоропостижно скончался 25 сентября 1968 года, участвуя в международном турнире в Кисловодске. Перед этим он выиграл партию, последнюю партию в своей жизни.

Умер во время турнира... Смерть шахматиста.

Увы, не успел Владимир Павлович раскрыть все то, что стало ему ведомо после долгих часов и лет поиска истины. Но и те ходы, что он сделал, те комментарии, что написал, оставили глубокий след в вечном искусстве шахмат и привлекут к себе еще многих и многих. И хочется, чтобы они почувствовали обаяние редкого, удивительного человека Владимира Симагина, настоящего большого шахматиста, русского интеллигента.

Известный драматург и писатель Леонид Зорин посвятил памяти Симагина сценарий фильма «Гроссмейстер». Симагин был образом главного героя фильма.

«Гроссмейстер» шел с успехом, но недолго. В фильме дебютировал в роли секунданта гроссмейстер Виктор Корчной. Сыграл он здорово, не только по мнению дилетантов, но и специалистов.

Однако Корчной остался за границей, и демонстрацию художественного фильма о шахматисте прикрыли.

Сицилианская защита

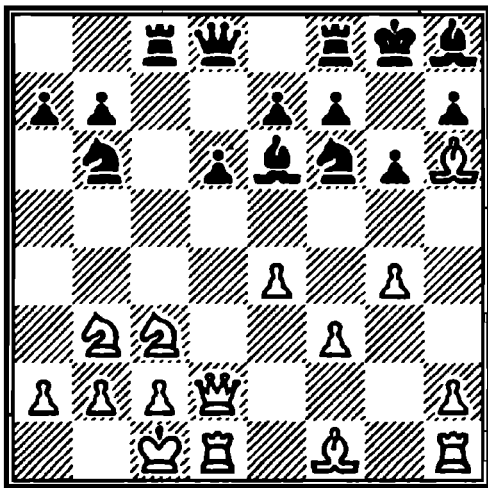
В. Панов — В. Симагин

Первенство Москвы, 1943

1.e4 c5 2. ♖f3 d6 3.d4 cd 4. ♖:d4 ♖f6
5. ♖c3 g6 6. ♗e3 ♗g7 7.f3 0-0 8. ♖b3.

Как говорится, «так играли в старину». Пассивное продолжение.

8... ♗e6 9. ♜d2 ♖bd7 10.0-0-0
♖b6 11.g4 ♜c8 12. ♗h6 ♗h8!

Ход Симагина, который запомнили многие. Жертва качества в надежде, что чернопольный слон скажет свое веское слово. Симагин не настаивал на том, что эта жертва ладьи за слона безупречна, однако у него был опыт: в 1939 году он провел аналогичную жертву против В. Люблинского — 1.e4 e5 2. ♖f3 ♖c6 3. ♖c3 d6 4.d4 ed 5. ♖:d4 g6 6. ♗e3 ♗g7 7. ♗e2 ♖ge7 8. ♜d2 0-0 9.h4 d5 10. ♖:c6 bc 11. 0-0-0 ♗e6 12. ♗h6 ♗h8! 13. ♗:f8 ♜:f8 14.a3 ♜b8 15. ♗d3 c5 16.ed ♖:d5 17. ♖a4 ♗d7! 18. ♜a5 ♗:a4 19. ♜:a4 ♜h6+ 20.f4 ♖:f4 21. ♜d2 ♗:b2+ 22. ♜d1 ♗c3 23. ♜f2 ♜b1x. Любопытно, что Люблинский, столкнувшись с таким неожиданно пренеб-

режительным отношением противника к материалу, потерял равновесие и ориентировку в событиях.

13. ♗:f8 ♜:f8 14. ♖d4 ♗c4 15.g5 ♖fd7 16. ♗h3e6 17. ♜b1 ♖e5 18.f4 ♖f3!

Вероятно, белые не заметили этого тактического выпада или недооценили его. Здесь они могли сыграть 19. ♜f2, возвращая качество после 19... ♖:d4 20. ♜:d4, однако качество, доставшееся на 12-м ходу «бесплатно», жаль возвращать...

19. ♖:f3 ♗:c3 20.bc.

После 20. ♜:c3 ♗:a2+ 21. ♜:a2 ♜:c3 22.bc ♜c8 черный ферзь и конь атакуют, а белые фигуры разобщены и король незащищен.

20...d5! 21. ♜c1 ♖a4 22.ed ♗:a2+ 23. ♜a1.

Слона нельзя было брать из-за простого 23... ♖:c3+ и следующим ходом 24... ♜c5 угрожая матом.

23... ♜c5 24.de ♖:c3 25. ♜d4.

Здесь белые могли спастись: 25.e7! ♗e6 26. ♜d8+ ♜g7 27.e8 ♖+! ♜h8 28. ♜:c8, и черные должны форсировать ничью вечным шахом. Между прочим, этот вариант указал Симагин.

25... ♗:e6 26. ♗:e6 fe 27. ♜a4.

Ладью приходится отдать из-за матовой угрозы.

27... ♖:a4 28.c4 ♜d8 29. ♜a2 ♜b4 30. ♜e1 ♜d3 31. ♜:e6 ♖c3+. Белые сдались.

Жертва качества на 12-м ходу, можно сказать, ошеломила соперника.

ФУРМАН

Неторопливый

Семен Фурман мастером стал двадцати пяти лет, в 1946 году, а международным гроссмейстером двадцать лет спустя. Долгое время он показывал хорошие ровные результаты, был чемпионом Ленинграда, чемпионом «Спартака», тринадцать раз участвовал в финалах первенства СССР. В 1948 году занял третье место, а семнадцать лет спустя делил 4-5-е.

Всем своим внешним обликом производил впечатление солидности, неторопливости, спокойствия.

Жарким летом 1947 года Семен оказался на несколько дней в Москве. Вероятно, возник вопрос о так называемом размещении, и тренер московского «Спартака» попросил меня дать Семену крышу над головой, так как знал, что у меня есть своя комнатенка в родительской квартире.

Мы были знакомы и до этого, я знал, что Фурман эрудит в дебютной теории, силен в позиционной игре. Мне было любопытно узнать, как он занимается самостоятельно. Семен рассказал, что, будучи еще кандидатом в мастера, последовательно, один за другим, изучал теорию всех дебютов. Я спросил: что же он делал, завершив весь круг. Он ответил совершенно серьезно: «Начал все снова».

Мне такая метода показалась любопытной, ведь большинство сверстников старалось определить свой репертуар так, чтобы «закольцевать» его, то есть изучить свои дебюты (в той или иной степени), ограничив выбор противнику. Те же дебюты, что оставались за бортом «кольца», вроде бы и изучать не надо для экономии сил и времени. А вот Сёма не был склонен к такой экономии. Глубже пахал и достигал более глубокого понимания вообще.

Жарким утром мы вышли на улицу. Перед этим Сёма не спеша завязал галстук, надел темный пиджак. Я сказал: «Сёма, будет жарко». Он немного подумал и спокойно ответил: «Пусть будет жарко». Мы остановились у подъезда, потому что подошли две девушки. Я представил их Сёме, сказал, что это моя сестра Мира,

а это сестра Юры Авербаха, Ира. Пожимая руку одной, Сёма представился: «Мастер Фурман», а затем, пожимая другой, сказал: «Фурман». Потом, после небольшой паузы, добавил: «Мастер». Все очень солидно, неторопливо.

Позднее я позволял себе шутить, что если бы Сёма упал с десятого этажа, то летел бы вниз очень медленно. А вот блиц Семен играл недурно. Получалось как-то, что рука двигается медленно, а фигуры перемещаются быстро. Времени ему хватало.

Семен был немногословен, и человеку, мало знакомому с ним, могло показаться, что он по натуре мрачноват. Однако это было совсем не так. Он от души мог рассмеяться веселой шутке, пусть даже соленой. Выслушать ее или отпустить самому. Причем смеялся громко, прямо пропорционально своей неслабой физической базе.

Случилось так, что шахматные дороги будущего чемпиона мира Анатолия Карпова и Семена Фурмана пересеклись. Студент Карпов переехал в Ленинград специально, чтобы регулярно заниматься со своим тренером. И с 1969 года по 1978-й продолжалось их содружество.

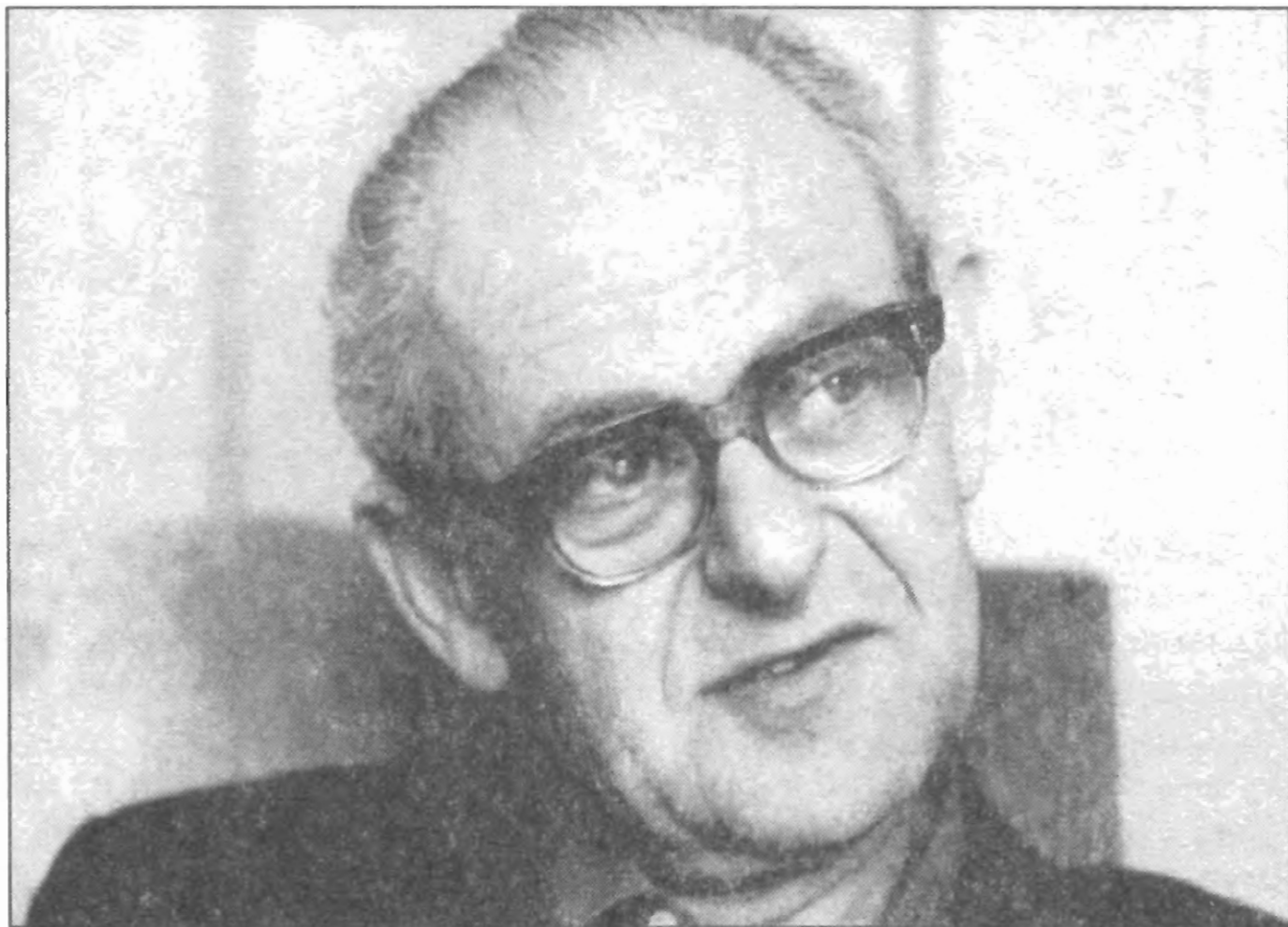
Это был один из наиболее удачных ходов в карьере Анатолия Карпова, а Семен Фурман показал свой выдающийся тренерский потенциал. Успешно исполнял он роль тренера сборной СССР на Олимпиаде и на чемпионате Европы.

Настал 1977 год. Год подготовки Карпова к матчу с претендентом Виктором Корчным. Было несколько тренировочных сборов, к организации которых я имел прямое отношение по службе. Сбор в Кисловодске оказался последним для Семена. Я побывал там. Сначала мне казалось, что все в порядке. Семен и Толя занимались. В свободные часы иногда играли на бильярде. Были в равном расположении духа. И тут Семен заболел.

Десять лет до этого он перенес серьезную операцию по поводу, как говорят, тяжелой болезни. Пропустил поездку на межзональный турнир в Тунисе, а потом вроде бы все наладилось.

Настало время покинуть Кисловодск. Врач сказала, что Семену надо бы задержаться на несколько дней. Я разговаривал с врачом наедине. Задал вопрос, прямо глядя в глаза. Доктор ответила, что нет основания опасаться самого плохого. Она не отвела взгляда, но я ей не поверил.

А потом пошел сдавать авиабилет Семена, взяв его паспорт.

Кассир билет приняла. На фотографии в паспорте у Семена были очки. У меня тоже. Так что, на ее взгляд, все сошлось.

В начале 1978 года Семен Фурман покинул наш грешный мир, оставив о себе самую добрую память.

Никогда Семен не торопился, да вот только не прожил и пятидесяти восьми лет.

Защита Грюнфельда
С. Фурман — В. Смыслов
 XVII первенство СССР
 Москва 1949

1.d4 ♖f6 2.c4 g6 3.♗c3 d5 4.cd
 ♗:d5 5.e4 ♗:c3 6.bc c5 7.♗c4 cd

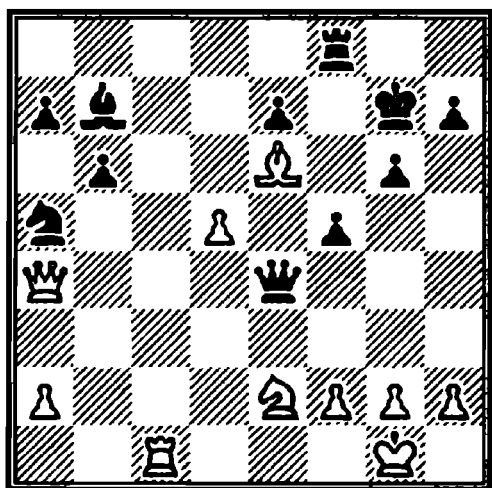
8.cd ♗g7 9.♗e2 ♗c6 10.♗e3 0-0
 11.0-0 b6 12.♗c1 ♗b7 13.♗b5!
 ♗c8 14.♗a4 ♗a5.

Не годится 14...♗d6 из-за 15.e5
 ♗d7 16.d5! ♗:d5 17.♗f4 (17.♗fd1
 опровергает ход 17...♗d4!) 17...
 ♗d7 18.♗fd1 ♗e8 19.♗d5 с угро-
 зами 20.♗:c6 ♗:c6 21.♗:c6 ♗:c6
 22.♗:c6 ♗:c6 23.♗:e7+, а также
 20.♗b4 с выигрышем фигуры.

15.d5 ♗d6 16.♗d2! ♗:c1
 17.♗:c1 f5 18.♗d7 ♗e5.

На 18...fe могло последовать
 19.♗e6+ ♗h8 20.♗:e4 ♗e5 21.♗d3
 с позиционным преимуществом
 у белых. Если 21...♗d8, то 22.♗f4
 с угрозой 23.♗:g6+.

19.♗c3! ♗:e4 20.♗e6+ ♗h8
 21.♗:g7+ ♗:g7.

22. ♖a3!

Пожертвовав пешку, белые, разменяв чернополюсных слонов, ослабили оборону короля противника. Нельзя, конечно, брать коня — 22... ♗:e2 23. ♗:e7+ с материальным и позиционным преимуществом.

На 22... ♗f6 выигрывает 23. ♗c3+ ♗e5 24. ♘d4 с решающей угрозой 25. ♙e1. Если же 22... ♙e8, то 23. ♗b2+ ♗h6 24. ♙c3 с угрозой 25. ♙h3+.

22... ♗h4 23. ♙c7 ♗h8.

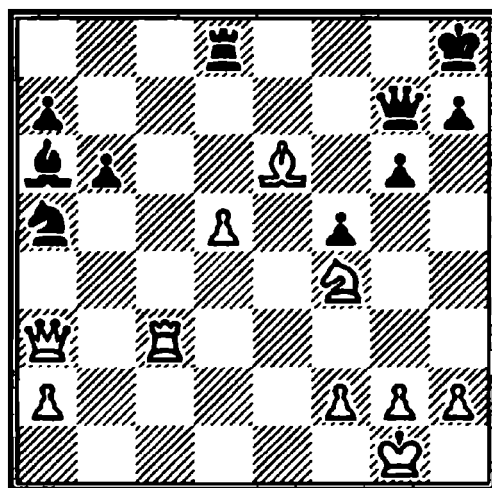
Недостаточно и 23... ♙e8 из-за 24. g3 ♗f6 25. ♘f4 ♗h8 26. h4, и черные фигуры не имеют полезных ходов — цугцванг.

24. ♙:e7 ♗f6 25. ♙c7 ♘a6.

Изящный вариант привел в комментариях С. Фурман: 25...f4 26. ♗c3 ♗:c3 27. ♘:c3 ♙d8 28. ♘e4 ♘:d5 29. ♘f6! с угрозой 30. ♙:h7x.

26. ♘f4 ♗a1+ 27. ♙c1 ♗g7.

Если 27... ♗f6, то 28. ♘:g6+! hg 29. ♗h3+ ♗g7 30. ♙c7+ с разгромом.

28. ♙c3 ♙d8.**29. ♗b2!**

Ферзь становится в засаду. Угрожает 30. ♘:g6+ — защиты нет.

29... ♘c4 30. ♘:g6+ ♗:g6 31. ♙:c4+ ♗g7 32. ♗:g7+ ♗:g7 33. ♙c7+ ♗f6 34. f4.

Размены не облегчили положения черных, но привели к решающему преимуществу белых в эндшпиле. Далее — техническая фаза реализации преимущества.

34... ♘d3 35. ♙:a7 ♘e4 36. h3 h5 37. ♙a6 ♙b8 38. g3 ♗e7 39. ♙a7+ ♗d6 40. a4 ♘d3 41. ♗f2 ♘e4 42. ♗e3 ♘:d5 43. ♘:f5 ♗c5 44. ♘g6 h4 45. gh b5 46. ab ♙:b5 47. f5 ♙b4 48. h5 ♙e4+ 49. ♗f2 ♗d6 50. h6 ♙h4 51. h7 ♙:h3 52. ♙g7 ♗e5 53. ♙g8 ♙h2+ 54. ♗g3 ♙g2+ 55. ♗h3. Черные сдались.

Партия удостоилась специального приза как лучшая из сыгранных в турнире. С. Фурман проявил в ней тонкий розыгрыш дебюта, высокий класс в позиционной игре и тактическое искусство.

В. Смыслов, в этом турнире испытывавший неудачу против С. Фурмана, поделил 1-2-е места.

АВЕРБАХ

Отличник шахматной школы*

Юрий Львович Авербах отмечает свое семидесятипятилетие в эпоху развернутого... Не знаю чего. Раньше уверяли: советское — значит, отличное. Была тогда и советская шахматная школа. Зато сейчас появились специалисты, которые сделали открытие, что этой самой школы вовсе не было. Отдавая дань нынешней моде на употребление ненормативной лексики, хочется вспомнить маленький анекдот. Внучек спрашивает бабушку: «Что такое ж...? Бабушка (взволнованно): «Что ты, внучек, такого слова даже нет!» Внучек (задумчиво): «Странно. Ж... есть, а слова нет».

Так вот, на мой взгляд, Юрий Авербах — настоящий отличник советской шахматной школы. И я не вкладываю в эти слова никакой доли иронии, ни грана политики.

(Кстати, о политике. Нередко слышим, что политика — дело грязное. Авторитетные шахматисты утверждают, что шахматная жизнь — отражение, сколок большой жизни. Что касается шахматной политики, то она, увы, чистотой не блещет.)

Долголетняя деятельность Юрия Львовича на ниве шахмат многообразна, интенсивна и плодотворна. Благодаря этому известность его в шахматном мире близка к максимально возможной. Общительность, любознательность и, не в последнюю очередь, чувство юмора привлекли к нему множество людей в Москве, в стране, во всем мире. Без преувеличения — друзья у него в десятках стран. Конечно, шахматист с шахматистом объясниться может и на пальцах, но юбиляр — еще на английском и немецком.

Попытаюсь классифицировать направления деятельности Юрия Львовича в шахматах. Это практическая игра, тренерство, шахматная литература, общественная деятельность. Особая статья — эндшпиль. Здесь он признанный практик, классик в области теории, знаток этюдного творчества.

* «64 — ШО», 2/97.

Прежде всего, конечно, была Игра. Научился семи лет, не спеша развивался в школьные годы. Жил и учился в воспетом Окуджавой одухотворенном районе Москвы, районе старого Арбата. И средняя школа — №59, что в Староконюшенном переулке, была с традициями. Какое это имеет значение для шахмат? — может спросить скептик. Как знать.

Рискну привести маленький эпизод, касающийся школы. Будучи уже известным гроссмейстером, пошел Юрий Львович в школу на вечер встречи выпускников увидеться с одноклассниками. И встретил там моего тестя, человека в годах, профессора и так далее. Юрий удивленно спросил: дескать, что вы тут делаете, Александр Николаевич? И услышал в ответ: «Я-то в этой гимназии учился, а ты что делаешь?» Правда, Юрий эту самую школу окончил, а вот Александра Николаевича успели исключить за участие в похоронах Л. Толстого.

Были школьные турниры, встречи с товарищами, потом стадион Юных пионеров, Дворец пионеров на улице Стопани.

На стадионе руководитель шахматной секции Федор Львович Фогелевич (сильный по тем временам шахматист и организатор, погиб в Отечественную войну) организовал отличный способ тре-

нировки юных шахматистов: им давали сеансы с часами опытные и сильные первокатегорники. Например, А. Котов, А. Толуш. Взрослые, конечно. Определили восьмерку третьеразрядников. Среди них были Юра Гусев, до сих пор с энтузиазмом играющий в различных турнирах с ветеранским уклоном, Исаак Линдер, ставший известным историком шахмат, Веня Левин, погибший на войне, и другие. И вот капитаном Федор Львович назначил Авербаха, не постеснявшись сказать, что ждет от него в будущем больших успехов. Выходит, дело знал.

В начале 1938 года в Ленинграде проводился юношеский чемпионат СССР. В зимние каникулы Авербах играл в младшей группе и занял первое место. До начала турнира объявили, что чемпион получит первую категорию. А после турнира — что ленинградцы надеялись на победу своего Ефима Столяра, да не угадали. В целом эта идея, дать 1-й разряд немного авансом, была здоровой, жизнь это подтвердила. Успех Юры московские сверстники приняли нормально, а вот первая категория поразила воображение. И Веня Левин, признанный остроумец, гораздый на эпиграммы и шаржи, объявил: Авербах получил первую детскую.

Сверстники гоняли блиц, звонили и развлекались, а Юра, отдавая потехе час, находил время для серьезных занятий, чтобы отработать аванс. В школе он учился отлично, был трудолюбив, методичен. Надобно заметить, что он был первым замеченным мною акселератом. Правда, тогда и слова такого никто не знал. Вдруг Юра, до того ростом не выделявшийся, стал бурно расти, рукава и брюки становились коротки. А их хозяин вымахал как раз подходящего для волейбола роста. Волейбол ему очень нравился.

В 1939-40 годах в шахматном клубе А. Котов организовал эндшпильные турниры. То есть перед туром ставили позицию, эндшпильную. По идее равную. И разыгрывали ее, потом разбирали. Мало кто сообразил, что это отличное направление для совершенствования. А Авербах оценил верно, и с этого момента началась его неизменная любовь к эндшпилю.

А еще он ввел в систему анализ собственных партий, не для печати, а для того, если можно так выразиться, чтобы познать себя, свой стиль, свои слабые и сильные стороны. Много лет спустя, когда они занимались с Николаем Крогиусом, последний, ставший гроссмейстером и доктором психологических наук, об-

ратил внимание на эти тетради Авербаха и не раз упоминал его метод в своих книгах. Отлично окончив школу, Юрий поступил в знаменитое Бауманское училище.

Тогда была мода учиться на инженера. Учеба в институте была плотная, но Юрий совмещал успехи с занятиями шахматами, волейболом. В цейтнот не попадал. А в 1945 году женился на сокурснице Аде Ивановне, тогда еще просто Аде. А сейчас уже и золотая свадьба позади... (Это ж надо!) Была такая шахматная книжка — «Труд, талант, победа». Примерно так все и было. Подробности восхождения юбиляра намечены в энциклопедическом словаре «Шахматы», коего он был заместителем главного редактора. Отметим лишь, что он трижды чемпион Москвы, имеет золотую и серебряную медали за чемпионаты СССР; за межзональный турнир 1952 года — звание международного гроссмейстера, а в 1965 году стал заслуженным мастером спорта СССР. Играл на всех континентах. А вот книгу избранных партий не издал. Когда я спросил его: почему? — ответил на тройку с минусом. Дескать, партии собрал, да руки не дошли. Все больше эндшпилем занимался. Даже заказ был... Что ж, остается надеяться, что все впереди.

Будучи по характеру человеком общительным, знающим и умеющим в шахматах многое, в работе методичный, Юрий Львович, естественно, отдал дань и тренерству. В разное время он тренировал Ботвинника, Таля, Петросяна, Смыслова и Кереса. С Михаилом Моисеевичем сыграл серию из 25 тренировочных партий.

В пятидесятые годы он дал совет Елизавете Быковой обратить особое внимание на эндшпиль. Елизавета Ивановна была от природы исключительно трудолюбива, в деле педантична, за игрой замечательно концентрировалась, с места не вставала часами... Совет пошел ей впрок. Шахматный фольклор гласит: «Слабость пижона в эндшпиле». Увы, далеко не все всерьез воспринимают эту народную шахматную мудрость. И вот Быкова стала одолевать своих соперниц, наделенных, быть может, более острым комбинационным зрением, и стала чемпионкой мира.

Не только шахматным королям передавал свой опыт Юрий Львович. В 1969 году на телевидении была организована программа «Шахматная школа», и ряд лет Юрий Львович был ее ведущим, делился знаниями с широким кругом. Правда, потом школу закрыли, шахматных фигур на телеэкране стало меньше, зато ого-

ленных женских — много больше. Немалую дань отдал Юрий Львович и судейской работе. Международным арбитром стал в 1969-м. Был главным арбитром Всемирной шахматной Олимпиады в Москве, затем арбитром в Ереване.

Как известно, шахматы имеют свою письменную историю, свою литературу. Последняя — почтенного возраста, полтысячи лет. Шахматисту исследовательского направления, публикующему свои комментарии и анализы, шахматную литературу не обойти. Ко всему Юрий Львович владеет не только иностранными языками, но и недурно родным. Что тоже не со всяким случается. И написал он много книг, от теоретических до учебников, множество комментариев к партиям, заметок и очерков... С 1958 года по 1962-й был главным редактором бюллетеня «Шахматная Москва», после чего и до сих дней главный редактор «Шахмат в СССР», превратившихся в связи с исчезновением СССР в «Шахматный вестник», а затем в «Шахматы в России». Среди многих книг, написанных и изданных юбиляром (подробности в упомянутой энциклопедии), переведенных на разные языки, незаслуженно не замеченной, как мне кажется, оказалась книжка «На разных континентах», изданная в 1971 году «Географгизом» тиражом скромным по тем временам. Мне тогда очень понравились эти, если можно так сказать, путевые очерки. Думалось, что книжке дадут зеленый свет, что автор будет признан как отличный литератор. Однако в те годы запросто могли указать: «Гроссмейстер? Ну и пусть играет!»

Во всяком случае я однажды столкнулся с ценным указанием по поводу одной книжонки: «Кому нужны эти байки... Учебники надо издавать!» И вылетела брошюрка из плана издательства. Даже вместе с готовыми рисунками.

Полагаю, что завязатого путешественника Авербаха это ограничение не слишком опечалило. Было чем другим заняться. А все-таки жаль...

Немало времени в жизни посвятил он общественной работе. Был много лет и заместителем председателя, побывал даже председателем Шахматной федерации СССР, занимал высокие посты в Международной шахматной федерации. Жизнь заставила овладеть всеми тонкостями шахматной политики, которая с годами все усложняется. Лавинообразно увеличивается количество соревнований, растут полки гроссмейстеров, возникают международные шахмат-

ные организации, претендующие на универсальность, зашатался незыблемо стоявший более ста лет трон чемпиона мира — появились версии и идея «ускорения» розыгрыша титула первого в мире шахматиста... Все это требует от занимающихся шахматной политикой искусства, не похожего на шахматное.

Эндшпиль — родная стихия Авербаха. К аналитической работе он пришел после того, как прекратилась его работа в научно-исследовательском институте, где после завершения высшего образования успешно трудился. Правда, отлучки на соревнования создавали проблемы, а тут последовало предложение получить так называемую стипендию — по размеру вроде инженерской зарплаты, «засекреченную» так, что все, кому надо и кому не надо, знали. Появилось много свободного времени, и он начал анализировать одно типичное окончание. И так это понравилось, что в итоге появились на свет фундаментальные труды, известные всем шахматистам. Особое значение имели они в эпоху классического контроля на шахматных соревнованиях, когда надо было анализировать отложенные партии. Ныне ситуация несколько изменилась. Новый контроль требует эндшпиль играть быстро, а если бы были отложенные, то все решал бы компьютер. Однако труды Авербаха — это не справочники всех возможных позиций. Штудировав их, можно повысить понимание стратегии эндшпиля. А это поможет разобраться в конкретных позициях побыстрее. В 1956 году Авербах стал международным арбитром по шахматной композиции. Естественен его интерес к этюдам. Эндшпильный анализ и этюдное творчество подпитывают друг друга.

В заключение несколько слов о «хобби». Они органичны. Долголетний интерес к истории шахмат. Пожизненное и регулярное занятие физкультурой. Однажды немецкий журналист написал, что с виду Авербах похож, скорее, на моряка, чем на шахматиста. Он и сейчас плавает, правда, в бассейне. А еще в юные годы знал великое множество анекдотов. Когда-то он рассказал мне, что во время полета в самолете в далекой Южной Америке к нему обратился адъютант важнейшего лица, сопровождавший шахматистов, с просьбой поделиться анекдотами — дескать, шефа они развлекают.

— Какая партия подойдет для этого материала? — спросил я Юрия Львовича. Подумав, он назвал приведенную ниже, сыгранную на турнире претендентов в Швейцарии в 1953 году.

Защита Нимцовича
 П. Керес — Ю. Авербах
 Турнир претендентов
 Цюрих 1953 г.

1.d4 ♖f6 2.c4 e6 3.♗c3 ♘b4 4.e3
 0-0 5.♙d3 d5 6.♗f3 c5 7.0-0 ♗c6
 8.a3 ♘:c3 9.bc b6 10.♗e5.

Д. Бронштейн в комментариях к партии в своей книге «Международный турнир гроссмейстеров» полагает, что Керес специально подготовил это продолжение к турниру. Вариант 10... ♗:e5 11.de dc 12.♙:c4 ♚:d1 13. ♖:d1 выгоден белым.

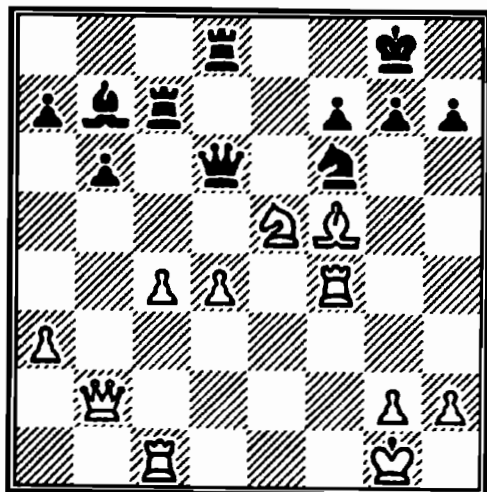
10...♙b7 11.f4.

Ход активный, однако черные отлично развиты.

11...♗a5!

Теперь черные угрожают 12... dc и далее 13.♗:c4 и ♚d5 с двойной угрозой.

12.cd ♚:d5 13.♚e2 cd 14.ed ♗b3
 15. ♖b1 ♗:c1 16. ♖b:c1 ♖ac8
 17.♚b2 ♚d6 18.f5 ef 19.♗:f5 ♖c7
 20.c4 ♖d8 21. ♖f4.

Следовало продолжать 21. ♖fd1. На f4 ладья стоит с виду активнее, а ответ черных выглядит антипозиционно.

21...g5!

Д. Бронштейн пишет, что едва ли Керес рассматривал этот ход. «Обнажить позицию короля, оставить без пешечной защиты коня f6, ослабить открытую линию «f» — и все это ради одной пешки, которая, по всей вероятности, тут же отыгрывается...» Между тем Ю. Авербах рассчитал все точно.

22. ♖f2 ♚:d4 23.♚:d4 ♖:d4
 24. ♖cf1 ♖d6.

Белый слон не может отскокить с темпом, и давление белых по вертикали «f» не опасно.

25.h4 gh 26. ♖f4 ♖c5 27.♗g4
 ♗:g4 28. ♖:g4+ ♗f8 29.♗:h7 ♗a6
 (важный ход) 30. ♖ff4 ♖h6 31.♗d3
 h3 32.gh.

На 32.g3 могло последовать 32...h2+ 33.♗h1 ♗b7+ 34.♗e4 ♖:c4! 35.♗:b7 ♖c1+, и 36...h1 ♚+.

32... ♖:h3 33. ♖d4 ♗c8 34. ♖d8+
 ♗e7 35. ♖gd4 ♗e6 36.♗g2 ♖g5+
 37.♗f2 ♖a5.

У черных решающее позиционное и материальное преимущество, техническая стадия быстрая.

38. ♖b8 ♖:a3 39.♗e2 ♖h2+
 40.♗e1 ♖a1+ 41. ♖d1 ♖:e2+,
 выигрывая еще фигуру. Белые сдались.

БРОНШТЕЙН

Прелюдия

На турнир претендентов в 1953 году в Швейцарии Давид Бронштейн приехал в ореоле славы. Один шаг отделял его в матче на первенство мира против Ботвинника от лавров чемпиона мира. Его яркий, только ему присущий стиль, изобретательность, стремление к неожиданным и порой даже парадоксальным решениям завоевали Бронштейну множество почитателей. Они были убеждены, что Ботвиннику крупно повезло, когда он свел на финише матч вничью, и ждали от Давида новой виктории.

Все советские гроссмейстеры, кроме Бронштейна, приехали в Швейцарию с секундантами. Секундант Бронштейна на предыдущем турнире претендентов в Будапеште полковник Борис Самойлович Вайнштейн остался в Москве. В Будапеште он со своими обязанностями справился отлично, был старшим и многоопытным другом Давида, но не выпустили за рубеж, и все тут. Почему? Эта тема в печати не освещена. Быть может, некоторые люди обменивались предположениями, но втихую. Как было принято — во избежание...

Давид Бронштейн в разговорах этой темы не касался. Вообще я не слышал в те годы от него слов обиды на кого-нибудь. В разного рода шахматные интриги он не ввязывался, вел себя скромно и этично.

В Цюрихе Бронштейн разделил 2-4-е места с Решевским и Кересом. Итог, достойный украсить биографию элитного гроссмейстера. Но оказалось, что страница биографии Бронштейна в его борьбе за высший титул перевернута, хотя впереди были великолепные творческие достижения, прекрасные спортивные успехи.

Мне посчастливилось видеть от первого до последнего хода партию Решевский — Бронштейн, одну из решающих в турнире. Она произвела на меня очень сильное впечатление, и по приезде в Москву я написал о ней что-то вроде очерка, опубликованного в журнале «Молодая гвардия» в 1964 году.

При общении с Давидом я касался этого своего «произведения». Замечаний не было. Прошли годы ничем не омраченных нормальных отношений. В 1994 году Бронштейну исполнилось 70 лет. К юбилею я написал «Генератор идей». Бронштейн неожиданно для меня сказал, что разговора на Тверском бульваре, который упомянут в статье, не было (этот разговор упомянут ниже). Дескать, я его выдумал. (Кстати, и в очерке 1964 года разговор упомянут.)

Я испытал глубокое чувство досады. Во-первых, это было неожиданное и первое в жизни столкновение. Во-вторых, я не люблю врать и выдумывать. Я нахожу, что не врать и не выдумывать удобно и приятно. Удобно потому, что не надо напрягать память, чтобы ненароком не обнаружить вранье, а приятно потому, что имеешь основание себя уважать, да еще есть шанс, что и другие тоже будут уважать.

Бессознательно я пришел к такой позиции в раннем детстве, когда мой отец предложил мне посмотреть ему в глаза и увидеть в них «маленьких человечков», как он сказал. Я увидел, а он объяснил, что «человечки» в моих глазах скажут ему правду, если я совру. По молодости лет я принял это на веру.

Почему возникло столкновение? Я льщу себя надеждой, что скорее Давид мог забыть, чем я соврать. Память у него, разумеется, из ряда вон... Однако говорят, что память имеет свойство иногда вытеснять из своего архива то, что не нравится.

А не так давно у меня с Бронштейном случился такой разговор. Я сидел в машине на Можайском валу подле рынка. Ждал супругу с покупками. Неожиданно увидел Давида. Он приехал в Москву из-за рубежа. Я спросил его, мог ли он представить себе в прошлом, что вот в стране сложится такая любопытная картина. Ведь у Бронштейна всегда был необыкновенно высокий полет фантазии. Он улыбнулся и ответил, что такого представить себе не мог.

Такова жизнь — се ля ви, как говорят французы.

Генератор идей*

В январские каникулы 1938 года, давным-давно, когда зимой в Москве трескучий мороз не был редкостью, в городском Доме пионеров столичная команда встретила с юными шахматистами Киева. В команде гостей играл мальчик, товарищи называли его «малюткой», а по имени Дэвиком. В ту пору мастеров школьного возраста в природе не было, да и быть не могло. Но это особая тема. Дэвику было без малого четырнадцать лет, и, конечно, никому из ребят не могло прийти в голову, что ему суждено стать великим гроссмейстером, что со временем он направит борьбу за титул чемпиона мира в новое русло, что стиль его, яркий, индивидуальный, взгляд на закономерности шахматной борьбы, проникающий в глубины, изменят многие представления шахматистов. А в те далекие дни я видел довольно тихого, молчаливого мальчика с кудрявыми волосами, умеющего внимательно слушать собеседника, с доброжелательной улыбкой. Его противником оказался Виктор Хенкин, будущий мастер и известный шахматный литератор. Он был старше и в обеих партиях менял в дебюте ферзей и мучил «ребенка» в эндшпиле. Давид вел себя достойно, спокойно.

За прошедшие годы, десятилетия мне довелось общаться с Давидом Ионовичем в различных обстоятельствах, общаться в Москве и далеко за ее пределами. Остались кое-какие воспоминания, известные только мне. Быть может, они окажутся штрихами к портрету юбиляра. Об этом чуть позже, а пока, подводя некоторые итоги, должен сказать, что общение с Давидом Ионовичем, высказывания его, часто неожиданные, часто не воспринимаемые кое-кем, всегда были интересными, неординарными.

Думаю, нет смысла пересказывать читателям спортивную биографию Давида Бронштейна. Вехи обозначены в статье о нем в энциклопедическом словаре по шахматам, подробный анализ его спортивного пути, его стиля и характера — в книге Б.С. Вайнштейна «Импровизация в шахматном искусстве». К числу наиболее значимых книг в шахматной литературе относятся книги самого юбиляра: «Международный турнир гроссмейстеров. Нейгаузен-

* «64 — ШО», № 3-4/94.

Цюрих. 1953», «200 открытых партий». Комментарии Бронштейна к сыгранным партиям отличаются глубиной и оригинальностью, его обзоры партий матчей на первенство мира, которые публиковались в известных газетах, нередко поражали читателей неотразимой смесью пронизательности и юмора.

Мастером Бронштейн стал в 1940 году, в чемпионате Украины. Шестнадцатилетний мастер в те годы — событие выдающееся. Василий Смыслов в недавнем разговоре со мной вспомнил, что тогда ему квалификационная комиссия поручила рассмотреть творческую сторону партий — существовал тогда такой обычай, нормальный при штучном выпуске мастеров и ставший анахронизмом при их конвейерном производстве. «Старшему товарищу», Смыслову, которому было уже полных девятнадцать, партии понравились.

Как-то мне Давид Ионович показал чудом сохранившуюся одну из его первых «книг» — малюсенькую, в одну восьмую, пожалуй, долю тетрадной страницы, рукописную. Четкий бисерный почерк, изящное оформление — партии автора в одном из турниров. Эта малюсенькая книжечка говорила о фанатичной любви ее создателя к шахматам.

Детству Давида не суждено было стать безоблачным. Репрессии выпали и на долю его семьи, грянула война, когда он был еще школьником. Тяготы эвакуации, работ на восстановлении Сталинграда... Но ни на день юноша не забывал о шахматах, а когда удавалось, анализировал и по ночам. Однако ему повезло с наставниками-друзьями. В киевском Дворце пионеров с первых шагов его направлял Александр Маркович Константинопольский, прекрасный шахматист, которому ФИДЕ с большим опозданием присвоила звание гроссмейстера, выдающийся теоретик и аналитик, прирожденный педагог, тонкий, требовательный и дисциплинированный. Он сразу распознал талант Давида, помогал ему и подружился с ним на всю свою, увы, теперь уже закончившуюся жизнь.

Борис Самойлович Вайнштейн, скончавшийся в декабре 1993 года в возрасте 86 лет, скромно пишет, что в конце войны Центральный совет «Динамо» пригласил Бронштейна в Москву, затем он участвовал в XIII чемпионате СССР и так далее. Центральный совет «Динамо» не слишком интересовался шахматами. Культивировались футбол, бокс, борьба, легкая атлетика. Одна-

ко Б.С. Вайнштейн после окончания математического факультета попал на работу в систему МВД, имевшего огромное хозяйство. Его недюжинные умственные способности привели к тому, что вскоре с его мнением стали считаться руководители «Динамо», и идея взять под опеку особо перспективного юного мастера привела к тому, что в «Динамо» появилась своя шахматная секция.

Борис Самойлович Вайнштейн был от природы наделен умом и талантами. Его успехи за шахматной доской были относительно скромными, однако аналитик он был превосходный, глубоко знал теорию дебютов, активно участвовал в организационной стороне шахматной жизни, писал шахматные книги, статьи, фельетоны, рассказы. Шахматисты старшего ныне поколения помнят юморески, которые подписывал таинственный «Фэрзбери». Это был псевдоним Б.С. Вайнштейна. Когда опустился занавес после его работы в МВД, Борис Самойлович защитил сначала кандидатскую, а затем и докторскую диссертации в области экономики. Он был на семнадцать лет старше Давида и, конечно, мог давать советы, быть секундантом в самых ответственных сражениях, которые предстояли.

Интересы Б.С. Вайнштейна были очень разносторонними — от музыки до ипподромных бегов включительно. Быть может, и это послужило одной из причин его симпатии к Давиду, ведь и круг интересов Бронштейна включает в себя направления совсем неожиданные и друг к другу отношения не имеющие. Просто он смотрит на мир широко открытыми и любознательными глазами.

Профессия Бронштейна — шахматист — определилась сама собой. Конечно, он мог бы записаться в какой-нибудь вуз, сдать несколько десятков каких-нибудь экзаменов, поскольку с памятью дело обстояло больше чем отлично, и был бы стандартный набор, который тогда требовала спортивная пресса, — мастер (гроссмейстер), образование высшее (тут уж свобода: хочешь — филолог, хочешь — инженер...), так что ни в коем случае не профессионал, а так, активный любитель. Да не забыть бы: чтобы стать мастером, нужен был еще и значок «Готов к труду и обороне» (ГТО)... Такой вот джентльменский набор. Да Бронштейну с его внутренним свободомыслием на комплексные наборы в душе было наплевать.

В дни его матча на первенство мира с М.М. Ботвинником мы как-то шли по Тверскому бульвару. Я, не отличаясь версальской галантностью, возьми и скажи:

— Знаешь, Давид, а зря ты не окончил институт, ведь вот пишут, что и Стейниц, и Ласкер, и Алехин, и Капабланка, и Ботвинник — все с высшим... Не было еще чемпиона мира без высшего образования.

Давид внимательно посмотрел на меня — в это время он имел хорошие шансы на успех в матче — и сказал:

— Ну и что, что не было? Не было, так будет.

«А ведь и правда, — подумал я, — чемпионов ведь не назначают по анкете».

Правда, ценность иронического отношения к требованию иметь ГТО весьма скромная. Для настоящих, больших успехов в шахматах здоровое тело — штука необходимая. Шахматы — игра не атлетическая и килограммометрами напряжения не измеришь, но для высших достижений крепкая физическая база необходима. И этим Давида Ионовича в его гроссмейстерский период природа не обделила. В 1953 году, когда Бронштейн играл в турнире претендентов в Швейцарии, я слышал об этом от врача делегации доктора В. Ридина. Он отмечал, что прогулки в горной местнос-

ти, подъемы, спуски действуют на Давида отлично. Сердце, сосуды, всякое там давление в полном порядке. А что аппетит у Давида будь здоров и никаких проблем с лишним весом — это известно было и без докторов.

Возвращаясь мысленно к тем далеким дням в Швейцарии, хочется вспомнить некоторые эпизоды.

Давид не имел в этом турнире секунданта. У него случилась отложенная партия с Котовым. Он согласовал с Авербахом, секундантом коего был я, мое участие в анализе отложенной. Мы посидели, посмотрели, к определенным выводам не пришли. Материальное преимущество есть, а как выигрывать — не слишком ясно.

— Хватит смотреть, — сказал Давид, — пошли.

Дело в том, что я высмотрел в местной прессе, что существует в Цюрихе некий «Визус-институт», который делает, как теперь говорят, контактные линзы. Поскольку мы оба с Давидом «очки», решено было посмотреть, что это за «Визус-институт». Оказалось, что-то вроде оборудованной большой квартиры с одним доктором — болгарин, который к нашему полнейшему удовольствию говорил по-русски. Давид сказал, что примерять линзы должен я, так как ему доигрывать. Я согласился, примерил, поплакал левым глазом, с удивлением ясно и четко увидел свою физиономию в зеркале без очков. Давид наблюдал со стороны. Затем я, имея в виду солидную цену этого достижения науки и техники, спросил доктора, почему он сам в обыкновенных очках. Доктор ответил неубедительно. Мы пообещали подумать и ушли. Позже оказалось, что сделали правильно: эра пластмассовых контактных линз еще не настала, а первые были несовершенны. Однако при доигрывании Давид не смог реализовать материальный перевес, и я очень расстроился. На кой черт ходили за этими линзами, лучше было еще проанализировать. А Давид меня утешал, говорил, что все равно там выигрыша нет.

В его натуре вообще нет злобности. Там же в Цюрихе коллеги «пошутили» — подарили Давиду флакон патентованного средства для рращения волос. В это время его кудрявая шевелюра была уже в прошлом. Давида это сомнительное остроумие ничуть не задело. Он посмеивался вместе со всеми.

Сильнейшее впечатление на меня произвела встреча Давида с Решевским в этом турнире претендентов 22 сентября 1953 года.

Это был тринадцатый тур, оказавшийся для Решевского роковым. За несколько дней до этого я спросил у Бронштейна, как будет развиваться партия Решевского с одним из участников. Его прогноз был конкретен и точен. Не хуже он знал, наверное, и как пойдет его поединок.

Про Решевского говорили, что он чуть ли не всю жизнь в цейтнотах, что мастерство его в цейтноте выше похвал.

Конечно, Бронштейн думал о том, как может протекать эта партия, еще до турнира, но после первого хода с ответом не спешил.

У Бронштейна вообще такая манера — не делает иногда подолгу первый ход...

Однажды председатель Спорткомитета страны присутствовал на финале первенства СССР. Начался тур, а Бронштейн думает и не делает первый ход. Председатель спросил у начальника отдела шахмат мастера Зубарева:

— Тренировочный сбор перед турниром был?

— Да, проводили.

— Что же, Бронштейн за месяц не мог один ход подготовить? — не без юмора спросил председатель.

Что означают эти паузы Бронштейна во время игры? Полный туман. Можно только удивляться, но едва ли стоит подражать.

А дальше пошло дело как по писаному. В староиндийской защите Бронштейн построил пружинистую позицию, магическими маневрами коней помогал Решевскому влезть в цейтнот, да при этом лез и лез сам, догнал соперника по расходу времени на обдумывание ходов. Со стороны не было сомнений, что делал он это не без умысла и уж во всяком случае без малейшего опасения перед обоюдным цейтнотом. Все решилось на флажках...

Общеизвестно, что с детских лет Бронштейн любил играть блиц и достиг в молниеносной игре высшего мастерства и больших успехов, однако блиц одно, а игра в цейтноте нечто другое, и вот в борьбе, когда все висит на волоске, Бронштейн не раз показывал образцы.

В историю борьбы за титул чемпиона мира Бронштейн внес свой, особый вклад. Первые чемпионы занимали трон годами, большие периоды проходили, когда не находилось достойных соперников. После смерти Алехина в 1946 году ненадолго шахмат-

ное королевство стало республикой. Когда в 1948 году М.М. Ботвинник железной рукой победил в матч-турнире всех соперников, казалось, что теперь надолго закрыт вопрос о высшем титуле. Однако вступившая в права система отбора претендента, поддержанная чемпионом мира, привела в 1951 году Давида Бронштейна к главному соревнованию его жизни.

На пути к этому матчу Бронштейн творил чудеса. Его финишный бросок на турнире претендентов в Будапеште, его победа в матче с другом, оказавшимся соперником, блестящим гроссмейстером И.Е. Болеславским, вошли яркими страницами в летопись шахмат. Однако перед матчем многим и в голову не могло прийти, что развернется такая борьба между опытным, в расцвете сил сорокалетним чемпионом, признанным лидером мировых шахмат и основоположником советской шахматной школы М. Ботвинником, и совсем еще молодым Д. Бронштейном. Между тем Бронштейн играл без всякой робости, матч протекал драматически. На финише казалось, что еще чуть-чуть — и Давид будет увенчан лаврами чемпиона; журналисты дружно эксплуатировали сравнение с поединком Давида и Голиафа, но дело кончилось плохим для Бронштейна миром. При счете 12:12 чемпион сохранил титул.

Глубина и смелость игры в матче поразили настоящих знатоков. Многие говорили, что ничего, он еще будет чемпионом мира. А Бронштейн после матча сказал мне, что он бы не очень хотел снова играть матч с Ботвинником. Я был удивлен и в глубине души подумал: «А может быть, это своего рода кокетство?» Однако Давид, довольный, вероятно, моей растерянностью, развил такую «комбинацию»:

— Я думаю, ты можешь понять, сколько мы играем в жизни партий? Ну, пять, десять... Вот я выиграл несколько партий в староиндийской защите, ты знаешь. Так вот, все это — только одна партия. Конечно, разные комбинации, красивые варианты, а партия одна. Так я считаю. Самое приятное — играть новые партии. Хочется сыграть много новых партий.

— Почему же ты не хочешь снова бороться за звание чемпиона мира? Нельзя же творить без противника. И замысел проверяется в борьбе...

— Все правильно, но только мне с Ботвинником играть не так уж интересно. Он сковывает, не дает простора.

После подъема Бронштейна на вершину оказалось, что этот путь под силу и другим. Начался интереснейший период, когда с М.М. Ботвинником поочередно сражались Василий Смыслов, Михаил Таль и, наконец, Тигран Петросян. Эти матчи немало внесли превосходных образцов в сокровищницу шахматного искусства. Вероятно, в немалой степени вселял уверенность в претендентов на высший титул опыт Бронштейна.

Стиль Бронштейна стал синонимом смелости, изобретательности, молниеносной реакции, неожиданных парадоксальных ходов. Конечно же, шахматы в его понимании — настоящее искусство.

А есть ли в его творчестве слабость, есть ли у изумительного мастера ахиллесова пята? Думается, что есть, и обозначает ее словцо «скучно». Так одно время любил говорить Бронштейн, когда ему казался неинтересным вариант, идея... Заядлому шахматному спортсмену никогда за доской не скучно. Он готов играть до упора, лавировать, выжидать. А у Бронштейна иногда не хватало на это терпения. Известно, например, что он проиграл ничейный эндшпиль с ладьей против ладьи и слона. Знал, конечно, что там надо делать, да стало скучно.

Нормальное состояние Давида Бронштейна — это генерация идей. Для этого ему не надо ничего, кроме того, что дала природа и узнал он сам, без вуза. Да ведь и не одинок он среди людей, без диплома показавших высокие интеллектуальные достижения. А с другой-то стороны, ведь тьма тупиц с дипломами. Идеи его бывают порой капитальными. Так, например, в упомянутой «Энциклопедии» верно отмечено, что Бронштейн — инициатор проведения турниров с укороченным контролем времени в нашей стране. И на самом деле, он раньше других ощутил пульс времени, закономерность появления этой ветви шахматных соревнований, и дело вовсе не в том, что он любит блиц. Бывали идеи и иронические. К примеру, он, глядя на множество договорных ничьих в круговых турнирах, предложил:

— Пусть все, кто не хочет рисковать, согласятся на ничьи друг с другом до турнира. Таблицу заполнят, и останется сыграть несколько туров.

Бывают у него и практичные предложения. Мне как-то он дал отличный совет. В 1960 году мне светила туристическая путевка

на корабле вокруг Европы. Заезды в шесть стран — это хорошо, да в каждой считанные деньки, а цена немалая. Я спросил у Давида, как он думает. Он ответил вопросом:

— Ты свой первый день в Швейцарии помнишь?

— Да.

— А в Австрии?

— Да.

— А пятнадцатый?

— Нет.

— Вот видишь, поезжай.

И я остался ему благодарен.

Было бы преувеличением сказать, что все его идеи безупречны. Как-то он в компании говорит:

— Чтобы дебютная теория не играла роли, можно начинать с того, что белые ставят на пустую первую горизонталь одну фигуру, а черные в ответ свою... И так далее.

Тут его оппонент предложил ему «поставить». Он объявил короля на a1, а оппонент — слона на h8. Давид согласился, что идею надо подредактировать.

Бронштейн своими ярким творчеством, своими статьями, книгами, идеями оживлял шахматную жизнь, делал ее интересней. Он объездил весь Советский Союз, весь мир и имеет множество друзей, но при этом его никогда не тянуло в официальные шахматные органы, федерации с их заседаниями и резолюциями, он всегда чуждался интриг, присущих, увы, и шахматному королевству. Порой неприятие «правил» ожесточало отношение начальства к нему. Но это он переносил стоически.

Однажды, когда ему не давали поехать на какой-то турнир, он сказал мне, что все это ерунда. Вот он хочет, к примеру, поехать в Исландию, пожить там, позаниматься с местными шахматистами, и это совершенно нормально.

А выглядела такая идея в ту пору совершенно ненормально. А позднее Давид Ионович Бронштейн, по слухам, жил в Испании, занимался с тамошними шахматистами. Как будто в университете города Овьедо. Пожил немного в Англии. И получилось вполне неплохо.

Испанская партия
Д. Бронштейн — П. Керес

Турнир претендентов
 Будапешт 1950

В первом турнире претендентов до последнего тура лидировал гроссмейстер Болеславский. В последнем туре он быстро закончил партию с Г. Штальбергом вничью, дав шанс догнать лидера Д. Бронштейну. Последнему в его шахматной карьере не раз удавалось побеждать в решающей партии на финише, демонстрируя высокую концентрацию воли к победе.

1.e4 e5 2. ♖ f3 ♗ c6 3. ♘ b5 a6
 4. ♘ a4 ♗ f6 5. 0-0 ♘ e7 6. ♝ e1 b5
 7. ♘ b3 0-0 8. d4 d6 9. c3 ♘ g4 10. h3
 ♘ :f3 11. ♚ :f3 ed 12. ♚ d1 dc
 13. ♘ :c3.

Белые пожертвовали пешку, бескомпромиссно стремясь к фигурной игре, к победе во что бы то ни стало.

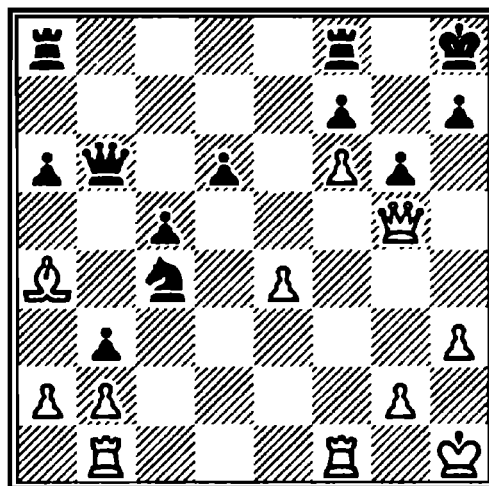
13... ♘ a5 14. ♘ c2 ♝ e8 15. f4 b4
 16. ♘ d5 ♘ :d5 17. ♚ :d5 c6 18. ♚ d3
 g6 19. ♘ h1 ♘ f8 20. ♝ f1 ♘ g7 21.
 ♘ d2 c5 22. ♘ a4 ♝ f8 23. ♝ ab1 ♚ b6.

Белые активизировали свои фигуры и подготовили атаку.

24. f5 ♘ d4 25. ♚ g3 ♘ c4 26. ♘ h6
 ♘ g7 27. ♘ :g7 ♘ :g7 28. f6+ ♘ h8
 29. ♚ g5.

Эту прямую атаку черные недооценили. Вероятно, они надеялись успеть подключить к обороне своего ферзя.

29... b3.

Здесь Бронштейн мог сыграть немедленно 30. ♝ f4 ba 31. ♚ h6 ab ♚+ 32. ♘ h2, и нет спасенья от стандартной комбинации 32... ♝ g8 33. ♚ :h7+ ♘ :h7 34. ♝ h4x. Однако цена этой партии была безмерно высока, поэтому белые действуют без спешки.

30. ab ♚ b4 31. bc ♚ :a4 32. ♝ f4 ♚ c2 33. ♚ h6. Черные сдались.

Бронштейн настиг лидера. Право вызвать на поединок чемпиона мира решил микроматч. Он принес успех Бронштейну: после равенства в основной части со счетом 6 : 6 он выиграл дополнительную серию из двух партий.

ГЕЛЛЕР

Гроза королей

В 1949 году в первую шеренгу шахматистов страны буквально ворвался Ефим Геллер. О нем знали как об очень сильном кандидате в мастера, эрудированном и изобретательном. Заняв первое место в полуфинале чемпионата СССР, он выполнил мастерскую норму, а XVII финал благодаря участию Геллера превратился в незабываемое шахматное зрелище.

Когда финал начался, на трафарете за столиком Геллера красовался «титул» кандидата в мастера. Присваивали звание мастера в нормальном бюрократическом темпе. Уже на старте трафарет заменили, а дебютант стал демонстрировать чудеса. Его атаки черными против Котова, Флора, Фурмана в староиндийской защите вызвали общий восторг. Ничья в последнем туре обеспечивала Геллеру дележ первого места, но он ринулся в бой и... проиграл.

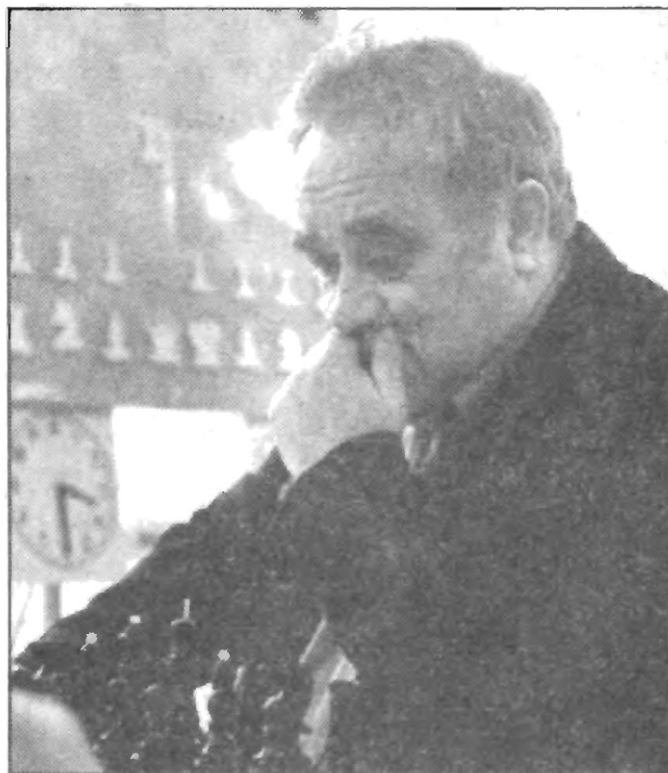
Его победитель Ратмир Холмов сказал, что он удивлен смелостью противника. Геллер сразу завоевал уважение своей бескомпромиссностью, смелостью. Началась его долгая и блестящая карьера.

Тридцать лет сражался Геллер на ближних подступах к званию чемпиона мира. Двадцать три чемпионата СССР, две золотые медали (в 1955 делил 1-2-е места со Смысловым и выиграл у него матч за золото) и много других медалей, два десятка первых призов в международных турнирах и прочая, прочая, прочая.

Ефим Геллер играл, что называется, на равных с кем угодно. И успешно — со всеми чемпионами мира, начиная с Эйве. А Фишеру пришлось пять раз признавать поражение. Тут уж, как говорится, довольно слов, не надо продолжать.

Ефим Геллер обладал таким набором качеств, что просто надо искать причину, как это он не стал чемпионом мира. У него было острейшее комбинационное зрение, талант аналитика, логичный, рациональный стиль, высокая техника эндшпиля, твердая воля и, как уже сказано, незаурядная смелость. Конечно, и противники были более чем трудные, но все же... Была, вероятно, ахиллесова пята, уязвимое место. Иногда, редко (да часто это и не обязательно-

но) Геллер допускал непостижимые промахи, зевки, как говорят. Мог неожиданно «заснуть», когда цейтнот, когда висит флажок... Я как-то слышал от Михаила Моисеевича Ботвинника, что у Геллера якобы повышенное внутричерепное давление. Михаил Моисеевич знал многое далеко за пределами шахмат и его инженерно-научной деятельности, мог дать ценный совет и медицинского характера, но не мне судить, в чем тут дело. Я, как говорится, не доктор.

Познакомился я с Ефимом поближе в 1953 году в Швейцарии. Случалось в свободное от игры время в компании ходить в открытый бассейн поплавать. Ефим был крепким парнем, тренированным. В студенческие годы был баскетболистом. Любил, как многие спортсмены, шутку, розыгрыш. Позже, в зрелые годы спорт был забыт, а аппетит остался одесский, хороший, стало быть. Он, насколько я понимаю, здорово играл в домино.

Ефим мог внимательно слушать собеседников, сам «солировать» не любил. Он был выдающимся тренером и авторитетным капитаном в самых ответственных командных соревнованиях. Личностью был, как теперь говорят.

Творческие достижения Геллера известны широко. Его отмеченные наградами партии, комбинации (и не уступающие им, но не отмеченные, потому что не были установлены специальные призы) украшают теперь шахматную литературу, а в свое время радовали широкие круги любителей. Он внес большой вклад в теорию староиндийской и сицилианской защиты, испанской партии.

Как-то издательству «Физкультура и спорт» пришла идея выпустить книжку «Рассказы спортсменов». Авторы рассказов — мастера спорта. Редактор Александр Нолле (писательский псевдоним А. Кулешов), коллега по издательству, предложил шахматную тему мне. Он был исключительно энергичный человек, высококвалифицированный переводчик, член Союза писателей. Я до того мо-

мента рассказов не печатал. Предложение заманчивое. Согласился, написал и назвал — «Только начало».

Начало карьеры Геллера было многообещающим, и ее продолжение оказалось блестящим.

Есть такой штамп — сокровищница шахматного искусства. Если бы это понятие было материализовано, то творчество Ефима Геллера в этом многотомнике, а скорее по нынешним временам дискете, заняло бы почетное место.

Мой скромный литературный опыт, точнее попытка, мне памятен и поэтому рискую предложить его, вспоминая недавно ушедшего из жизни замечательного шахматиста Ефима Петровича Геллера, талантливого и умного человека.

Только начало*

Одна и та же музыкальная фраза непрерывно вертится и вертится: «Когда вечер затушает линии, когда тени затанцуют синие...» Точь-в-точь как заигранная патефонная пластинка. Музыка появляется на последнем часу игры, поближе к цейтноту, и обязательно в трудном положении. Может привязаться любая фраза. Из песни, из симфонии. И обязательно по способу испорченного патефона — много раз одно и то же.

В театральном зале жарко. Шепот сотен зрителей сливается в невнятный гул. Они не слышат про вечер и синие тени. Они видят лишь, что лицо шахматиста напряжено, челюсти крепко сжаты, в углу рта закушена папироса.

На сцене — мягкие ковры. От зала сцену отделяет кайма цветов. В глиняных горшках. Для красоты, разумеется. Только на цветы никто не обращает внимания.

В глубине сцены — демонстрационные доски. Десять больших щитов. Около них стоят молодые парни с длинными тонкими, наподобие удочек, палками в руках. Это демонстраторы. Они скромно одеты — вероятно, студенты. Внимательно следят за игрой. Стройный юноша, ловко орудуя «удочкой», повторяет ход на доске, расположенной в центре ряда. Над доской большие черные буквы: «Геллер (Одесса)» и «Холмов (Архангельск)». Черное

* Рассказы спортсменов. Изд-во ФиС, 1964.

море и Белое море. В зале гул. Он растет. Судья включает электрическую надпись: «Тише!» Безрезультатно. Центральная встреча последнего тура!

Над шахматным столиком склонились два крепких, коренастых молодых человека. Неподвижны. Глубокое раздумье. Ефим Геллер и Ратмир Холмов.

Похож ли шум зала на рокот морского прибоя? Кто его знает... Он ни на что не похож; он немного мешает, он немного волнует, но к нему можно притерпеться.

Шум моря с детства знаком обоим. Обоим пришлось понюхать пороха. Геллер — в прошлом летчик, Холмов — моряк.

В родном городе Геллера перед шахматным клубом на демонстрационной доске та же самая позиция. Народу у доски хватает. Знакомых много. Шумят, спорят. И доносится шум прибоя. Только на это никто не обращает внимания. Воздух чистый. Прохладный ветерок с моря. Без пыли, свежий. Над морем пыли не бывает... И опять: «Когда вечер затушает линии, когда тени затанцуют синие...» Душно. Положение тяжелое, одного хода недостает, не хватает одного темпа. Только одного. Кто это сказал: «Шахматы — трагедия одного темпа»? Всегда не хватает только одного.

Для Холмова это обычная партия. Финал первенства СССР заканчивается. На первый раз сыграл неплохо. Последняя встреча не изменит итога. Для Геллера это самая ответственная партия в жизни.

Последний тур. До зарезу нужна еще одна победа. Бронштейн и Смыслов позади на пол-очка. Сделаешь ничью — могут догнать. Приятно поделить с ними первый приз, но с «чистым» первенством этот успех не сравнить. Если Геллер выиграет, то вернется в Одессу чемпионом страны, гроссмейстером, а уезжал он в Москву безвестным шахматистом.

Холмов работает на полную мощность. Голова склонилась к фигурам. Крепкая красная шея. Обветренная и загорелая. На лице нет и следа волнения. Глаза небольшие, темные, спокойные. В зале жарко, но не жарче, чем у корабельной топки. Ратмиру пришлось уже в жизни покочегарить как следует. Жару терпеть можно.

В душе Холмов доволен. Играет черными, партнер агрессивный, а сегодня еще больше, чем всегда.

Варианта с жертвой пешек за атаку Геллер не ждал. Дебютный эксперимент удался. Холмов не спешит, хотя ловушку Геллера

разгадал давно. «Партия разыгрывается как по нотам, атаковать Геллер любит — пусть позащищается».

На обдумывание ходов времени достаточно. Дело ясное, но не мешает еще разок проверить. Ход Геллера успел уже по телефонным проводам добежать до Одессы. Холмов все думает.

ПопадетсЯ Холмов или нет? Его лицо ничего не выражает, но Геллер чувствует: нет, не попадетсЯ.

Сегодня за Холмова болеют все поклонники Смыслова и Бронштейна. Множество людей.

Высокий Смыслов степенно прогуливается по сцене. Не идет, а плывет. Остановился, неторопливо повернул голову, посмотрел на демонстрационную доску. Не на свою — в своей игре уверен, — на доску «Геллер — Холмов». Плавно отвернулся и поплыл обратно, к своему столику. СадитсЯ тоже плавно: откидывает руками длинные полы пиджака, как пианист фалды фрака, когда садитсЯ за рояль.

Бронштейн невысокого роста, медленно ходить не умеет. И на сцене шагает быстро, но ступает мягко, не суетясЯ. Подошел поближе к столику Геллера и замер, глядя на позицию, а зрители смотрят на Бронштейна: если заметят на лице удовлетворение — значит, у Холмова дела хороши. Ничего не заметили — ни удовлетворения, ни досады. Говорят, индейцы считали неприличным любое выражение лица, лицо должно быть непроницаемым. Большинство гроссмейстеров — сдержанные люди, Смыслов и Бронштейн — в первую очередь.

Кто-то неподалеку от меня в пятом ряду партера внятно поясняет соседу, пожалуй, даже слишком внятно, не возражает, чтобы слышали другие:

— Дебютный вариант с жертвой пешек Холмову перед партией посоветовал Бронштейн.

На лацкане пиджака у знатока — маленькая эмалевая шахматная дощечка с золотой коронкой. На него смотрят внимательно. Пожилой человек из четвертого ряда вполуборот хмуро спросил:

— Зачем же Бронштейну рассекречивать свою новинку?

Знаток охотно продолжает:

— Новинка не Бронштейна. Это вариант ленинградского мастера Кламана. Почти никто этого варианта не знает. И Геллер, как видите, не знал. Бронштейн, конечно, все знает.

Человек из четвертого ряда спешит закончить щекотливый разговор:

— Уж очень у вас подробные сведения...

— Я только что был в пресс-бюро, — говорит знаток.

И все почтительно смолкают.

В пресс-бюро всем хочется побывать: там гроссмейстеры и мастера вместе разбирают партии. Острое слово ценится наравне с удачным ходом. В пресс-бюро кипят споры, медленно рождается истина. В пресс-бюро попасть рядовому зрителю трудно, как грешнику в рай.

В который раз вспыхивает световое табло «Тише!» Разговор иссяк, все смотрят на сцену.

Внизу, в вестибюле, большая турнирная таблица. У нее толпятся те, кому не удалось попасть в переполненный зал, но быть вдали от решающей партии они не могут. Обсуждаются шансы, нетерпеливо ждут вестей из зала. Таблица почти заполнена, позади восемнадцать туров. В графе Геллера частокол единиц и лишь один пустой квадрат: нет результата встречи с Холмовым. Квадрат чист, как до начала игры, а партия тем временем близится к развязке.

— Надо было спокойно играть на ничью! — громко и убежденно говорит высокий полный мужчина. (В начале тура он не менее убежденно грозил: «Геллер разнесет Холмова в комбинационном стиле»).

Впереди у таблицы двое мальчишек. Одинаковые блокноты с табличками в руках, одинаковые веснушки — вероятно, братья. Они возражают в два голоса:

— Нет, правильно сделал, на выигрыш надо было играть, мог выиграть и сразу стать чемпионом СССР и гроссмейстером...

— Да что вы, ребята! — с досадой отмахнулся толстяк. — Не выиграл ведь, а проигрывает!

— Вот именно, — раздается еще один голос. — Риск уж слишком велик. Ведь бывают в жизни моменты, можно сказать роковые, не повезет — и сломался. Начал турнир кандидатом в мастера, дележ первого места при ничьей был обеспечен. Нет, голова закружилась, обязательно захотелось стать гроссмейстером! — И со вздохом: — После такого проигрыша Геллер, пожалуй, не заиграет.

...Геллер закуривает новую папиросу и эту тоже закусывает в углу рта. Крепко сжаты челюсти, массивный подбородок очерчен резко. На нем новый синий костюм — наверно, первый раз надел

Я.Эстрин (второй слева) и Е.Геллер (третий слева)

по такому торжественному случаю — белая полоска воротничка, синий галстук. Пиджак чуточку узковат — заметно, как напряжены мышцы спины.

«Положение безнадежное. Тянуть не имеет смысла. Сейчас сдамся, и придется перенести еще оvation в честь победы Холмова. Результат ясен, хотя можно, конечно, тянуть до сорокового хода и отложить партию, а сдать потом. Аплодисментов не будет, но сдаваться тоже надо как следует».

Геллер делает последнюю затяжку и гасит папиросу.

Четко пишет на бланке для записи ходов: «Белые сдались», росчерк, рука останавливает часы и протянута партнеру. Аплодисменты, громкие, кажется, громче не бывает. Демонстратор вывешивает на доску табличку: «Белые сдались», и аплодисменты еще громче. Геллер что-то говорит Холмову, тот отвечает, и оба, не оглядываясь, покидают сцену. Мастера всегда делают вид, что аплодисменты к ним не относятся. Эта такая же традиция, как у артистов поклон.

Тур окончен, из зала валит народ. Поток людей стремится к гардеробщикам. Все переполнены впечатлениями, все жаждут

общения, знакомства завязываются с удивительной непринужденностью. Чей-то сочный голос:

— Вы представляете? Вагон цветов из Одессы прислали. И все для чемпиона. А теперь приходится отправлять вагон обратно: не оставлять же Смыслову и Бронштейну!

Одесский юмор, а может быть, и правда.

Мы с товарищем пробираемся к выходу. Впереди нас медленно движутся двое военных. Голубые просветы на погонах. Летчики, вероятно.

— Ничего, заиграет, — говорит глухим баском один из них. — Видал, какая у Геллера боксерская челюсть? Конечно, есть боксеры, которые слабо держат удар, но в этого парня я верю.

Мы переглядываемся. Общие вопросы, общие мысли.

— До свидания, — говорит мой спутник, но медлит уходить. Ему, как и мне, не хочется оставаться одному. Между тем огни театра гаснут, вестибюль пустеет. На площади трех вокзалов после ярко освещенного зала кажется темно. Желтые шары фонарей будто плывут в непроницаемом черном воздухе. Мы останавливаемся у входа в метро. Оно деловито и привычно глотает тысячную толпу.

Товарищ говорит:

— Обрати внимание на лица людей. Они видели надежду и ее крушение. — Пауза, и потом: — А может быть, правда, что Геллер оказался у разбитого корыта? Вдруг правда?

У самого входа в метро он поворачивается и спрашивает: — Как думаешь, воспрянет?

Я не успеваю ответить: в потоке людей вижу Геллера. Вокруг него — маленькое свободное пространство. Глаза Геллера опущены, черты лица стали мягче, в походке чувствуется расслабленность. Его молча сопровождают друзья. На секунду он останавливается у входа в метро. Посмотрел на меня. Светлые зоркие глаза. Нет, не сломлен. Геллер метко бросает в урну окурок и исчезает.

Полночь. Отзвенели часы на кремлевской башне. Вадим Синявский только что рассказал миру о драме, разыгравшейся в театральном зале. Я лежу с открытыми глазами. Медленно текут минуты, я думаю, что Геллер сейчас не спит, наверно, ходит по своей комнате в гостинице «Москва», может быть, упрекает себя.

За окном длинная зимняя ночь сорок девятого года. Геллер ходит из угла в угол. Все. Конец.

Староиндийская защита

А. Котов — Е. Геллер

XVII чемпионат СССР

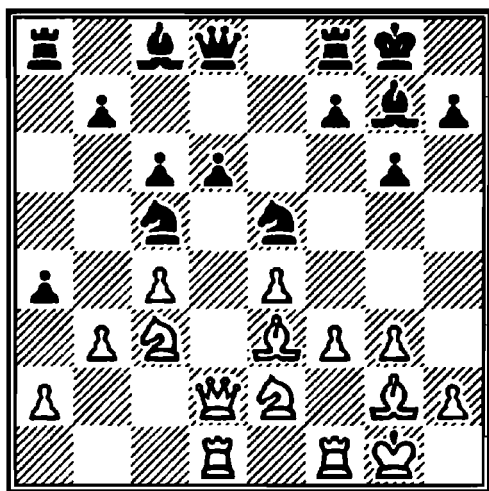
Москва 1949

1.d4 ♖f6 2.c4 g6 3. ♖c3 ♗g7 4.g3
0-0 5. ♗g2 d6 6. ♖f3 ♖bd7 7.0-0 e5
8.e4 ed 9. ♖:d4 ♖c5 10.f3 ♖fd7
11. ♗e3 c6 12. ♗d2 a5 13. ♗ad1 ♖e5.

Здесь, чтобы защитить пешку d6, можно было сыграть 13... ♖b6 14.b3 ♗e7. Однако Геллер оптимистично стремится к острой фигурной борьбе.

14.b3 a4 15. ♖de2.

Последний ход белых ошибочен. Следовало играть 15.f4! ♖g4 16. ♖:c6 ♗e8 17. ♖d4 ab 18.ab ♗:d4 19. ♗:d4 ♖:b3 20. ♗d3 с явным преимуществом. Котов упускает эту возможность, и тактика Геллера торжествует.

15...ab! 16. ♗:c5 ♖:c4 17. ♗c1 ba.

Бронштейн после партии указал, что было сильное продолже-

ние — 17...b2 18. ♗c2 dc 19. ♗:d8 ♗:d8. Геллер предпочел открытую острую игру.

18. ♖:a2 ♗a5 19. ♗:c4 ♗e6 20. ♗c1 dc 21. ♖ac3 b5.

У черных за фигуру лишь две пешки, зато пара слонов контролирует поле боя, а проходные пешки грозят устремиться вперед.

22. ♖b1.

Следовало играть 22.f4 ♗b3 (22...b4 23.f5 ♗b3 24.f6) 23. ♗d6 b4 24.e5!, возвращая фигуру и «гася» силу слонов и проходных пешек.

22...b4 23. ♖f4.

Еще можно было 23.f4 ♗b3 24.e5, но белые переоценивают возможности, которые дает лишняя фигура.

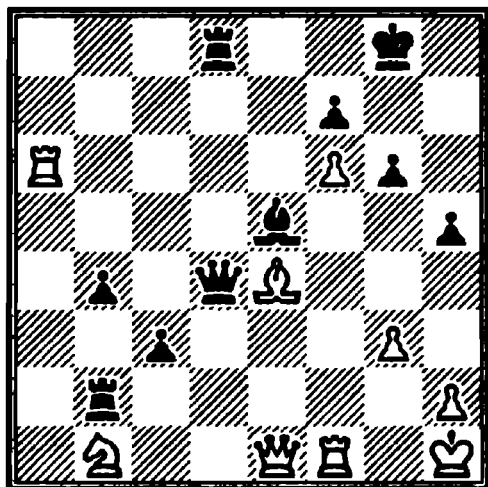
23... ♗b3 24. ♗d6 c4 25. ♗:c6 c3 26. ♖d5 ♗:d5 27.ed ♗:d5 28.f4 ♗d4+ 29. ♗h1 ♗a2 30. ♗f3 ♗b2.

Белые отвели угрозу 30... ♗:g2 и 31... ♗d5+, но черные доминируют. Они грозят продвинуть пешку b, и нельзя брать пешку c3 ни конем (из-за ♗c2), ни ладьей (из-за ♗b1).

31.f5 ♗e5 32. ♗e1 ♗d8 33. ♗e4 ♗g7!

Король «лично» защищает пункт g6.

34.f6+ ♗g8 35. ♗a6 h5! Резерв усиливает атаку.

36. ♖ a5 h4 37. ♗ :g6 ♖ :h2+!
 38. ♘ :h2 ♗ :g3+ 39. ♙ :g3 hg+
 40. ♘h3 fg. Белые сдались.

Эта встреча была в 16-м туре. После 15-го Котов лидировал, Геллер, а также Смыслов и Бронштейн отставали на пол-очка...

Партия признана красивейшей в турнире по представлению чемпиона мира М. Ботвинника. Он отметил, что она не лишена обоюдных промахов. «Е. Геллер, однако, вложил в нее столько фантазии и остроумия, что ему по праву достался приз газеты «Комсомольская правда» за «Красивейшую партию XVII первенства».

ТАЙМАНОВ

Дважды профессионал

Школьником я видел фильм «Концерт Бетховена» с героем-вундеркиндом. Кудрявый симпатичный мальчонка превосходно играл на скрипочке, бегал, прыгал, попадал на конкурс, побеждал. Там была бодрая и веселая песенка со словами: «Эх, хорошо в стране советской жить/ Красный галстук с гордостью носить!» Пели ее пионеры, едущие поездом на конкурс, пел, кажется, даже паровоз. Роль героя фильма играл Марк Тайманов, будущий известный пианист и гроссмейстер. Так луч славы озарил его детские годы. Он стал известным, как говорится, с пеленок, но, что особенно любопытно, это не повлияло вредно на его характер, лишенный заносчивости, тени самолюбования и агрессии.

Я познакомился с Марком Таймановым осенью 1945 года. Тогда ему присвоили звание мастера, в девятнадцать лет. Он был самым молодым среди получивших звание в том году.

Познакомились в шахматном клубе Таллина во время матчевой встречи Латвия — Эстония. В ту пору я работал в Риге, а по какой причине Тайманов оказался в Таллине, не помню. Во встрече с эстонским шахматистом Александром Арулайдом случилась у меня сицилианская защита. Марка заинтересовал дебют, и мы проанализировали случившийся вариант. Позднее Тайманов станет одним из самых именитых «сицилианцев».

В 1953 году Марк участвовал в турнире претендентов в Швейцарии. Он был уже гроссмейстером по итогам межзонального турнира в Швеции, где также «остепенились» Геллер, Петросян и Авербах. Эта тройка составляла постоянную компанию, а Марк держался несколько обособленно несмотря на свою коммуникабельность и неизменно бодрое настроение. Тренером-секундантом Марка был солидный Сало Флор. От него ли Марк заразился любовью к междугородным телефонным разговорам или же это возникло само по себе, но он часто разговаривал с домом. Ребята шутили, что иногда после откладывания партии Марк звонил своей жене и якобы жаловался: «Плохо, Люба, плохо». Женаты они были

со студенческих лет. Марк единственный среди молодых носил обручальное кольцо. В то время фортепьянный дуэт Любовь Брук — Марк Тайманов уже имел всесоюзную известность. А тройка «мушкетеров» за глаза называла Марка Любочкой.

Во время турнира Марк на месяцы отрывался от регулярных занятий музыкой. Это мне казалось удивительным. Я слышал, что постоянные упражнения обязательны. Если случилось, в свободное время Марк охотно подходил к фортепиано, безотказно и с удовольствием мог исполнить что-либо по просьбе коллег. После выступления в турнирах он активно и успешно концертировал.

В общем, если бы было такое двоеборье — музыка плюс шахматы, то у Тайманова в истории был бы только один конкурент — Филидор.

В турнире претендентов Тайманов чувствовал себя уверенно, показывал настоящий гроссмейстерский класс.

Позднее о Тайманове авторитетные эксперты писали, что его игре характерна агрессивность, тонкое понимание позиции, точный расчет. Конечно, это верно. Однако понимание, расчет и так далее — это ведь обычный набор для гроссмейстера. Знакомясь поближе с манерой игры Тайманова, я пришел к выводу, что ему присущ какой-то особый шахматный оптимизм. В трудных позициях, в которые нередко можно попасть, играя черными сицилианскую защиту, он как-то особенно изобретателен, изворотлив. Неожиданный ход противника не повергает его в панику. Он воспринимает неожиданность как нормальное явление. Не вздыхает о прошедшем, а сосредоточивается и отбивает этот удар судьбы. Как, скажем, в теннисе неожиданный мяч.

Как-то во время 30-го чемпионата СССР в Ереване я, веря в непотопляемость Тайманова, выиграл маленькое пари. Мастер

Николаевский сказал мне, что у Тайманова — «труба». Марк играл сицилианскую черными. Я возразил, что он в «сицилианке» из «трубы» постоянно выбирается. Поспорили. Тайманов не подвел.

Шахматы с одной стороны, любознательность, с другой, привели Марка к журналистике. Он проявил себя в периодической печати, пишет увлеченно, легко и живо. В 1958 году вышла его хорошо изданная книжка «Зарубежные встречи». Читая ее, видишь, что, путешествуя, автор наблюдателен и живо реагирует на обстановку и события в далеких городах и странах. Мы видим его глазами сценки в Лондоне и Буэнос-Айресе, Нью-Йорке и Рейкьявике. Тайманов — антипод гроссмейстера Лужина, героя «Защиты Лужина» Владимира Набокова. Для Лужина все города были на одно лицо. В каждом был вокзал, куда он приезжал и откуда уезжал, гостиница, где он жил, и турнирный зал, где играл.

В 1970 году сборная СССР участвовала в командном чемпионате Европы. Тайманов играл, я был руководителем команды. Мы прилетели в Вену утром. На завтра надо было ехать автобусом в город Капфенберг. Мы с Марком с целью экономии государственной валюты остановились в одном номере гостиницы. Он немедленно стал разбирать чемодан, вешать в шкаф костюмы, переключать рубашки. Я спросил, зачем он это делает, ведь все равно завтра утром уезжать. Марк сказал, что он так привык, потому что много времени в жизни проводит в пути, в поездках то по шахматным делам, то по музыкальным.

Получается так, что Тайманов всюду чувствует себя на своем месте, в любом городе, в любой компании.

В том же году на Олимпиаде в Зигене Марк был тренером команды. Как-то на Олимпиаду приехал президент ФРГ Хейнеман с супругой. Марка представили президентской чете, и супруга президента в разговоре с Марком о музыке сказала, что хотела бы иметь пластинку с записью фортепианного дуэта Брук-Тайманов. Марк ответил, что это можно сделать легко, пластинка у него в гостинице. Госпожа Хейнеман обратилась к президенту, он распорядился. А далее, рассказал Марк, едва он сел в машину президента, как водитель включил сирену, и по всей трассе от турнирного зала до гостиницы загорелись красные сигналы светофоров.

Машина рванула с места с космической скоростью. Через считанные минуты супруга президента получила пластинку, а Марк фотопортрет президента. И то и другое с автографами, разумеется.

Несколько позже к Марку обратился представитель фирмы, производящей рояли. Предложил вознаграждение за право фирмы продавать рояли с наименованием «Тайманов». До перехода к рынку было еще очень далеко, Марк посоветовался со мной и решил капиталистам на всякий случай отказать.

Прошло двадцать лет со времени нашего знакомства, и мы вновь встретились в Таллине. Он участвовал в 33-м чемпионате СССР, мне довелось быть главным судьей. Марк играл уверенно, все время был в лидирующей группе, в итоге занял третье место за Штейном и Полугаевским, опередив таких звезд, как Керес, Корчной, Бронштейн.

После турнира хозяева поля устроили банкет. Оказалось, что за столом Марк был на первом месте — веселый, остроумный. Можно сказать, душа общества, кстати сказать, весьма смешанного общества. Тостов не пропускал, но формы не терял. Как поется в псевдонародной песне: «Такая сила в ём». А ведь скольких шахматистов погубила эта самая...

Двадцать три раза Тайманов выступал в финалах чемпионата СССР! И во множестве международных и отечественных турниров. Были отличные достижения, золотая и другие медали. Но случались и хрестоматийные неудачи. 1952 год, XX чемпионат СССР. Мощнейший состав: Ботвинник, Керес, Смыслов, Бронштейн, Болеславский и другие. Перед последним туром Тайманов — лидер, на очко позади Ботвинник. В последнем туре Тайманов проигрывает довольно сумбурную партию Геллеру, а Ботвинник чудом побеждает при доигрывании ничейного эндшпиля Суэтина.

История награждения чемпиона страны золотой медалью весьма причудлива. Иногда заставляли играть матч, иногда награждали двоих. В тот раз сперва решили наградить обоих. Потом решение отменили. В матче из шести партий, состоявшемся в 1953 г., Ботвинник победил с минимальным счетом 3,5 : 2,5.

Тайманов пять раз был чемпионом Ленинграда. Надо сказать, что Петербург — Ленинград — Петербург — город особых шахматных традиций и имен: Чигорин, Алехин, Ботвинник, Спасский, Корчной и многие другие классные шахматисты. Еще и Карпов в студенческие годы. Есть ли еще такой город в мире?

Первой шахматной школой для Тайманова был кружок Дворца пионеров — тех самых, что красный галстук с гордостью носили.

Занимался под руководством Ботвинника. Так что с городом и учителем Марку повезло. Позднее контакты с таким тренером, как гроссмейстер Флор, принесли свою пользу. Но главное все же не в этом, точнее не только в этом.

Есть такое знаменитое выражение Мичурина, что, дескать, мы не можем ждать милостей от природы, надо их брать, вот в чем задача. Между прочим, как показала жизнь, это вариант рискованный. Природа иной раз милость окажет, а в другой раз так даст сдачи, что мало не покажется. А Тайманов не ждал, не брал, он просто изрядно природой был награжден. И талантами и, что важно, характером. Легким, но несгибаемым. Труд, работа доставляют ему радость. Житейские аварии не ломают. Уж на что трудно было, когда попал под каток Фишера. Проиграть 6 : 0! Какой кошмар для советской шахматной школы! Потом, правда, когда и Ларсен проиграл со счетом 6 : 0, протерли глаза. Тот самый Бент Ларсен, что заявил перед матчем сборной команды СССР против сборной мира претензию играть на первой доске выше Фишера.

На Тайманова посыпались удары. Лишили звания заслуженного мастера спорта, отобрали стипендию-зарплату...

Встретил я его тогда перед зданием Спорткомитета в Скатертном переулке, и он, улыбаясь, сказал мне: «Я единственный в стране безработный».

Потом мы сочиняли петицию на высокое имя. У меня дома напечатали на машинке «Оптима». Петиция, увы, не помогла. А время подлечило. И снова играл Тайманов, и недурно, включая и турниры ветеранов. На Ларсена, мне кажется, поражение повлияло сильнее.

Теоретические исследования Тайманова в защите Нимцовича, в сицилианской защите известны квалифицированным шахматистам всего мира. Книги его популярны. Но вот одна из последних работ — «Я был жертвой Фишера» — показалась неожиданной. Что за тема? Странно! А оказалось, что книжка очень объективная и интересная.

В годы фильма «Концерт Бетховена» была популярной песенка из фильма «Веселые ребята». Утесов пел, что тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет.

Я, правда, никогда не слышал, как Тайманов поет, но, мне кажется, что эта песня про него.

Защита Нимцовича

М. Тайманов — М. Ботвинник

5-я партия матча
на первенство СССР
Москва 1953

В 4-м туре финала первенства СССР Тайманов черными выиграл у чемпиона мира Ботвинника в своем коронном дебюте — защите Нимцовича — и лидировал до последнего тура. Но тут фортуна отвернулась — Тайманов проиграл, а Ботвинник выиграл и 1-2-е места были поделены. После четвертой партии матча счет был 3:1 в пользу Ботвинника. Казалось, Тайманов пал духом, согнулся под жестоким ударом судьбы. Пятая партия показала, что твердость его духа необычайна.

1.d4 ♘f6 2.c4 e6 3.♘c3 ♘b4.

Защита Нимцовича черными — редкий гость в дебютном репертуаре Ботвинника. Быть может, он избрал ее из психологических соображений.

4.♘f3 c5 5.e3 0-0 6.♘d3 d5 7.0-0 ♘c6 8.a3 ♘:c3 9.bc b6 10.cd ed 11.a4 c4.

Первопричина затруднений черных. Она дает возможность белым подготовить важное продвижение e4, не опасаясь действий противника на ферзевом фланге.

Для победы в матче из шести партий Ботвиннику нужна была лишь ничья.

12.♘c2 ♘g4.

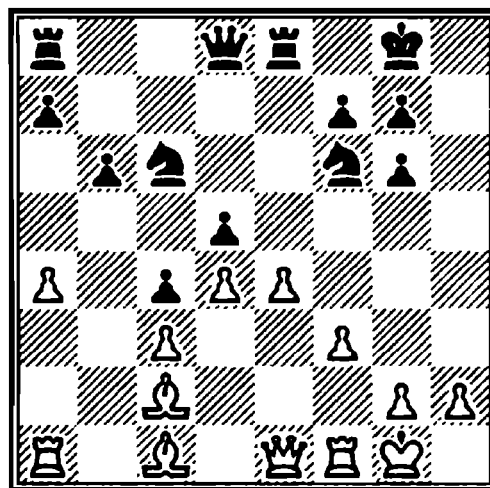
После 12... ♘e4 было возможно 13.♘:e4 de 14.♘d2 f5 15.♘a3 ♜f6 (15... ♜e8 16.♘:c4 ♘a6 17.♘d6!) 16.f3 ef 17.♜:f3.

13.♞e1 ♜e8.

Ошибка. Следовало сыграть 13... ♘:f3, хотя и в этом случае позиция белых лучше.

14.♘h4! ♘h5 15.f3 ♘g6 16.♘:g6 hg 17.e4.

Дебютный эксперимент не принес черным успеха. У белых пара отличных слонов и преимущество в центре. Стратегически партия решена.

17...de 18.fe ♞d7.

Тайманов указал, что жертва опровергалась: 18... ♘:e4 19.♘:e4 ♘:d4 20.♞e3 ♘c2 21.♞f3 ♜:e4 22.♞:e4 ♘:a1 23.♘g5! с лишним слоном.

19.♘g5 ♘h7 20.♘e3 ♘e7 21.♜f3 f5 22.e5 ♘f8 23.h4 ♘e6 24.♜d1 ♞d5 25.♘c1 ♜f8 26.♘a3.

Белые беспрепятственно расставили свои фигуры на боевые позиции. Черные в это время

могли лишь стараться «латать дыры».

26... ♖ae8 27. ♜g3 g5.

Защищать пешку g6 было нечем. На 27... ♗h7 последовало бы 28.h5.

28. ♕:e7 ♖:e7 29. ♖:f5 ♖:f5
30. ♕:f5 ♗f4 31. ♜:g5 ♖:e5 32. de
♜:d1+ 33. ♗h2 ♜d2 34. ♕e6+ ♗h7
35. ♕:c4 g6' 36. ♕e6! Черные сдались.

Грозил 37. ♜e7+ и т.д.

КОРЧНОЙ

Что рождает силу?

Один очень известный шахматист как-то сказал мне, что, дескать, неважно, сколько имярек был чемпионом мира, важно, что был.

Между тем ряд мастеров, не сумевших решить главную спортивную задачу, внес вклад в сокровищницу шахматного искусства, сравнимый с вкладом чемпионов мира. А их спортивный путь часто драматичен, порой трагичен. Вспомним имена Чигорина, Тарраша, Рубинштейна, Кереса, Бронштейна и, наконец, Корчного. Это, если можно так сказать, первая шеренга за чемпионами мира, хотя я ни в коей мере не хочу обидеть поклонников Рети, Боголюбова, Флора, Решевского, Геллера, Глигорича, Болеславского, Полугаевского и некоторых других, занимавших места чуть подалее от трона.

С Виктором Корчным мне довелось периодически встречаться на протяжении многих лет. Поделюсь с читателем цепочкой как бы стоп-кадров, запечатлевшихся в памяти.

1947 год. По шахматной надобности нахожусь в Ленинграде. Участвую в организации радиоматча Ленинград — Владивосток. Как-то получилось, что мы с Виктором, шестнадцатилетним кандидатом в мастера и, если не ошибаюсь, чемпионом страны среди юношей, один вечер играем блиц. Играть интересно. Мой противник сосредоточен, молчалив. Позднее в Москве я делюсь с мастером Равинским, бывшим ленинградцем, опытным наставником молодежи, своими впечатлениями. Сказал, что понравилась игра Корчного, что он за игрой собранный, тихий, не звонарь. Григорий Ионович улыбнулся иронически и сказал, что я его мало знаю. Не такой уж тихий.

1949 год. Мы с Корчным играем в четвертьфинале первенства страны во Львове. Ему восемнадцать, самый молодой в турнире. За игрой замкнут. В свободное время активен. Если возникает спор со старшим — не слишком церемонится, за словом в карман не лезет. Поспорили о какой-то моей позиции.

Решили выяснить правоту при помощи блица. Выяснилось, что я определенно не тяну, хотя в этом турнире в полуфинал вышел. Виктор заключает нашу небольшую серию партий словами: «Не в своем весе выступаете, маэстро».

У Виктора турнир не пошел и доигрывал он его как бы скороговоркой, однако проявил понимание и энергию.

Вечерами после туров участники ужинали в гостиничном ресторане. Оркестр регулярно исполняет песенку со словами: «Восемнадцать, девятнадцать/ Молодых замечательных лет...» И участники и музыканты, с

которыми многие шахматисты успели познакомиться, находят, что эта песенка как раз про Корчного. Иногда певец меняет немного слова на «восемнадцать плюс девятнадцать», чтобы подбодрить остальных. С той поры пролетело пятьдесят лет.

1952-й и дальше. Корчной играет в шестнадцати финалах чемпионата СССР. В двадцать лет мастер, в двадцать пять — гроссмейстер, четыре золотых медали чемпиона СССР.

1962-63 годы, на стыке. Финал чемпионата СССР в Ереване. Мне довелось быть там в составе судейской коллегии. Изабелла, жена Виктора, — армянка. Некоторые зрители болеют за него. А Виктора за игрой и на людях не видно, не слышно. И побеждает в турнире.

1965 год. Финал чемпионата СССР в Таллине. Я был главным судьей. Запомнился эпизод партии Корчного с Владимиром Симагиным. Жестокий цейтнот, но Корчной ведет запись, да еще полной нотацией. Его флажок падает, я не успел среагировать, а он уже остановил часы. Затем пожал руку противнику и подписал бланк. Эпизод короткий, но многозначительный.

Требовательность, даже, пожалуй, беспощадность к себе, к своей игре — отличительная черта Корчного. Немного позже, когда

я работал шахматным «функционером» в Спорткомитете, Корчной несколько удивил меня. Как-то он вернулся с международного турнира, где не имел успеха. Я вежливо спросил его: «В чем дело, виновата форма или подготовка?» А он в ответ: «Последние два года я вообще не удовлетворен своей спортивной формой». И мне подумалось: «Смотри-ка, режет правду-матку в глаза, хотя говорит с «функционером», от которого в какой-то мере зависят выезды на международные турниры».

1968 год. Олимпиада в Лугано. Она начинается в заключительные дни конгресса ФИДЕ, где я участвовал в качестве консультанта делегации Шахматной федерации СССР. Команда прибывает без Михаила Таля. Его не выпустили. В работе конгресса ФИДЕ участвовал экс-чемпион мира Смыслов. Он заменяет Талья. Предлагается его кандидатура в качестве капитана. На собрании команды Корчной выступает резко против. У него свои соображения.

1970 год. Командный чемпионат Европы в Австрии. Команда проездом в Вене. Мы с Виктором и Львом Полугаевским выходим из гостиницы на улицу. Виктор говорит, что ему нужно купить творог, потому что у него язва. Он может говорить по-английски, но просит пособить по-немецки. Я сказал, что не знаю, как творог по-немецки. «Как творог я знаю на многих языках. По-немецки — кварк», — говорит Виктор.

Пройдут годы и, находясь на межзональном турнире в Швейцарии, я услышу, как бойко по-немецки комментирует партию Корчной в передаче по телевидению.

Осень 1970 года. Олимпиада в немецком городе Зигене. Команда у нас мощная. Во главе — свежеепеченный чемпион мира Спасский, за ним Петросян, еще Корчной, Смыслов, Геллер, Полугаевский. И мощные тренеры — Керес и Тайманов. В Лугано команда шла на первое место без конкуренции, круша подряд. Но раз на раз не приходится, и в Зигене «Зовьетише цугмашине», как называли нашу команду немецкие журналисты, сбавила скорость.

Туры по утрам, доигрывание после обеда. Я постоянно находился в турнирном зале и от двухсменной нагрузки подустал. В тот день решил, чтобы взбодриться, пойти на тур пешком. Из гостиницы до места игры час ходу. Выходя из гостиницы встретился лицом к лицу с Виктором. Он поднимался из ресторана в

свою комнату. Механически напомнил ему, что он играет, что сегодня испанцы. Виктор утвердительно кивнул. И мы отправились вместе с Таймановым.

Едва вошли в турнирный зал, как первым спросил меня австралийский мастер Джордж Кошницкий: «Что с Корчным?» Я, естественно, ответил тем же вопросом. Подошли к месту матча СССР — Испания и увидели, что судья засчитывает Корчному поражение за неявку. Прошел час от начала игры. Еще оказалось, что нет в зале капитана команды Кереса. В-третьих, что положение на трех оставшихся досках у наших не то чтобы очень. У Петросяна, пожалуй, вообще подозрительное.

Между тем испанские мастера взбудоражены. Сделав ход, они оживленно общаются.

«Мероприятия розыскного характера» показали, что телефон Корчного не отвечает, а портье сообщил, что Корчного в номере нет, ключ сдан.

Через считанные минуты я приехал в гостиницу, взял у портье ключ и рысью на второй этаж. Небольшая комната Корчного не была заперта. Открыв дверь, я увидел торчащие из-под одеяла голые пятки, а вся, так сказать, фигура была скрыта. Эта мрачная сцена из детектива продолжалась секунду. Виктор резко сел и проявил стремление собраться. Я сказал — поздно. Он что-то промямлил про расписание, а расписание туров лежало на столике при кровати. Я молча ткнул в него пальцем и удалился.

С одной стороны, я был рад, что Корчной жив, а с другой... Сами понимаете.

Вернувшись на тур, я увидел что «дареное» очко не пошло соперникам впрок. По-видимому, подарок судьбы выбил их из колеи, и остальные три партии они проиграли. Оказалось, что в этом туре наша команда набрала очков больше конкурентов.

Когда команда собралась, Виктору говорили разные слова. А мне Геллер сказал по секрету, что будто бы в прошлом на турнире в Югославии Виктор тоже разок проспал.

В немецкой прессе комментатор высказал предположение, что Корчному, наверно, очень понравилось немецкое пиво. Не знаю, нравилось или нет, но к этой партии пиво отношения не имело.

Из Москвы мне позвонил Виктор Хенкин, авторитетный шахматный журналист и мой старый товарищ. Он комментировал

Олимпиаду в прессе. Стал выпытывать детали, а я не хотел говорить. Хотел потянуть время, не привлекать внимания к этому досадному эпизоду. Виктор обещал, что все останется между нами. Я, дурак, поверил. А он все подробно и напечатал. Когда позже я сказал Виктору, что так никуда не годится, он убежденно ответил, что не напечатать не мог, ведь он журналист. Такой вот долг журналиста.

Потом был звонок из Спорткомитета. Звонил мой начальник Валентин Сыч. Дал совет будить участников перед уходом на игру. Я возразил, что здесь не детский сад, а гроссмейстеры. И добавил, что на днях автомобиль заехал на тротуар на углу улицы, перед выходом из гостиницы, и сбил чехословацкого мастера. Перелом бедра. Такой вот случай. Валентин Лукич настаивать на своем совете не стал, но попросил поберечься от подобных происшествий.

В заключение я предложил немецким коллегам поставить вопрос о переименовании гостиницы «Кайзергартен» («Царский сад»), в «Киндергартен», то есть детский сад. На этом эпопея, получившая название «Сон Корчного», благополучно завершилась.

Возвращались мы из Зигена через Голландию. Не по прямой, зато самолетом «Аэрофлота». Так что в целях экономии валюты в Амстердаме пришлось рейса подождать. И вот настало утро отъезда. Команда позавтракала, вещички упакованы, пришли заказанные такси, а Виктора нет. Авангард уезжает в аэропорт, осталась одна машина — я жду Корчного. Тупо посматриваю на часы, прикидывая, как бы не опоздать самому, настроение соответственное. Перед самым «падением флага» появляется Виктор в сопровождении интеллигентного голландца с бородкой. Входим втроем в номер Корчного и я вижу в беспорядке разбросанные вещи, и, что меня особенно возмутило, на полу валяется какая-то банкнота с приколотой к ней бумажкой. Летаем «Аэрофлотом», экономим валюту, а тут валяется. Потом Виктор пояснил, что банкнота бельгийская, старая, неходовая.

Я сказал Виктору, что времени в обрез и он не успеет собраться. Опоздаем неминуемо. По-видимому, выражение лица у меня было мрачное, а голландец по-русски не понимал. Интонации в переводе не нуждались. Виктор спорить не стал, а молча вытащил большой чемодан с застежкой «молния». Вжик — чемодан

разверз свою пасть. Двумя руками Виктор бросил в него все барахло. Вжик — и все готово. Я засмеялся. Не то от души, не то нервно. Голландец расслабился и тоже засмеялся. Виктор ухмыльнулся. Не опоздали.

Тогда мне в голову не могло прийти, что через шесть лет снова Виктор будет в Голландии и снова надо будет спешить в аэропорт, но его спутник на турнире гроссмейстер Айвар Гипслис не обнаружит в номере ни Корчного, ни его вещичек.

1971 год. Финал чемпионата СССР в Ленинграде. Я корреспондирую в еженедельник «64». Партии комментирует Виктор Корчной. Однажды мы позанимались у него дома, на Морской, если не запамятовал, улице. Спокойно поработали. Хорошая спокойная семья, приветливая хозяйка. Хорошая квартира. Ничто не предвещало будущей катастрофы этой семьи.

В турнире успешно выступает двадцатилетний Анатолий Карпов. Ни малейшего намека на будущий антагонизм.

1976 год. Год, когда Корчной остался после турнира в Голландии и попросил политического убежища. Незадолго перед этим на экраны вышел фильм «Гроссмейстер», первый полнометражный художественный фильм о шахматах и шахматистах в нашей стране. Автор сценария — Леонид Зорин, известный драматург и писатель, сильный шахматист. Героя фильма играет популярный артист Андрей Мягков, а его тренера — Виктор Корчной. Едва фильм вышел на экран, едва успели одобрить игру Виктора Корчного, как фильм был запрещен.

Вероятно, успех, не реализованный, правда, Корчного был не случаен. Его мать — музыкант. Как-то я слышал, что он в тесной компании здорово исполнил какую-то песню. Вроде бы блатную. Слышал это от человека солидного. Впрочем, один свидетель — никакой свидетель, как говорят юристы. Так что утверждать не стану. Однако вероятно, что Корчной — натура артистическая.

1978 год. На Всемирной шахматной Олимпиаде в Буэнос-Айресе впервые команда СССР на втором месте. Золотые медали у венгров.

Состав нашей команды был неплох: Спасский, Петросян, Полугаевский, Романишин, Ваганян, Гулько. Однако Спасский не проявлял былой агрессивности в игре. Петросян нервничал — его то приглашали остаться в Аргентине на турнир после Олим-

пиады, то тормозили, не смог адаптироваться на Олимпиаде новичок Борис Гулько. И хотя команда шла в лидирующей группе, но необходимого для успеха коллективного боевого духа не было. В шахматах каждый член команды борется на своей доске в одиночку, но на удивление все психологически крепко связаны. Однако это особая тема.

В последнем туре венграм досталась сильная команда Югославии, но Рибли выиграл у Любоевича и Сакс у Матановича, и матч выиграли венгры со счетом 3 : 1. Наши набрали против крепкой команды голландцев на пол-очка меньше и финишировали на очко позади венгров. Команде же США противостояли относительно слабые швейцарцы, они устояли, сведя матч вничью. И, можно сказать, лишил американцев шанса догнать или даже опередить нашу команду Корчной. Он прилетел в Буэнос-Айрес немедленно после окончания матча в Багио, фатального для себя. Продолжительный матч с огромными физическими и нервными перегрузками требовал для участников значительного периода восстановления сил. Решено было, что Карпов и Таль, занятый на матче обязанностями консультанта и корреспондента, в Олимпиаде не играют. Корчной же возглавил швейцарскую команду, да еще набрал на первой доске 9 очков из одиннадцати, заняв в личном зачете первое место на первой доске.

1980 год. Четвертьфинальный матч претендентов в Фельдене, Австрия. Виктор Корчной встречается с Тиграном Петросяном. Отношения между ними после матча 1974 года в Одессе откровенно скверные. И матч претендентов 1977 года, выигранный Корчным, не изменил общего фона. Ко всему, после того как Корчной остался на Западе, после месяцами описываемой средствами массовой информации скандализированной ситуации на матче Карпов — Корчной в Багио, Виктор Корчной стал фигурой уже не только на шахматной доске, но и на политической.

Матчу предшествовали переговоры: где и как вывешивать флаги, отменять рукопожатия и т.п. Мне пришлось участвовать в переговорах перед матчем, когда я приехал в Фельден с так называемой инспекцией. Хозяева поля непредубежденно, а скорее внимательно относились к Петросяну, старались решить все проблемы организации игры и быта. Представители

Корчного — швейцарский адвокат Бродбек и получившая к тому времени широкую известность Петра Лееверик, ставили от имени Корчного различные условия: то снять движение по улице, на которой расположен дом, где играет матч, то отгородить сцену от зала пуленепробиваемым стеклом. Последнее мероприятие — дело недешевое. Шутки ради я предложил организаторам сэкономить 50 процентов — не закрывать Петросяна стеклом, он не боится. Сэкономили все сто, однако над матчем нависала атмосфера острого конфликта. За долгие годы знакомства с Тиграном Петросяном мне было совершенно ясно, что он прекрасно чувствует себя, когда отношения соперников ровные, джентльменские. Конфликтная ситуация его раздражает. А Виктор Корчной по складу характера, можно утверждать, в обстановке бури эмоций чувствует себя подобно горьковскому буревестнику.

Судья матча мастер Голомбек сделал две ошибки, обе в пользу Корчного. При нормальных взаимоотношениях участников они не имели бы серьезных последствий, но в условиях конфликта подлили масла в огонь. Петросян, великий гроссмейстер, старался сдерживать себя, играть с полной отдачей, но безнадежно. Матч был проигран. Назначен день официального закрытия, но наша делегация предпочла уехать на день раньше. Хозяева поля не возражали, устроили нашей делегации сепаратные проводы в ресторане. Организаторы матча, мэр города, гости и наша делегация за столом в ресторане. Вдруг входит адвокат Бродбек, представитель Корчного, направляется ко мне, жмет руку и говорит, что специально пришел попрощаться. А Тигран после банкета возмущенно сказал мне, что все это он делал нарочно, чтобы навредить. Я не счел это убедительным, но, естественно, спорить не стал.

Наблюдая на этом матче Корчного, пришел к выводу, что злость укрепляет силу, не у каждого, конечно.

Подходит к концу седьмой десяток лет Виктора Корчного, а он продолжает играть с полной нагрузкой, входит в число сильнейших гроссмейстеров мира. Сыграно уже более трех тысяч турнирных партий, а это очень много. Раза в три больше, чем сыграли многие классные шахматисты. Позади детство в страшной ленинградской блокаде, эмиграция — бег-

Б. Спасский и В. Корчной

ство с родины с последствиями для семьи, включая заключение сына в лагерь и т.д.

Откуда берется энергия у этого человека? Известно, что Ласкер и Смыслов сохраняли высокий класс в старости. Но их отличает олимпийское спокойствие, искусство экономно расходовать нервную энергию. А Виктор Корчной, конечно, уделяет известное внимание физической культуре, но наряду с этим далеко не аскет и позволял себе то, что позволяют многие.

Корчной много сил и времени отдал аналитической работе, прокомментировал множество партий, издал ряд книг. Одна его книжка без шахматных партий, называется «Антишахматы. Записки злодея. Возвращение невозвращенца». Книга острая, предельно полемическая, посвящена взгляду Корчного на мир, на политику, на свое место в мире. В послесловии автор говорит: «Я не был диссидентом — меня заставили им стать, уже здесь на Западе, когда мне объявили войну, когда объявили бойкот, когда держали и не выпускали мою семью».

Надо признать, что в «тотальной войне» против Корчного доходили до мудрых идей. Изъять его партии из теоретической книжки «Защита Грюнфельда», например. Достоинство героя Салтыкова-Щедрина, требовавшего закрыть Америку.

Сицилианская защита
В. Корчной — Е. Геллер
 XXI первенство СССР
 Киев 1954

1.e4 c5 2. ♘f3 ♘c6 3.d4 cd 4. ♘:d4
 ♘f6 5. ♘c3 d6 6. ♘g5 e6 7. ♚d2 ♘e7
 8.0-0-0 0-0 9.f4 e5 10. ♘f3 ♘g4.

Когда игралась эта партия, Корчному, мастеру, было 23 года. Геллер же — признанный гроссмейстер. Он избрал вариант, встречавшийся в его выступлениях ранее. Черные хотят разменять коня f3, чтобы контролировать центральное поле d4. Корчной идет навстречу, надеясь использовать для атаки открытую вертикаль «g». Он отметил, что этот план не ведет к преимуществу. Предпочтительнее было 11. ♘e2.

11.h3 ♘:f3 12.gf ♘d4 13.fe de.

Плохо 13... ♘:f3 из-за 14.ef ♘:d2
 15.fe с выигрышем.

14. ♚g1(?)

В своих комментариях Корчной посчитал этот ход слабым. Последовательно было 14. f4 с примерно равной игрой.

14... ♘:f3.

Течение партии показало, что не следовало принимать жертву пешки. После 14... ♚c8 15. ♘h6 g6 16. ♘:f8 ♚:f8 17. ♚d3 ♘a3 черные имели опасную атаку.

15. ♚f2 ♚b6.

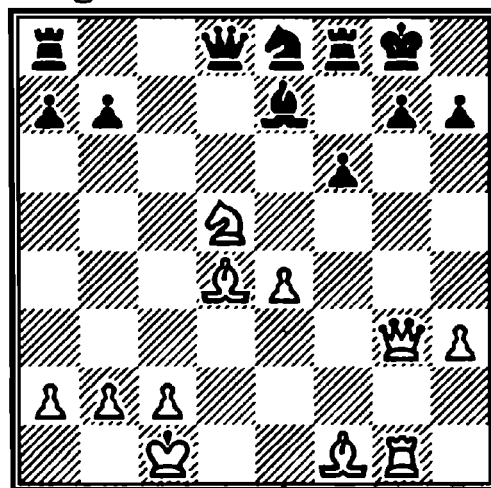
Лучше было 15... ♘d4.

16. ♘e3 ♘d4 17. ♚:d4! ed
 18. ♘:d4 ♚d8.

Корчной установил, что здесь следовало защищаться ходом 18... ♚e6, на что белые могли продолжать атаку: 19. ♘d5 ♘e8 20. ♘c4 ♚h6+ 21. ♚b1 ♘h4 22. ♚f5.
 19. ♘d5 ♘e8.

Немедленно проигрывало 19... ♚h8 20. ♘:e7 ♚:e7 21. ♚:g7! ♚:g7 22. ♚g3+ ♚h8 23. ♚g5.

20. ♚g3 f6.

Черные могли обороняться, сыграв 20... ♘h4 21. ♚g4 g6. Теперь Корчной завершает атаку.

21. ♘c4 ♚f7.

На 21... ♚h8 решает 22. ♘f4 с угрозой 23. ♘g6+.

22. ♘f4! ♘d6.

После 22... ♚:d4 выигрывает 23. ♘:f7+ ♚:f7 24. ♚b3+ ♚f8 25. ♘e6+.
 23. ♘:f7+ ♚:f7 24. ♚b3+ ♚e7
 25. ♘:f6+. Черные сдались.

Неизбежен мат: 25... ♘:f6 26. ♚:g7+ и 27. ♚f7x; 25... gf 26. ♚e6+ ♚f8 27. ♚g8x.

Партия произвела большое впечатление на современников. Учинить разгром в таком стиле самому Геллеру мог только мастер с большим будущим.

ШТЕЙН

Замысловатая кривая успеха

Леонид Штейн родился в 1934 году. Восемью лет остался сиротой. Умер отец. Замечено, что многие самые известные шахматисты с детства были лишены отцовской поддержки, руководства. Роберт Фишер, один из этого ряда, усмотрел некую закономерность. Необходимость действовать самостоятельно с молодых ногтей либо закаляет характер, либо ломает.

Городом старта шахматной карьеры Леонида был Львов. Не знаю, оказывает ли влияние среда обитания на формирование стиля творческого человека, но, мне кажется, влияет. Леониду повезло. Львов красив, природа не обделила его, и люди постарались на славу. Исторически украинский город побывал в составе России, Австрии, Польши, и все внесли свою лепту. Львов — город студентов, интеллигенции. Отношение горожан к шахматам благожелательное, уважительное. Таким Львов представился мне в итоге моих неоднократных посещений.

Накладывает ли отпечаток на развитие шахмат интеллектуальный фон города? Настаивать не стану, но думаю, что накладывает.

В 1975-78 годах с Львовом связано событие, показавшееся многим шахматистам феноменальным. Четыре молодых львовянина стали гроссмейстерами — Белявский, Романишин, Михальчишин и Марта Литинская (львовянка, конечно). И все они — ученики одного тренера, Виктора Карта, безвременно ушедшего из жизни. Виктор Эммануилович, заслуженный тренер СССР, был удивительно уравновешенным, благожелательным и умным человеком. К тому же очень скромным. Его влияние на шахматы во Львове несомненно.

К признанию в качестве одного из сильнейших в мире, обладающего блистательным индивидуальным почерком игрока Штейн шел замысловатым путем. Капабланка, Ботвинник, Спасский, Фишер, Решевский почти с пеленок обращали внимание своими талантами. Успехи шли с юных лет по нарастающей.

А вот, скажем, Таль, Петросян стартовали не торопясь, хотя уровень их одаренности достоин наивысшего балла. Это тема любопытная и неисследованная.

Леонид Штейн стал гроссмейстером 28-ми лет от роду. Шел к этому званию не сразу и иногда через пень колоду. С первых шагов его отличала от сверстников стремительность в игре. Он сохранил пристрастие к «быстрой езде» на годы. Даже в гроссмейстерских турнирах он исхитрялся отпустить на всю партию полчаса! И, конечно, рвался к инициативе, к атаке. Позднее, в зрелые годы, он поражал самых именитых коллег при разборе сыгранных партий каскадом вариантов, удивительно далеко и быстро рассчитанных. Божий дар, как говорится. Однако кандидатом в мастера Леонид стал в восемнадцать лет, мастером в 24 года. А научился играть в десять лет.

Гроссмейстер Гуфельд и мастер Лазарев, отлично знавшие Штейна, в своей интересной книге «Леонид Штейн» (Москва, ФиС, 1980 г.), пишут: «Шахматное искусство рождает своих Моцартов. Но Штейн был не из их числа». Если понимать «проблему Моцарта» с позиции проявления одаренности с ранних

В пресс-центре. Слева направо: Л. Полугаевский, Л. Штейн, Д. Бронштейн и другие

лет, то это так. А если речь идет об объеме этой самой одаренности, то с авторами согласиться нельзя. Штейн был одарен побогаче кое-кого из признанных «шахматных Моцартов». Однако немало лет у него ушло на балансировку быстрого действия своего мозга с необходимой осмотрительностью, с осторожностью. Он никак не желал смириться с истинностью правила древних римлян — поспешай медленно!

Как пишут историки, у всамделишного Моцарта с учителями дело было хорошо, а у Штейна с тренерами плохо. Всю жизнь. Как-то не складывалось. Воевал самостоятельно.

В 1951 году я играл во Львове в полуфинале первенства СССР. Играли в прекрасном и уютном Доме ученых. Демонстраторами были квалифицированные юные шахматисты, и среди них Леня Штейн. Это был вежливый юноша выше среднего роста. Благодаря стройности, высоко поднятой голове он казался еще выше. Он внимательно следил за партиями мастеров, за разбором после игры. Я познакомился с ним тогда, позднее приходилось общаться, когда он стал уже известным и знаменитым. Казалось, в первую очередь должен был бы взяться за строки воспоминаний о нем, одном из самых интересных рыцарей шахматного королевства. Однако рука не поднималась. Из-за двух эпизодов. Драматического и ужасного. Писать о них тяжело, а умолчать, думается, неверно. Из песни, как говорится, слов не выкинешь.

Жарким летним днем сидел я за своим рабочим столом в отделе шахмат. Беседовал с Семеном Фурманом. Зазвонил телефон. Георгий Михайлович Рогульский, уважаемый заместитель председателя Спорткомитета, сказал мне, чтобы я ехал в гостиницу «Россия», там случилась неприятность с нашим гроссмейстером. В Спорткомитет позвонили из милицейского отделения этой громадной гостиницы. Семен Фурман согласился поехать со мной.

Когда мы вошли в чистенькую комнату на первом этаже, милицейскую, я оторопел, увидев на полу спящего человека, лежавшего на боку, спиной ко мне, с характерно заложенными и сцепленными за спиной руками. Несомненно, это был Штейн. Хозяин помещения сделал паузу. Может быть, он получал удовольствие от созерцания моего глупого и растерянного вида. «Да, это многократный чемпион СССР, гроссмейстер, член

Союза журналистов Леонид Штейн...» — сказал он. Потом представился: майор, звать Иван Иванович.

«Что будем делать? Будить?» — спросил Иван Иванович. Я, увиливая от прямого решения, сказал, что полагаюсь на его опыт.

Иван Иванович рассказал, что Штейн с товарищем-шахматистом подвыпили и устроили в номере шум, пострадало зеркало. Коридорная дежурная пожаловалась. Товарищ оказался послушным, а Штейн «вышел из берегов». Его доставили в милицейскую комнату, и он тут же уснул.

Рискнули, разбудили. И вот мы с Леонидом сидим друг против друга перед столом начальника. Иван Иванович обратился к гроссмейстеру по имени-отчеству: знает ли он сидящего напротив, то есть меня. Леонид уверенно подтвердил и назвал имя, отчество и фамилию широко известного шахматистам, но неизвестного Ивану Ивановичу человека. Тот возразил: «Нет, это же Михаил Абрамович Бейлин». Леонид отрицательно покачал головой и, грассируя, сказал: «А Михаил Абрамович Бейлин уже растворился!»

Иван Иванович, вероятно, не понял, что к чему, а я сообразил, что память к Лене в основном вернулась, а его утверждение, что я растворился, порождено неправильной информацией насчет возможностей отстранения меня от должности. Так или иначе гроссмейстер реагировал логично. Я посмотрел в его большие черные глаза и не смог увидеть зрачков.

Мы с Семеном Фурманом отвели Леонида в его номер. Иван Иванович при нас никаких бумажек оформлять не стал. В этой громадной гостинице он, наверно, еще и не такое видел.

Леня улегся на кровать. Критика полностью вернулась к нему. Он стал корить себя вслух на тему, мол, что же он теперь скажет Лиле. Потом стал утверждать, что не сможет уснуть, и почти мгновенно отключился, хотя из репродуктора грохотала увертюра из оперы «Кармен». Через минуту-другую мы с Семеном потихоньку удалились.

Вернувшись на работу, я кратко по телефону доложил Георгию Михайловичу, что инцидент исчерпан. Он предложил мне написать докладную записку. Это не доставило мне никакого удовольствия, но делать нечего. Я мобилизовал воспоминания о судебной психиатрии, которую проходил в юридическом ин-

ституте, и написал, что у гроссмейстера были признаки патологического опьянения. Как известно, человек в состоянии патологического опьянения невменяем, то есть ответственности за свои действия не несет. Эти события последствий не имели.

Моя докладная исчезла в архивах Спорткомитета. Жаль, что я не сохранил этого «юридического» перла. Георгий Михайлович намекнул мне, что такого рода факт допустимо использовать для дисциплинирующего влияния. Мне идея не понравилась, и я промолчал. Позже мне казалось, что на мои приветствия в комитете он отвечал холодно.

В другой раз меня привела в гостиницу «Россия» трагедия.

Жарким утром 4 июля 1973 года сборная страны вылетала на командное первенство Европы в Англию. Штейн был в превосходной форме, впереди его ждал межзональный турнир в Бразилии и, вероятно, подъем на новые вершины.

Команда улетала ранним утром. Я в делегацию не входил. Мне позвонили на работу и сказали, чтобы срочно ехал в гостиницу «Россия» — скоропостижно скончался Штейн. Неожиданно. Невероятно. Ужасно.

Леня лежал в медпункте на каком-то длинном столе. Врач сказала мне, что умер от сердечного приступа. Что во рту у него осталась какая-то не растворившаяся таблетка. Поднялись в его номер. Вещи были упакованы. Чемоданчик и небольшая дорожная сумка. В ней аптечка, разные лекарства. Леня при жизни никогда не выбывал из турниров по болезни, на здоровье не жаловался. Всегда выглядел бодрым, энергичным.

В те годы для того чтобы выехать за рубеж, надо было представлять медицинские справки, не говоря уже о характеристиках и тому подобном. Это толкало к тому, что болезни лучше было скрывать, не давать предлога, чтобы тормозили выезд. Это, несомненно, в случае с Леной сыграло фатальную роль.

Много раз Штейн радовал своих болельщиков яркими и убедительными победами в самых ответственных соревнованиях высшего класса. Три золотые медали чемпиона СССР, первое место в гроссмейстерском юбилейном турнире 1967 года в Москве и последняя победа в мемориале Алехина 1971 года, когда он разделил 1-2-е места с А. Карповым, и много других класс-

ных выступлений. Однако правильно писал А. Котов, что «путь львовского гроссмейстера к шахматным высотам — это непрерывная борьба с препятствиями. Порой кажется, будто шахматные боги нарочно понатыкали на пути Штейна всякого рода преград, имея целью проверить молодого шахматиста на «прочность».

Уже говорилось о том, что он не сразу «поставил голос», но и в годы, когда заиграл в полную силу, дважды не попадал в турнир претендентов из-за лимита для советских участников. Проходили бывшие ниже него. Зато иностранцы. Один раз пострадал из-за худшего коэффициента. Были и другие досадные эпизоды в его биографии. А перед его смертью ФИДЕ признала право Штейна играть в межзональном турнире в бразильском городе Петрополисе без отбора. Там для участников уже были подготовлены часы — подарки во время жеребьевки. На часах гравировка — имя участника. На одних: Леонид Штейн. Не судьба... Оборвалась линия жизни, прервалась на подъеме кривая успехов.

В упомянутой книге о Леониде Штейне предисловие Анатолия Карпова. В 1970 году юный Анатолий Карпов полетел на международный турнир вместе со старшим по возрасту и званию Леонидом Штейном. Они выступили успешно. Карпов с первой попытки стал гроссмейстером. Возвратясь, Анатолий очень тепло отзывался о Штейне, его помощи, о теплых дружественных отношениях. В предисловии Карпов написал: «Талант у Штейна был фантастический!» И дальше: «В следующем, 1971 году мы вместе играли в мемориале Алехина. Это был супертурнир с участием пяти чемпионов мира разных лет. Он стал лебединой песней Штейна. Леонид Захарович играл превосходно, уверенно лидировал, но к концу турнира заметно устал, и мне удалось его настичь. Мы разделили 1-2-е места. Так совпал мой первый крупнейший международный успех с последним триумфом Штейна».

Французская защита
Л. Штейн — В. Ульман
 Международный турнир
 Москва 1967

1.e4 e6 2.d4 d5 3.♘d2 c5 4.♘f3
 cd 5.ed ♚:d5.

Ульман имел репутацию зна-
 тока французской защиты. Од-
 нако избранное им продолжение
 допускает динамичное развитие
 белых фигур, стало быть, риско-
 ванное вообще, а против Штей-
 на в особенности.

6.♗c4 ♚d6 7.0-0 ♘f6 8.♘b3
 ♘c6 9.♘b:d4 ♘:d4 10.♘:d4 ♗e7
 11.b3 a6.

Предотвращая выпад коня на
 b5. В партии против Таля в этом
 же турнире Ульман сыграл 11...0-
 0 и после 12.♗b2 e5 13.♘b5 ♚:d1
 14.♖f:d1 получил худший энд-
 шпиль.

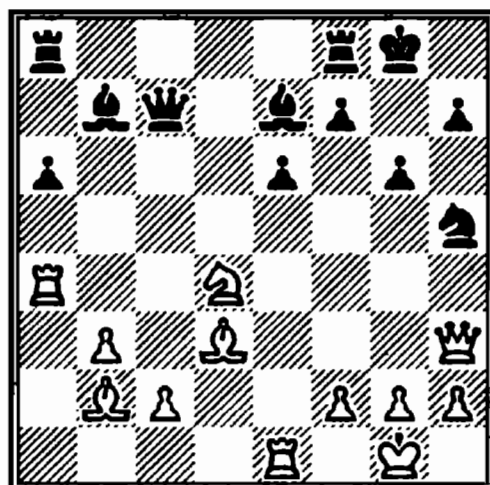
12.♗b2 0-0 13.♚f3 ♚c7 14.
 ♖fe1 b5.

Сыграно остроумно, но без
 пользы.

15.♗d3 ♗b7 16.♚h3 g6.

Дебютная стадия завершилась
 в пользу белых. Их фигуры заня-
 ли исходные позиции для атаки
 на короля.

17.a4 ba 18.♖:a4 ♘h5

19.♗:e6!

Черные не успели сделать обо-
 ронительный ход ♗f6.

19...fe 20.♚:e6+ ♖f7 21.♗c4
 ♚f4?

Проигрывает немедленно.
 Также плохо 21...♗f6? 22.♗:f6
 ♘:f6 23.♖b4! Теперь если 23...
 ♖b8, то 24.♖:b7 ♖:b7 25.♚:f6
 ♚:c4 20.♖e8+ и мат следующим
 ходом. Если же 24...♚b7, то 25.
 ♚:f6 ♖f8 26.♖e7, и неизбежен
 мат. После лучшего продолжения
 21...♗c5 черные продолжали бы
 сопротивляться.

22.♚:f7+ ♚:f7 23.♖:e7. Черные
 сдались.

Л. Штейн в этой партии зат-
 ратил на обдумывание ходов все-
 го 35 минут, хотя она была важ-
 ной в борьбе за первый приз.
 Выигрыш позволил ему за тур до
 конца оторваться от преследова-
 ния на целое очко.

Турнир, посвященный 50-ле-
 тию Октябрьской революции,
 имел блестящий состав.

ГУФЕЛЬД

Беспокойная душа

Давным-давно, разбирая напечатанную в «Шахматном бюллетене» партию, где черными в сицилианской защите незнакомый мне тогда молодой шахматист Гуфельд успешно применил новый острый вариант, я подумал, что он шахматист интересного комбинационного стиля, а вариант этот надо оприходовать для будущего. А сейчас тот заочный диагноз подтверждает энциклопедический словарь «Шахматы». Там в конце статьи о Гуфельде сказано: «Шахматист комб. стиля. Внес ценный вклад в разработку шахм. дебютов, в т.ч. сицилианской и староиндийской защит». Это, конечно, верно, но ведь комбинационных мастеров и видных теоретиков немало, а вот Гуфельд, можно сказать, единственный в своем роде. В его мировосприятии удивительно сплелись вулканическая энергия и фантазия, романтическая преданность красоте шахматного искусства и неукротимое стремление вовлечь широкий круг коллег в свои шахматные переживания... Словом, беспокойная душа.

Судьбе было угодно, чтобы я сыграл в биографии Эдуарда Гуфельда некоторую роль.

В 1967 году Эдик довольно успешно выступил в международном юбилейном турнире в Ленинграде. Однако не дотянул до гроссмейстерской нормы какую-то десятую очка. Президиум Шахматной федерации СССР решил, что ходатайствовать перед ФИДЕ о присвоении звания не грех. Послали бумаги на конгресс, который был проведен поздней осенью в Венеции. От нашей федерации на конгрессе было трое: председатель Б.Е. Родионов, чемпион мира Т. Петросян и я в качестве консультанта. Я был новичком, но не сомневался в том, что «функционер» такой могучей федерации должен быть активным. Итак, мы выдвинули следующую аргументацию: Гуфельд по жребью оказался в нижней половине стартовой таблицы и поэтому сыграл черными на две партии больше, чем белыми, так как во время турнира выбыл гроссмейстер Штальберг, с которым Гуфельд должен был сыграть белыми. А шахматная статистика говорит, что на какой-то процент белые выигрывают больше,

Группа участников турнира дружественных Армий. Второй слева Э. Гуфельд

и если это принять во внимание и все, что надо сложить и разделить, то получится, что у Гуфельда никакого недобора нет, то есть набранные очки вполне соответствуют норме, установленной ФИДЕ.

Чтобы подкрепить эту занимательную арифметику, мы подали на рассмотрение итоги международного турнира в Сочи, прежде итогов Ленинградского турнира. В Сочи норму международного мастера выполнил финский мастер Х. Вестеринен, который позднее, еще не оформленный, играл в Ленинграде. Я надеялся, что президенту ФИДЕ шведу Фольке Рогарду будет приятно считать Вестеринена в Ленинграде полновесным международным мастером. Как-никак, а Швеция и Финляндия — добрые соседи.

Все сложилось удачно. Квалификационный и центральный комитеты ФИДЕ кандидатуру Гуфельда поддержали, и решение конгресса было предрешено.

Прошло некоторое время, и свежее испеченный гроссмейстер Гуфельд появился в моей рабочей комнате.

(Между прочим, я оказался последним в истории Шахматной федерации СССР ведущим функционером, который сидел в одном кабинете вместе с сотрудниками. Сообщаю не для того, чтобы похвалиться скромностью, а просто как еще одно доказательство действия закона Паркинсона и правоты древних римлян, которые говорили: «Tempore mutantur», то есть — времена меняются).

Эдик пришел по основному вопросу, который беспокоил ведущих шахматистов: хочу поехать на международный турнир за рубеж!

Я начал Эдику объяснять, что план выездов не резиновый, что кандидатов много... Одним словом, ария продавщицы из ненаписанной оперы «Вас много, а я одна». Естественно, убедить не удалось. Тогда я сказал Эдику, что обижаться на меня он права не имеет, так как я, несомненно, сыграл важную роль в бою за его титул. Ни секунды не задумавшись, Эдик провозгласил: «Ты меня породил, ты и должен послать на международный турнир!»

Я ответил, что хотя идея интересная, но теперь он меня не убедил. Эдик ненадолго удалился и вскоре появился с листом бумаги. Я сожалею, что эта рукопись не сохранилась. Сравнительно недавно Эдик, быть может, веря в утверждение классика, что рукописи не горят, убеждал меня, что я его заявление сохранил. А сказано в нем было следующее. Гроссмейстер просил послать его для участия в международном турнире в капиталистическую, либо социалистическую страну, либо в страну, которая по историческим причинам миновала одну из общественных формаций. Имелась в виду, конечно, Монголия, турнир в Улан-Баторе. Заявление я прочитал не без удовольствия, но положительное решение не состоялось. Ничего не поделаешь, нет правды на земле. (Между прочим, я заметил, что командировки на международные турниры в капиталистические страны не срывались по болезни, а вот в другие изредка вызывали отказ из-за конъюнктивита или иных недомоганий).

Путь гроссмейстера Гуфельда в шахматном мире, его энергия и трудоспособность удивляют и вызывают уважение — участие во множестве соревнований, в международных, в восьми финалах первенства СССР, огромная и успешная тренерская работа, дававшая выход его общительности, его желанию поделиться своими знаниями и своим романтическим видением сути шахматной игры, литературная деятельность (от теоретических работ, анализов и комментариев до рассказов на шахматную тему), незаурядные организационные способности и многое другое.

Мне кажется очень мудрой восточная пословица, что человек познается в совместном путешествии. Несколько раз мне довелось путешествовать вместе с Эдиком.

По дороге на межзональный турнир в Бразилию я узнал, что Эдик имеет высокий класс не только в интеллектуальной игре. Мы задержались в Милане, ждали рейса. Гуляли по городу, оказались в

местном подобии парка культуры, где, естественно, трудились наперсточники. Вероятно, они не ожидали, что киевская школа Эдика окажется выше итальянской. И пришлось за науку платить.

Я слышал, что в юности Эдик любил играть в футбол, и помню его, когда он был стройным. Однако богатырский аппетит неуклонно делал свое дело, и его увлечение футболом я вспомнил, когда мы ночью летели над океаном.

Наши места в самолете оказались рядом. Эдик во сне стал брыкаться. Может быть, ему снилось, что он снова мальчишка и играет в футбол. Самолет пересек экватор, вскоре рассвело, стюардесса стала разносить влажные горячие салфетки, чтобы стереть с лица остатки сна. Эдик спал. Я взял салфетку и решил, что будет остроумно коснуться ею лица моего соседа. Горячая, вроде бы остроумно. Стюардесса поглядела на меня пристально, во взгляде сквозил укор. А Эдик проснулся и не обиделся. Они сам был склонен подшутить. (Однажды он меня и разыграл, правда, не так грубо).

Нашим соседом через проход оказался очень старый морщинистый и худой господин. Проснувшись, он снял ноги со спинки стоявшего перед ним кресла, свободного от пассажира. В этой акробатической позе, с ногами выше головы, он во сне преодолел экватор. Далее он снял сверху свою гитару и начал напевать, аккомпанируя себе. Это произвело на нас серьезное впечатление. Эдик немедленно вступил в контакт и выяснил, что господин — итальянец, в Бразилию летит повидать своих потомков и что он привык не унывать никогда.

Межзональный турнир происходил в симпатичном городе Петрополисе, небольшом, хотя когда-то он был столицей Бразилии. Шахматистов привезли из Рио прямо к месту проживания в отель по названию «Амобтур». Он расположен на высоте тысяча четыреста с лишним метров над уровнем моря. Петрополис на двести с лишним метров пониже. Чистый горный воздух, ухоженные помещения, прекрасная кухня да еще бассейн. Правда, был июль — разгар бразильской зимы, и местные в бассейне не купались — вода +18 градусов. Вроде бы санаторий повышенного типа. Однако в нашей бригаде оказались два урбаниста — Смыслов и Геллер. Они не пожелали жить в деревне, и их разместили в городе, в гостинице, из окна которой периодически можно было слышать пение петухов, которые не хуже своих родичей из Старого света следили за временем, за точным бразильским временем. Эдик был

секундантом гроссмейстера Геллера, я — Смыслова. И пришлось нам с Эдиком чуть ли не ежедневно ездить сверху вниз двадцать километров на автобусике утром, потом обратно вверх на обед и снова вниз на турнир и так далее.

Турнир двинулся вперед, трудный, напряженный и, в конечном итоге, быстротекущий. Как шахматная партия — вроде бы много времени на обдумывание, сидишь, размышляешь и, глядишь, вдруг цейтнот. Время кончилось.

Жизнь в «Амобтуре» текла размеренно, народу по будним дням было мало. Эдик, разумеется, не упустил возможности искупаться в бассейне. Его попытка организовать секцию моржей по-бразильски успехом не увенчалась, однако свидетели были довольны, и даже всегда серьезный гроссмейстер Решевский в ответ на приглашения фыркающего в воде Эдика: Сэмми! Кам ту ми! — купаться не спешил, но улыбался неожиданно доброй и светлой широкой улыбкой. Обидеться на Эдика было невозможно.

Жилища наши были расположены в одноэтажном строении, у каждого свое. Комнаты непохожи на европейские, не отапливаемые, с постоянно занавешенными окнами. Каждая ячейка имеет выход на галерею. Моим соседом слева оказался секундант гроссмейстера Мекинга, пуэрториканец, международный мастер и чемпион мира среди юношей Хулио Каплан — худошавый, рыжеволосый, со скромными манерами, даже, пожалуй, несколько стеснительный. Языковой барьер здороваться не мешал, а, когда понадобилось выйти за пределы стандартного приветствия, я обратился к нему по-русски, подозревая, что если уж фамилия Каплан, то это допустимо. Оказалось, что он немного понимает.

В выходной день организаторы повезли нас на экскурсию в Рио, а под вечер затеяли большой блицтурнир по швейцарской системе. Играли в спортивном сооружении, на крытой баскетбольной площадке. Участников тьма, неразбериха полная. Судьи не справляются с жеребьевкой, и через несколько туров становится ясным, что сегодня турнир не кончится. И тут в дело вступает Эдик. Без промедления из «швейцарки» вычленяется небольшой круговой турнир, большинство участников — свободны, и, что важно, среди последних я и Хулио, хотя вроде бы какие-то основания продолжать у нас были. Однако делать нечего, новое соревнование началось, а мы сели за свободный столик играть блиц просто так. Вскоре к нам подошел самый главный сеньор и спросил, почему мы не

в турнире. Хулио что-то ему ответил. Сеньор протянул мне руку, крепко пожал и сказал: «Пердонис!» Я смекнул, что это по-португальски «пардон». До этого я освоил слово «О бригадо», что значит: «спасибо». Таким образом, мой запас португальских слов удвоился. Эдик же благополучно завершил блицтурнир высоким призовым местом. Что же до языкового барьера, то для Эдика он просто не существует. Причем не только при личном общении, когда можно сваливать на энергичную жестикуляцию, гипноз или еще что-либо. И вот доказательство.

Как-то я, находясь на туре в Петрополисе, после того как участники окончили дебютную стадию, вышел с товарищами на улицу этого славного городка, носящую гордое название Прима авенида. Главная, стало быть. И в магазинчике приобрел, как принято говорить, сувенир для сына. Если сказать попроще — некий промтовар. Его аккуратно завернули, и этот пакет после тура, разгоряченный цейтнотными событиями, я, конечно, забыл в пресс-центре. Хватился в автобусе. По жизненному опыту казалось — поздно! Стали звонить из «Амобтура» в пресс-центр, дозвонились, мне помогал товарищ с хорошим английским — не помогло, я пытался со своим скромным немецким — без успеха. Трубку берет Эдик и быстро решает вопрос на своем межпланетном наречии. Его понимают.

А когда он читает лекцию по-английски, то ничуть не смущается отсутствием оксфордского произношения. У него есть подготовленный вариант для слушателей, склонных к критике: «Прошу поднять руки тех, кто лучше меня говорит по-русски!» Я был свидетелем того, что руки не поднимают. А было это в городе Дубаи, в Объединенных Арабских Эмиратах, во время Олимпиады.

Там же, в Дубаи, я был свидетелем того, как биополе Эдика поднимает дух окружающих. Мы зашли в маленький магазинчик купить какую-то электрическую штучку. За прилавком стояла в единственном числе очень грустная женщина. Оказалось, что она из Ирана, покинула страну при известных катаклизмах. Эдик поговорил с ней, пошутил, она улыбнулась и сказала, что улыбнулась первый раз после отъезда.

На Олимпиаде в Греции, в 1984 году, Эдик обнаружил хобби — собирал значки. К делу отнесся серьезно, привез запас своих значков и принялся их менять. При его коммуникабельности дело пошло так бойко, что вскоре Эдик сказал: «Прекращаю». А на

вопрос, почему, он объяснил: в результате обменов к нему стали возвращаться его же раньше обмененные значки.

Эдик успешно исполнял роль тренера и капитана сборных команд страны на Олимпиадах и на первенстве мира. Часто, когда он был в составе делегации в качестве тренера, он энергично решал с местными организаторами вопросы, интересовавшие делегацию, завоевывая симпатии всех окружающих, включая, к примеру, директора гостиницы. Там же, в Греции, в Салониках, во время Олимпиады Льву Полугаевскому, безвременно ушедшему из жизни, исполнилось пятьдесят лет. Конечно, от дирекции гостиницы был преподнесен торт с пятьюдесятью свечами. Идея была Эдика, разумеется.

Запомнилась мне одна сценка в ресторане этой же гостиницы. Во время завтрака входит Эдик и неподалеку от стола, где я сижу, объявляет, что есть возможность заказать недорого кожаную куртку. Не подозревая подвоха, я спросил про размер. Эдик бодро ответил, что надо измерить объем груди. Я машинально достал из кармана ключ, висевший на брелке — маленькой рулетке. И немедленно сунул руку обратно в карман, так как физиономия Эдика уже расплылась от удовольствия. Шутил, однако. Очень ему хотелось, чтобы я при всем честном народе измерил объем груди.

Про Эдика в устном народном шахматном творчестве ходила легенда, что, когда он был юным шахматистом, то, записав при откладывании партии проигрышный ход, сообразил чуть позднее и, выхватив конверт из руки судьи, пустился бежать. За ним погнались, но Эдик успел разжевать и проглотить конверт, спасая партию. Эдик эту байку отрицает, но она подозрительно долго имела хождение.

На тренерском поприще Эдик достиг незаурядных успехов. Он был тренером Майи Чибурданидзе, победившей несравненную Нону Гаприндашвили, когда казалось, что нет силы, которая может свергнуть шахматную королеву. Тренировал сборную Грузии, был тренером женской команды СССР на Всемирных шахматных Олимпиадах, годы успешно трудился с гроссмейстером Геллером. Эдик занимался с шахматистами многих стран. Его методы тренировки оригинальны и кое у кого вызывали вопросы, но результаты давали неизменно убедительный ответ. По праву он был отмечен званием заслуженного тренера СССР.

Как-то перед Олимпиадой в Греции в 1984 году Эдик занимался с женской сборной командой Индии. В глазах девушек он был,

вероятно, кем-то вроде шахматного полубога. И вот Эдик не то в шутку, не то всерьез раздал девушкам свой фотопортрет, чтобы они в трудный момент партии смотрели на него, вспоминали тренерские советы и не теряли уверенности. Сделал он это задолго до ставшего знаменитым Алана Чумака. Любопытный психологический ход. Как говорят скептики, удивляйся, но не подражай. А для оптимистов — пища для ума.

Красивые комбинации всегда вызывали у Эдика бурю эмоций. Он готов был воспевать их, не щадя времени, в прозе шахматной и литературной. В стихах и музыке, правда, не был замечен. Не без его энергии в ФИДЕ возникали комиссии, радеющие за красоту в шахматном искусстве. Естественно, что собственные творческие достижения вызывали у него прилив энергии и стремление поделиться своими восторгами с самой широкой аудиторией. Он печатал свои лучшие партии и комбинации в журналах на самых разных языках. Это, конечно, не радовало «пострадавших». Что уж тут поделаешь. Истина дороже. Эдик предоставил широкие возможности восхищаться своими «бессмертными», «Мона Лизами» и другими творениями множеству шахматистов. И немало получило удовольствия. А его партия, сыгранная в 1973 году с В. Багировым, пройдя по страницам множества журналов, завершила свой путь в шахматной энциклопедии.

Долгие годы судьба носит Эдика по планете. Он родился и начал свой жизненный и шахматный путь в Киеве, годы жил в Грузии, тренировал в Малайзии, играл в Европе, Азии, Америке и Австралии, а под конец и вовсе стал американцем. Во всяком случае мой товарищ был у него в гостях в Лос-Анджелесе, в его скромной квартире, где в причудливой комбинации видел предметы быта, одежду, шахматную литературу.

Красота шахматного творчества привела Эдика в восторг раз и навсегда.

Быть может, несколько некстати вспоминается известное замечание, написанное корифеем всех времен и лучшим другом шахматистов: «Эта штука сильнее гетевского «Фауста». Любовь побеждает смерть». (Дотошные люди, правда, придираются: кто же побеждает? Любовь или смерть?).

Эдик доказал, что любовь к шахматам побеждает всех. И неважно, где они живут — на Украине, в России, Грузии, Индии, в Америке, наконец...

Староиндийская защита

В. Багиров — Э. Гуфельд

Полуфинал 41-го чемпионата

СССР

Кировабад 1973

1.d4 g6 2.c4 ♗g7 3.♖c3 d6 4.e4
♘f6 5.f3 0-0 6.♗e3 ♘с6.

Белые избрали систему Земиша, которая была популярна долгие годы. Гуфельд, адепт староиндийской защиты, в своих комментариях считает ее тяжеловесной. В распоряжении черных были варианты, начинающиеся ходом 6...e5.

7.♗ge2 ♜b8 8.♙d2 a6 9.♗h6.

Белые прямолинейно готовят штурм позиции короля черных, допуская их активность на ферзевом фланге. Завязывается острая борьба.

9... b5 10.h4 e5 11.♗:g7 ♘:g7
12.h5 ♘h8.

Нельзя было брать пешку 12...♗:h5 из-за 13.g4 ♗f4 14.♗:f4 ef 15.cb ab 16.♗:b5 ♗e7 17.♙:f4 ♗g8 18.0-0-0, и у белых подавляющее позиционное преимущество и лишняя пешка.

13.♗d5! bc! 14.hg fg 15.♙h6.

Гуфельд считает, что целесообразнее для белых было продолжение 15.♗:f6 ♙:f6 16.d5 со сложной позиционной борьбой. Однако выпад ферзя соблазнителен. Возникают головоломные осложнения.

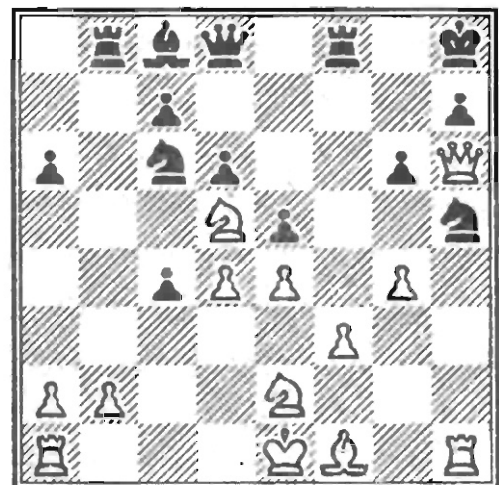
15... ♗h5!

Проигрывало 15... ♜ f7 из-за 16.♙:g6 ♙g8 17.♙:f6+ ♜:f6 18. ♗:f6 ♙~ 19. ♜:h7+ ♙:h7 20. ♗:h7 ♘:h7 21. 0-0-0, и у белых материальное и позиционное преимущество.

16.g4.

Положение черного короля опасно, но Гуфельд начинает действия на ферзевом фланге.

16... ♖:b2 17.gh g5.

У белых лишняя фигура, однако черные господствуют в центре. К тому же белый ферзь в «офсайде».

18. ♖g1 g4!

Закрывая вертикаль и грозя выпадом ферзя.

19.0-0-0 ♖:a2 20. ♖ef4 ef 21. ♖:f4.

Белые могли продолжать 21. ♖:c4 ♖a1+ 22. ♖b2 ♖:d1 23. ♖:d1 ♖g8! 24. ♖f6 ♖g7 25. ♖g8 ♖e7 26. ♖:h7 ♖:h7 27. ♖:h7 ♖:h7 28. ♖f8+ ♖g8 29. ♖h6+, и ничья.

21... ♖:f4! 22. ♖:f4 c3.

Теперь уже позиция белого короля опаснее, чем у черного.

23. ♖c4.

После 23. ♖f7 ♖b4 24. ♖d3 ♖a1+ 25. ♖b1 ♖e6! 26. ♖:e6 ♖g5+, и мат на следующем ходу.

23... ♖a3!

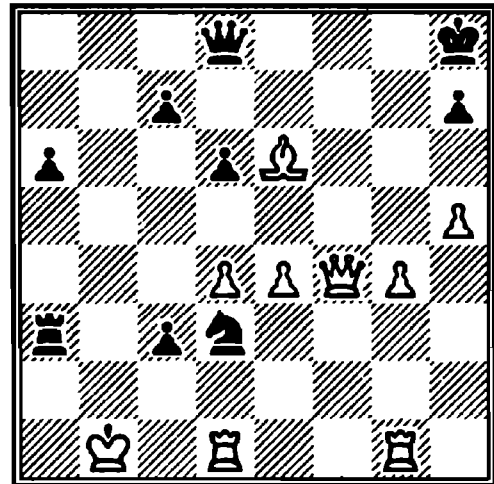
В своих комментариях к партии, которую Гуфельд называет «бессмертной», он отмечает, что это не только самый трудный ход в партии, но и, может быть, в жизни! После естественного атакующего продолжения 23... ♖a4 24. ♖b3 белые отбивали атаку. К примеру: 24... ♖a3 25. ♖c2 ♖e6 26. d5 ♖b4+ 27. ♖:c3, и белые выигрывают.

24.fg ♖b4 25. ♖b1!

Белые идут на жертвы, чтобы разорвать матовую сеть. Если 25...c2+ 26. ♖b2 cd ♖ 27. ♖:d1, и теперь грозит ♖f1, а также ♖:a3, и хотя у черных лишняя фигура,

король не защитим.

25... ♖e6! 26. ♖:e6 ♖d3!

Жертвы фигур, ради включения ферзя в атаку с темпом. Конь, конечно, неуязвим из-за 27... ♖b8+ 28. ♖c2 ♖b2+, и мат в следующий ход.

27. ♖f7 ♖b8+ 28. ♖b3 ♖:b3+ 29. ♖c2 ♖b4+! 30. ♖:b3.

После 30. ♖c1 ♖b1+! 31. ♖:b1 ♖d5+ 32. ♖c2 ♖b2+ 33. ♖d3 ♖b5+ 34. ♖c2 ♖e2+ 35. ♖b3 ♖b2+ 36. ♖c4 ♖b5x.

30... ♖d5+ 31. ♖c2 ♖b2+ 32. ♖d3 ♖b5+!

Белые сдались, так как на 33. ♖c2 следует 33... ♖e2+ 34. ♖b3 ♖b2+, и мат следующим ходом.

Гроссмейстер Гуфельд считает эту партию своим лучшим творческим достижением. Он пишет, что в ней «... черные не предлагали в жертву только королевского слона (да и то потому, что разменяли его еще в дебюте) и ферзя, призванного нанести решающий удар».

ЭСТРИН

Очень неповторимый

С Яшей Эстриным я познакомился в самом начале 1939 года. Мы участвовали в юношеском чемпионате Москвы. Я был «стариком», десятиклассником, а Яша восьмиклассником, аккуратненьким и выдержанным мальчиком, эдаким смирным отроком. Веня Левин, наш поэт и остролов, немедленно дал ему кличку — «товарищ киндермат».

Я играл с ним на финише, боролся за первое место, а Яша, младший из участников, шел в хвосте. Однако уже в дебюте, в варианте дракона, он показал эрудицию, создал мне трудности. Заставил стараться изо всех сил. Он с детства уважал дебютную теорию, склонен был к систематическим занятиям и опубликовал позднее немало теоретических статей и книг.

Помню, он рассказал мне, как выполнил мастерскую норму в чемпионате Москвы. Он должен был играть с Михаилом Бонч-Осмоловским. Тому и другому было нужно заветное очко. Перед партией Яшина мама спросила его, как он надеется сыграть. Яша спокойно ответил, что выиграет, потому что у него нервы крепче. Действительно, выиграл.

Он был деятелен, но нетороплив. Успевал многое, но был при этом, как говорят об уважаемых людях, жизнелюбом. Любил шутку, юмор, острый анекдот, но когда обстоятельства обязывали, не улыбался. Он был хорошим товарищем, старавшимся поддержать в непростую минуту.

Однажды мы с Яшей оказались во Владимире, где давали сеансы и читали лекции. Местные организации оплачивали эти выступления, перечисляя деньги в Центральный шахматный клуб по так называемым путевкам. Выезжая из Москвы, я позабыл эти путевки взять. Позвонил из Владимира, директор клуба обещал послать путевки с проводником какого-то вагона поезда из Москвы. В зимний морозный день мы днем намотались и вечером в гостинице я заснул. Проснулся, когда Яша вернулся с путевками с вокзала. «Что же ты не разбудил меня?» — спросил я. И Яша ответил, что я так крепко спал, что жаль стало будить. Сам он был

легок на подъем. Помню он сказал мне, вернувшись из очередной поездки, что это как раз был со-
тый город, посещенный им по шахматным делам.

Как-то мы играли в полуфинале чемпионата СССР в Ленинграде, и Яша показал себя настоящим психотерапевтом. Я продул какую-то напряженную партию, вымотался, расстроился... Мрак.

Мы пришли в гостиницу, заказали ужин в номер, и Яша рассказал анекдот. Выступает Сталин на съезде примерно с такой речью: «Товарищи, будет хороший урожай — будет много хлеба. Будет плохой урожай — будет мало хлеба. Будет много хлеба — будет хорошо. Будет мало хлеба — будет плохо. Ни богу свечка, ни черту кочерга. Ни в городе Богдан, ни в селе Селифан. Товарищи, надо расстрелять еще два миллиона человек. (Бурные аплодисменты)».

Я стал хохотать от души. Во-первых, на нервной почве. Во-вторых, за такие анекдоты тогда можно было получить не меньше, чем теперь за разбой. А опасность обостряет восприятие. В-третьих, в речах Сталина часто встречались пословицы, поговорки и т.п.

Одним словом, огорчение и усталость как смыло. А Яша сказал, что раз мне так понравилось, он будет теперь звать меня Селифаном.

Когда надо было совершить обязывающий поступок, Яша был решителен. К сожалению, я позабыл детали его рассказа о том, как он «перебазировался» из военного училища, где ему приходилось иметь дело с лошадьми, в авиационно-техническое училище. Твердо запомнил, что из «лошадиного» он вылез ночью через окно, но попал не под трибунал, а куда хотел.

Другой эпизод его военной «карьеры» я запомнил хорошо.

Военный комендант Москвы генерал-лейтенант Синилов был большим любителем шахмат. Он приезжал на соревнования, чтобы посмотреть и сыграть в кулуарах с кем-нибудь из мастеров. Однаж-

М.Ботвинник и Я. Эстрин

ды Яша играл с ним, а поздним вечером, возвращаясь домой, был остановлен патрулем и доставлен в военную комендатуру. У него изъяли все документы, и он предстал перед дежурным офицером, который строго спросил, почему нарушает комендантский час, не имея разрешения. Яша объяснил, что задержался допоздна, так как играл с Кузьмой Романовичем Синиловым. Офицер сделал большие глаза и спросил что-то вроде того: Как это? Яша сидел напротив генерал-лейтенанта? Яша уверенно подтвердил, что сидел за шахматной доской напротив и играл. Тогда офицер широким жестом сгреб со стола все Яшины бумажки, вернул ему и велел убираться без проволочки.

Тогда у Яши созрел беспроектный план. Он попросил знакомого фоторепортера снять его за игрой с генералом. Ясно, что такое фото будет похлеще любого документа. Однако, когда фоторепортер нацелился в подходящий момент, его остановил адъютант Синилова и сказал, что снимать нельзя. На вопрос почему, ответил коротко и ясно: «Генерал — военный объект».

Если Яша брался за какое-либо дело, то стремился довести его до логического конца и действовал без всякого смущенья.

Интересный эпизод описал в своих воспоминаниях М.М. Ботвинник. В 1948 году делегация ехала поездом в Голландию на матч-турнир на первенство мира.

«В Минске на вокзале нас встречает большая группа шахматистов, в Бресте гремит духовой оркестр.

— Не рано ли? — спрашиваю Славу Рагозина.

— Ба, да это Эстрин-Чернецкий, — посмеиваясь отвечает мой собеседник.

Действительно, руководит всем этим парадом молоденький и предприимчивый мастер Эстрин. Рагозин тут же прибавил ему вторую фамилию в честь известного военного дирижера...» (М. Ботвинник «У цели». Москва, 1977).

А мне тогда Яша сказал, что Ботвинник задал ему вопрос, не изменяет ли ему чувство меры. По-видимому, Яша считал, что мера в самый раз.

Яша много играл в турнирах, много печатался, путешествовал, давая сеансы и играя в местных соревнованиях. Мне доводилось играть вместе с ним в чемпионате Тверской области и дважды — Тюменской. Но еще у него хватало пороха для игры по переписке. Данные для этого были — аккуратность, любовь к анализу... Коротко говоря, стал чемпионом мира в игре по переписке.

Любопытно, что, ничтоже сумняшеся, он согласился на такую обложку на одной из его книжек, где художник изобразил всех чемпионов мира — Стейница, Ласкера, Капабланку и т.п., включая Яшу. Он считал такую «скромность» полезной, а стало быть, уместной. Между тем в нем не было зазнайства, он не стремился подчеркнуть свое превосходство. Он любил художественную литературу, окончил экстерном юридический институт, владел немецким языком, имел политические представления и предпочтения, однако никогда не выпячивал их.

Однажды, когда я был начальником шахматного отдела, Яша пришел, как теперь говорят, в офис и показал мне приглашение из Германии для выступлений Ботвинника и Эстрина. Я объяснил ему, что есть план поездок на этот год и в нем такого нет. Тогда на очередном заседании президиума Шахматной федерации поступило предложение внести в план будущего года поездку Ботвинника и Эстрина. Будущее всегда покрыто туманом, и предложения такого рода контратак не вызывают. Год прошел. Поехали...

Яша освоил плановую методику и далее сопровождал в поездках по Германии и Ботвинника и Петросяна.

Михаил Моисеевич позднее, когда Яши уже не стало, говорил мне, что путешествовать с ним было приятно. У меня это сомнений не вызвало, потому что сам имел возможность убедиться, что тот и другой были хорошими, легкими спутниками.

После поездки в Германию, где к выступлениям Яши имел непосредственное отношение гроссмейстер Лотар Шмидт, Яша мне рассказал, что Шмидт все организовал изумительно, и он сказал ему, что хотел бы отблагодарить, реваншироваться, так сказать. Шмидт, улыбаясь, ответил, что не выйдет. Был прав. Возможности Шмидта были иными, чем возможности советского шахматного профессионала.

Несомненно, Яша был наделен предпринимательским талантом. Он мог наладить издание шахматных книг за границей в те времена, когда такая деятельность была на грани фола, мог по-деловому общаться с людьми независимо от их общественного положения. Помню, как он рассказывал мне, что, будучи в США, познакомился с послом Добрыниным, а в Москве познакомил Добрынина с Ботвинником. Но не дожил Яша до времен, когда этот талант востребован. Заболел, как принято говорить и писать, тяжелой и продолжитель-

ной болезнью. Держался мужественно, находил силы шутить, что все костюмы ему стали велики, так похудел...

Говорят, что все люди неповторимы, правильно говорят, наука это подтверждает. Но так же, как все люди должны быть равны, но есть некоторые, как писал Оруэлл, равнее, так про Яшу можно сказать, что он не просто неповторимый, а гораздо неповторимее других.

Родился Яша Эстрин в 1923 году и прожил без двух месяцев шестьдесят четыре года. Шахматное число.

Защита двух коней

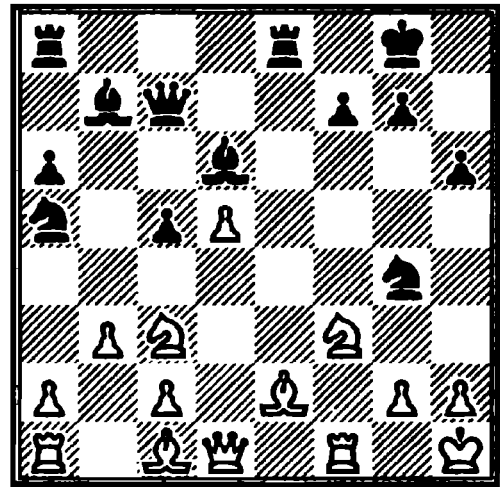
Я. Эстрин — В. Шияновский
Баку 1958

1.e4 e5 2. ♘f3 ♘c6 3. ♗c4 ♗f6
4. ♗g5 d5 5.ed ♗a5 6. ♗b5+ c6 7.dc
bc 8. ♗e2 h6 9. ♘f3 e4 10. ♗e5 ♗d6
11.f4 ef 12. ♗:f3 ♜c7.

Предпочтительнее для черных
12...0-0 13.0-0 c5 14.d4 cd с хоро-
шей игрой.

13.0-0 0-0 14.d4 c5 15. ♗c3 a6
16.d5 ♗b7 17. ♘h1 ♖fe8 13.b3 ♗g4.

Черным следовало играть
18...c4. Нападая на h2, черные,
по-видимому, не предвидели кра-
сивого выпада противника.

19. ♗g5! ♗:h2.

После 19... ♗f6 могла последо-
вать жертва качества: 20. ♖:f6 gf
21. ♗ge4 с сильной атакой. На
19...hg после 20. ♗:g4 у белых от-
личная позиция, так же, как и
после 19... ♗e5 20. ♗ge4.

20. ♖:f7 ♜d8?

Решающая ошибка. После
20... ♖e7 21. ♗e6 белые имеют по-
зиционное преимущество и лиш-
нюю пешку.

21. ♜d3 hg 22. ♜g6 ♗e5
23. ♗:g5.

Черные беззащитны. Плохо
23... ♗:d5 из-за 24. ♖:g7 ♗:g7 25.
♗:d8 ♖a:d8 26. ♘:h2.

23. ♗:c3 24. ♗:d8 ♖a:d8 25. ♗d3!
♗:a1 26. ♖f4.

Черные сдались. Грозит 27.
♜h7x. Защиты нет. У черных в
заключительной позиции за фер-
зя ладья и три легкие фигуры, но
от этого не легче.

Я. Эстрин был знатоком защи-
ты двух коней, автором моногра-
фии по этому дебюту, изданной
на ряде языков.

II. Коллеги, приятели, друзья

*«Уходит взвод в туман, туман, туман;
А прошлое ясней, ясней, ясней...»*

Б. Окуджава

Множество знакомцев подарили мне шахматы. С одними общался, как говорится, за шахматной доской, с другими установились на протяжении многих лет приятельские отношения, с третьими возникла дружба, скрепленная шахматными интересами. Память хранит многих.

Имена, которые я дальше назову, принадлежат мастерам, они жили, играли и ушли из жизни в XX веке.

Мой взгляд, конечно, ограничен и оценки субъективны, однако вспоминаю всех своих коллег добром. Не надо предаваться минорным настроениям. Все идет по правилам. Такова жизнь. Поэтому изменю тональность и позволю себе привести случай, имеющий к слову «коллеги» отношение.

Получив звание гроссмейстера, Эдуард Гуфельд как-то во время турнира обратился к Виктору Корчному: «Коллега!..» Корчной перебил: «... тебе коллега». Причем назвал фамилию третьего гроссмейстера, симпатичного, между прочим, человека.

Рискну называть достойных людей коллегами, раз уж все признают девиз «Генс уна сумус». Все одна семья. Стало быть, раз мастера, значит, коллеги.

Я вспоминал моих коллег и друзей без всякой системы. Просто как подсказывала сама память. Так их и представляю. Не думаю, что формальный порядок был бы лучше.

Прежде всего хочу вспомнить Пашу, Павла Евсеевича, ежели официально, **КОНДРАТЬЕВА** (1924 — 1984). Познакомились мы с ним в школьные годы. Он занимался шахматами в Московском доме пионеров. С детских лет был приветлив и не агрессивен, сохранив эти свойства характера на всю жизнь. Военные годы и несколько лет после Отечественной войны воевал и служил на Балтийском флоте.

Однажды С. Флор давал сеанс одновременной игры в Доме пионеров и про один ход, сделанный Павликом, так его в то время называли товарищи, сказал, что это ход в силу чемпиона мира. Как абсолютное большинство шахматистов, Паша не стал чемпионом мира, но был известным мастером, чемпионом Ленинграда, имел успехи во многих турнирах мастерского класса.

Воевал он на торпедном катере, эдаком быстром и хлипком суденышке, где не хватало места даже для галюна. Когда я спросил его, как же они обходились, ответил: на корме во время хода получается еще и водная процедура.

После войны он еще долго собирал и уничтожал мины и прочие взрывающиеся «прелести». Со смехом рассказывал, как при взрывах матросы прятались от осколков за соснами на берегу.

Он играл в Эстонии, позже счастливо женился и стал ленинградцем. Паша был отменно трудолюбив. Это относилось и к теории шахмат, к тренерской работе, и вообще к жизни. Он окончил высшее учебное заведение, получил диплом юриста. Постоянно и успешно штудировал иностранные языки. Помню, на межзональном турнире в Бразилии, где мы были в составе делегации, Павел первым делом купил самоучитель португальского языка.

Играл я вместе с Пашей в турнирах во Львове, в Риге, занимался на сборах и никогда не видел его угрюмым или раздраженным. Он был физически развит, спортивен, играл в теннис, чужд был вредных привычек, к тому же сакраментальное выражение — неременный атрибут характеристик — «морально устойчив» — имело к нему прямое и точное отношение. Так что скоропостижная смерть Павла накануне шестидесятилетия стала громом среди ясного неба.

Передавали, что за день до этого играл в теннис...

Николай Григорьевич ГОЛОВКО (1917—1988), мастер Головки, полковник медицинской службы, врач-терапевт, интересный шахматный журналист, человек, успешно сочетавший любовь к шахматам и активные выступления в соревнованиях с профессиональной медицинской деятельностью, был для многих постоянно окружавших его шахматистов просто Колей, кому другом, кому приятелем. Родом был из Ростова, любил свой город, где рано начал шахматный путь. Пройдя жестокие дороги войны и став москвичом, он все равно излучал тепло южного солнца. Всегда бодрый, всегда готовый воспринять шутку, готовый шутить сам. Однажды, когда мы уже

имели порядочно лет за плечами, он сказал, улыбаясь: «Миша, пока поет Шульженко, мы молоды». И на самом деле, Николай оставался всегда молодым. Общаясь с ним, трудно было предположить, что он обладает незаурядным трудолюбием, способностью методично добиваться своих целей. Казалось, что это добродушный весельчак, который привык, что все ему легко дается.

В 1948 году во всесоюзном турнире кандидатов в Москве мы с Николаем сражались в самой длинной в моей жизни партии — она продолжалась полтора часа ходов. Из них сотню ходов я находился в партере, как говорят борцы. А потом фортуна повернулась ко мне лицом. Между прочим, это не вызвало у Коли раздражения. Он не перенес вину с несправедливой судьбы на противника. А я знаю примеры, когда шахматисты реагируют по-другому.

Во время матчей на первенство мира в Москве Коля как-то предложил мне сотрудничать с ним в качестве комментатора в газете «Красная звезда», чтобы самому иметь некоторую свободу передвижений. И работали мы дружно. Подписывали заметки вдвоем, подпись получалась изрядно длинная, и однажды коллеги в пресс-бюро веселились по поводу того, что редакция заметку сократила и получилось, что подпись едва ли не длиннее текста. Не помню, чтобы Николай на кого-нибудь обижался. А по своей медицинской части он всегда готов был помочь товарищам. (Мне, к счастью, долгие годы удалось общаться больше с шахматистами, юристами, журналистами, чем в качестве пациента с врачами). В общем, Коля был легким человеком. Николай не надувал щеки, не шумел понапрасну. Не претендовал на признание окружающими его заслуженного авторитета.

А шахматный путь Николая Головки и многие его партии очень интересны, как и его книга «Путь к мастерству» (Москва, Воениздат, 1970). Вот только название книги не кажется мне удачным. Она представляет собой, как сказал автор, «попытку на основе своего шахматного и врачебного опыта и наблюдений порекомендовать молодым армейским шахматистам примерную схему совершенствования на пути к мастерству». Попытка удачная, а насчет армейских шахматистов, так это реверанс в пользу издательства, которое было обязано в первую очередь заботиться о военных шахматистах.

В последней главе автор осветил свою биографию, рассказал о том, как научился играть десяти лет, о знакомстве и встречах с известными ростовчанами — Бондаревским, Стольбергом и другими, об успехе ростовской юношеской команды в январе 1934

года, занявшей второе место в самом первом первенстве среди юношей в стране, позади ленинградцев и впереди москвичей и еще восемнадцати команд. В предварительных соревнованиях приняли участие 100 тысяч шахматистов. А потом довоенные турниры среди взрослых и последний полуфинал первенства страны, который прервался 22 июня 1941 года. Последнюю партию перед войной Николай играл с юным Бронштейном. И послевоенные соревнования, в значительной части — соревнования армейцев.

Мастер Головкин находил время успешно играть по переписке, иногда судить соревнования, заниматься общественными делами. И все это без надрыва, легко и просто.

Встретишь, бывало, Колю, перекинешься несколькими словами, и вроде бы настроение становится лучше.

Другого ростовчанина, **Игоря Захаровича БОНДАРЕВСКОГО** (1913—1979), я увидел впервые в XII первенстве СССР, в его звездном турнире. Имя Бондаревского было хорошо известно квалифицированным шахматистам. В 1935 году Бондаревский победил во Всесоюзном турнире первокатегорников. Тогда это было серьезным успехом. Его комбинационные окончания против А. Котова и А. Уфимцева обошли всю, пожалуй, шахматную печать, настолько они были красивы. Мастером он стал в 1937 году. В том году удостоились звания трое.

В XII первенстве СССР Бондаревский лидировал, выиграл личную встречу у Ботвинника и лишь огромным усилием его догнал на финише Андрэ Лилиенталь, бывший тогда в зените своей силы. Игорь Захарович получил звание гроссмейстера. Предполагали, что будет организован его матч с Лилиенталем, но вместо этого провели в 1941 году матч-турнир на звание абсолютного чемпиона СССР, первый и единственный. Это заимствованное у боксеров звание в шахматах не привилось.

В матч-турнир допустили Бондаревского, Лилиенталья, Смыслова, Кереса и разделивших в XII первенстве 5-6-е места Болеславского и Ботвинника. Ботвинник выиграл все матчи, набрав 13,5 очка из 20 и опередив Кереса на 2,5 очка, а Бондаревский, расстроившись, занял последнее место, хотя имел в активе счет 3 : 1 против молодого Смыслова и выигранную в первом круге партию против Ботвинника, но на долгие годы сохранил обиду на судьбу, на организаторов, на победителя.

Мне приходилось слышать не раз, что у «казака» (так за глаза называли Игоря Захаровича, а он действительно был донским казаком) характер уж слишком серьезный. С этим согласиться не могу. Не имел оснований. Мне приходилось общаться с ним по шахматным делам. Он всегда был корректен, обязателен, компетентен. Игорь Захарович отличался твердой волей и умел передать боевой настрой, когда выступал в качестве тренера. А его услугами пользовались Керес, Геллер, Смыслов и Спасский, а также сборная СССР в «матче века» против сборной мира.

Между прочим, консультировал и Карпова в период подготовки последнего к матчу с Корчным в 1978 году.

Немалый вклад внес Игорь Захарович в советскую шахматную школу — заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер СССР.

Еще с одним ростовчанином, **Марком СТОЛЬБЕРГОМ** (1922—1943), я был знаком шапочно, но должен вспомнить его, одного из ярких и талантливых, сгоревших в пламени войны. Он довольно рано заявил о себе, в полуфинале XII первенства СССР разделил 1-2-е места и попал в блестящий по составу финал. На старте Марк встретился с Кересом, одним из сильнейших гроссмейстеров в мире. В начальной стадии он поймал своего грозного противника в ловушку, выиграл две фигуры за ладью. После этого гордо закурил (тогда разрешалось курить за игрой), образцово-показательно сел на свое место, явно не забывая о зрителях, заполнивших большой зал Консерватории, и быстро испортил превосходное положение. Конечно, проиграл. Но было ему всего 18 лет. Молодой мастер комбинационного стиля имел уже много поклонников. Уверенности в своих силах ему хватало. Он как-то сказал о своем противнике, уважаемом человеке, перед встречей: «Это опасный шахматист. Он может ничью сделать».

Во время полуфинала XIII первенства СССР в Ростове, в июне 1941 года, Марка Стольберга призвали в армию. Он играл в родном городе в военной форме. Дали доиграть турнир. Но не доиграл — началась война, и турнир прекратился. В 1943 году погиб, защищая Родину.

Сколько талантов, прекрасных людей и просто людей уничтожают военные боины... Вот и у немцев был юный мастер Клаус Юнге. Ему пророчили блестящее будущее. Погиб на фронте.

О мастере **Арчиле ЭБРАЛИДЗЕ** (1908—1960), неоднократном чемпионе Грузии, ходила легенда, что когда в финале X чемпионата СССР он играл с Рагозиным (дело было в Тбилиси), болельщики в зале хором диктовали: «Арчил! Бери ладью!» Он мог выиграть ладью, но сидел как бы застыв. Наконец сделал ход, ладью не взял и партию в итоге проиграл.

Я познакомился с Арчилом Силовановичем во Львове, в 1949 году мы играли в четвертьфинале первенства СССР. Был он старше многих участников турнира, молчалив, сдержан. Мастером стал до войны, в 1941 году. Как-то в разговоре со мной сказал, что получил письмо от сына-первоклашки, где тот с гордостью сообщал, что он теперь «санитарная комиссия». Если память не изменила, сына звали Давид. А если изменила, то едва ли следует огорчаться, ведь пролетело более пятидесяти лет. Рассказав, Арчил Силованович улыбнулся. Обычно он глядел сурово, а улыбка оказалась доброй, открытой. И я решился задать ему сакраментальный вопрос: «Почему вы тогда не взяли ладью?» Он посуровел и ответил вопросом: «Ты на футболе был?» Я ответил, что бывал. А он неожиданно продолжил: «Ты думаешь, на стадионе футболисты мяч гоняют? Это трибуны играют!» К такому повороту я был явно не готов, и слагаемые этого умозаключения остались мне неизвестны.

Арчил Эбралидзе был инженером. В развитии шахмат в Грузии он сыграл большую роль. Первый тренер Тиграна Петросяна, уроженца Тбилиси, а также многих грузинских шахматистов. Перевел на грузинский язык учебники Ласкера, Капабланки, Эйве.

Григорий Ионович РАВИНСКИЙ (1909—1994) родился в Петербурге, но вторую половину жизни, послевоенную, прожил в Москве. По образованию был экономистом, но по призванию — шахматистом, более того, шахматным педагогом. Мастером стал в 1941 году. Выжил в ленинградской блокаде. Мне приходилось немало общаться с ним, но об ужасах блокады мы не говорили. Григорий Ионович всегда был корректен, вежлив, как истый петербуржец.

У него было еще, как теперь говорят, хобби — театр. А конкретнее я судить не могу, потому что в этом вопросе слабоват.

Внешне нельзя было определить, что Григорий Ионович пережил, находясь на грани голодной смерти. Но мой товарищ рассказал, что однажды, когда он и Григорий Ионович обедали в

ресторане, Григорий Ионович попросил после того, как ему принесли зеленые щи, со сметаной, разумеется, принести еще полстакана сметаны. Вылил ее в щи, размешал и съел всего несколько ложек. А ел он немного. Но блокада...

Григорий Ионович любил заниматься с юными шахматистами. Его радовало вообще проявление способностей — какая-нибудь интересная партия, комбинация, ход. Он активно участвовал в общественных делах шахматной организации. Долгие годы возглавлял в Москве квалификационную комиссию и был, как говорится, строг, но справедлив. Ребята шутили, что звание мастера не получишь, пока не выиграешь у Равинского.

Мне он как-то дал дельный совет — не ограничиваться черными сицилианской защитой. Чтобы стать мастером, надо играть и 1...e5. Я послушался. А на мои утверждения, что все решает миттельшпиль, а не дебют (лень сказывалась, очевидно), Григорий Ионович иронично улыбался.

Он был заслуженным тренером СССР, международным арбитром. Настоящим тружеником.

Международного мастера **КАНА Илью Абрамовича** (1909—1978) легко было запомнить раз и навсегда, увидев однажды. В отличие от всех коллег он брил голову, рано потеряв волосы. Такая, с позволения сказать, прическа не была в те годы модной, но ему была к лицу. Высокий лоб, правильной формы череп выглядели внушительно и, пожалуй, даже законченно. Двигался он неторопливо, говорил не повышая голоса, одевался очень аккуратно. Черные глаза взирали весело, добродушно, хотя капельку иронично. А играл он быстро, с какой-то легкостью, не выкладываясь полностью. Процесс игры ему нравился, но из кожи лезть вон он был не склонен. Вероятно, по природному дарованию мог достичь больших высот.

В 1929 году двадцатилетний Илья Кан занял третье место в чемпионате СССР. Он принадлежал к первой шеренге молодых мастеров, поднявших знамя (прошу извинить за высокопарность) советской шахматной школы. Участвовал в десяти финалах первенства страны, в московских международных турнирах 1935 и 1936 года.

Всю жизнь прожил в Москве, не торопясь окончил юридический институт. За это время можно было бы окончить его дважд-

ды. Некоторое время состоял в московской коллегии адвокатов. Как-то с добродушной иронией сказал, что приходится по требованию коллег учить латинские поговорки для пущей солидности. При этом он был наделен организаторским талантом и много лет успешно руководил шахматной жизнью в Вооруженных Силах. Вел шахматный отдел в газете «Красная звезда», работал тренером в Центральном доме Советской Армии. Одно время был тренером Ботвинника, но за тренерскими званиями не гнался. Да и за гроссмейстерским титулом тоже. Однажды он пошутил, что ему до звания гроссмейстера не хватило полтора очка. Имел, правда, звание международного арбитра.

Дважды Илья Абрамович выиграл у Ботвинника, играя гамбиты. По этому поводу в шахматном специальном бюллетене как-то появились такие строчки:

*«Дважды Кан играл гамбит
Дважды Каном был я бит
Так при новой встрече с Каном
Ограничусь Каро-Канном».*

Мне стишок запомнился, и я привел его однажды в своей статье о гамбитах. Мой товарищ заметил, что это напрасно: Ботвинник может обидеться. Однако этого не случилось. Занятно то, что Ботвинник много лет спустя применил в матче на мировое первенство защиту Каро-Канн, хотя ранее ее не играл.

В чемпионате Москвы у меня случился забавный эпизод, когда я играл с Каном. Мы играли в небольшом зале с любопытной акустикой. Хорошо было слышно, о чем переговариваются зрители. Я испытывал недостаток времени, сосредоточенно думал и вдруг «настроился на волну» и сообразил, что кто-то довольно квалифицированно обсуждает мою позицию, прислушался и принял к сведению. Такое случается раз в жизни.

Однажды в полуфинале первенства СССР мне удалось сочинить комбинацию (против Бонч-Осмоловского). После партии Илья Абрамович, игравший в этом турнире, сказал несколько одобрительных слов. Мне казалось, что такой похвалы комбинация не заслуживала. Но как-то, встретив меня перед таблицей турнира, в котором я выступил плохо, Илья Абрамович, улыбаясь, спросил: «Продолжаете подавать надежды в будущее?»

Не всегда его ирония бывала мягкой. Об одном шахматном работнике ходили разные слухи. По этому поводу Илья Абрамович

сказал так: «Может прекрасно работать, но для этого надо, чтобы при нем находился милиционер с овчаркой».

Гроссмейстер **РАГОЗИН Вячеслав Васильевич** (1908—1962) был, как мне кажется, человеком удивительным. И дело не в том, что звание международного гроссмейстера ему было присвоено в 1950 году среди первых двадцати семи в мире, после учреждения этого звания Международной шахматной федерацией (ФИДЕ), не в том, что обладал званием международного гроссмейстера в игре по переписке, что был международным арбитром, долголетним тренером и близким другом М.М. Ботвинника, вице-президентом ФИДЕ и т.д., и т.п. Он был просто редкостным человеком. Сочетал в себе черты, которые, на первый взгляд, не помогают друг другу. При заметных спортивных достижениях явно отдавал предпочтение творческой, даже художественной стороне шахмат. Его комбинационный стиль был оригинален. Про Вячеслава Васильевича ходила легенда, что, играя в турнире, он наряду с нормальной спортивной таблицей результатов ведет для себя другую, где единички, половинки и нолики ставит себе в зависимости от творческих оценок.

Вячеслав Васильевич был выдающимся аналитиком. Он победил во II чемпионате мира в игре по переписке (1956—1959 гг.). Всем шахматистам известна защита Рагозина. Гроссмейстер Симагин шутил когда-то, что разных чемпионов много, а вот настоящее достижение — это занять собственный дебют.

На посту вице-президента ФИДЕ Вячеслав Васильевич занимался шахматной дипломатией авторитетно и успешно. Не знаю, какими свойствами должны обладать дипломаты с точки зрения профессионалов, но шахматисты считали Рагозина настоящим дипломатом. Он безукоризненно владел собой, вызывал доверие, всегда был ровен в отношениях с окружающими.

Перед матч-турниром на первенство мира 1948 года ФИДЕ обсуждала регламент. От Советского Союза участвовали Д.В. Постников (зам. председателя Спорткомитета СССР) и Вячеслав Васильевич. Регламент в целом подготовили приемлемый, матч-турнир должен был пройти в двух странах — половина в Голландии, половина в Москве. Где первая, где вторая половина? В директиве нашей делегации указали, что следует добиться проведения второй, заключительной половины в Москве. Так требовало на-

чальство. А голландцы не согласны. Предложили решить жребием. Перед руководителем делегации Дмитрием Васильевичем Постниковым предстала угроза: не угадаешь — можешь схлопотать по «заслугам». Он поглядел на Вячеслава Васильевича. Тот по легенде хладнокровно сказал на иностранном, но загадочном языке: «Рискантум». Жребий не подвел.

По образованию Вячеслав Васильевич был инженер-строитель. В годы войны офицер, затем на ответственной работе в строительном министерстве. У него был особый дар обращения с людьми, располагающая внимательность. Охотно помогал шахматистам. Я это испытал на себе, будучи студентом. По его рекомендации меня приняли на работу в добровольное спортивное общество «Строитель» (понадобился грамотный сотрудник, вообще, не по шахматам). Он долгие годы успешно руководил редакцией старейшего в стране по спортивному ведомству журнала «Шахматы в СССР». Дал, так сказать, путевку в жизнь Якову Нейштадту в 1955 году, приняв его на работу в качестве ответственного секретаря журнала. В тот год Нейштадт имел за плечами фронт (пехота, тяжелое ранение), диплом юриста, звание кандидата в мастера и мало шансов на работу по специальности. Пятый пункт. А проработал он в редакции восемнадцать лет, стал мастером, международным мастером в игре по переписке, автором многих и многих книг по истории и теории шахмат.

...Всемирная природа наградила Вячеслава Васильевича: умом, добротой, талантом. Да вот только заболел какой-то болезнью крови и ушел в расцвете.

С **Виталием ТАРАСОВЫМ** (1923—1977) я познакомился, когда в 1940 году он играл в Москве в турнире кандидатов в мастера. Родом из Сибири, из Омска, кандидатом в мастера стал совсем юным. Я в то время уже окончил первый курс юридического института, стал его чемпионом, а старшекурсники-шахматисты желали, чтобы среди новых первокурсников пришли сильные шахматисты и, команда института стала покрепче.

Собираясь написать эти строчки о Виталии, я поймал себя на мысли, что хочу вспомнить два эпизода, изображающими меня в благоприятном свете. И решил не скромничать вот по какой причине. Авторитетные гуманитарии, как мне помнится, утверждают, что когда автор пишет какое-либо произведение, то вне зависимости от жанра он пишет о себе, свой портрет, так сказать. К

тому же мой шахматный друг и литератор Виктор Хенкин, прочитав как-то мое сочинение о Петре Романовском, которое приведено в этой книжке, сказал, что в сочинении больше обо мне, чем о Романовском. Я не стал спорить и, сославшись на мнение авторитетов, сказал, что это нормально. Есть, конечно, в моей памяти эпизоды, в которых я выгляжу неважно, но делиться ими желания не испытываю. Уверен, что в этом я не одинок.

Итак я, перворазрядник с баллами, предложил товарищам, руководившим шахматными делами в институте, похлопотать, чтобы Виталия приняли в институт, хотя прием заявлений завершился и шли приемные экзамены. Все они уладили, и Виталий в институт поступил. В очередном первенстве мы уже делили первое-второе места, сделав между собой настоящую, а не договорную ничью. Естественно, я уже утратил положение местного Капабланки. Положительное в своем поведении вижу то, что я ничуть о содеянном не жалел. Стало быть, не было в данном юноше (то есть во мне) тщеславия или же подобия карьеризма. А это, согласитесь, хорошо, хотя и не способствует высшим шахматным и прочим достижениям.

Виталий обладал хорошими способностями. Он имел позиционное чутье. Военные годы прервали его шахматный рост, но после демобилизации он, осев в солнечной и виноградной Молдавии, неоднократно побеждал в чемпионатах республики. В 1949 году стал мастером. Семь раз играл в полуфиналах первенства СССР, дважды в финалах. В 1960 году завоевал звание чемпиона РСФСР.

Играл достаточно много и, можно сказать, небезуспешно. Но вот виноградная Молдавия, вероятно, повлияла на его шахматную карьеру, да и жизнь тоже. Не впрок пошел «виноград». А когда он перед войной учился на первом курсе, а я на втором, ввели в институтах свободное расписание. Хочешь — ходишь на лекции, а хочешь — не ходишь. Ввели тогда платность обучения, а свободное расписание давало возможность студентам подрабатывать. Нередко мы с Виталием во время лекций, найдя свободный кабинет, играли блиц. А иногда валяли дурака в баскетбол в спортивном зале. Он был скромного поведения, не курил, не пил, за девушками не ухлестывал... Когда позднее, после войны, он изменился, меня это несколько удивило.

Второй эпизод, который мне приятно вспомнить, случился в первенстве «Спартака» в 1950 году на Рижском взморье. Виталий в партии со мной пожертвовал фигуру и категорически объявил:

«Мат в четыре хода». Я видел, что комбинация с «дырой» и спокойно ответил, взяв пожертвованную фигуру: «Если можешь, то валяй...» И тут Виталий схватился за голову.

Тогда Ефим Столяр, ленинградский мастер, в то время кандидат, мне рассказал, что Толуш в аналогичном случае ответил гораздо элегантнее: «Прошу исполнить!»

Мастера, родившиеся в XIX веке, **Федор Иванович ДУЗ-ХОТИМИРСКИЙ** (1879—1965) и **Абрам Исаакович РАБИНОВИЧ** (1978—1943) имели немалый опыт уже в начале XX века. Мне не довелось встретиться со старыми мастерами за доской, но оба они были такими колоритными, что запоминались раз и навсегда.

Федор Иванович был человеком жизнерадостным по натуре, энергичным, любителем пошутить. Статистика утверждает, что уже в начале века он четыре раза становился чемпионом Киева, в Карлсбадском международном турнире, заняв 11-12-е места, опередил Чигорина, Шпильмана, Тартаковера и других. А в 1908 году сыграл матч вничью (счет 3 : 3) со знаменитым Фрэнком Маршаллом. Он играл в Петербургском международном турнире 1909 года и был отмечен специальным призом за выигрыш у Эм. Ласкера и А. Рубинштейна — двух первых призеров. Играл в пяти финалах первенства СССР с хорошими результатами.

Федор Иванович был легок на подъем. Он объездил всю страну, выступая с сеансами и лекциями, играл вне конкурса в чемпионатах союзных республик. Его стиль — комбинационный, с выдумкой — тоже привлекал к шахматам многих любителей. Получил звание международного мастера с момента учреждения этого звания; стал заслуженным мастером спорта СССР. Его наградили орденом, а жил он очень и очень скромно. Труд мастера-профессионала, даже такого яркого трудолюбивого и симпатичного, ценится очень недорого.

Когда в Центральном шахматном клубе отмечали 80-летний юбилей Федора Ивановича, председательствовал гроссмейстер Котов. Федор Иванович сидел за столом на помосте рядом с ним. Официальная часть окончилась, и Федор Иванович ловко спрыгнул с помоста, который был тогда в Чигоринском зале. Котов громко объявил: «Федор Иванович у нас прыгает, как Брумел!»

Абрам Исаакович Рабинович фанатично любил шахматы. Он заезжал на Стадион юных пионеров — общался со школьниками-

шахматистами. Нередко анализировал партии с Юрой Гусевым, ставшим позднее мастером. В анализе отстаивал свою правоту, не соглашаясь с оппонентом аж до голых королей. Оторвать его от анализа было невозможно. Он утверждал свою правоту агрессивно: «Пижон несчастный, в шахматы играть не умеешь!» В 1926 году был чемпионом Москвы. Много лет редактировал популярный шахматный отдел в газете «Вечерняя Москва». Провел партию «Вечерняя Москва — читатели». За газету играл, конечно, редактор отдела. Это был дебют четырех коней. Сделав белыми ход, Абрам Исаакович завершал заметку: «Ваш ход, читатель!» Довольно быстро выиграл. А ребята на Стадионе еще долго, играя блиц, торопили соперников возгласом: «Ваш ход, читатель!»

Мастер **Абрам Борисович ПОЛЯК** (1902—1996) был супругом и тренером Ольги Николаевны Рубцовой, четвертой чемпионки мира, заслуженного мастера спорта СССР. Он не без успеха выступил в чемпионате Москвы еще в 1926 году. Серьезный шахматист и человек. Инженер-электрик по профессии. Однажды он дал мне интересный тренерский совет. Мне предстояло играть с довольно сильным противником, имеющим обыкновение попадать в цейтнот. Как использовать эту слабость? Разумеется, не следует играть в темпе противника, ведь можно «нашлепать». Не обращать внимания на его темп? Не исключено, что он воспользуется паузами и в то время, когда ты будешь обдумывать свой ход не спеша, сумеет поглубже вникнуть в положение. Абрам Борисович порекомендовал «стрелять дуплетом». То есть обдумать свой ход, рассчитав возможный ответ противника, и, не делая хода, заготовить свой следующий. Потом, после ответа, «стрельнуть» вторым ходом. Я проверил на практике и оказалось, что соперник, выдержав два «дуплета», просрочил время.

И в стандартной ситуации возможна маленькая хитрость.

Жизненный и шахматный путь **Николая Николаевича РЮМИНА** (1908—1942) оказался коротким, но очень ярким. Его коллега и друг мастер И. Кан пишет в книге о нем, что научился играть Николай довольно поздно — в 1924 году. В 1936 году был вынужден оставить турнирные выступления из-за тяжелого туберкулеза. Однако за отпущенные судьбой годы Николай Николаевич привлек внимание шахматного мира не только своими успехами, но

и творческими устремлениями, комбинационным стилем. Думается, что последнее сыграло важнейшую роль. Кроме того, Рюмин был активным участником общественной шахматной жизни.

В 1939-41 годах он работал ответственным секретарем Всесоюзной шахматной секции. По нынешнему — федерации. Ровесники, коллеги Рюмина отмечали, что его прямота, общительность, приветливость вызывали самые добрые чувства.

Николай Николаевич стал мастером, выиграв квалификационный матч у признанного мастера Н.Д. Григорьева: $+6-1=1!$ Перед этим Григорьев «не пустил» в мастера М. Макогонова и В. Гоглидзе, которые позднее все равно завоевали заветное звание. Николай Дмитриевич Григорьев имел мировую славу аналитика, но не смог противостоять комбинационному таланту Рюмина. В следующем, 1931 году в VII Всесоюзном первенстве победителями стали представители молодого поколения — Ботвинник и Рюмин. Ботвинник вырвался вперед только на финише. Николай Николаевич был чемпионом Москвы и признанным лидером московских шахматистов. Его победы в турнирных встречах над молодым Ботвинником, Эйве, Капабланкой радовали болельщиков.

Кроме всего, Рюмин славился как блестящий сеансер. Не удивительно, что мне крепко запомнилось участие в его сеансе одновременной игры на шахматной базе Парка культуры имени Горького.

Участников оказалось очень много. Организаторы пытались сократить их число, участники сопротивлялись... Николай Николаевич заступился к удовольствию любителей. Сеанс затянулся, я играл очень долго и неожиданно свел партию вничью. Надо сказать, что играл я тогда довольно слабо. На радостях от случившегося я пробежал от Парка до своего дома на Большой Никитской. Как на крыльях пролетел несколько километров. На следующий день я вместе со своим школьным другом Вале́й отправился похвалиться к его дяде — композитору (не шахматному, а просто композитору) Климентию Аркадьевичу Корчмареву, которого мы очень уважали как шахматиста, имеющего третью категорию. Для начала он мне не поверил, но когда я признался, что Рюмин на протяжении всего сеанса держался за щеку из-за зубной боли, то сказал, что все ясно, но тем не менее здорово.

Насколько выгоднее положение шахматистов, играющих в сеансах со своими мастерами, чем зрителей и слушателей артистов.

На их долю остаются лишь аплодисменты, овации, подношение цветов и охота за автографами.

Сеансы — счастливая особенность шахмат.

Природа, создавая **Якова ЮХТМАНА** (1935—1985), выкинула прелюбопытный номер. Как будто собрала его из кубиков, которые лежали в разных комплектах. Получился портрет неожиданный и противоречивый. Он стал известным мастером благодаря своему несомненному комбинационному таланту, интуиции. Выигрывал печатные партии против превосходящих по силе противников. Но это пришло не сразу. Какое-то время он болтался в кандидатах в мастера, нередко проявлял неуверенность за игрой. Но это не редкость. Любопытно, что Яша еле-еле умел писать, а говорил весьма грамотно. Я спросил его как-то, почему это так. Он преспокойно объяснил, что окончил совсем мало классов начальной школы, что в его семье это было что-то вроде нормы. Не знаю, силен ли он был в арифметике, но карточные фокусы показывал здорово.

На первый взгляд, он имел спокойный нрав, однако однажды директор Центрального шахматного клуба Борис Наглис был вынужден выдворить его из клуба, применив личную силу. Яша сопротивлялся, и даже на президиуме федерации, разбирая вопрос о его поведении, некоторые возмущались, что директор (он был много выше Яши ростом) был укушен за руку.

Событие неопишемое, но говорили, что в детстве Яша беспризорничал. Армейскую службу он проходил в Москве. Дисциплина его была «выдающейся». Начальник сказал, что его надо либо отдать под трибунал, либо комиссовать по состоянию здоровья. К счастью, случился второй вариант.

Яша состоял в «Спартаке» и женился в Москве на спартаковской же шахматистке, хорошей и серьезной девушке. Потом развелся и уехал в Израиль. Там ему, видно, не понравилось, и, как мне рассказал один шахматный деятель исторической родины, бывший ленинградец и заслуживающий доверия человек, Яша и там симпатий не вызвал. Кончил свое пребывание в стране, объявив голодовку. Будто бы он провел ее по системе героя Ильфа и Петрова Васисуалия Лоханкина, то есть голодал только днем. Однако получил билет от начальства до Нью-Йорка. Правда, в одну сторону, без обратного билета.

Тигран Петросян как-то рассказал мне, что в Нью-Йорке посетил старого спартаковца. Яша жил в скромной квартирке, показывал в клубе желающим за скромный взнос свои победы над корифеями. Играл на ставку в нарды. В общем кое-как перебивался.

Когда-то австрийский шахматный литератор Й. Крейчик написал книжку о «послушных и непослушных» детях Каиссы. Яша Юхтман, обладавший талантом, был на удивление непослушным ребенком этой шахматной музыки.

Евгений Александрович ЗАГОРЯНСКИЙ (1910—1961) внешнею, одеждой, да и происхождением тоже, отличался от других шахматистов. Сложения плотного, ближе к мощному, полноват, однако в молодые годы увлекался спортом, в частности боксом. Массивные запястья холеных рук, широк в кости. Следил за внешностью и одевался внимательно. Говорили, что он дворянского происхождения и не рядового. Общаться с ним было просто и легко. Он ценил шутку, был внимателен к собеседнику. Сказывалось воспитание. Владел французским языком. В конце жизни проявил себя как переводчик французской прозы, хотя высшее образование получил техническое. Да, видно, инженерская судьба его не привлекала. От товарищей я слышал, что будто бы среднее образование он получил домашнее. Простым дореволюционным способом. А по национальному вопросу противостоял реакционным взглядам.

— В нашем доме юдофобов не принимали, — как-то сказал он.

Евгений Александрович пользовался славой одного из лучших в Москве преферансистов. В шахматах склонялся к стратегическому ведению борьбы. Имел успехи в мастерских турнирах — полуфиналах первенств СССР, чемпионатах Москвы. Был крепким мастером. Мне казалось, что он проявляет излишнюю осторожность, несколько сковывающую, и иногда просматривает тактику.

Евгений Александрович проявил себя как литератор, драматург, автор рассказов. О переводах уже сказано. Он написал «Повесть о Поле Морфи». Сначала ее печатал с продолжениями журнал «Шахматы в СССР». Но до конца не напечатал. Компетентные товарищи усмотрели в похвале Морфи недопустимое преклонение перед буржуазным Западом.

«Шахматам в СССР» изредка перепадала руководящая критика. Например, в нем не были отражены «Вопросы языкознания» — плод увлечения тов. Сталина этой наукой. Плод был объявлен имеющим отношение ко всему сущему и, разумеется, гениальным.

Потом не стало СССР, не стало и старейшего среди советских спортивных журналов «Шахматы в СССР». Жаль. Его читали шахматисты многих стран.

В последние годы своей жизни Евгений Александрович успешно занимался литературой. На его похоронах известный писатель Тендряков высоко оценил его талант. Смерть прервала успехи.

Я слышал, будто мать Загорянского как-то сказала, что у них в роду мужчины живут долго, если не умирают пятидесяти лет.

Два мастера — **Михаилы Михайловичи ЮДОВИЧИ**, отец и сын, явление не рядовое. Просто очень редкое.

В шахматном мире редко случается, чтобы мастерского звания достигали отец и сын или же братья. В чем тут дело, науке, вероятно, не известно. Во всяком случае в шахматной литературе она, эта самая генетика, ничего не объясняла. Любопытно, что в прошлые годы, когда шахматных и шашечных мастеров было умеренное количество, оба звания имел только один Рашид Нежметдинов. Шахматистом он был от Бога. Он преклонялся перед красотой в шахматной партии и часто творил ее. Что говорить, если у самого Таля Нежметдинов трижды выигрывал в комбинационном стиле. И шашкисты очень высоко оценивали его талант. Единственный в мире мастер по шахматам и шашкам — гласит энциклопедический словарь «Шахматы». Другой рекорд — сестры Полгар. Если уж захочется когда-нибудь ученому разгадать тайну шахматного гена, он может оттолкнуться от таких рекордов.

М.М. Юдович (ст.) (1911—1987), как принято писать в шахматной литературе, успешно выступал в различных областях шахмат. Международный мастер, гроссмейстер игры по переписке, автор множества книг и статей по самым различным шахматным вопросам, многоопытный редактор, активный судья, международный арбитр, общественный деятель (именно — деятель), умелый организатор и к тому же заслуженный тренер. Может быть, последнее и сыграло свою роль в становлении Юдовича-младшего мастером (1932—1992). Хотя он был настоящим мастером, серьезным, с пониманием законов шахматной борьбы. Выиграл два квалифи-

кационных матча у мастеров А. Хасина и И. Лившина, мастеров известных. От отца младший в жизни отличался. Он был сдержан, обычно немногословен и серьезен. Умело работал тренером. Одним словом, солидный товарищ. А старший обладал неиссякаемым запасом энергии. Казалось, что устать он просто не может.

На работе Михаил Михайлович был требователен к подчиненным. Он сорок два года проработал заместителем главного редактора журнала «Шахматы в СССР»! Трудился без надрыва, много и обычно с шутками и прибаутками, передавая частицу своей неизменной бодрости сотрудникам и авторам. Шутки часто бывали конкретными, но не злыми. К примеру редакционную машинистку Марию Самсоновну Михаил Михайлович однажды назвал бабушкой первой русской шахматной печатки. Печатки у нее, правда, случались. В шахматы она не играла, и могла запросто напечатать не ферзевый гамбит, а финансовый гамбит. Или вместо фамилии старинного шахматиста Левенталь напечатать знакомую — Лилиенталь. Но Мария Самсоновна не обижалась и шутила сама.

Михаил Михайлович допускал шутки подчиненных в свой адрес. (Противный, между прочим, оборот речи). Скажем, ответственный секретарь редакции Яша Нейштадт даже сочинил слова на мотив известной песенки. Там обыгрывалась ситуация, когда Мих. Мих., как его называли, управившись к обеду со всеми срочными делами, говорит: «Пошел в Комитет». Вроде бы по делу в Спорткомитет, а на самом деле в Радиокомитет. Ведь ко всем шахматным делам он был еще редактором детской радиопередачи и имел отношение к детской литературе и стихатам.

Возникает вопрос: почему при явной одаренности, при огромной энергии, трудолюбии и бодрости Мих. Мих. не стал гроссмейстером? Не переписочным, а натуральным? Ведь он принадлежал к первой молодой волне советской шахматной школы — волне Ботвинника, Рюмина, Рагозина и других. Мне представляется, что ответ прост, как в одном анекдоте: почему верблюд не ест вату? Ответ: не хочет. Избранный путь Михаила Михайловича устраивал. Он много трудился и видел результаты своего труда. И не нуждался в благосклонности фортуны, без чего в Игре не обойтись. Сам ковал свои монеты. Между прочим, не был склонен к роскоши. Мих. Мих. был крупной шахматной фигурой, но не был шахматным фанатиком.

С **Виталием Александровичем ЧЕХОВЕРОМ** (1908—1965) я познакомился в 1950 году. Мы участвовали в первенстве «Спартака» на Рижском взморье. Он был известным мастером и еще этюдистом. В том году ему присвоили звание международного мастера, а позднее и международного мастера по шахматной композиции. К сожалению, партии того интересного турнира не сохранились. Я получил от нашей встречи большое удовольствие. В партии шел обмен тактическими ударами до самого конца, оказавшегося ничейным. Виталий Александрович славился изобретательностью, и ничья с ним в острой перепалке, конечно, была приятной. В свободное от игры время он постоянно сохранял бодрое и веселое настроение. Все участники жили в доме отдыха и часто общались.

Мне запомнилось, как однажды он, возвратясь с пляжа, радостно объявил, что вот утром врач намерил ему повышенное давление, а он прекрасно выкупался в холодном море и после этого выпил сто граммов и почувствовал себя великолепно.

Вспомнил я об этом эпизоде после того, как мне ленинградский товарищ, земляк и знакомый Чеховера, рассказал, что у Виталия Александровича случился инсульт. Однако когда он в общем поправился, то описал это прискорбное событие примерно так: «Случился удар, и парализовало правую половину тела. Хорошо еще, что член во время удара лежал с левой стороны!»

Пессимисты уверены, что раньше было гораздо лучше, чем теперь.

Не стану спорить. Однако раньше я бы эти строчки публиковать постеснялся, хотя они вроде бы забавные, а теперь не грех побаловаться.

Еще запомнился мне рассказ Виталия Александровича, как его и мастера Генриха Каспаряна принял в своей резиденции католикос.

Это было в 1936 году. Тогда Каспарян, многократный чемпион Армении, выиграл квалификационный матч у Чеховера. Приглашение католикоса принял благоговейно. А когда католикос угостил их кофе, то, по словам Чеховера, Каспарян вообще потерял дар речи. Католикос спросил что-то о каком-то этюде Чеховера, и тот, нимало не смутившись, приблизился к нему с карманными шахматами и что-то показал. Каспарян от такого поведения коллеги вообще пришел в ужас. Но когда прием окончился и они возвращались, он окончательно успокоился и только повторял: «Какая честь, какая честь...»

Надо сказать, что Чеховер — автор сотни этюдов, а **Генрих Моисеевич КАСПАРЯН** (1910—1995) составил более четырехсот и имел в этой области самый высокий рейтинг в мире.

Матч двух этюдистов был очень интересным. Из семнадцати партий Каспарян имел перевес на два очка.

Позднее Генрих Моисеевич стал заслуженным мастером спорта, гроссмейстером по шахматной композиции. Так что «крестник» Чеховера не подкачал.

Александр Маркович КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ (1910—1994) был настоящим играющим тренером. В качестве наставника киевских юных шахматистов я впервые увидел его в 1939 году, через десяток лет он был тренером на спартаковском сборе, где я участвовал, потом мы вместе работали в шахматном отделе Спорткомитета (1967—1971). Александр Маркович был тренером женской сборной страны. Его авторитет у девушек был непререкаем. Он неизменно вел себя скромно, но с достоинством. Умел поставить себя в глазах окружающих. Всегда нетороплив, аккуратен в высказываниях и поступках. Предпочитал обращаться с коллегами на «вы». Ценил юмор, но реагировал сдержанно.

Комитетское начальство требовало от сотрудников являться на работу к девяти часам утра, Александр Маркович стоял на твердой позиции: работа творческая. И приходил ровно в 12. В бумагах и делах у него всегда ажур, спортивные успехи женской сборной были отличными. Так что попытки стандартизовать его рабочий график были бесперспективны.

Мне запомнился один эпизод, как мне кажется, характерный для Александра Марковича. Как-то на его лекции один способный юноша поднял руку и сказал, что вот, де, Александр Маркович рекомендует в этом варианте ход Ботвинника, а он может предложить ход лучше. Александр Маркович сделал небольшую паузу, снял очки, протер и ответил: «Давайте сначала научимся играть, как Ботвинник, а потом будем учиться играть лучше».

Он был тренером женской сборной страны 22 года, сборной команды шахматистов-заочников шесть лет. В 1933 году Александр Маркович стал мастером, участвовал во многих турнирах, в том числе десяти финалах первенства СССР. В 1983 году, через пятьдесят лет, ФИДЕ присвоила Александру Марковичу звание международного гроссмейстера. Торопливость ему была чужда настолько,

что один большой шахматист сказал так: «Он все делает правильно, но то, что можно сделать за два хода, делает за пять».

Александр Николаевич ЧИСТЯКОВ (1914—1990) был первым сильным шахматистом, с которым мне довелось встретиться в сеансе одновременной игры в Парке культуры. Дело было в незапамятном году в так называемом детском городке парка — заведении, где родители оставляли своих детишек, пока сами приобретались к культуре. Не знаю, как это получалось у родителей, а детишкам было очень хорошо. Для малышей устроили павильоны с игрушками; те, что постарше, катались по небольшому пруду на лодчонках и так далее. Имелся и шахматный уголок. И вот там первокатегорник Чистяков дал сеанс на нескольких досках. А после сеанса не побрезговал разобрать партии с малолетними пижонами. Вообще он был, как я узнал позднее, удивительно деликатным человеком. Пожалуй, даже чрезмерно, по понятиям нашей суровой эпохи, вежливым. И, казалось, стеснительным.

В 1938 году Александр Николаевич стал мастером. Ему принадлежит своеобразный рекорд — он участвовал в двадцать одном чемпионате Москвы. Дважды играл в финале первенства СССР.

Стиль игры его был интересным, творческим. Он был сильным аналитиком и внес свой вклад в теорию дебютов.

По профессии, приобретенной в Консерватории, Александр Николаевич был пианистом. Нечастый случай среди шахматистов, хотя можно еще вспомнить Чеховера, Бориса Шацкеса, не говоря уж о Марке Тайманове, первом в этой группе.

Манера поведения Александра Николаевича, его музыкальное образование, творческие устремления в шахматах — все это было гармонично соединено. Он мог показаться человеком из «России, которую мы потеряли», если использовать оборот С. Говорухина — режиссера, политика и шахматиста-любителя. Однако шахматы определили поприще — Александр Николаевич работал тренером в московском Дворце пионеров.

«Знать, эпоха вещь/ серьезная/ Призадуматься велит...» — сказал поэт.

Лев Абрамович ПОЛУГАЕВСКИЙ (1934—1995) был на редкость миролюбивым человеком. В жизни, но не за шахматной доской. Природа наградила его талантом шахматным, отличными способно-

стями вообще, отменным трудолюбием и выносливостью. Поначалу казалось, что он идет по пути Ботвинника — сочетает инженерную профессию с шахматной, но вскоре шахматы победили. В двадцать восемь лет Лев стал международным гроссмейстером, и не рядовым, а одним из сильнейших в мире. Физически крепкий и, казалось, несокрушимо здоровый. Играл во множестве турниров, двух десятках финалов первенства СССР с отличными результатами, регулярно брал первые призы в международных турнирах. В 1969 году Льву присвоили звание заслуженного мастера спорта СССР.

Он тонко понимал позицию и обладал острым комбинационным зрением. Его книга «Рождение варианта», изданная в 1977 году, открывает читателю Полугаевского — аналитика.

Быть может, будь Лев по характеру позлее, его спортивные успехи могли стать еще выше.

На Всемирной Олимпиаде 1978 года в Буэнос-Айресе, где команда Советского Союза впервые заняла второе место, не первое, Лев тянул лямку, как вол. Дело прошлое, но в силу субъективных причин отношения в команде сложились напряженные. Командного духа не было. Невзирая на трения, Лев играл неумоимо и с полной отдачей. Когда один из сопровождающих отнесся к нему грубо, скромно говоря, у Льва хватило выдержки и достоинства игнорировать хамство.

Он неизменно был внимателен к окружающим и счастлив в семейной жизни. Очень точно назвал свою статью о Полугаевском гроссмейстер Сосонко — «Добрый Лев в жестоком мире».

У Льва было много друзей и почитателей. Неуместно, вероятно, говорить о том, что смерть несправедлива и в данном случае. Но когда крепкий, жизнерадостный, добрый человек погибает в расцвете таланта от так называемой продолжительной и тяжелой, — это ужасно.

Виктор Александрович ЛЮБЛИНСКИЙ (1918—1982) выдвинулся в первых юношеских соревнованиях страны. В самом первом юношеском первенстве СССР (1934) занял 2-е место. Мастером стал в 1946 году. Много лет служил в Военно-Морских Силах и был активным шахматистом всю жизнь. Дважды участвовал в финалах первенства СССР, регулярно занимался тренерской работой и шахматной журналистикой. Имел звание международного арбитра. Шахматиста активного стиля привлекали оригинальные реше-

ния, и ему симпатизировали молодые ученики. Мне кажется, Виктор до самых зрелых лет сохранял юношеское восприятие жизни. Он любил шутки, розыгрыш, острое словцо. Иногда безобидные. Например, еще до войны он объявил товарищам, что организуется четверной турнир — участвуют Люблинский, Давид, Блох и Баранов. Такая вот фразочка из фамилий шахматистов того времени. Правда, случилась и «шутка» совсем небезобидная. Надо было доигрывать с товарищем партию в представительном турнире. Тот предложил ничью перед доигрыванием. Виктор согласился, но сказал, что надо сделать несколько ходов. А на доигрывании ходы делал, ничью не предлагал, а курил. Товарищ предложил ничью сам, на что Виктор, затянувшись, пустил на доску кольцо сигаретного дыма. Выиграл. А когда товарищ возмущенно спросил, как же так, ответил хладнокровно: «Извини, Алеша, нервы».

Однако Виктор мог относиться с юмором к чему угодно. На склоне жизни у него случился инфаркт. Он позвонил после этого мне по какому-то поводу, а потом в ходе разговора спросил, как я считаю: инфаркт — это вроде позиции без пешки или же без двух?

Прожил Виктор ровно 64 года. Шахматное число.

Шестнадцатилетним юношей **ЛИПНИЦКИЙ** (1923—1959) успешно выступил в первенстве Украины среди мужчин. Его тренером в киевском Дворце пионеров был А. Константинопольский. Позднее я слышал от него, что Липницкого отличало от многих сверстников трудолюбие и целеустремленность. Если выпадали свободные часы, он не транжирил их, а доставал карманные шахматы и находился, как говорится, при деле.

Когда началась Отечественная война, Липницкому было без малого восемнадцать лет. На войне судьба благоприятствовала, и он вернулся молодым майором, награжденным многими боевыми орденами. К тому же здоровым. Он уверенно вошел в группу подающих надежды талантливых мастеров, добился успехов в чемпионатах Украины и всесоюзного «Спартака», а в XVIII первенстве СССР лишь на пол-очка отстал от победителя — Пауля Кереса.

Товарищи звали его кто Вале́й, кто Изей. А по паспорту он был Исаак Оскарович. Почему называли Вале́й, я как-то у него не спросил.

Насколько глубоко он понимал шахматы, видно из его незаурядной книги «Вопросы современной шахматной теории» (1956, Киев).

Держался он солидно, с достоинством. Однако не прочь был иногда подшутить. Как-то во время заседания Всесоюзной шахматной секции он сказал мне, что надо идти в зал (мы стояли в коридоре), чтобы послушать одного киевского делегата. Я послушался, но делегат говорит что-то невразумительное. Я спросил Изю, за каким чертом он рекомендовал мне слушать. И он серьезно ответил: «Чтобы ты знал, с какими дураками приходится иметь дело».

Последний раз я видел Липницкого в издательстве «Физкультура и спорт» в Москве. Он работал над новой книгой. Выглядел хорошо. Но задуманной работе не суждено было появиться в свет. Не дожив немного до тридцати шести, Липницкий умер от какой-то болезни крови. Недолгим оказался путь талантливого мастера.

Исаак Залманович РОМАНОВ (1920—1993) — шахматный историк и литератор, как аттестует его энциклопедический словарь «Шахматы». Историком он был не только шахматным — окончил исторический факультет МГУ, защитил кандидатскую диссертацию, стал доцентом, но к шахматам у него было особое отношение. Сначала он просто играл, стал кандидатом в мастера, неплохо выступал в кандидатских турах, играл по переписке. Однако не было у него стремления стать мастером, попасть, с позволения сказать, в «дворянство» шахматного королевства. Его больше увлекала история шахмат, литература. Он опубликовал в 1960 году книгу «Творческое наследие М.И. Чигорина» и другие книги, перевел с английского книгу А. Алехина о Ноттингемском турнире, написал множество статей. Историю шахмат он любил больше, чем свои успехи в игре.

В его отношении к шахматной истории был романтический налет. Не случайно он подружился с П. Романовским и сотрудничал с ним. Ради того, чтобы работать в области шахмат, оставил свою доцентуру в каком-то институте и стал редактором шахматных книг в издательстве «Физкультура и спорт». Там мы познакомились поближе.

Исаак работал дома, приходил в присутствие только по делу. Был пунктуален, тщательно отредактированные рукописи приносил точно в срок.

Появлялся он в редакции с огромным портфелем с серьезным, даже грозным видом. В суждениях, когда признавал свою правоту, был категоричен. Однако чувствовалось, что это лишь фасад, что

он грозен лишь с виду, а на самом деле добродушен. Как-то сотрудники подшутили над ним, засунув в его портфель здоровенный дырокол на деревянной подставке. Исаак обнаружил это чудо бюрократической техники лишь дома и принес, не обидевшись. Товарищи дали ему кличку «царь». Называли так в основном за глаза. Исаак не сердился.

Однажды он поехал в туристическую поездку в Польшу. При возвращении бдительные таможенники обнаружили у него Библию. Он объяснил, что он историк, Библия ему нужна для работы. Книгу отобрали, в издательство сообщили о «преступлении» письмом.

Позднее, когда в издательстве началась очередная реорганизация, дирекция предложила Романову, изменив первоначальной договоренности, ходить на работу как все, каждый день. Он, естественно, отказался, и дирекции удалось сократить одну штатную единицу. И пришлось высококвалифицированному шахматному редактору идти обратно в доценты. Единственное утешение, что зарплата более чем удвоилась.

Зато мастер Эстрин, его товарищ, острил, что он непременно придет в институт, когда доцент Романов будет читать лекцию об исторических успехах советского сельского хозяйства.

На службе Исаак Романов продолжил сеять разумное, доброе, вечное, а свободное от этого занятия время отдавал истории шахмат, игре по переписке, судейству заочных соревнований как международный арбитр ИКЧФ. Так что все сложилось превосходно.

Не зря в эпоху, когда кадры решали все, о сокращении штатов придумали такой анекдот: «На “А” уволить, на “Б” оставить, на “В” уволить, на “Г” оставить».

Яков Герасимович РОХЛИН (1905—1997) смело может быть назван легендарным шахматистом. Я познакомился с ним, когда его активные выступления в очных соревнованиях остались позади, а его организационная деятельность была в расцвете. Это было уже после войны, когда Яков Герасимович стал москвичом. Он родился в Петербурге (в «Словаре шахматиста», изданном в 1929 году, дата рождения почему-то — 1903 г., хотя там же не указан год выпуска этого самого словаря. Возможно, ошибка. Однако среди составителей значится имя Я.Г. Рохлина). Так или иначе, но, будучи молодым человеком в двадцатые годы в Ленинграде,

Яков Герасимович развил бурную организаторскую деятельность. Открывал шахматные клубы, шахматную кафедру в Институте физкультуры, студенческие соревнования и так далее, и еще опекал молодого подающего надежды Михаила Ботвинника. Ходила легенда, что когда у Ботвинника возникли трудности при поступлении в вуз, так как он досрочно окончил среднюю школу и, к тому же происходил не из рабочего класса, Яков Герасимович выдвинул администрации неожиданный аргумент: Ботвинник — сын врача-рабочего. Что это за штука, понять было нелегко, но Яков Герасимович, не смущаясь, убеждал, что, дескать, это врач, который лечит рабочих. Такая аргументация, с позволения сказать, была воспринята благосклонно.

Вообще Яков Герасимович, добиваясь организационных целей, за словом в карман не лез. Мой товарищ Яша Эстрин так описывал «дебют Рохлина», когда тому необходима была подпись начальника. Яков Герасимович коротко, но ярко обозначал проблему, а потом приятным голосом спрашивал: «Вы ж понимаете?» Начальнику неудобно было признаться, что он недопонимает, и он кивал головой. Тогда Яков Герасимович выкладывал на стол подготовленный документ, сопровождая фразой: «Тогда подпишите, пожалуйста!» Надо отметить, что писать всякого рода документы, докладные, телеграммы и т.д. Яков Герасимович умел мастерски. В его долголетней трудовой биографии были чиновничьи периоды — работа начальником отдела шахмат Российской Федерации и Союза, а также помощником председателя Спорткомитета Российской Федерации.

Сначала спортивные результаты Рохлина-шахматиста были вполне успешными. Он дважды играл в чемпионатах СССР, сыграл вничью матч с Ильиным-Женевским (1925 г.), выиграл квалификационный матч у мастера А. Моделя (1929 г.).

Яков Герасимович был одним из пострадавших от «мудрости» наших строителей квалификационной системы, полагавших, что звание можно не только присваивать, но и отбирать. И довольно много лет ушло у Рохлина на то, чтобы вернуть свое звание. Его неутомимая деятельность в разных областях шахмат принесла ряд званий — заслуженный тренер СССР, международный мастер игры по переписке, международный арбитр. Он защитил кандидатскую диссертацию по шахматной теме, стал доцентом. К тому же был автором многих книг, статей, переведенных на разные языки. Кстати, Яков Герасимович владел немецким.

Двенадцать лет Яков Герасимович проработал гостренером (начальником шахматного отдела) Спорткомитета России. Начав на пустом месте, организовал в 1947 году представительный международный турнир памяти Чигорина. Создал целую систему соревнований российских шахматистов — очные, заочные по почте и по телеграфу, а также регулярные выезды мастеров и гроссмейстеров, живущих в крупных городах, на периферию для сеансов, лекций, проведения занятий, участия в соревнованиях вне конкурса. Рохлин «изобрел» первый Всероссийский шахматный турнир колхозников. Потом уже проводились и всесоюзные соревнования для сельских шахматистов. Он организовал сверхдальний по тем временам матч Ленинград — Владивосток по радио (1947 г.). Кажется, это соревнование было интересно связистам потому, что можно было испытать устойчивость продолжительной радиосвязи, ведь в играющейся партии сразу заметны пробелы. А шахматистам этот матч был полезен хотя бы потому, что владивостокцы, сыгравшие с ленинградцами вничью, были поощрены своим руководством — получили помещение для шахматного клуба.

Яков Герасимович обладал неиссякаемым запасом энергии и недюжинными способностями. Быть может, в других областях он бы достиг выдающихся высот. Его брат был видным ученым, членом-корреспондентом Академии наук СССР (Тогда академии можно было по пальцам пересчитать. Ныне, слава Богу, «академии» размножились, как кролики). Однако он был безгранично предан именно шахматам, хотя его интересы простирались широко — от балета до литературы.

Правильно сказано о нем в энциклопедии «Шахматы»: «... сов. шахматист и деятель сов. шахм. движения».

* * *

Как-то я видел заграничный фильм под названием «Мы вундеркинды». Авторы фильма довольно убедительно доказывали, что мы, люди необычайного двадцатого века, вундеркинды. Выжить в этом веке — настоящее чудо. И среди шахматистов было немало вундеркиндов самой высокой пробы. К примеру, один из мальчуганов, занимавшихся в московском Доме пионеров, в первые месяцы Отечественной войны был лейтенантом, его часть разгромили и он, как многие сотни тысяч, попал в плен. По националь-

ности — немец он оказался в немецкой армии, в африканском корпусе генерала Роммеля. В конце концов англичане этот корпус окружили и разгромили, и этот малый оказался в плену у англичан. Его переправили в Южную Америку, в Британскую Гвиану. Там джунгли и прочие страсти-мордасти, но московский пионер исхитрился из английского лагеря военнопленных сбежать в сопредельную страну, кончил воевать и попадать в плен и вскоре женился на плантаторской дочке. Выходит, что стал плантатором. Так говорили о его судьбе бывшие товарищи. Жаль, что неизвестно, играли ли какую-либо роль в его приключениях шахматы.

Борис Павлович НАГЛИС (1911—1977) тоже не был обижен судьбой в части приключений. Правда, в пределах Родины.

С молодых лет он работал инструктором по шахматам в московском Спорткомитете. Я познакомился с ним, будучи школьником, когда Борис Павлович занимался с ребятами в Доме пионеров. Молодой, неизменно бодрый и веселый, любил «блиц со звоном». Ребятам все это нравилось, но Бориса Павловича из Дома пионеров удалили. Будто бы какой-то человек наблюдал занятие, которое вел Борис Павлович. Человек не сказался, что он инспектор, и по его указанию Бориса Павловича от занятий с пионерами отстранили. Говорили, что инспектору не понравился один комментарий Бориса Павловича. Якобы, опровергая какой-то ход оппонента, он сказал: «А мы вам Пирц в розовые губки!» Ребята тогда были малообразованные, телевидения и передач «про это» еще не придумали, фамилия шахматиста Пирца вместо шаха казалась смешной, но инспектор дело знал.

Воевал Борис Павлович героически, заслужил многие награды и погоны старшего офицера. Оборонял Сталинград. Когда-то писатель И. Падерин опубликовал в «Огоньке» рассказ, где упоминалось, как герой Сталинграда генерал Чуйков предложил Борису Павловичу партию в шахматы. Дело было в блиндаже, наверху грохотал непрерывный бой, ухали взрывы, с потолка время от времени сыпались комочки земли... Генералу по ходу игры что-то докладывали, он лаконично приказывал. Такая вот «бытовая» сценка.

А на похоронах Бориса Павловича один из его боевых товарищей сказал, что не всегда боевой путь покойного отмечался удачами. Было дело, что под угрозой расстрела стоял. Однако вернулся с войны живой, с руками и ногами и по-прежнему жизне-

радостный. На этом движение по острию ножа не закончилось. О военных делах мне Борис Павлович не рассказывал, а вот о том, как его допрашивал известный благодаря «делу врачей» следователь-негодяй Рюмин, как-то рассказал. Как уж Борис Павлович к нему на допрос попал, не знаю, знаю лишь, что пострадала у Бориса барабанная перепонка, а когда он инстинктивно дернулся, чтобы дать сдачи, его схватили, и Рюмин изрек: «Уберите этого бандита». Рассказывая, как его этот тип назвал бандитом, Борис Павлович смеялся. Борис Павлович не был ни врачом, ни сионистом, а просто шахматистом, по национальности литовцем и обыкновенным москвичом. Судьба с этим самым Рюминым разобралась, Бориса Павловича вызывали в высокий суд давать свидетельские показания. Однако до этого он успел отведать лагеря и лесоповал.

Два десятилетия он отработал на посту директора шахматного клуба. Тринадцать — Центрального и еще семь Московского областного.

На работу Борис Павлович приходил рано, в определенное время. Гладко выбритый, аккуратно одетый, внешне импозантный и бодрый. Командовать коллективом умел. Четко и без высоких нот. При нем долгие годы в Центральном клубе работали Коля Сиротин, Шура Королева, Изя Землянский, Боря Равкин и другие. Все шло до поры до времени, как теперь говорят, стабильно.

С утра пораньше Борис Павлович делал шахматную «зарядку» — шесть партий — пятиминутный блиц. Чаще всего спарринг-партнером приходилось быть Боре Равкину. Иногда, жаловался мне он, это его даже тяготило. Но отказать он не мог. Боря начинал свой шахматный путь в Доме пионеров, том самом, где неудача постигла Бориса Павловича. Среди шахматистов по доброжелательности он был человеком уникальным. К нему по-доброму относились все. Даже враждовавшие между собой конкуренты — гроссмейстеры и чемпионы. Добрый, порядочный, обязательный Бóрис — так называли его некоторые иностранные гроссмейстеры (он был переводчиком и международным арбитром) — врагов не имел.

Во время блица к Борису Павловичу мог подойти бухгалтер или иной сотрудник, нуждавшийся в подписи директора на документе, и получал «автограф» в перерыве блица. Вроде указания генерала на командном пункте.

Когда в коллективе отмечали юбилеи шахматистов либо подобные мероприятия, Борис Павлович демонстрировал высший класс организации. После тостов и при поднятии необходимого градуса он, обладая приятным голосом и слухом, организовывал настоящее веселье.

Борис Павлович больше всего любил блиц, но регулярно играл и в нормальных турнирах. Мастером стал в пятьдесят лет. Больше для солидности, для представительности. Высшим авторитетом для него был Ботвинник.

С Михаилом Александровичем БОНЧ-ОСМОЛОВСКИМ (1919—1975) я познакомился на Стадионе юных пионеров. Он принадлежал к группе старших школьников, в которой были Александр Ельцов, погибший на войне, Смыслов, Симагин и другие. Он был общительным и энергичным юношей крепкого сложения, с крупными чертами лица и громким голосом. Занимался спортом. Позднее достиг второго спортивного разряда в боксе, в полутяжелом весе. В чемпионате Стадиона в 1936 году занял второе место, за Смысловым. Победителей награждали подарками, учитывая их выбор. Миша получил теннисную ракетку.

Свои партии он записывал каллиграфическим почерком, нормальным шрифтом. С первых шагов уделял серьезное внимание дебютной стратегии. Шахматными знаниями овладевал методично. Учился Михаил в Московском высшем техническом училище им. Баумана, там же в годы учебы работал на административной должности, обладая несомненными организационными способностями. Закончив высшее образование, пошел по научно-педагогической линии. Стал кандидатом наук и позднее доктором, преодолев немалые затруднения на этом пути. У шахматистов пользовался заслуженным авторитетом, уделял время общественной работе, был председателем шахматной секции студенческого спортивного общества «Буревестник». Мастером стал в 1951 году, до этого не раз близко подходил к заветной норме. К примеру в 1950 году сыграл вничью со счетом 7 : 7 с мастером Арониным, без пяти минут гроссмейстером. В том же году мне довелось играть с Михаилом в полуфинале первенства СССР во Львове. И теперь, спустя полвека, хочется вспомнить маленький эпизод, может быть, любопытный.

У нас были хорошие отношения, я уже стал мастером, Михаил хорошо шел в турнире, я же играл, как говорится, из любви к искусству. Утром дня тура, когда нам предстояла встреча, он зашел ко мне в номер и спросил: «Как будете сегодня играть, маэстро?» Я в этот момент брился и, не отрываясь от зеркала, ответил довольно нахально, что мне казалось остроумным. Я играл белыми и рвался в бой, хотя партнера устраивала ничья. Партия все равно закончилась вничью. Михаил на меня несколько не обиделся. Только как-то в разговоре со мной отметил особенности характера шахматиста — этакую жажду победы ради одного морального удовлетворения. С одной стороны, спортивно, а с другой — иногда довольно странно. В моем случае спортивная этика была отличным оправданием эгоизма. Ничья — это не умышленный проигрыш, то есть небольшой грех.

Будучи уже в весьма зрелом возрасте, я узнал, что по семье Бонч-Осмоловского в свое время прокатился каток репрессивных органов, что его кандидатуру отвели от поездки за рубеж в 1953 году, уже после смерти Сталина. Внешне в жизни Михаила все складывалось отлично, однако судьба, втихую для окружающих, наносила свои удары. Итог — не выдержало сердце сильного, энергичного, доброжелательного человека. Ушел из жизни, не успев сделать многого.

Георгий Владимирович БАСТРИКОВ (1914—1979) был в шахматном сообществе фигурой парадоксальной. Кажется, такой мог быть только в нашей стране и нигде больше. Он жил в Свердловске (Екатеринбурге), многократно участвовал в первенствах России, играл интересно, с выдумкой и вкусом. Выполнив мастерскую норму, поставил рекорд, который можно было бы занести в «шахматную книгу Гиннеса». Рассказывали, что, когда ему дали бланк анкеты, чтобы оформить представление на присвоение звания мастера, Георгий Владимирович взял его двумя пальцами, оттопырив мизинец, украшенный длинным ногтем, и сказав, что эта бумага его не устраивает, положил анкету на стол. Не нравился ему раздел, где надо было описывать трудовую деятельность, места работы. Позднее, когда еще раз была выполнена мастерская норма, Георгий Владимирович этот опасный анкетный риф как-то обошел. Однако он не чужд был трудовой деятельности. Подвизался в роли тренера, занимался с юными

шахматистами. Я слышал отзывы ребят, ставших позже мастерами, что он давал известные знания, но склонен был к шуткам весьма сомнительного содержания. Вроде бы бравировал своим цинизмом. Он выступал также в роли организатора и судьи различных турниров в городах России. И хотя был небольшого роста, с животиком, не обремененный какими-либо дипломами учебных заведений, но держался представительно и внушал доверие отцам города, когда надо было добиваться для турнира и участников надлежащих условий.

Иногда он рассказывал в узком кругу презанятные истории, при этом его голубые глаза весело блестели, а улыбка была снисходительной.

Мастер Эстрин как-то сказал мне, что Георгий Владимирович задал ему иронический вопрос: «Вот ты, комсомолец, скажи мне, старому русскому человеку, что все это значит и куда мы идем?»

Сам Бастриков на тему «куда идем» не высказывался.

Молодой офицер **Владимир Павлович ЗАГОРОВСКИЙ** (1925—1995) выполнил мастерскую норму. Звание по итогам полуфинала первенства СССР в Ленинграде ему присвоили в 1948 году. Между прочим, единственному в том году. Довольно любопытные были времена по сравнению с нынешними, когда такого рода события происходят еженедельно, а может быть, даже ежедневно. Времена меняются, как говорили древние греки. Однако насколько!

В ту пору я оказался по шахматным делам в Ленинграде. Готовили радиоматч Ленинград — Владивосток. «Стоял» в гостинице «Европейской», где также обитали участники полуфинала. «Штаб» радиоматча находился в номере «люкс», где был камин и прочие пережитки прошлого. Из штабного инвентаря, конечно, телефон. И все. Однако в этом «штабе» иногда собирались молодые участники полуфинала. Там мы и познакомились с Володей Загоровским. На следующее утро после того, как он выиграл завершающую норму партию, кому-то пришла мысль немножко пошутить. Я взял телефонную трубку, представился Володе корреспондентом и попросил рассказать, как протекала вчерашняя знаменательная партия. Володя, не подозревая подвоха, стал серьезно «давать текст». Минуты через две я перебил его и, сказав что-то вроде «довольно трепаться», сделал предложение прийти

с бутылкой, чтобы отметить торжественное событие. Сказано — сделано. Кажется, в тот день на турнире был выходной.

Владимир Павлович был коренным воронежцем. Имел хорошие результаты в очных соревнованиях — чемпион Вооруженных Сил 1951 года, чемпион Москвы 1952 года. Однако он ограничил свое участие в очных соревнованиях, избрав научную стезю. Стал доктором исторических наук, профессором. Свою профессиональную деятельность успешно сочетал с участием в заочных соревнованиях: чемпион мира в игре по переписке (1962 — 1965 гг.), международный гроссмейстер ИКЧФ. Много лет был вице-президентом ИКЧФ.

Григорий Абрамович ГОЛЬДБЕРГ (1908—1976) сыграл заметную роль в делах советской шахматной школы. Во-первых, он был тренером М.М. Ботвинника в 1958 — 1960 годах, во-вторых (а может быть, во-первых), с 1960 года, когда стал преподавателем теории шахмат в Государственном центральном институте физической культуры, постепенно идея высшего образования в области шахмат приобрела реальные очертания. В 1966 году в Институте формально утвердили шахматную специализацию. Надобно иметь в виду, что хотя многие спортсмены интересуются шахматами, но нередко деятели физкультуры и спорта относятся к ним как к чужеродному телу. Дескать, спортсмен — сильный, ловкий и т.д., а шахматист сидит, что-то там думает... Хилый, должно быть. Григорий Абрамович обладал комплектом качеств, опровергающих эту антишахматную идейку. Высокорослый, мощного сложения, с громовым голосом, да еще с большими организаторскими способностями, эрудицией, жизненным опытом, в том числе и военным, он был авторитетен в кругах руководителей, а студенты и его питомцы, с которыми мне доводилось общаться, все остаются о Григории Абрамовиче самого высокого мнения. В 1982 году специализация стала кафедрой, затем в других городах в институтах появились аналогичные. В Москву на учебу стали приезжать не только со всех концов страны, но и из далеких стран. Высшее образование в области шахмат стало реальностью.

Григорий Абрамович обладал боевым атакующим стилем. Мастером стал в 1939 году, дважды играл в финалах первенства страны, множество раз в чемпионатах России, Ленинграда, Москвы.

Вел большую общественную работу в спортивном обществе «Труд», был международным арбитром и заслуженным тренером СССР.

До последнего дня жизни Григорий Абрамович работал в институте.

Мне довелось общаться с Григорием Абрамовичем по работе, дважды встречаться за доской в турнирах.

Масштабный был человек.

Борис Федорович БАРАНОВ (1923—1976) к званию мастера продвигался неспешно, как бы выполняя рутинную работу. Он был тружеником от природы. В полуголодные послевоенные годы работал грузчиком на кондитерской фабрике, где за удовольствие иметь доступ к сладостям погубил свои зубы. Приветливый по натуре, он засверкал нержавеющей стальной улыбкой.

Рослый, уравновешенный, он как бы был в шахматном королевстве предназначен на судейскую должность. На первых порах обслуживал большие турниры физически, позднее судил. Став литсотрудником журнала «Шахматы в СССР», проработал в нем до последнего дня жизни. У него был острый глаз на ошибки в записи партий. Он предлагал пари любому автору комментариев, что найдет ошибки. И регулярно выигрывал — по конфете «Мишка» за каждую ошибку. Фортуна благоволила Борису. Ему почему-то везло в игре в «железку». Еще Борис любил наведываться на бега. Однако его привлекала не только игра. Нравились лошади. Да и другие животные тоже.

Мы работали в одном издательстве, и как-то нас направили на месяцок помочь сельскому хозяйству физически в забытый Богом Кривандинский район, в деревню Марчуги. Район и колхоз числились отстающими. Это ясно было и при взгляде на доску, что стояла перед правлением колхоза. На ней обязательства — сколько чего вырастить, сколько получить яиц от каждой курицы-несушки. Последняя цифра была такой маленькой, что просто курам на смех. В усталых глазах председателя колхоза, отставного полковника, светилась безнадежность. Он был вежлив и не похож на деревенского жителя. Борис в своих очках в золоченой оправе и я в роговых тоже не соответствовали сельскому пейзажу. Хозяйка дома, где мы стояли, гордилась тем, что на колхозные работы почти не ходит. Когда бригадир Иван Михайлович обходил спозаранку дома, чтобы поднять

людей на работу, хозяйка пряталась в погреб. А Борис частенько быстро собирался и шел до работы посмотреть колхозных животных. Я дал себя уговорить на такую экскурсию один раз, а он интересовался регулярно. А на свирепого быка-производителя с металлическим кольцом в носу Борис взирал с нескрываемым восторгом.

Борис регулярно писал комментарии к партиям, обзоры туров, статьи, а шахматной «беллетристикой» не увлекался, хотя мнение свое имел.

Наряду с симпатией к сладкому у Бориса появилась сильная тяга к горькому. Стал заметен наносимый ущерб. Однако критики Борис не утрачивал. Как-то я сказал ему, что после рюмки коньяка я очень бодренько написал статейку. Он сказал, что это нормально, но можно легко привыкнуть и тогда без рюмки ничего не будет получаться. А сам сумел «завязать». Правда стал ежедневно пить множество чашечек черного кофе.

В 1976 году в дни межзонального турнира в Швейцарии по телефону из Москвы пришла неожиданная трагическая весть: Борис скоропостижно умер. В конце рабочего дня в редакции ему стало не по себе. Он взял такси и поехал домой. По дороге попросил таксиста отвезти к «Склифосовскому»... И все. Не стало международного арбитра, мастера, товарища. Прожил 53 года. Оставил добрую память.

III. Приятные воспоминания

«Чеши, где чешется!»

Козьма Прутков

Удобно ли включать свои партии в эту книжку? Посоветовался со специалистами. Говорят — включай! Но ведь они не только специалисты, но еще и друзья... Однако отмел сомнения. Приятно вспомнить чудные мгновенья, заодно показать читателю, что автор встречался за доской с уважаемыми шахматистами.

Записывать и хранить все свои турнирные партии надо обязательно. Увы, я это делал нерегулярно. Большую часть из двух дюжин приведенных партий нашел в печати, в «Шахматном бюллетене» и т.п. Комментарии, где они есть, краткие, без цели что-то доказать или чему-то научить.

Теперь немного самокритики. Мой давнишний друг Яша Нейштадт, мастер и автор множества серьезных книг по шахматам, характеризовал мой стиль в те далекие теперь годы, когда я играл в турнирах, так: «Два прихлопа, три притопа». Вроде массовика-затейника в парке культуры. Мне это казалось скорее забавным, чем обидным.

Строже как-то высказался гроссмейстер Левенфиш: «Бейлин старался обострять игру, полагая, что это увеличивает его шансы на успех, но в целом ряде партий он сам первый допускал ошибки» («Шахматы в СССР», 1949, №8 «Впечатления судьи»).

Долгое время я по самонадеянности полагал, что протирать штаны, изучая дебюты, не обязательно. Стратегия моя оригинальностью не отличалась. Однако иногда удавалось надуть противника тактически. Это особо приятно, когда противник — сертифицированный тактик. К эндшпилю, правда, относился уважительно. Еще со школьной скамьи запомнил «лозунги» юных «звонарей»: «С молодежью — в эндшпиль!», «Слабость пижона — в эндшпиле!».

В целом мой подход к игре не был профессиональным. А я и был любителем. Работал юристом, редактором, шахматным чи-

новником, еще писал, тренировал, судил. В турнирах играл во время отпусков, в выходные дни, по вечерам. Видно, так на роду было написано.

Эта глава адресована любителям. Быть может, мои рассуждения кое-кому не понравятся. Не беда... На всех не угодишь.

Партии

Летом 1938 года команда Стадиона юных пионеров отправилась в Киев на матч со сверстниками. Перед этим мне удалось выиграть чемпионат Стадиона и получить вторую категорию. На первой доске киевлян играл Николай Заноздра, первокатегорник. Накануне он занял второе место во всесоюзном юношеском первенстве, позади В. Смылова, но выиграв у него личную встречу.

Первую партию я, играя черными, довольно быстро проиграл и на завтра увидел в украинской газете: «Заноздра блистово перемог Бейлина, и зрители наградили его бурхливыми оплесками», то есть бурными аплодисментами.

Настроение перед второй партией было мрачноватым. Однако Володя Симагин, бывший тренером нашей команды (он уже закончил школу), взялся за мою психологическую подготовку. Он убеждал, что противник не так уж силен, что я, несомненно, способен выиграть. Я показал ему ловушку в дебюте, которую применил Рюмин против Верлинского в VII первенстве СССР. Володя одобрил.

Непосредственно перед игрой он хотел угостить меня мороженым, но в горло не лезло. Зато когда партнер угодил в ловушку, я встал и мороженое попросил.

Когда партия благополучно закончилась, Володя сделал вид, что иначе и быть не могло.

Это был мой первый выезд по шахматному делу из Москвы. Впечатления от Киева остались ярче, чем от более поздних путешествий в Монголию, Бразилию, на Мадагаскар...

*Ферзевый гамбит***М. Бейлин — Н. Заноздра**

Командный матч

Стадион юных пионеров (Москва) —

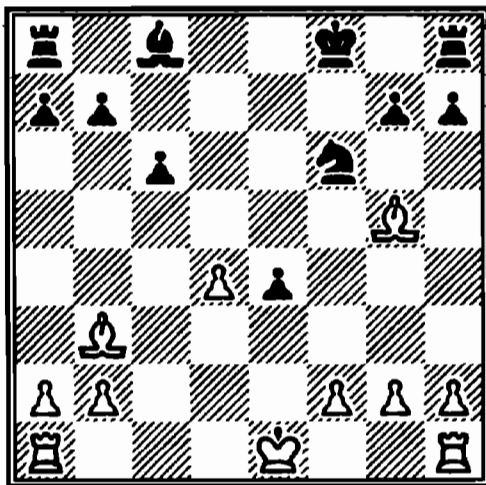
Дворец юных пионеров (Киев)

Киев, август 1938

1.d4 ♘f6 2.c4 e6 3. ♘f3 d5 4. ♘c3
 ♘bd7 5.cd ed 6. ♗b3 c6 7.e4 ♘:e4
 8. ♘:e4 de? 9. ♘g5.

Тут я почувствовал себя отлично. Правильно было для черных 8... ♗e7 с возможным продолжением 9. ♘g5 h6 10. ♗e3 hg 11. ♘d6+ ♗d8 12. ♗:e7+ ♗:e7 13. ♘:c8+ ♗:c8 14. ♘:g5+ и т.д.

9... ♗e7 10. ♘c4 ♗b4+ 11. ♘d2
 ♗:b3 12. ♘:b3 ♘e7 13. ♘:f7+ ♗f8
 14. ♘b3 ♘:g5 15. ♘:g5 ♘f6.

При материальном равенстве белые имеют явное позиционное преимущество.

16.0-0 h6 17. ♘:f6 gf 18.f3! e3.

Если 18...ef, то 19. ♗:f3 ♗g7 20. ♗e1 с решающим преимуществом.

19. ♗ fe1 ♘ f5 20. ♗ :e3 ♗ d8
 21. ♗ ae1 ♗ h7 22.g4 ♘c8 23.d5 cd
 24. ♘:d5 ♗c7.

После 24... ♗:d5 следует мат в четыре хода.

25. ♘b3 f5 26.h3 fg 27.hg ♗d2
 28. ♗e8+ ♗g7 29. ♗1e7+ ♗:e7
 30. ♗:e7+ ♗f6 31. ♗c7 ♘d7
 32. ♗:b7 ♘c6 33. ♗c7! ♘:f3
 34. ♗f7+ ♗g5 35. ♗:f3 ♗:b2 36. ♗f7
 a6 37. ♗g7+ ♗f4 38. ♗g6 a5
 39. ♗:h6 a4 40. ♘:a4 ♗:a2 41. ♘d7.
 Черные сдались.

Больше мне не доводилось встречаться с Николаем Заноздрой. Тогда, в Киеве, я обратил внимание на то, с каким уважением к нему относились сверстники. Он вел себя солидно, не по юношеским годам. Слышал, что он стал ученым, доктором наук, то ли медицинских, то ли биологических.

*Каталонское начало***В. Тарасов — М. Бейлин**

Всесоюзный турнир

кандидатов в мастера

Москва 1948

Эта партия игралась на финише. Виталий Тарасов в итоге занял второе место. Мне досталось первое.

1.d4 ♘f6 2.c4 e6 3.g3 d5 4. ♘g2
 dc 5. ♗a4+ c6 6. ♗:c4 ♘bd7 7. ♘f3
 ♘d6 8.0-0.

Здесь белые могли сыграть 8. ♘bd2 и на 8...e5 ответить 9. ♘g5! 0-0 10. ♘e6. Если 9... ♗e7, то 10. ♘de4. В книге Я. Нейштадта «Каталонское начало» (Москва,

«ФиС», 1969) сказано, что у белых хорошие перспективы. Пожалуй, после 10... ♖b4+ и у черных неплохие.

8... e5 9. ♜c2 0-0 10. ♖bd2 ed 11. ♖:d4 ♜e8 12. ♖c4 ♗f8 13. ♜d1 ♜e7 14. ♗f4 ♜c5 15. ♜ac1 ♖b6.

Дебютная стадия завершилась для черных благоприятно, и белые проявляют готовность разменять ферзей.

16. ♖e3 ♜h5 17. ♗f3.

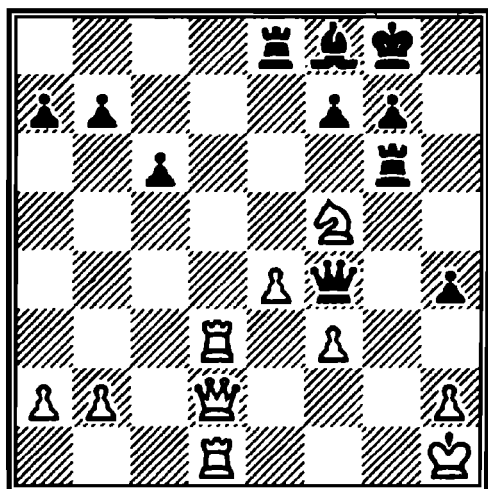
Белые форсируют размен двух легких фигур, но ослабляют прикрытие своего короля.

17... ♖g4 18. ♖:g4 ♗:g4 19. ♗:g4 ♜:g4 20. f3 ♜h5 21. ♗g2 ♖d5 22. e4 ♖:f4+ 23. gf ♜h4 24. ♖e2 ♜e6 25. ♖g3 ♜h6 26. ♗g1 ♜:f4.

Первый «гол» в ворота белых. И угрозы нарастают.

27. ♜d3 ♜g6 28. ♜cd1 h5 29. ♗h1 h4 30. ♖f5 ♜e8 31. ♜d2.

Необходимо было защитить пешку e4. Правда, на 31. ♜e3 или 31. ♜c4 могло последовать 31... ♜g5, и атака усиливается.

31... ♜:e4! 32. ♜:f4 ♜:f4 33. ♖d4 ♜d6 34. ♖e2 ♜:d3 35. ♜:d3 ♜b4.

В итоге у черных две лишние пешки без компенсации.

36. b3 c5 37. ♗g2 c4 38. bc ♜b2 39. ♗f1 ♜:a2 40. ♜d7 b6 41. ♖c3 ♜:h2 42. ♖e4 a5 43. ♖g5 a4 44. c5 ♗:c5.

Белые сдались.

Староиндийская защита

М. Бейлин — Л. Аронин

Полуфинал первенства СССР
Москва 1949

Перед партией Лев Аронин (1920 — 1983) входил в лидирующую группу. Он почему-то предложил мне ничью. Я отказался, хотя он был признанным сильным мастером, а я кандидат в мастера и впервые играл в полуфинале.

Нередко я отказывался от предложенной ничьи во время партии. Часто отказы выходили боком. Вероятно, подводила склонность к переоценке своей позиции.

Лев обладал некими необычными способностями. К примеру, вы произносите фразу из нескольких слов, а он немедленно говорит, сколько в этой фразе букв.

Как-то во время XXX первенства СССР в Ереване я завтракал в ресторане за одним столом с главным судьей турнира Александром Котовым. Далеко от нас,

в другом конце зала сидел Лев. Я увидел, что официант поставил на его стол бутылку вина. Лев не был склонен к винопитию, но здоровьем в то время не отличался. Он тогда объявил себя вегетарианцем. На мой взгляд, чудил. И я, не глядя на Льва, потихоньку сказал Котову насчет бутылки. Неожиданно Лев встал, прошел через весь зал и спросил, о чем это мы тут разговариваем.

Может быть, он предчувствовал, что не сможет сыграть в полную силу? Не знаю.

Талант Льва Аронина был признан. Он внес немало новых идей в теорию дебютов. В 1950 году в финале первенства СССР разделил 2-4-е места (с Толушем и Липницким). Был близок к званию гроссмейстера. К сожалению, слишком глубоко переживал неудачи и в конце концов его нервная система не выдержала.

Проигрыш этой партии не помешал Льву занять в турнире первое место.

1. d4 ♘f6 2. c4 g6 3. ♘c3 ♘g7 4. e4 d6 5. ♘f3 0-0 6. h3 e5 7. ♘e3 ed 8. ♘:d4 ♚e8 9. ♘d3 ♘bd7 10. ♘b3 ♘:e4.

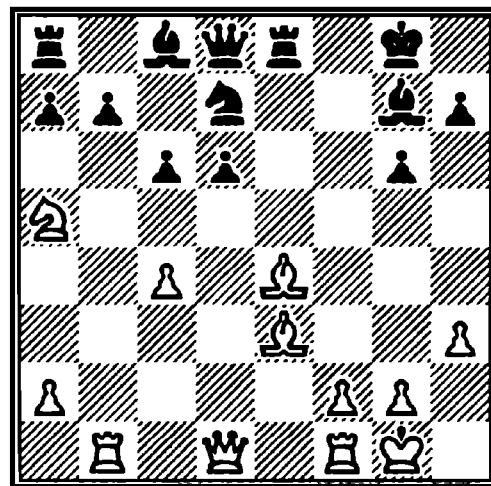
Черные, вместо того, чтобы продолжать развитие, затевают комбинацию себе во вред.

11. ♘:e4 f5 12. 0-0 fe 13. ♘:e4 ♘:b2.

Конечно, нельзя 13... ♚:e4 из-за 14. ♚ d5+, но не следовало

брать пешку. Можно, к примеру, продолжать 13... ♘f6.

14. ♚b1 ♘g7 15. ♘a5 c6.

16. ♘:c6 bc 17. ♘:c6 ♚b8 18. ♚ d5+ ♚ h8 19. ♚:b8 ♘:b8 20. ♘:e8 ♚:e8 21. ♘:a7 ♘c6 22. ♘e3 ♘e5.

«Пальба» закончилась. У белых ладья и две пешки за слона и коня. Есть проходная и свободные линии для ладьи. Черный король ненадежно укрыт, легкие черные фигуры недостаточно взаимодействуют. Положение черных критическое.

23. f4 ♘e6 24. ♚d3 ♘f5 25. ♚d2 ♘g7 26. ♘f2 ♚b8 27. ♚d1 ♘f8 28. ♚d5 ♚c7 29. ♚d2 h5 30. a4 ♚h7 31. ♚b2 ♘d8 32. ♘b6 ♚b8 33. a5 ♘g7 34. ♚d2 ♘e6 35. ♚:d6 ♚b7.

Черные фигуры пассивны. Потеряна еще одна пешка. Партия решена.

36. ♚ d5 ♚ e7 37. ♚ d6 ♚ h4 38. ♘f2 ♚f6 39. a6 ♚a1+ 40. ♚d1 ♚a4 41. ♚e1 ♘f8 42. ♚b6 ♚:c4 43. ♚b7+ ♘c7 44. a7 ♘g7 45. ♚e7 h4 46. ♚:c7. Черные сдались.

Ферзевый гамбит

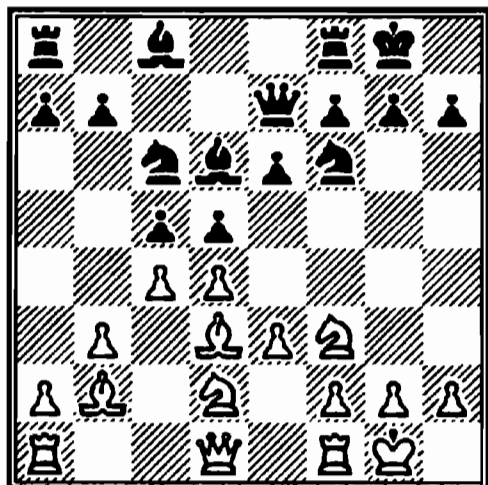
М. Бейлин — А. Хасин

Полуфинал первенства СССР
Москва 1949

Эта партия запомнилась мне потому, что удалось реализовать материальное преимущество в четырехладейном эндшпиле.

1.d4 d5 2.c4 e6 3.♘f3 c6 4.e3
♘f6 5.♘bd2 c5 6.b3 ♘c6 7.♘b2
♘d6 8.♘d3 0-0 9.0-0 ♚e7?

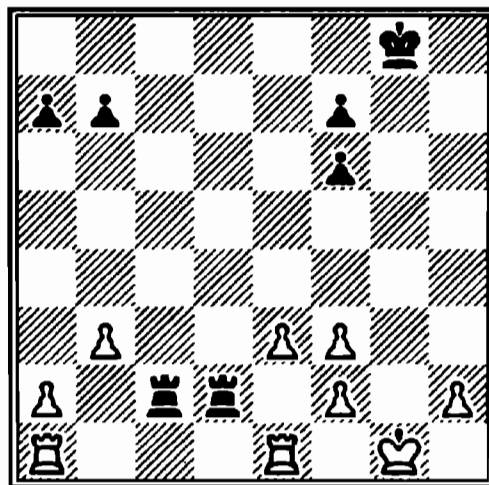
А Хасин не заметил простого тактического удара, которого легко можно было избежать.

10.dc! ♘:c5 11.♘:f6 ♚:f6 12.cd
ed 13.♘:h7+ ♚:h7 14.♚c2+ ♘f5
15.♚:c5 ♘ac8.

Просмотрев маленькую комбинацию и оставшись без пешки, черные решаются на жертву ради контратаки. Пожалуй, напрасно.

16.♚:d5 ♘fd8 17.♚b5 ♘d3
18.♚h5+ ♚g8 19.♘fe1 ♘b4
20.♘d4 ♘c2 21.♘:c2 ♘:c2 22.♘f3
♘e2 23.♚g5 ♘:f3 24.♚:f6 gf 25.gf
♘dd2.

26.♘f1 a5.

Черные захватили вторую горизонталь и желают избежать размена одной ладьи, надеясь усилить давление.

27.♚g2 b5 28.a4 b4 29.♘ad1
♘e2 30.♚g3 ♘b2 31.♘d5 ♘:b3
32.♘:a5 ♘a3 33.♘b1 b3 34.♘a8+
♚g7 35.a5 ♘aa2 36.♘:b3 ♘:f2
37.♘bb8.

Черные «выжали» из второй горизонтали все, что можно. Если взять пешку h, то после 38.♘g8+ белые выигрывают ладью.

37...f5 38.♘g8+ ♚f6 39.♘a6+
♚e7 40.♘g5 ♘g2+ 41.♚f4 ♘a4+
42.♚:f5 ♘:h2 43.e4 ♘ha2 44.♘a7+
♚d6 45.♚f6 ♘f2 46.♘f5.

Белые сохранили две лишние пешки. Борьба практически закончена.

46...♘a3 47.♘a6+ ♚d7 48.f4
♘a4 49.♘d5+ ♚c7 50.♚f5 ♘h2
51.♘a7+ ♚c6 52.♘:f7 ♘h5+
53.♚g6 ♘:d5 54.ed+ ♚:d5 55.♚g5
♘a1 56.♘e7 ♚d6 57.♘e5 ♘a4
58.♚f5 ♚d7 59.♘d5+ ♚c6 60.♘d1
♘:a5+ 61.♚e6 ♘a2 62.♘c1+ ♚b7

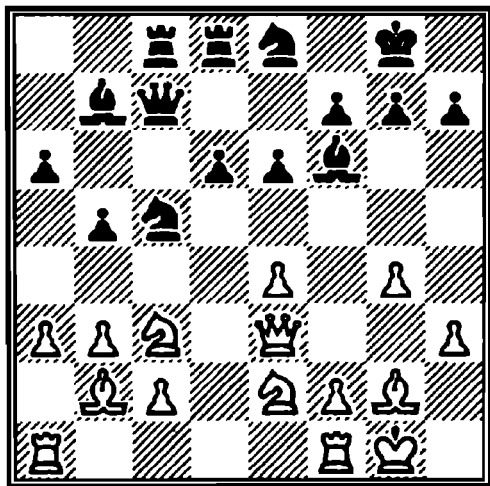
63.f5 ♖e2+ 64.♘f7 ♖f2 65.f6 Черные сдались.

Сицилианская защита
М. Бонч-Осмоловский —
М. Бейлин

Полуфинал первенства СССР
Москва 1949

В этой партии мне удалось провести маленькую комбинацию, которая не показалась мне интересной. Однако после того, как партия окончилась, мастер Кан, игравший в этом турнире, сказал мне несколько приятных слов.

1.e4 c5 2.♘f3 d6 3.d4 cd 4.♘:d4 ♘f6 5.♘c3 a6 6.g3 b5 7.♘g2 ♘b7 8.0-0 e6 9.a3 ♜c7 10.♘de2 ♘e7 11.b3 0-0 12.♘b2 ♘bd7 13.h3 ♘c5 14.♞d4 ♖fd8 15.g4 ♖ac8 16.♘g3 ♘e8 17.♞e3 ♘f6 18.♘ge2.

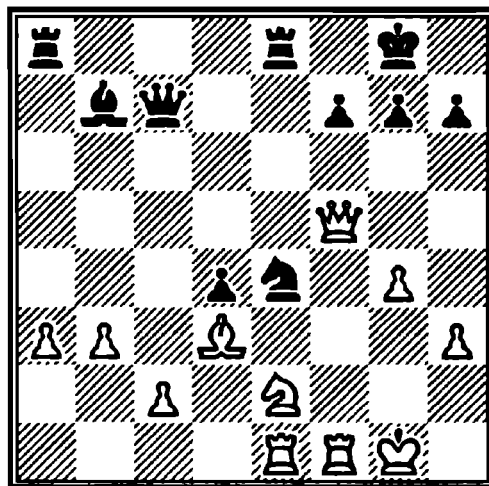

Стороны развили свои силы по сицилианским рецептам, однако белые не обозначили активных действий на королевском фланге и к тому же пропустили удар в центре.

18... ♘:e4 19.♘:e4 d5 20. ♘:b5 ab 21.♘:f6 ♘:f6 22.♘d3 e5 23.♘f5.

На 23.♘:b5 могло последовать 23...d4 с инициативой.

23... ♖a8 24.♞c3 ♞d6 25.♞b4 ♞c6 26.♘d3 d4 27.f3 e4 28.fe ♘:e4 29.♞:b5 ♞c7 30.♞f5 ♖e8 31. ♖ae1.

31... ♘g5!

Жертва коня за один темп. Конь на момент защищает пункт h7.

32.♞:g5 ♖:e2 33.♘:h7+ ♘h8 34. ♖f4 ♖:e1+ 35.♘f2 ♞e5 36.♞:e5 ♖:e5 37.♘d3 ♘d5.

В итоге у черных ладья лишняя. Белые, находясь в цейтноте, делают ходы по инерции.

38.a4 g6 39. ♖:d4 ♘g7 40.c4 ♘c6 41. ♖d6 ♖e6. Белые сдались.

Гамбит Стаунтона
Г. Фридштейн — М. Бейлин
Первенство Москвы 1950

Партия игралась в последнем туре. Чтобы выполнить мастерскую норму, надо было выигрывать. Игра сложилась благоприятно. В специальном бюллетене

«Турниры и матчи» (издание «Вечерней Москвы») напечатали окончание этой партии. Позволю себе привести комментарий. Главным образом из-за авторства.

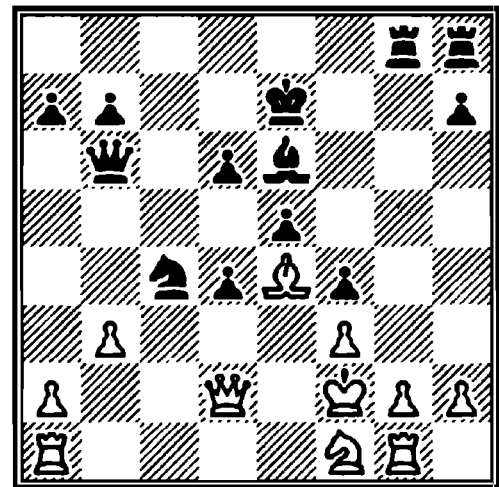
«Удачнее сложились дела у Бейлина (М. Бонч-Осмоловский проиграл в этом туре О. Моисееву, упустив шанс стать мастером; правда, через год он выполнил норму — М. Б.). Играя черными против Фридштейна, он оригинально разыграл дебют — голландскую защиту — и стремился к осложнениям. Фридштейн принял вызов и уже на восьмом ходу смело пожертвовал пешку, заморозив ферзевый фланг противника. Однако уже через два хода он допустил ошибку. Вместо 11. ♖d3 ход 11.f4 ставил перед черными трудные, но, вероятно, разрешимые задачи. Позволив черному коню вторгнуться на e3, мастер попал в тяжелое положение. Тонким ходом 16... ♖d5 Бейлин закрепил свой перевес. Ладьи Фридштейна оказались разъединенными. После того, как черные пешки d и f добрались до четвертой горизонтали, укрепив вклинившегося в лагерь белых коня e3, положение белых стало критическим. Бейлин четко использовал свой перевес и изящно закончил партию».

(Далее привожу текст партии до 23-го хода черных.)

1.d4 f5 2.e4 fe 3. ♖c3 ♖f6 4.f3 ♖c6 5. ♖g5 e5 6.d5 ♖d4.

Так играл В. Симагин. Дебют я избрал, естественно, чтобы игра была посложнее. Ничья не устраивала.

7. ♖:e4 ♖e7 8.d6 cd 9. ♖:f6 gf 10.c3 ♖f5 11. ♖d3 ♖e3! 12. ♖d2 ♖b6 13. ♖g3 d5 14. ♖f5 d4 15. ♖:e7 ♖:e7 16. ♖ f2 ♖ d5 17.c4 ♖ e3 18. ♖e2 d6 19. ♖g3 ♖e6 20.b3 ♖ag8 21. ♖hg1 f5 22. ♖f1 f4 23. ♖e4 ♖:c4. М.Б.)

«Последовало 23... ♖:c4! Белые сдались, так как после 24.bc d3+ 25. ♖ e3 (иначе 25... ♖:g1) 25...fe+ 26. ♖:e3 ♖b2+ белые теряют ладью. Вся партия прекрасно проведена молодым кандидатом в мастера, заслуженно набравшим норму для получения звания мастера».

Подписал статью «Мастер Т. Петросян».

Индийская защита
Г. Равинский — М. Бейлин
Первенство Москвы, 1950

Партия игралась на финише. Были шансы выполнить мастер-

скую норму. Как уже сказано, мастер Равинский был председателем квалификационной комиссии и строгим экзаменатором. Выбирая дебют, я (так мне казалось) должен был стремиться к сложной игре и, желательно, держаться поближе к королю противника.

1.c4 e5 2. ♖c3 ♖f6 3. ♖f3 d6 4.d4 ♖bd7 5.e3 c6 6. ♗e2 ♗e7 7.0-0 0-0 8. ♛c2 ♞e8 9.b3 ♛c7 10. ♗b2 ♖f8 11.h3 ♖g6 12. ♞fd1 ♗f8 13. ♞ac1 ♗d7 14. ♗a3.

До этого момента стороны развивались как бы каждая сама по себе. Фигуры не приходили в соприкосновение. Белые, вероятно, предполагали вскрыть вертикаль «d», разменять чернопольных слонов, но, сделав неудачный ход, дали противнику выиграть время.

14...e4 15. ♖d2 ♛a5 16. ♗b2 ♛f5 17.d5 ♖h4 18. ♗f1 cd 19. ♖e2.

Белые торопятся защитить позицию короля.

19... ♞ac8 20. ♖g3 ♛g6 21. ♛b1 ♖f5 22. ♖:f5 ♗:f5 23. ♗:f6 gf.

Пешки сдвоены, зато грозит ♗:h3 и открылась вертикаль «g». Может пригодиться.

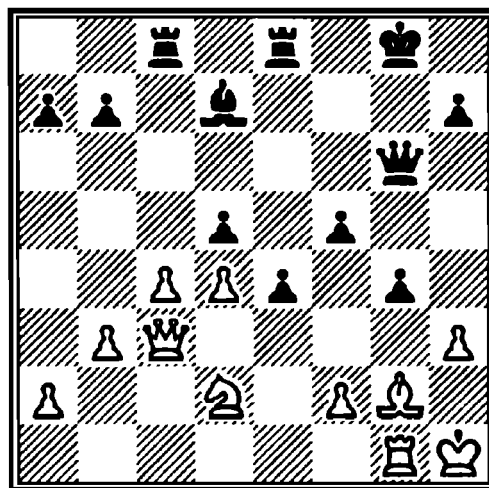
24. ♗h1 d4 25.g4 ♗d7.

Нельзя было 25.ed? из-за 25... e3, выигрывая коня. Своим 25-м ходом белые отбросили слона f5, отыгрывая пешку, но решительно ослабили позицию короля.

26.ed f5 27. ♗g2 fg 28. ♞c3 d5 29. ♞g3 ♗d6 30. ♞c3 f5 31. ♛c1 ♗b4 32. ♞g1.

После 32. ♞c2 черные могли усилить атаку тихим ходом 32... ♗h8.

32... ♗:c3 33. ♛:c3.

33...f4.

Лишнее качество и атака. Защиты нет.

34. ♛a5 f3 35. ♗f1 ♗h8 36.cd ♞c2 37. ♖c4 ♞:f2 38. ♖e5 ♛h5 39. ♖:d7 ♞:f1. Черные сдались.

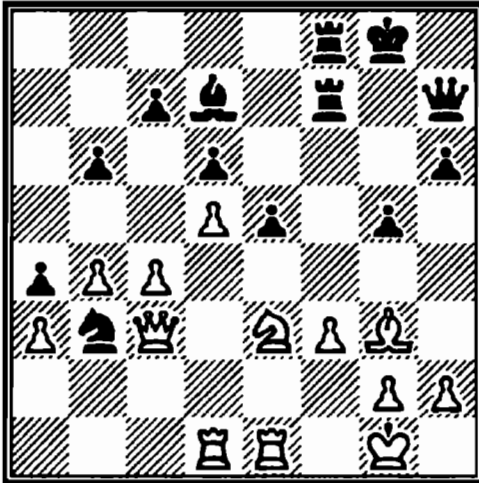
Новоиндийская защита

М. Бейлин —

А. Константинопольский
Полуфинал первенства СССР
Львов 1951

1.d4 ♖f6 2. ♖f3 b6 3.c4 ♗b7 4. ♖c3 e6 5. ♗g5 ♗b4 6. ♛c2 h6 7. ♗h4 0-0 8.e3 d6 9. ♗d3 ♖bd7 10.0-0 ♗:c3 11. ♛:c3 ♛e7 12. ♖d2 g5 13. ♗g3 ♖h5 14.e4 e5 15.d5 a5 16. ♞fe1 ♖f4 17. ♖f1 ♗c8 18. ♖e3 ♖:d3 19. ♛:d3 ♖c5 20. ♛c2 f5 21.ef ♛h7 22.f3 ♗:f5 23. ♛c3 ♗d7

24. ♖ad1 ♖f7 25.b3 ♖af8 26.a3 a4
27.b4 ♖b3.

28.c5! bc 29.bc ♖d4 30. ♖c4 ♖b5
31.cd cd 32. ♖:d6! ♖e2+ 33. ♖:e2
♖:e2 34. ♖e1 ♖d7 35. ♖:e5.

В итоге у белых конь и две пешки за ладью и инициатива.

35... ♖e7 36. ♖d4 ♖a6 37. ♖e4
♖ef7 38. ♖d6 ♖g6 39. ♖:f8 ♖:f8
40. ♖c1 g4 41. ♖c6. Черные сдались.

Гамбит Блюменфельда
М. Бейлин — В. Микенас
Полуфинал первенства СССР
Львов 1951

Партия игралась в 18-м туре. В. Микенас боролся за выход в финал. Вероятно, этим объясняется выбор им дебюта.

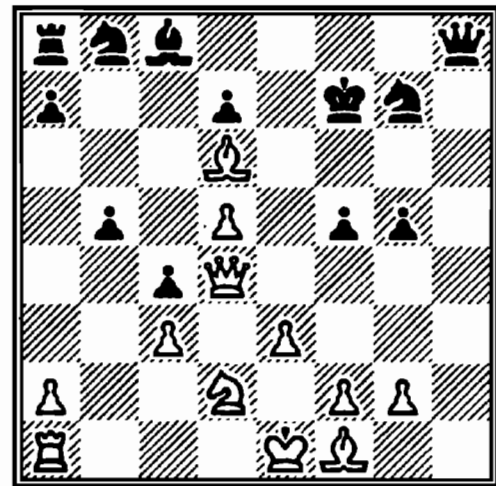
1.d4 ♖f6 2.c4 e6 3. ♖f3 c5 4.d5
b5 5. ♖g5 ed 6.cd h6 7. ♖h4 ♖a5+
8. ♖c3 g5 9. ♖g3 ♖g7 10. ♖d2 ♖h5.

Черные пытаются овладеть инициативой без достаточных позиционных оснований.

11. ♖d6 c4 12.e3 ♖:c3 13.bc ♖g7
14. ♖g4 f5 15. ♖d4.

Итог дебютной стадии неутешителен для черных: их позиция ослаблена, развивать фигуры практически невозможно.

15... ♖f7 16.h4 ♖d8 17.hg hg
18. ♖:h8 ♖:h8.

19.a4 ♖h6 20. ♖e5 ♖g6 21.ab
♖e8 22. ♖:c4 ♖f6 23. ♖d3 ♖b7
24. ♖:b8 ♖:b8 25. ♖:a7 d6 26. ♖:f5
♖:f5 27. ♖:f5 ♖f6 28. ♖e4 ♖c8
29. ♖a5. Черные сдались. Белые успели «собрать» четыре пешки.

Дебют Рети
М. Бейлин — В. Бышев
Полуфинал первенства СССР
Львов 1951

1. ♖f3 d5 2.c4 d4 3.b4 f6 4.e3 de
5.fe a5 6.b5 ♖g4 7. ♖c2 e5 8. ♖d3.

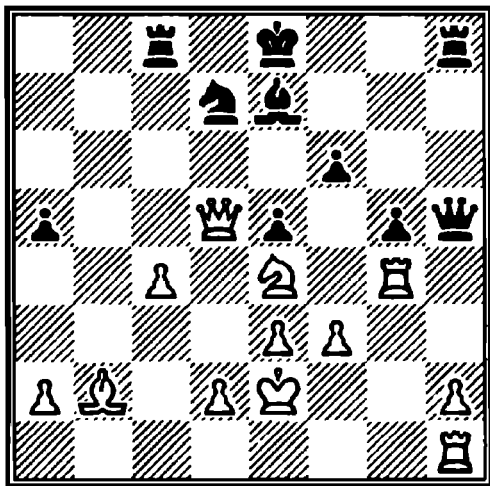
Черные не заметили такого нестандартного хода. Непривычно развитие слона перед пешкой.

8... ♖c5 9. ♖:h7 ♖:f3 10.gf ♖e7
11. ♖c3 ♖d7 12. ♖e4 ♖h3 13. ♖b2
♖h4+ 14. ♖e2.

Партия развивается довольно оригинально. Короли застряли в

центре. Кроме лишней пешки белые имеют преимущество в развитии, а пешки b5, c4, e3 и f3 контролируют важные поля.

14...c6 15. ♖ag1 g5 16. ♖g4 ♜h5
17. ♘f5 ♙:f5 18. ♝:f5 ♘d7 19. ♝e6+
♙d8 20. bc bc 21. ♘e4 ♘e7 22. ♝:c6
♖c8 23. ♝d5 ♙e8.

Две лишние пешки при скверном расположении черных фигур обеспечивают белым выигрыш.

24. ♝e6 ♙d8 25. ♘c3 ♖a8 26. c5
♝h7 27. c6 ♘f8 28. c7+ ♙:c7
29. ♝c4+ ♙d8 30. ♝d5+. Черные сдались.

Испанская партия

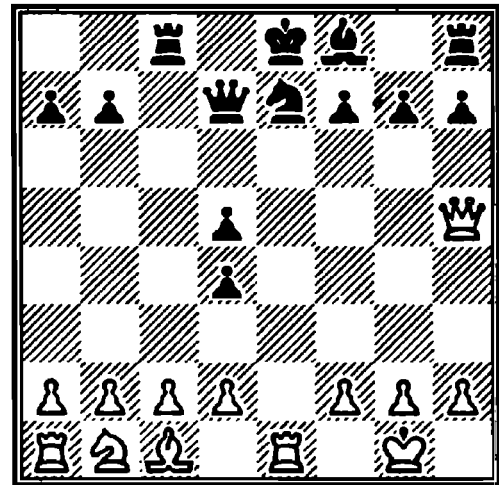
М. Бейлин — Б. Баранов

Четвертьфинал XXI первенства СССР
Москва 1951

1. e4 e5 2. ♘f3 ♘c6 3. ♘b5 ♘d4
4. ♘:d4 ed 5. 0-0 ♘e7 6. ♝h5 c6.

Здесь встречалось 6... ♘c6 7. d3
g6 8. ♝g5 ♝:g5 9. ♘:g5 ♘g7 10. f4 d6
11. f5 с некоторым преимуществом.

7. ♘c4 d5 8. ed cd 9. ♘b5+ ♘d7
10. ♘:d7+ ♝:d7 11. ♖e1 ♖c8.

12. d3! ♖c6.

Черные резонно воздерживаются от 12... ♖:c2, так как после, 14. ♘d2 и т.д. инициатива нарастает.

13. ♘f4 ♖e6 14. ♖:e6 ♝:e6
15. ♘d2 ♘c6 16. ♘f3 g6 17. ♝h4
♘e7 18. ♘g5 ♘:g5 19. ♝:g5 0-0
20. ♖e1 ♝d7 21. ♝h4 ♖e8
22. ♖:e8+ ♝:e8 23. ♙f1 ♝f8 24. a3
♝c5 25. ♘g5 h5 26. ♝f4 ♝e7 27. h4
♙g7 28. b4 a6 29. ♘f3 ♝f6 30. ♝c7
♝e7 31. ♝:e7 ♘:e7 32. ♘:d4 ♙f6
33. ♙e2 ♙e5 34. ♙e3 f6 35. f4+ ♙d6
36. ♙f3 a5 37. b5 ♙c5 38. c3 f5
39. ♙e3 ♙d6 40. a4 ♙c5 41. ♘b3+
♙b6 42. ♙d4. Черные сдались.

Цугцванг.

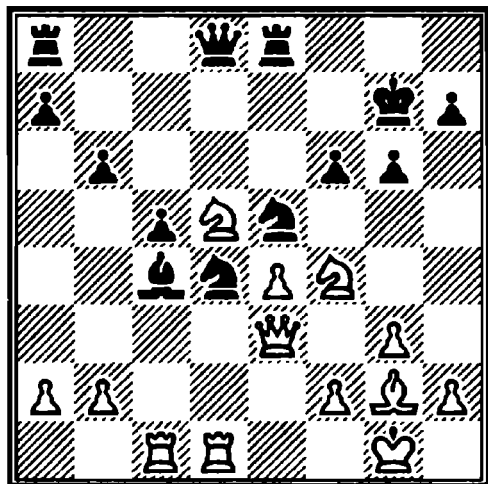
Защита Грюнфельда

М. Бейлин — Г. Гольдберг

Полуфинал первенства Москвы
1955

1. d4 ♘f6 2. c4 g6 3. g3 ♘g7 4. ♘g2
d5 5. cd ♘:d5 6. e4 ♘b6 7. ♘e2 0-0
8. ♘bc3 c5 9. d5 e6 10. 0-0 ed
11. ♘:d5 ♘c6 12. ♘e3 ♘d7 13. ♝d2

b6 14. ♖g5 f6 (вынужденно)
 15. ♖h6 ♗a6 16. ♖:g7 ♙:g7 17. ♖ef4
 ♜e8 18. ♜fd1 ♗de5 19. ♚e3 ♗d4
 20. ♜ac1 ♖c4.

21. b4 ♗g4 22. ♚a3 ♖:d5 23. ed
 ♚e7 24. bc bc 25. ♚:c5 ♗e2+
 26. ♗:e2 ♚:e2 27. d6 ♜ac8
 28. ♚:a7+ ♙h6 29. ♖f1 ♚f3 30. d7
 ♜:c1 31. de ♚ ♚:d1.

Редкое «трехферзевое» окончание.

32. ♚f8+ ♙g5 33. h4+ ♙f5
 34. ♚a6.

Белые все защитили, можно сдаваться. Однако черные сражаются «до последнего патрона».

34... ♚f3 35. ♚b5+ ♗e5 36. ♚d6
 ♙g4 37. ♚d4+ ♙h5 38. ♚f4. Черные сдались.

Все-таки ферзь сильнее ладьи.

Индийская защита

М. Бейлин — В. Антошин

Первенство Москвы, 1955

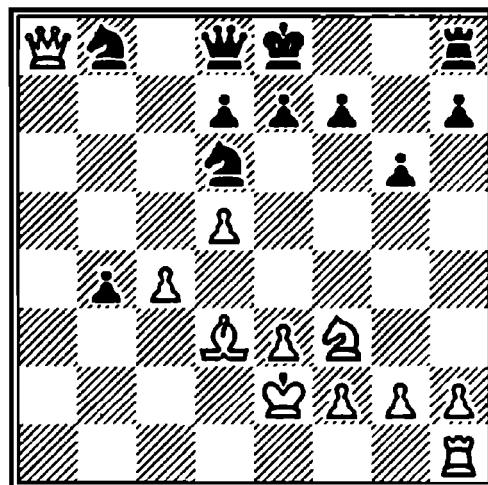
1. d4 ♗f6 2. ♗f3 c5 3. d5 b5 4. c4
 a6 5. a4 ♖b7 6. ab ab 7. ♜:a8 ♖:a8
 8. ♗c3 b4 9. ♚a4 bc.

Можно было сыграть попроще — 9... ♖b7. По-видимому, черные стремятся усложнить игру, и дебютная стадия становится экстравагантной.

10. ♚:a8 g6 11. bc ♖g7 12. e3
 ♗e4.

Белый ферзь в одиночестве в лагере противника. Однако черные медлят с рокировкой, и это позволяет белым подтянуть резервы: ферзь оказывается расположен хорошо.

13. ♖d3 ♖:c3+ 14. ♙e2 ♗d6
 15. ♖a3 ♖b4 16. ♖:b4 cb.

17. c5 ♗f5 18. ♜b1 0-0 19. ♜:b4
 ♚c7 20. ♜b7 ♚c8 21. ♚a7 ♗g7
 22. ♗e5 ♗h5 23. ♜c7 ♚e8 24. ♖b5
 ♗f6 25. ♖:d7 ♗b:d7 26. ♗:d7
 ♗:d5.

Конечно, непривлекательно и 26... ♗:d7 27. ♜:d7 с двумя лишними пешками у белых.

27. ♜b7 ♗f6 28. ♗:f8 ♚c6
 29. ♗d7 ♗:d7 30. ♜:d7 ♚b5+
 31. ♜d3 ♚b2+ 32. ♜d2 ♚b5+
 33. ♙e1 ♚b1+ 34. ♜d1 ♚b4+
 35. ♙f1. Черные сдались.

Сицилианская защита

Е. Столяр — М. Бейлин

Полуфинал первенства СССР,
Ленинград, 1955*(Примечания П. Кондратьева,
«Шахматы за 1955 г.»)*1.e4 c5 2. ♘f3 d6 3.d4 cd 4. ♘:d4
♙f6 5. ♘c3 g6 6. ♙e3 ♙g7 7.f3 ♘c6
8. ♖d2 0-0 9.0-0-0 d5.

Этот вариант оценивался теорией как более выгодный для белых. Однако в данной партии, равно как и в партиях Бывшев — Бейлин и Равинский — Бейлин, иггранных в ленинградском полуфинале, белым не удалось доказать своего преимущества. Видимо, установившаяся оценка варианта сомнительна.

10. ♘:c6 bc 11.ed ♘:d5 12. ♘:d5
cd 13. ♖:d5 ♖c7.

Именно так. Ход Вересова 13... ♖b8 слабее, как это показала, например, партия Равинский — Трупан (Краснодар, 1952), где было 14.b3 ♖c7 15. ♖c5 ♖b7 16. ♖:a7 ♖c6 17. ♖:b8 ♙f5 18. ♖:f8+ ♙:f8 19. ♙c4 с перевесом у белых.

14. ♖:a8.

Сильнее считается продолжение 14. ♖c5, например: 14... ♖b7 15. ♖a3 ♙f5 16. ♙ab ♖c6 17. ♙d3, и белые имеют шансы отразить атаку и реализовать свое материальное преимущество. Однако в партии Равинский — Бейлин, иггранный несколькими турами позднее, черные на 16. ♙ab

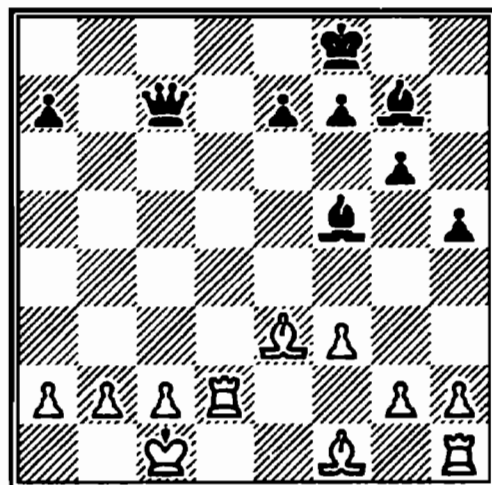
ответили 16... ♖c7! и теперь на 17. ♙d3 у черных есть неприятный ход 17... ♖e5. Нехорошо, например, после этого 18. ♙f2? ввиду 18... ♖ab8, и если 19.c3, то 19... ♙:d3 20. ♖:d3 ♖e2 и белые проигрывают. Поэтому белые сыграли 17. ♖c5, на что последовало 17... ♖b6! (указано Ю. Авербахом) 18. ♖:b6 ab 19. ♙c4 ♖fc8 20. ♙b3 ♖:a2! 21. ♖d8+ (вынужденно!) 21... ♖:d8 22. ♙:a2 ♙d4 с быстрой ничьей.

14... ♙f5 15. ♖:f8+ ♙:f8 16. ♖d2.

Одна из ключевых позиций в этом варианте, и от ее оценки многое зависит.

Ряд зарубежных теоретиков (в частности, М. Эйве и Л. Пахман) считает, что она в пользу белых. Этот взгляд, однако, не находит подтверждения в турнирной практике.

16...h5

Как теперь играть белым? Продолжение 17. ♙c4 или 17. ♙b5 приводит, как это показала партия Зворыкина — Зак, после

17... ♖:b2+ 18. ♗:b2 ♜e5+ и 19... ♜:b5 к позиции где у черных небольшой перевес, а после 17. ♗b1 ♗g8 18. ♖e2 ♜e5 19. ♖d4 ♜f4 20. ♖gd1 ♖:d4 21. ♖:d4 ♜:h2 черные стоят явно лучше.

Возможно еще 17. h3 ♜b8 18. c4 ♖c3(?) 19. ♖e2 с угрозой 20. bc. Однако черные могли просто сыграть 18...h4, и за белых не видно хороших продолжений.

После естественного хода в партии белые неожиданно попадают в полосу больших затруднений.

17. ♖e2 ♜b8 18. b3.

На 18. c3? последовало бы, конечно, 18... ♖:c3! По той же причине плохо 18. c4.

18... ♖c3 19. ♖d5 ♖e6.

Преждевременно было бы 19... ♜b4 ввиду 20. ♖c5. Главная задача белых состоит теперь в том, чтобы помешать противнику окончательно захватить диагональ a1-h8, поставить ферзя впереди слона и, если будет возможно, разменять чернополевых слонов. Однако белые оказываются не в состоянии справиться с этой задачей.

20. ♖d3.

Не помогало 20. ♖b5 из-за 20... ♜d6 21. ♗b1 a6, и если теперь 22. ♖c5, то 22... ♖b4 23. ♖d1 ♜:h2. Плохо и 22. ♖b6, так как после 22... ♜c7 не видно защиты от маневра ♖c3-f6 и затем ♜e5 и ♜c3.

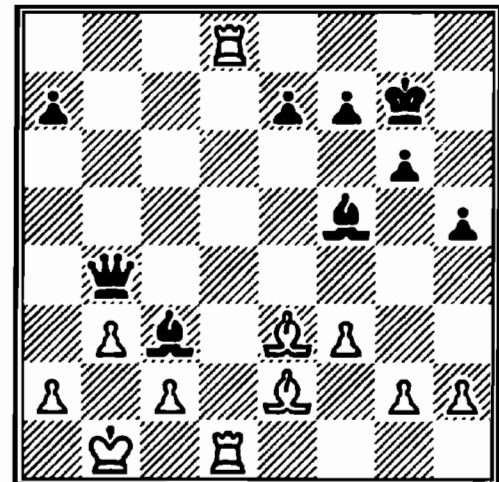
20... ♜b4 21. ♗b1 ♖f5 22. ♖d8+.

В случае 22. ♖d5 могло последовать 22... ♖f6 23. ♖d2 ♜a3 24. ♖c1 ♖:c2+ 25. ♗:c2 ♜:a2+ 26. ♗d3 ♜:b3+ 27. ♗e4 ♜b7 с последующим e7-e6.

22... ♗g7 23. ♖hd1.

Не проходила попытка разменять чернополевых слонов посредством 23. ♖c1 ввиду 23... ♜a5! 24. ♖hd1 ♖f6 25. ♖b2 ♖:b2 26. ♗:b2 ♜e5+.

Теперь белые надеются сыграть 24. ♖d4, но...

23... ♖f6!

Это окончательно ставит белых в тупик, так как теперь невозможно ни 24. ♖d4 из-за 24. e5, ни 24. ♖d2 ввиду 24... ♜a3 25. ♖c1 ♜c5 с последующим ♜c3. Дальнейшее сопротивление белых безнадежно.

24. ♖d3 ♜c3 25. ♗c1 e5!

Ведет к выигрышу фигуры.

26. ♖d5 e4 27. ♖:e4.

Плохо и 27. fe ♜a1+ 28. ♗d2 ♖c3+ 29. ♗e2 ♖g4+.

Дальнейшее не требует объяснений.

27... ♖:e3+ 28. ♚b1 ♜c3 29. ♚c1
♜еб. Белые сдались.

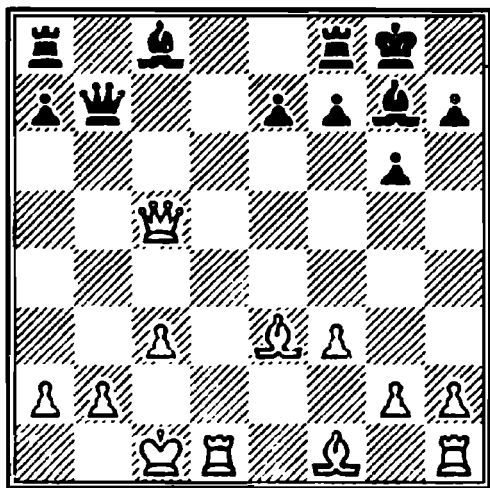
Сицилианская защита

В. Бывшев — М. Бейлин

Полуфинал первенства СССР,
Ленинград, 1955

1.e4 c5 2. ♖f3 d6 3.d4 cd 4. ♖:d4
♜f6 5. ♖c3 g6 6.f3 ♜g7 7. ♜e3 ♜c6
8. ♜d2 0-0 9.0-0-0 d5 10. ♖:c6 bc
11.ed ♖:d5 12. ♖:d5 cd 13. ♜:d5
♜c7 14. ♜c5 ♜b7 15.c3?

Проигрывающий ход. Следова-
ло играть 15. ♜a3 (см. Примеча-
ния к партии Столяр — Бейлин).

15... ♜f5 16. ♜b5 ♜c7 17. ♜c4.

Немедленно проигрывает 17.
♜c5? из-за 17... ♜:c5 18. ♜:c5
♜h6+ 19. ♜d2 ♜d8.

17... ♜e5 18. ♜d2 ♜fd8! 19.f4.

Грозит 19... ♜:d2 20. ♜:d2 ♜e1+
21. ♜d1 ♜h6+ 22.f4 ♜e3+ 23. ♜d2,
а на 22. ♜:a5 следует 22... ♜:d2x.

19... ♜a5 20. ♜e2 ♜ac8 21. ♜a6
♜:c3. На 22. ♜:c3 или 22.bc сле-
дует 22... ♜:c3+ с неизбежным
матом.

Староиндийская защита

Г. Лисицын — М. Бейлин

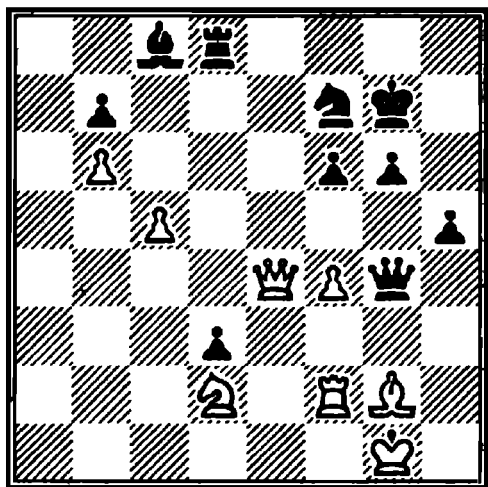
Полуфинал первенства СССР,
Ленинград, 1955

1. ♖f3 ♜f6 2.g3 g6 3.b3 ♜g7
4. ♜b2 0-0 5. ♜g2 d6 6.d4 ♜bd7
7. ♜bd2 e5 8.de ♜g4 9.0-0 ♜g:e5
10. ♜:e5 ♜:e5 11. ♜c1 ♜e8 12.c4
♜g4 13. ♜:g7 ♜:g7 14.e3 h5 15.h3
♜e5 16. ♜c3 f6 17.f4 ♜f7 18. ♜ae1
c6 19. ♜f3 a5 20.e4 ♜b6+ 21. ♜h2
♜b4 22. ♜b2 ♜c5 23.a3 ♜e6
24. ♜d2 ♜e7 25. ♜f3 ♜ae8 26.b4
ab 27.ab ♜b6 28. ♜c3 ♜c8 29.c5
♜c7 30.h4 d5 31. ♜e3? ♜d7 32. ♜d4
♜h3+ 33. ♜g1 ♜:g3+ 34. ♜g2 ♜:h4
35. ♜a3 ♜d8 36.ed cd 37.b5 ♜e2
38. ♜e3 ♜g4 39. ♜f2 ♜:e3 40. ♜:e3
d4 41. ♜e4 d3.

Цейтнот окончился, время
тура истекло, судья положил на
наш столик конверт для откла-
дывания партии, и тут неожида-
но для меня мастер Лисицын
громко заявил: «Записываю от-
крытый ход!» и двинул пешку **b.**
42.b6.

Я растерялся — такое случал-
ось в первый и последний раз в
жизни. Почему не тайный, а от-
крытый ход?

Эту сценку наблюдал Алек-
сандр Казимирович Толуш. Он
мне объяснил, что Лисицын по-
ступает так, чтобы исключить
ошибку (техническую) при запи-
си хода. Ведь за это засчитывают
поражение. Невероятно, но факт.

Такая вот «сверхбдительность». Не доверять самому себе.

42... ♖d7 43. ♗c4 ♗d4 44. ♗:d4 ♜:d4 45. ♞b3 ♜c4 46. ♜a2 ♝e6 47. c6 bc 48. ♜a8 ♜b4 49. ♞c5 ♝d5. Черные сдались.

На 50.b7 следует 50...d2 51. ♜a1 ♞d6. Зная «записанный» ход, было приятно анализировать отложенную позицию.

Французская защита

М. Бейлин — Ю. Гусев

Полуфинал первенства СССР
Ленинград 1955

Перед этим туром мой ленинградский товарищ сказал, что мы, конечно, заранее согласились на ничью. Я возразил, что нам терять нечего и будем сражаться... на первенство номера. Мы с Гусевым занимали один номер. Организаторы экономили. Правда, номер был огромный и в гостинице «Европейская». Такая была экономная экономика в те времена.

1.e4 e6 2.d4 d5 3. ♞c3 ♞f6 4. ♝g5 de 5. ♞:e4 ♝e7 6. ♝:f6 gf.

До этого хода все шло по теории, по писаному. Однако Юрий всегда жаждал острой игры.

7. ♞f3 ♗d5?

Надежды черных использовать вертикаль «g» и перебросить на королевский фланг ферзя нерезальны. Здесь было лучше продолжать 8...b6 и развиваться по схеме ♞b7, c6, ♗c7 и 0-0-0.

8. ♝d3 ♞c6 9.0-0 ♝d7 10.c4 ♗h5 11. ♜e1 ♞f8.

Длинная рокировка выглядела опасной из-за 12. ♞g3 и 13.d5, хотя была меньшим злом.

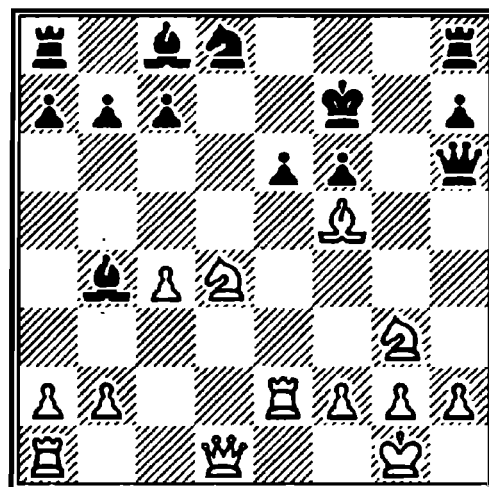
12. ♞g3.

Можно было перевести игру в эндшпиль с лишней пешкой: 12. ♞e5 ♗:d1 13. ♞:d7+ ♞e8 14. ♞d:f6+ ♝:f6 15. ♞:f6+ ♞e7 16. ♞d5+ ♞d6 17. ♜a:d1 ed.

12... ♗h6 13.d5 ♞d8 14.de fe 15. ♝f5 ♝c8 16. ♞d4 ♝b4.

В случае 16... ♞f7 черные избавлялись от атаки, но теряли пешку: 17. ♞:e6 ♞:e6 18. ♝:e6+ ♝:e6 19. ♜:e6 и нельзя 19... ♞:e6 из-за 20. ♗d5x.

17. ♜e2 ♞f7.

18. ♖:e6! ♖:e6.

Плохо 18... ♗:e6 из-за 19. ♗:e6+ ♖:e6 20. ♖d7+.

19. ♖:e6.

Точнее чем 19. ♗:e6+ ♗:e6 20. ♖:e6.

19... ♗:e6 20. ♗:e6+ ♗f8 21. ♖f5 ♖g6.

На 21... ♖d2 к мату вело 22. ♖h5.

22. ♖d7.

У белых конь и пешка за ладью и атака. Фигуры черных разбросаны и пассивны.

22... ♖e8 23. a3 ♗d2.

На 23... ♗d6 24. ♖d1 h5 могло последовать 25. ♖:d6 cd 26. ♖:d6+, и наступление продолжается.

24. ♖d1 ♗f4 25. ♖d4 ♗c1.

Проигрывало также 25... ♗d6 из-за 26. ♖:d6 cd ♖:d6+ и 25... ♗e5 из-за 26. ♖g4.

26. ♖:c7. Черные сдались. Грозит 27. ♖d6+ ♖e7 28. ♖:e7x. Если 26. ♖:e6, то 27. ♖d8+ ♖e8 28. ♖e7x.

Сицилианская защита

Л. Штейн — М. Бейлин

Командное первенство Москвы
1956

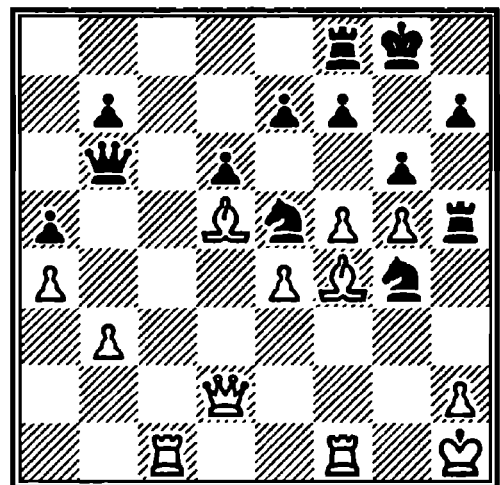
1.e4 c5 2. ♖f3 d6 3. d4 cd 4. ♖:d4 ♖f6 5. ♖c3 g6 6. f4 ♖c6 7. ♗e2 ♗g7 8. ♖b3 0-0 9. g4 a5 10. a4 ♗e6 11. 0-0 ♖c8 12. f5 ♗:b3 13. cb ♖d7 14. g5 ♖b4 15. ♗e3 ♗:c3.

Белые, вероятно, не ожидали, что противник отдаст «драконовского» слона, польстившись на лишнюю пешку.

16. bc ♖:c3 17. ♗d4 ♖h3 18. ♗c4 ♖h5 19. ♖d2 ♖c6 20. ♗e3 ♖de5 21. ♗d5 ♖g4.

Обычно в сицилианской на королевском фланге атакуют белые, здесь же пока угрожают черные, правда малыми силами.

22. ♗f4 ♖b6+ 23. ♗h1 ♖ce5 24. ♖ac1.

24... ♖:h2! 25. ♗:h2 ♖g4 26. ♗:f7+ ♖:f7 27. ♖c8+ ♖f8 28. ♖d5+ ♗g7 29. f6+ ef 30. gf+ ♖:f6 31. ♖g8+ ♗h6 32. ♖d2+ g5 33. ♖:f6+ ♖:f6.

Контратака белых захлебнулась, ладья под боем. Если 34. ♖f8, то 34... ♖g4.

34. ♖d8 ♖:e4.

Теперь еще и ферзь под боем. 35. ♖d5 ♖:d8 36. ♖e6+ ♖f6. Черные сдались.

Л. Штейн (1934 года рождения) стал мастером в 1959 г.

Ферзевый гамбит

**М. Бейлин, Е. Загорянский,
Г. Фридштейн — Д. Бронштейн,
Г. Левенфиш**

Консультационная партия
Москва 1957

Эту партию — трое мастеров против двух гроссмейстеров — провели в Центральном шахматном клубе. Довольно занятное мероприятие. Прокомментировал ее для «Ежегодника» Е. А. Загорянский. Привожу комментарии с сокращениями.

1.d4 d5 2. ♖f3 ♖c6 3.c4 e5.

Загорянский отметил, что ход черных — рискованный. Полагаю, что это была инициатива Бронштейна.

4.de d4 5.g3 ♖ge7 6. ♗g2 ♖g6 7.0-0 ♗f5.

Черные, оставляя без защиты пешку b7, отказываются от восстановления материального равенства, делая ставку на последующие осложнения. Однако для этого нет достаточных оснований.

8.a3 ♗e7 9.b4 d3 10. ♜e1!

Ход, предложенный Фридштейном, был принят единогласно. На 10...de 11. ♜:e2 ♗d3 белые намеревались продолжить 12. ♜a2.

10...0-0.

«Здесь между мастерами-консультантами возникли разногласия. Бейлин ратовал за продолжение 11. ♗b2, возвращая пешку, но получая мощную позицию,

например: 11. ♗b2 de 12. ♜:e2 ♗d3 13. ♜ e3 ♗ :c4 14. ♖ bd2 и далее ♜ad1 и h4.

Соблазн был велик, но все же прозаическое продолжение, случившееся в партии, собрало большинство голосов». Так писал Евгений Александрович.

Старшие товарищи мне воли не давали.

11.ed ♜:d3.

Грозило 12.d4, а на 12... ♗:d3 хорошо 13. ♜b3.

12. ♜:d3 ♗:d3 13. ♖bd2 f5.

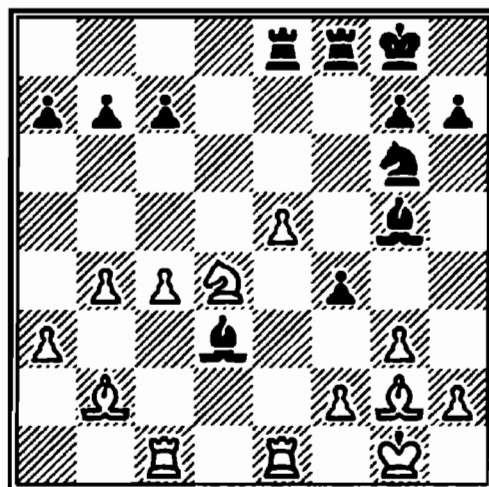
«Другой активной игры у черных не видно» (Е. З.).

14. ♗ b2 f4 15. ♜ ac1 ♜ ad8 16. ♖b3 ♜de8 17. ♖bd4 ♖:d4.

На 17... ♖ d8 последовало бы 18. ♜c3.

18. ♖:d4 ♗g5.

«Белые могли играть 19. ♜c3 ♖:e5 20. ♜:e5 ♜:e5 21. ♜:d3 ♜e1+ 22. ♗ f1, но и избранное ими форсированное продолжение не слабее».

19. ♗ d5+ ♜ h8 20. ♜ cd1 c6 21. ♖e6.

Выигрывая качество. Правда, у черных два сильных слона.

21...fg 22.hg.

«Разумеется, не следовало соблазняться вариантом 22. ♖:f8 gf+ 23. ♘:f2 ♖:f8+, оставляющим возможности для активной игры у черных» (Е.З.).

22...cd.

На 22... ♖f5 могло последовать 23.g4!

23. ♖:f8 dc 24. ♖:g6+ hg 25. ♘g2 ♘g8 26.f4 ♕e7 27. ♘f3?

Значительно сильнее было g4!

27... g5 28. ♘e3 gf+ 29.gf ♕f5 30. ♖g1 ♘f7 31. ♕d4 g6 32. ♘d2 b6.

Предупреждая 33. ♕c5 с выгодным разменом слонов.

33. ♘c3 ♖a8 34. ♖h1.

«Рискованно 34. ♘:c4 ♖c8+ 35. ♘b5 (35. ♘b3 ♕c2+) 35... ♕d7+ 36. ♘ab ♖c7, и у черных появляются надежды на вечный шах» (Е.З.).

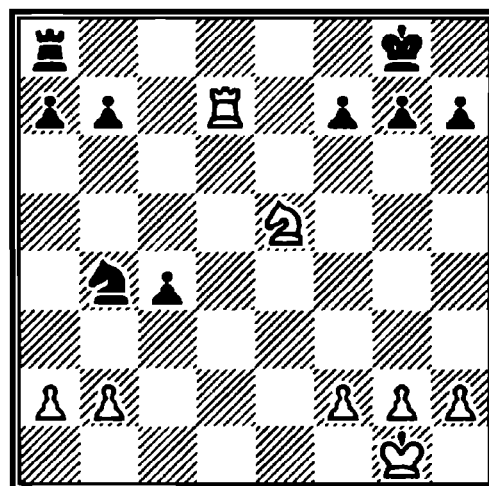
34... ♘e6 35. ♖h7 ♖d8 36. ♖d2 ♕d3 37. ♖dh2 ♖d7. Черные просрочили время.

Возможно 38. ♖2h3 и на 38... ♖d8 — 39. ♖g7; на 38... ♘f5 решает 39. ♖f7+ и 40. ♖3h7; на 38... ♕f5 следует 39. ♖3h6 ♕d3 40. ♖h8.

Сицилианская защита
Я. Юхтман — М. Бейлин
Турнир в честь
40-летия Советской Армии
Москва 1958

1.e4 c5 2.d4 cd 3.c3 dc 4. ♖:c3 d6 5. ♕c4 e6 6. ♖f3 ♕e7 7.0-0 ♖f6

8. ♖e2 0-0 9. ♖d1 ♖a5 10. ♖b5 d5 11.ed ed 12. ♕d2 ♖b4 13. ♕:b4 ♖:b4 14. ♖c7 ♖:c4 15. ♖:c4 dc 16. ♖:a8 ♖a6 17. ♖d6 ♕e6 18. ♖ad1 ♖d5 19. ♖6:d5 ♕:d5 20. ♖:d5 ♖:a8 21. ♖e5 ♖b4 22. ♖d7.

22...c3! 23.bc ♖:a2 24.c4 b6 25. ♖:f7 a5 26. ♖d6 ♖c3 27. ♖f5 a4 28. ♖:g7+ ♘h8 29. ♖e7 a3 30. ♖e1 a2 31. ♖a1 ♖a4. Белые сдались. Нет защиты от ♖b4-b1+.

Голландская защита
М. Бейлин — А. Чистяков
Полуфинал первенства Москвы
1963

1. ♖f3 f5 2.g3 ♖f6 3. ♕g2 e6 4.0-0 ♕e7 5.b3 0-0 6.d4 d5 7.c4 c6 8. ♕a3 ♕:a3 9. ♖:a3.

Белые намечают маршрут коня — c2-e1-d3 и далее ♖fe5. Конь на e5 неуязвим, а черного можно прогнать с поля e4 ходом f3.

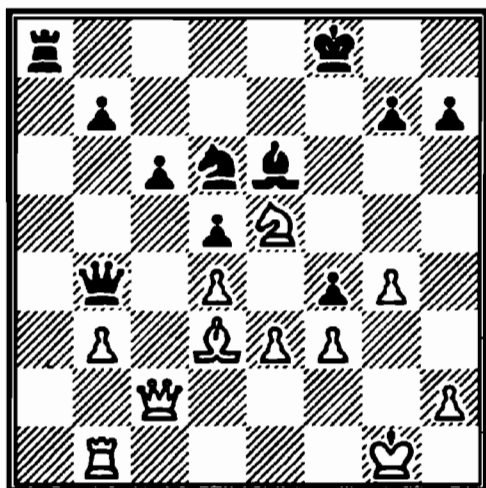
9... ♖e7 10. ♖c2 ♖bd7 11.cd ed 12. ♖ce1 ♖e4 13.e3 a5 14. ♖d3 a4 15. ♖fe5 ♖:e5 16. ♖:e5 ♕e6 17. ♖c2 ab 18.ab ♖a3.

Черные захватывают вертикаль «а», но это приносит только моральное удовлетворение.

19. ♖:a3 ♜:a3 20. ♖b1 ♖a8
21. ♗f1 ♜b4 22. ♗d3 ♘f8?

Форсированно проигрывает. Целесообразнее было отозвать свою «активную» ладью — ♖f8.

23. f3 ♗d6 24. g4! f4.

25. ♜c5 ♜:c5 26. dc ♗b5 27. ♗:b5 cb 28. ef g6 29. ♘f2 ♖a2+ 30. ♘g3 d4 31. ♖d1 ♖b2 32. ♖:d4 ♖:b3 33. f5 gf 34. gf ♗:f5.

На отступление слона решает 35.f6 с угрозой мата.

35. ♖f4 ♘e7 36. ♖:f5 ♘e6 37. c6!

Немедленно решает. Если 38... ♘:f5, то 39.cb и b8♜.

37...bc 38. ♗:c6 ♘:f5 39. ♗d4+ ♘e5 40. ♗:b3 b4 41. f4+. Черные сдались.

Сицилианская защита
М. Бейлин — И. Зайцев
Первенство МГУ, 1965

1.e4 g6 2.f4 c5 3. ♗f3 ♗c6 4. ♗c4.
Целесообразнее план, связанный с 4. ♗b5.

4... ♗g7 5.0-0 e6 6. ♜e2 ♗ge7
7.a3 d5 8. ♗a2 de 9. ♜:e4 0-0 10.c3 b6 11.d3 ♗b7 12. ♗bd2 ♜c7.

Лучше было 12... ♜d7.

13. ♜e2 ♜:f4.

За пешку белые получают возможность быстро развернуть свои силы. Не стоило ее брать.

14. ♗e4 ♜c7 15. ♗g5.

Грозит вторжение на поле f6. Черные решили вернуть лишнюю пешку, надеясь развить инициативу.

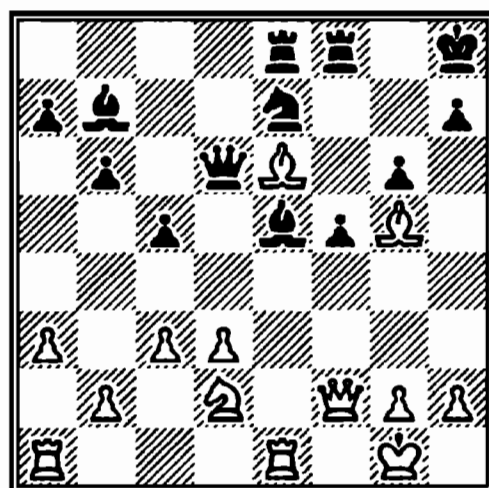
15...f5 16. ♗:e6+ ♘h8 17. ♗ed2 ♖ae8 18. ♜f2 ♜d6?

Причина последовавших неприятностей. Следовало играть 18... ♗e5.

19. ♖fe1! ♗e5.

Нельзя было брать пешку: 19... ♜:d3 20. ♗c4 с угрозой 21. ♖ad1.

20. ♗:e5 ♗:e5.

21. ♖:e5!

Черные не опасались 21. ♗c4 ♗:h2+ 22. ♘h1 ♜g3, но временная жертва качества решает.

21... ♜:e5 22. ♖e1 ♜g7.

Немедленно проигрывало 22... ♖c7 из-за 23. ♕f4 с угрозой 24. ♕e5x. 23. ♕d7 ♕c6 24. ♕:e8.

Именно так, а не 24. ♕:e7, так как тогда гибнет слон d7 и страшное для черных миновало.

24... ♖:e8 25. ♖e6.

Двойная угроза: 26. ♕f6 и 26. ♕:e7. Ответ вынужден.

25... ♖f7 26. ♖d6.

На 26. ♖e3 могло последовать 26... ♕d5 или 26... ♕g8. Грозит выигрыш фигуры после 27. ♕:e7. Нельзя допускать белую ладью на d7. Плохо, например, 26... ♕a4 из-за 27. b3 ♕:b3 28. ♖d7. Черный король не имеет прикрытия.

26... ♖c8 27. ♕c4 ♕g8 28. ♕e5 ♖e8 29. d4 ♖g7 30. ♖h4 ♖c7 31. ♕f6+. Черные сдались.

После 31... ♖f8 32. ♖d8 черные проигрывали ферзя, а после 31... ♕:f6 32. ♖:f6+ ♖h6 — фигуру.

Окончания

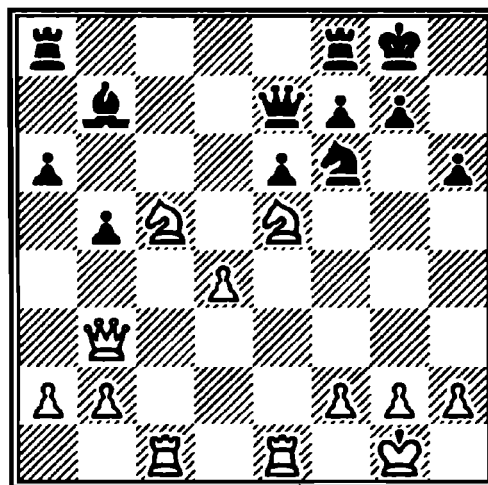
Замаскированная мина

В 1946 году в столице Литвы Вильнюсе был проведен интересный турнир — лично-командное первенство балтийских республик. В турнире участвовали по пять представителей Литвы, Латвии, Эстонии и пять московских мастеров вне конкурса. Так что был сыгран круговой турнир при двадцати участниках.

Турнир прошел отлично. В этом главная заслуга принадлежала Владасу Микенасу — прекрасному организатору, пользовавшемуся большим авторитетом в своей республике. Я играл в команде Латвии, поскольку жил и работал тогда в Риге.

В приводимой ниже позиции В. Симагин затеял комбинацию...

М. Бейлин

В. Симагин

1. ♕g6? fg 2. ♖:e6 ♖f7 3. ♕:b7.

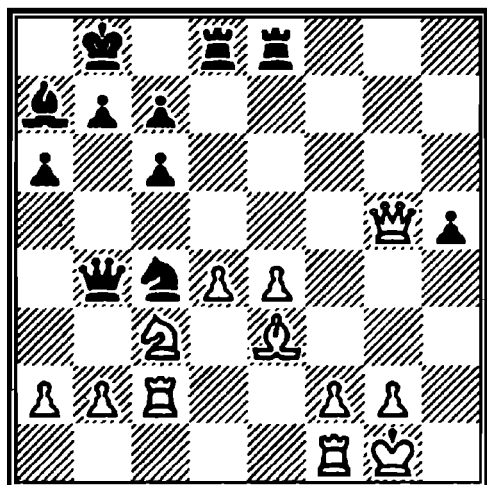
Коня брать нельзя. У белых лишняя пешка, но взрывается мина:

3... ♕d5!! 4. ♖e2 ♖:b7 5. ♖c5 ♖ad8 6. ♖e5 ♖f7.

Снова грозит ♖:f2+ и ♖f1 — мат в два хода. У черных лишний конь и хорошая позиция. Вскоре белые сдались. (Полный текст партии не сохранил; комбинация опубликована в книге Г. Лисицына «Стратегия и тактика шахматного искусства».)

Слон оживает в цейтноте

М. Бейлин

Р. Нежметдинов

Эта партия была сыграна в командном первенстве «Спартак» в марте 1949 года в Кишиневе.

Был обоюдный цейтнот. Игра продолжалась:

29. b3 ♖g8 30. ♔h4.

Разумеется, не стоит брать пешку, предоставляя противнику открытую линию «h».

30... ♕:e3 31. fe c5.

Черные стремятся включить в игру слона. 32. ♕d5 ♗b5 33. ♗f4 ♗d3 34. ♗:c7+ ♖a8 35. ♖f7?

Белые попали в ловушку, забыв о замурованном слоне.

35... ♗d1+ 36. ♖h2 ♕b8!

Ферзь, приготовившийся дать мат, связан. Самая слабая фигура решила исход партии.

37. ♖:c5 ♗d2 38. ♕f4 ♕:c7 39. ♖c:c7 ♖db8 40. ♖ce7 ♗:e3.

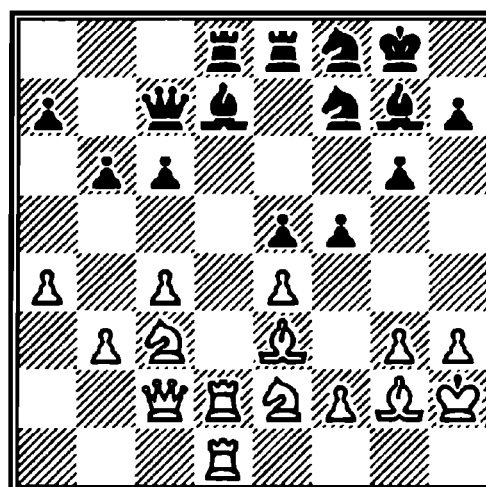
Цейтнот окончился. Белые сдались

Как противостоять теоретику?

Василий Николаевич Панов заслуженно считался знатоком дебютной теории. Он был автором монографий, новых вариантов. Одна всемирно известная атака Панова в защите Каро-Канн чего стоит.

Готовясь к партии с ним, я обратил внимание на то, что против его староиндийской защиты противники норовят пораньше свернуть с теоретических рельс. И часто неудачно. Я решил тупо «гнать» по теории. «Пусть играет!» — как любил говорить Тигран Петросян. Василию Николаевичу моя «начетническая» тактика не пришлась по душе, и он сам стал уходить от прописей. И попал в невыгодное положение. (К сожалению, не сохранилась полная запись этой партии из первенства Москвы 1950 г.)

В. Панов

М. Бейлин

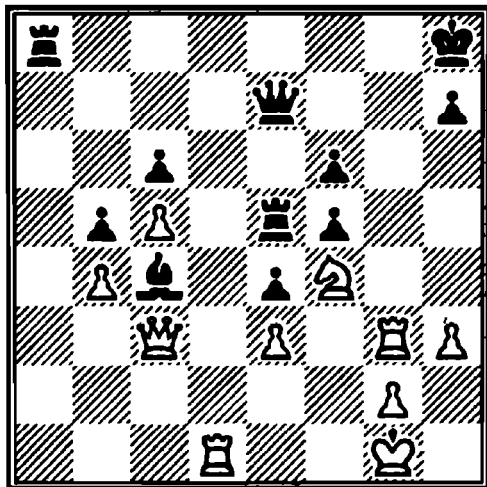
«Последовало 24. a5! b4 25. ♖a4 ♗c8 26. ♖c5 ♜:d2 27. ♜:d2 ♖e6 28. ef gf 29. ♝d1 f4. Азартная попытка контратаки, только ослабляющая позицию; следовало играть 29... ♜d8.

30. ♖:e6 fg+ 31. ♖:g3 ♗:e6 32. ♗e4! Партия для белых выиграна, поскольку черным трудно защитить слабости на обоих флангах. Панов ускорил поражение, сыграв 32... ♖h6?, на что последовало 33. ♗:h6 ♗:h6 34. ♝h5!, выигрывая фигуру». (Из статьи Ю. Авербаха в спец. бюллетене «Турниры и матчи» — «Вечерняя Москва», 1950.) Если 34... ♗:d2, то 35. ♝:e8+ ♔g7 36. ♝:e6. Черные сдались.

Штурм шестой горизонтали

Обычно ладьи стремятся захватить седьмую (вторую) горизонталь. В этой партии решило вторжение двух ладей на шестую горизонталь.

И. Лившин

М. Бейлин

Полуфинал первенства Москвы
1958

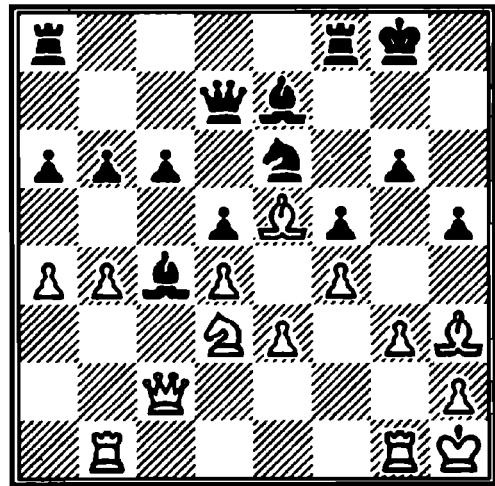
32. ♜d6 ♜c8 33. ♜g6!! ♗e6 34. ♜:f6. Черные сдались.

На единственный ответ 34... ♝:f6 следует 35. ♖h5!, и после отступления ферзя падают ладья и слон.

Подлинное удовольствие

Атаковать приятно, наверное, всем шахматистам, во всяком случае большинству. Но приятнее всего объявить натуральный мат, да еще с жертвой ферзя, да еще мастеру.

И. Лившин

М. Бейлин

Эта позиция случилась в командных соревнованиях ДСО на первенство Москвы в 1956 г.

28. ♖b2 b5 29. g4! hg 30. ♗:g4.

Грозит 31. ♗:f5. Не помогает 30... ♖g7 из-за 31. ♗:g7 ♔:g7 32. ♗h5 с разгромом. Противостоит естественно выглядит 30... ♔h7. Черные кончают «самоубийством».

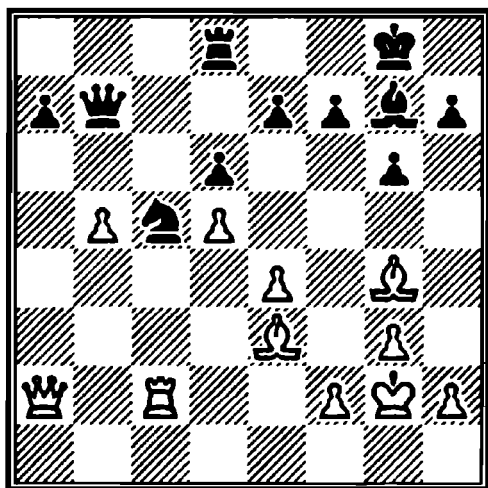
30... ♖ f7?? 31. ♜ :f5! Черные сдались.

На 31... gf следует 32. ♗ h5x.

Жертва «по Рабиновичу»

Я слышал от ленинградских коллег, старших меня по возрасту, такое выражение: «Жертва по Рабиновичу». Имелось в виду, что дореволюционный мастер Илья Леонтьевич Рабинович, один из первопроходцев советской шахматной школы, если жертвовал, то немедленно отбирал материал обратно. В партии против Анатолия Воловича, в прошлом чемпиона Москвы, а ныне американца, мне посчастливилось «пожертвовать» ладью именно указанным способом.

А. Волович

М. Бейлин

(Турнир, посвященный 40-летию Советской Армии, Москва, 1958.)

37. ♗ :c5 dc 38. ♜ :c5 ♗ d4 39. ♜ c4 e5 40. ♗ e2 f5?

Последний ход перед контролем. Нельзя было 40... ♜ :b5 из-за 41. ♜ :d4.

41. ♜ c7! ♜ :c7 42. d6+ ♜ f7 43. ♗ c4.

Слон выскочил из засады.

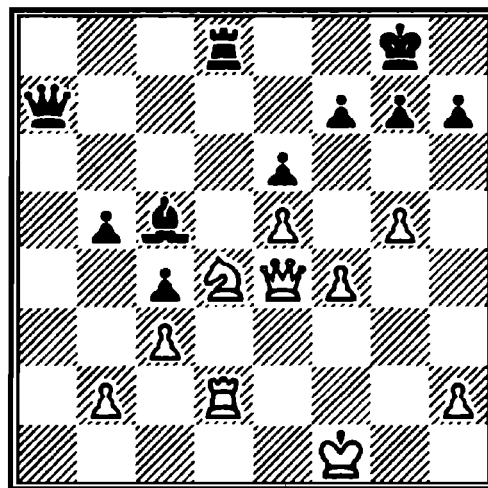
43... ♜ d7 44. ♗ :f7+ ♜ :f7. Черные сдались.

Два последних хода черные сделали по инерции.

Двойняшки

В 1947 году в первенстве Латвии мне удалось в партии против Яниса Звирбулиса провести маленькую комбинацию, «пожертвовав» качество и через два хода получить выигрышный пешечный эндшпиль.

М. Бейлин

Я. Звирбулис

30... ♜ a1+ 31. ♜ e1. Инициатива у черных. На 31. ♖ g2 можно было продолжать

31...b4. Теперь же следует размен всех фигур.

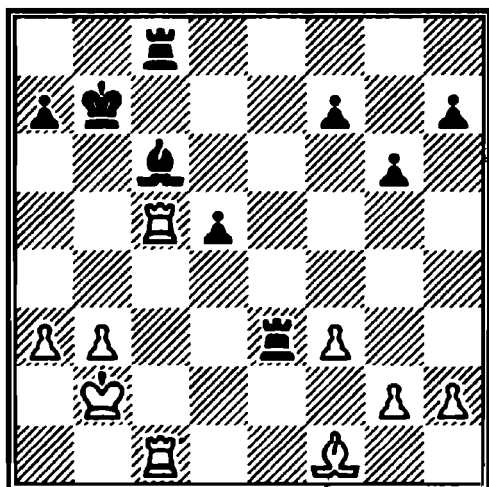
31...♖:e1+ 32.♗:e1 ♖:d4! 33.cd ♗b4 34.♗e2 ♗:d2 35.♗:d2 b4! Черные сдались.

Белый король вынужден каравулить черные пешки b4 и c4, а черный король без помех идет на d5. Спасенья нет.

Два года спустя я встретился с ветераном советской школы А. С. Будо (четвертьфинал первенства СССР, Львов, 1949). Он вел борьбу довольно миролюбиво, шел на размены. Партия протекала без осложнений.

Новоиндийская защита М. Бейлин — А. Будо

1. ♖f3 ♖f6 2. c4 b6 3. d4 e6 4. ♗c3 ♗b7 5. ♗g5 ♗b4 6. ♖c2 ♖e7 7. a3 ♗:c3+ 8. ♖:c3 ♗e4 9. ♗:e7 ♗:c3 10. ♗h4 ♗e4 11. ♗d2 ♗:d2 12. ♗:d2 ♗c6 13. ♗c3 ♗e7 14. f3 ♗f5 15. ♗f2d5 16. b3 0-0-0 17. e3 c5 18. dc bc 19. cd ed 20. ♗b2! ♗b8 21. ♖c1 ♖c8 22. ♗d3 g6 23. ♖c2 ♗g7 24. ♖hc1 ♗e6 25. ♗g3+ ♗a8 26. ♗d6 ♖he8 27. ♗b5 ♗c6 28. ♗f1 ♗b7 29. ♗:c5 ♗:c5 30. ♖:c5 ♖:e3.

31. ♗b5 ♖e6 32. ♗:c6+ ♖e:c6 33. ♖:c6 ♖:c6 34. ♖:c6 ♗:c6 35. ♗c3.

А дальше — аналогично предыдущему пешечному окончанию: король контролирует поле d4.

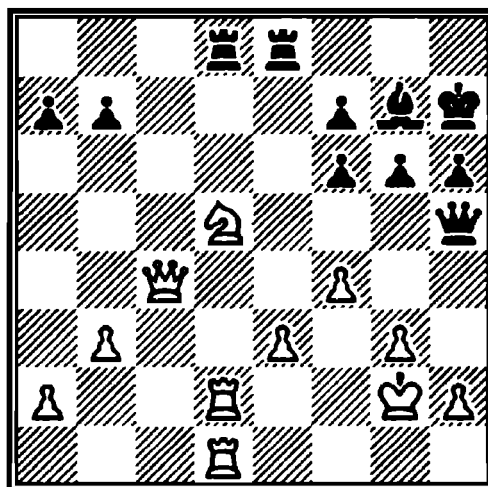
35...♗c5 36. b4+ ♗b5 37. ♗b3. Черные сдались.

Нельзя 37...d4 из-за 38. a4+ и 39. ♗c4. Поэтому белый король после a4+ идет на c3 и d4, и лишняя пешка на ферзевом фланге обеспечивает простой выигрыш.

Шестьдесят лет спустя

В январе 1939 года, в каникулы, я играл в первенстве московских школьников. В турнире вне конкурса участвовали «взрослый» уже В. Симагин и обладатель тогда редкого звания «кандидат в мастера» Петр Троицкий. Он приехал в Москву с Дальнего Востока, говорили, что подает большие надежды... А потом он исчез с шахматной арены.

...После хода Троицкого (черные) 27...♗h7 — форсированная комбинация.

Попытка понадежнее пристроить короля привела к проигрышу.

25. ♖:f6+! ♘:f6 26. ♛:d8 ♛:d8
27. ♛:d8 ♘:d8 28. ♚:f7+ ♜h8
29. ♚e8+ ♜g7 30. ♚d7+.

В этом ходе — суть комбинации. Белые теперь берут слона с шахом.

30... ♜f6 31. ♚:d8+ ♜e6
32. ♚e8+ ♜f6 33. ♚e5+. Черные сдались.

После 33... ♚e5 34.de+ ♜e5 35. ♜f3 пешечный эндшпиль выигрывается элементарно.

В последнем туре этого соревнования я играл с Юрой Гусевым. При ничьей мы бы делили 1-2-е места. Он сказал: «Давай сделаем ничью и будем играть матч на сцене». Я отказался, Юра выиграл в разгромном стиле, а мастер А. Рабинович опубликовал партию в «Вечерней Москве». Мне оставалось утешаться тем, что дали первую категорию. Тогда это было важно, потому что умные дяди запрещали школьникам играть в квалификационных турнирах вместе со взрослыми.

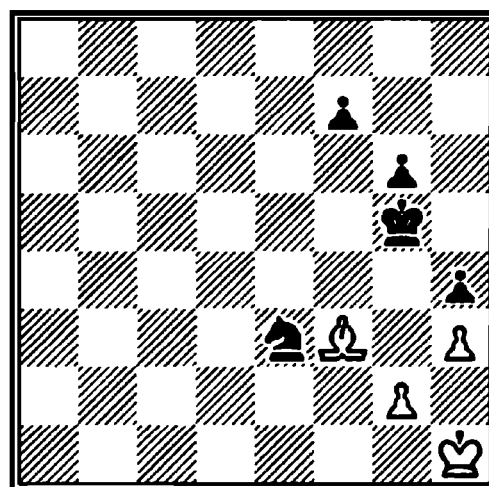
Еще вручили грамоту городского спорткомитета за 2-е место. Там было написано: «Мише Бейлину...». Мне это не понравилось: все-таки уже 17 лет.

Зато позже, через многие десятки лет, когда друзья и просто знакомые называли Мишей, я никогда не обижался.

Конь хитрее

«Слон сильнее, зато конь хитрее» — так определил юный шахматист Вадим в далекие годы, когда мы занимались шахматами на Стадионе юных пионеров. Я вспомнил об этом, когда собрался привести позицию на диаграмме. Она случилась в партии из полуфинала первенства СССР в 1949 г. в Москве.

М. Бейлин

И. Лысков

Был ход белых. Я намеревался продолжать борьбу. К моему удивлению, один весьма уважаемый и высокотилованный шахматист сказал, когда Лысков думал, а я прогуливался, что вроде бы я напрасно стараюсь, все равно ничья. Мне же выигрыш казался очевидным, хотя я был слабее оппонента в понимании эндшпиля, да и вообще... Игра продолжалась.

66. ♖g1 ♖f4 67. ♖f2 ♜f5 68. ♜b7
 ♜d6 69. ♜d5 ♜e4+ 70. ♖g1 f6
 71. ♜c6 ♖e3 72. ♜e8 g5 73. ♜d7
 ♖e2 74. ♜c8 ♜g3.

План черных прямолинеен: пешки расположить на черных полях (сделано), белого короля загнать в угол и потом таранить лишней пешкой f.

75. ♜d7 ♖e1 76. ♜c8 ♜e2+
 77. ♖h2 ♖f2 78. ♜d7 ♜d4.

«Сильный» слон в игре не участвует, он просто бродит по пустым полям.

79. ♖h1 f5 80. ♜e8 f4 81. ♜d7 f3
 82. gf ♜:f3.

Теперь слон даже вреден. Не будь его, был бы пат.

83. ♜g4 ♖g3 84. ♜f5 ♜d4.

Осталось коню прискакать на поле f4 и забрать последнюю белую пешку.

85. ♜g4.

Не пуская коня на f4 через поля e2 и e6.

85... ♜c2 86. ♖g1 ♜e1 87. ♜e2
 ♜g2. Белые сдались.

Маневр 88... ♜f4 89... ♜:h3
 90... ♜f2 и далее h4-h3-h2-h1 ♚
 неотвратим.

* * *

Маленькое отступление. 3 июля 1941 года встретил я Вадима на станции Сухиничи. Наш эшелон со студентами, которых везли из Москвы на запад копать противотанковые рвы и эскарпы, немножко застрял. Ехали, между прочим,

многие тысячи студентов и даже школьников-старшекласников. У Вадима оказались шахматы.

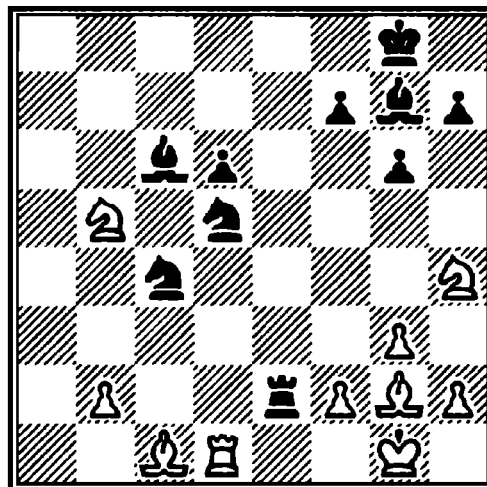
Был солнечный летний день. Из стационарного громкоговорятеля доносилась речь Сталина, ставшая знаменитой. «Братья и сестры...» — впервые обратился к своему народу вождь.

Кончили партию. Я купил за три рубля стакан сметаны (стипендия была 200 р. в месяц). В Сухиничах было тихо. А немцы наступали. Но казалось, что война ненадолго и победа будет, конечно, за нами.

Только слоны и кони

В партии с Ю. Гусевым (турнир, посвященный 40-летию Советской Армии, Москва, 1958) после оживленной игры мы разменяли тяжелые фигуры и возникло занятное и редкое окончание, где боролись только легкие фигуры — четыре на четыре.

М. Бейлин

Ю. Гусев

22. ♖f1?

Можно было пойти на упрощения: 22. ♖:d5 ♖:d5 23. ♜:d5 ♜e1+ 24. ♘g2 ♜:c1 25. ♘:d6 ♘:d6 26. ♜:d6 ♖:b2.

Однако Юрий Гусев — большой любитель осложнений — переоценил свои шансы.

22... ♜c2 23. ♖d3 ♘:b2 24. ♖:c2 ♘:d1 25. ♘a7.

Белые стараются отыграть пешку и при этом выключают свои фигуры из игры. Следовало продолжать 25. ♖:d1 ♖:b5 и обороняться.

25... ♘1c3 26. ♖a3 ♖d7 27. ♖:d6 ♖d4 28. ♖b8 ♘b4.

Пешек поровну, но конь a7 и слон b8 в жалком положении. Черные легкие фигуры, напротив, оккупировали центр.

29. ♖b3 ♘a6 30. ♘f3 ♘e2+ 31. ♘f1 ♘:b8. Белые сдались.

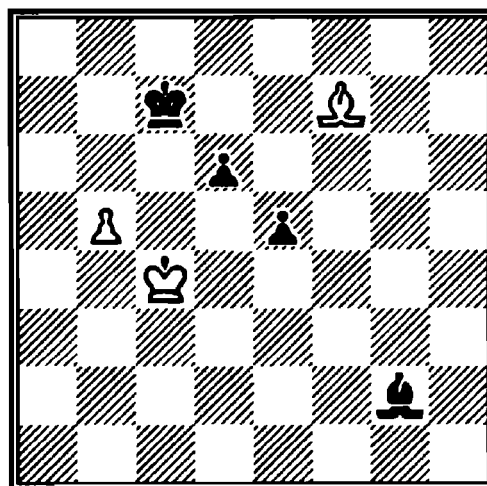
Пляска легких фигур окончена, но у черных на одну больше.

Самостоятельная пешка

Позиция на диаграмме случилась в первенстве Тюменской области в 1959 г., где вне конкурса играли мастера Я. Эстрин, Я. Юхтман и я.

Партия была прервана. Участники турнира рассматривали такие варианты:

М. Бейлин

Ю. Михайлович

65. ♘b4 (записанный ход) 65... ♘b6 66. ♘c4 ♖f1+ 67. ♘d5 ♘c7 68. b6+ ♘d7, и белые добиваются ничьей — 69. ♖e8+!! (ничего не дает 69. ♖e6+ из-за 69... ♘e7 70. b7 ♖g2+) 69... ♘e7 70. ♘c6 ♖g2+ 71. ♘c7 ♘:e8 72. ♘:d6, и черные теряют последнюю пешку — на 72...e4 следует 73. b7.

Полагали, что будет ничья. Однако при доигрывании партия продолжалась 65... ♖f1 66. ♘a5 (угрожало 66... ♘b6) 66...e4!

Оказывается, пешка неуязвима.

67. b6+ ♘b8 68. ♘b4 e3! 69. ♘c3 ♘b7. Белые сдались.

К пешке e3 король не может подойти (♘d4, конечно, не в счет), черный король забирает пешку b6 и идет на помощь своим проходным.

Послесловие

Окончился двадцатый век, золотой век шахмат. Остались в истории захватывающие состязания, впечатляющие творческие достижения. Расцвела шахматная литература, а компьютер стал играть в гроссмейстерскую силу.

Давид Бронштейн заключил свою статью в «64-Шахматное обозрение» №6/2000 г. абзацем, похожим на эпитафию: «Как ни грустно, дни шахмат как интересной игры, видимо, сочтены. Но не надо винить за это компьютер. Шахматисты сами вырыли себе яму, когда вознамерились алгеброй поверить гармонию божественной игры. Началось с кустарного «Хандбуха», продолжилось в поставленных на научную основу энциклопедиях и логично завершилось тотальными базами данных. Направив шахматы по электронно-вычислительному пути, мы сами у себя отняли радость творчества».

Не в первый раз шахматам предрекают гибель. В свое время толковали о ничейной смерти, но она не состоялась. Правда, когда появился на свет божий «Информатор», память шахматиста стала играть большую роль по сравнению с интуицией, комбинационным талантом. Стиль многих мастеров стал нивелироваться. Появились, как метко заметил Тигран Петросян, «дети Информатора». Больше стало шахматистов, не согласных с призывом «Бери талантом, а не домашним вариантом». Однако неуклонно росло число шахматистов и соревнований.

Конечно, компьютерная угроза шахматам стала покрепче. Под ее напором меняются регламенты и формы соревнований. Не меняется, однако, естественное человеческое стремление к Игре, к интеллектуальному состязанию. Компьютер может победить отдельного человека, но победить шахматы ему, пожалуй, не по зубам. Играть будут.

Первую половину века на шахматном Олимпе правилами борьбы за титул чемпиона мира самодержавно распоряжались шахматные короли. Во второй половине их власть ограничила Международная шахматная федерация. Тринадцатый чемпи-

он мира Гарри Каспаров восстал против ФИДЕ. Возникали и исчезали новые ассоциации, союзы, но предрекаемой гибели ФИДЕ не произошло. У ФИДЕ есть, разумеется, свои проблемы, но есть и признание шахматистов множества стран. Самый серьезный недостаток — мало денег. Но ведь у денег есть такое врожденное свойство — их почти всегда не хватает.

В последний год века тринадцатый чемпион мира Гарри Каспаров проиграл матч **Владимиру Крамнику**.

Появилась надежда, что смута в шахматном мире может закончиться.

Сложные отношения у шахматистов были всегда. Это неизбежно. Не надо только забывать прекрасный девиз ФИДЕ «Генс уна сумус».

Содержание

I. Гиганты и спутники	6	
Ботвинник	Прелюдия	7
	Вокруг солнца 80 раз	10
	Эпоха	30
Эйве	Гармоничный человек	37
Керес	Прелюдия	44
	Эталон	45
	Последняя партия Кереса	51
Смыслов	Постоянство	53
Таль	Прелюдия	60
	Невероятный, будто инопланетянин	62
Петросян	Далекое близкое	69
	Прощание с Тиграном	74
Спасский	Прелюдия	84
	Первый спортсмен	86
	Тот самый день	95
Фишер	Обыкновенное чудо	105
Карпов	«Трудоголик»	113
	Против «претендента»	115
Каспаров	Ниспровергатель	123
Майзелис	Сосед	130
Верлинский	Первый гроссмейстер СССР	136
Левенфиш	Горе от ума?	140
Романовский	Воля к жизни	144
Панов	Прелюдия	151
	Одинокий рыцарь	152
Флор	Запад есть Запад... ..	159
Толуш	«Вперед, Казимирыч!»	169
Котов	Бодрый разумом	175
Кобленц	Прелюдия	184
	Не оставляйте стараний, маэстро	185

Чукаев	«Обнакновенный мастер»	192
Болеславский	Хмурость мудреца	199
Симагин	Прелюдия	205
	Вместо предисловия	208
Фурман	Неторопливый	217
Авербах	Отличник шахматной школы	221
Бронштейн	Прелюдия	228
	Генератор идей	230
Геллер	Гроза королей	240
	Только начало	242
Тайманов	Дважды профессионал	250
Корчной	Что рождает силу?	257
Штейн	Замысловатая кривая успеха	267
Гуфельд	Беспокойная душа	274
Эстрин	Очень неповторимый	284
II. Коллеги, приятели, друзья		289
Кондратьев, Головкин, Бондаревский, Стольберг, Эбралидзе, Равинский, Кан, Рагозин, Тарасов, Дуз-Хотимирский, А. Рабинович, А. Поляк, Рюмин, Юхтман, Загорянский, Юдович, Чеховер, Каспарян, Константинопольский, Чистяков, Полугаевский, Люблинский, Липницкий, Романов, Рохлин, Наглис, Бонч-Осмоловский, Бастриков, Загоровский, Гольдберг, Баранов		
III. Приятные воспоминания		324
Партии. БЕЙЛИН — Заноздра, Тарасов —, —Аронин, —Хасин, Бонч-Осмоловский —, Фридштейн—, Равинский—, —Константинопольский, —Микенас, —Бывшев, —Баранов, —Гольдберг, —Антошин, Столяр—, Бывшев—, Лисицын—, —Гусев, Штейн—, Бейлин, Загорянский, Фридштейн —, Бронштейн, Левенфиш (консультационная партия), Юхтман—, —Чистяков, —И. Зайцев		
Окончания —Симагин, —Нежметдинов, —Панов, —Лившин, —Лившин, —Волович, —Звирбулис, —Будо, —П. Троицкий, Лысков—, Михайлович—		
Послесловие		352

У ч е б н о е и з д а н и е

Михаил Абрамович БЕЙЛИН

МОИ ВСТРЕЧИ В ШАХМАТНОМ КОРОЛЕВСТВЕ

Редактор *Ф. Малкин*

Художественный редактор *А. Литвиненко*

Разработка и оформление серии *Е. Пермяков*

Компьютерная верстка *О. Скляр*

Телефоны отдела реализации:

**Тел./факс: (095) 265-80-71,
(095) 755-57-35**

E-mail: olimppress@yandex.ru

www.terrasport.ru

ЛР № 04276 от 15.03.2001 г.

Гигиеническое заключение на продукцию

№ 77.99.02.953.Д.007293.12.01 от 13.12.2001 г.

Подписано в печать 01.09.2003. Бумага офсетная. Формат 60х90/16.

Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,25.

Тираж 1000 экз. Изд. № 68.

Заказ № 722

Издательство «Терра-Спорт»

107078, Москва, Рязанский пер., 3, оф.207.

Отпечатано в ООО

типографии «ПОЛИМАГ»

127247, Москва, Дмитровское шоссе, 107

Михаил Абрамович Б Е Й Л И Н

Книга известного шахматного мастера, международного арбитра и заслуженного тренера России рассчитана на внимание тех, кто интересуется шахматами, их историей.

Автор, хорошо знакомый с героями книги, написал об их характерных чертах и роли в расцвете шахматного искусства в XX веке, золотом веке древней игры.

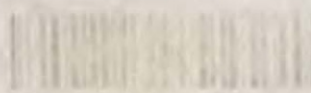
Портреты гроссмейстеров иллюстрированы ограниченным числом сыгранных партий, подобранных с хорошим вкусом.

ISBN 5-93127-233-X

9 785931 272337

 OZON
АНТИФЕТ МАГАЗИН

27-3675-4

www.ozon.ru

С П О Р Т

ESS